

Проверено 1984

Иванов И.И.

-- МАЯ 2009

ПРОВЕРЕНО
2000 г.

СПбГУ

1716

С176Г

СП6ГУ

ЖУРНАЛЪ МИНИСТЕРСТВА ЮСТИЦІИ.

ГОДЪ ПЯТЫЙ

№ 10.

ДЕКАБРЬ

1899.

Типографія Правительствующаго Сената.

1899.

СП6ГУ

1716

ЖУРНАЛЪ
МИНИСТЕРСТВА
ЮСТИЦІИ.

ГОДЪ ПЯТЫЙ

№ 10.

ДЕКАБРЬ

1899.

Типографія Правительствующаго Сената.

1899.

1911

КЪРПАЛЪ

МНННСТЕРСТВА

ИСТНИН

1911

ОГЛАВЛЕНІЕ

1. Законодательство:	
А. Собрание узаконеній и распоряженій правительства	1
Б. Сборникъ постановленій Великаго Княжества Финляндскаго	13
2. Извлечение изъ Высочайшихъ приказовъ по гражданскому вѣдомству	15
3. Приказы по вѣдомству Министерства Юстиціи	25
4. Ифляндъ, П. А. Коронный судъ на Кавказѣ и судъ присяжныхъ	1
5. Павловскій, І. Е. Мѣры пресѣченія способовъ уклоняться отъ слѣдствія и суда	18
6. Гейне, А. Н. О юридической природѣ бумагъ на предьявителя	34
7. Безобразовъ, С. В. О неофитахъ	53
8. Назаринъ, М. М. Эльмирская реформаторія	61
9. Бѣляевъ, П. И. Источники древнерусскихъ законодательныхъ памятниковъ (окончаніе)	79
10. Хроника:	
I. По поводу примѣненія статей 140 и 143 улож. наказ. II. А. Ифлянда	122
II. Кассачія оправдательныхъ приговоровъ. С. Ф. Мальцева	127
III. Нѣсколько словъ объ отчужденіи крестьянскихъ усадебъ въ губерніяхъ Варшавскаго судебного округа. Д. Сташевскаго	141
IV. О производствѣ дѣлъ о несостоятельности. А. Остроградскаго	149
V. О преподаваніи гражданского права въ университетахъ. К. Г. Высоцкаго	154
VI. Къ вопросу о реформѣ судебно-межеваго процесса. М. Дурасова	159
VII. Изъ дѣятельности юридическихъ обществъ	163

11. Къ вопросу о сохраненіи водныхъ богатствъ. *М. М. Рейнке*. 182
12. Историческіе матеріалы. *Сообщилъ Г. К. Ръпинскій* . . . 207
Домъ практическаго правовѣднія.
13. Письма изъ Парижа. II. *Шарль Ламберъ* 230
14. Литературное обозрѣніе 242
- 1) И. Я. Фойницкій, На досугъ. Сборникъ юридическихъ статей и изслѣдованій съ 1870 года. Т II—А. *Жижиленко*. 2) Н. В. Рейнгагартъ. Необходимая оборона.—Г. *Евангулова*. 3) Волостной судъ, преобразованный по закону 2 іюня 1898 г. Практическое руководство. Составилъ Предсѣдательствующій въ Тобольскомъ уѣздномъ сѣздѣ крестьянскихъ начальниковъ Н. Новомбергскій.—Ч. 4) Уставъ о пошлинахъ (Свод. зак. т. V) съ разъясненіями Правительствующаго Сената. Изданіе второе, исправленное и дополненное позднѣйшими узаконеніями и разъясненіями. Составилъ С.-Петербургскій нотаріусъ А н и с и м о в ъ.—С. 5) Списокъ поступившихъ въ редакцію книгъ и брошюръ.
15. Библиографія. Указатель юридической литературы . . . 268
16. Сводное оглавленіе Журнала Министерства Юстиціи за 1899 годъ 305
17. Объявленія . . . . . I—XLVIII и I—XVI

ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО.

А. СОБРАНИЕ УЗАКОНЕНИЙ И РАСПОРЯЖЕНИЙ ПРАВИТЕЛЬСТВА.

1899. № 130, X, 19; № 131, X, 22; № 132, X, 26; № 133, X, 29; № 134, XI, 2; № 135, XI, 4; № 136, XI, 5; № 137, XI, 9; № 138, XI, 11; № 139, XI, 12; № 140, XI, 16; № 141, XI, 18; № 142, XI, 19; № 143, XI, 23; № 144, XI, 25; № 145, XI, 26; № 146, XI, 30.

І. Узаконенія, подлежащія внесенію въ Сводъ Законовъ.

Т. І, ч. 2. Учр. Орден. № 137, ст. 2145. Выс. пов. Обь утвержденіи положенія и рисунка знака отличія Краснаго Креста.

Т. VII. Уст. Горн. № 133, ст. 2116. Пол. Ком. Мин. Обь утвержденіи: 1) правилъ продажи и покупки шлиховаго золота между золотопромышленниками и 2) инструкціи для веденія бланковыхъ книгъ для выдачи провозныхъ свидѣтельствъ на золото и обь измѣненія инструкціи для веденія шпуровыхъ книгъ для записыванія золота ¹⁾.

¹⁾ Въ Уставѣ Горномъ должно быть помѣщено лишь указаніе на Высочайше предоставленное Министру Земледѣлія и Государственныхъ Имуществъ право установить означенныя правила продажи и покупки шлиховаго золота. Но самыя эти правила, а также приложенная къ нимъ инструкція, какъ утвержденныя властью Министра, не подлежатъ внесенію въ Сводъ Законовъ.

II. УЗАКОНЕНІЯ, НЕ ПОДЛЕЖАЩІЯ ВНЕСЕНІЮ ВЪ СВОДЪ ЗАКОНОВЪ.

По вѣдомству Государственной Канцеляріи. № 143, ст. 2220. Выс. пов. О новомъ изданіи Устава о Земскихъ Повинностяхъ. № 143, ст. 2221. Выс. пов. Объ изданіи шестнадцатаго тома третьяго Полнаго Собранія Законовъ.

По вѣдомству Министерства Военнаго. № 136, ст. 2135. Пол. Ком. Мин. О продленіи дѣйствія усиленной охраны въ г. Ташкентѣ, въ Ферганской и Самаркандской областяхъ и въ Ташкентскомъ, Чимкентскомъ и Аулиеатинскомъ уѣздахъ, Сыръ-Дарьинской области. № 136, ст. 2136. Пол. Воен. Сов. О реорганизаціи резервной и запасной артиллеріи. № 139, ст. 2163. Пол. Воен. Сов. Объ утвержденіи положенія о клиникѣ душевныхъ и нервныхъ болѣзней.

По вѣдомству Министерства Внутреннихъ Дѣлъ. № 140, ст. 2170. Выс. пов. Объ учрежденіи знака Краснаго Креста и объ утвержденіи положенія о семь знакахъ.

По вѣдомству Министерства Земледѣлія и Государственныхъ Имуществъ. № 142, ст. 2210. Выс. пов. Объ утвержденіи описанія и рисунковъ формы одежды для учащихся Екатеринбургскаго высшаго горнаго училища.

По вѣдомству Министерства Народнаго Просвѣщенія. № 140, ст. 2171. Выс. пов. О передачѣ женскаго училища имени Пospолитани въ Екатеринбургѣ въ вѣдомство учреждений Императрицы Маріи № 140, ст. 2172. Выс. пов. Объ учрежденіи въ городѣ Минскѣ женской гимназіи Министерства Народнаго Просвѣщенія.

По вѣдомству Министерства Финансовъ. № 138, ст. 2154. Выс. пов. О причисленіи къ специальнымъ средствамъ акцизнаго управленія Люблинской, Радомской и Бѣлецкой губерній капитала на стипендіи имени дѣйствительнаго статскаго совѣтника Николая Степановича Гатцука. № 141, ст. 2181. Выс. пов. О присвоеніи должностямъ окружныхъ фабричныхъ инспекторовъ формы одежды, установленной для фабричныхъ ревизоровъ.

По вѣдомству учреждений Императрицы Маріи. № 140, ст. 2169. Выс. пов. Объ установленіи знака и жетона для лицъ, сдѣлавшихъ пожертвованія въ пользу заведеній С.-Петербургскаго совѣта дѣтскихъ пріютовъ.

По вѣдомству Православнаго Исповѣданія. № 140, ст. 2167. Выс. пов. Объ утвержденіи устава миссіонерскихъ курсовъ въ городѣ Казани. № 140, ст. 2168. Выс. пов. О наименованіи женской церковно-

приходской школы при Покровской церкви села Боброва, Рыльского уезда, Курской епархии, Александринского.

По двамъ частныхъ лицъ, обществъ и установлений. № 130, ст. 2083. Пол. Соед. Присут. Ком. Мин. и Деп. Гос. Эконом. Обь утверждениі условій постройки и эксплуатаціи Петроковско-Сулеевскаго узкоколейнаго подъезднаго пути. № 130, ст. 2084. Пол. Соед. Присут. Ком. Мин. и Деп. Гос. Эконом. О предоставленіи инженеру Верховскому сооруженія и эксплуатаціи электрическаго подъезднаго пути въ предѣлахъ С.-Петербургской губерніи и уезда отъ Ланскаго шоссе до деревни Южки, съ вѣтвью отъ Поклонной горы до села Спаскаго, и обь утверждениі условій означенной постройки. № 131, ст. 2088. Пол. Ком. Мин. Обь образованіи учрежденій взаимопомощи: а) рода бароновъ фонъ-Драхенфельсъ и б) рода бароновъ Вольфъ изъ дома Ней-Лайценъ. № 132, ст. 2112. Пол. Ком. Мин. Обь утверждениі устава акціонернаго общества Чернавскаго пивовареннаго завода въ Воронежѣ. № 132, ст. 2113. Пол. Ком. Мин. Обь утверждениі устава Потійско-Чіатурскаго марганцево-горнопромышленнаго и металлургическаго общества. № 133, ст. 2114. Пол. Ком. Мин. Обь утверждениі устава товарищества Ивановской суконной фабрики С. М. Попова. № 133, ст. 2115. Пол. Ком. Мин. Обь утверждениі устава товарищества торговли артельными и кустарными товарами „Союзъ“. № 134, ст. 2118. Пол. Ком. Мин. Обь утверждениі Анапскаго нефтепромышленнаго общества. № 134, ст. 2119. Пол. Ком. Мин. Обь утверждениі устава русско-балтійскаго акціонернаго общества нефтеперегоннаго завода „А. Эльрихъ и К°“. № 134, ст. 2120. Пол. Ком. Мин. Обь утверждениі устава акціонернаго общества химическихъ заводовъ „Стремъ“. № 134, ст. 2121. Пол. Ком. Мин. Обь утверждениі устава акціонернаго общества кирпичныхъ заводовъ „Пилява“. № 135, ст. 2123. Пол. Ком. Мин. Обь утверждениі устава акціонернаго общества по постройкѣ домовъ въ Ревелѣ. № 135, ст. 2124. Пол. Ком. Мин. Обь утверждениі устава акціонернаго общества Двинскаго лѣсопильнаго и лѣсообдѣлочнаго завода Эмиля Коварскаго. № 135, ст. 2125. Пол. Ком. Мин. Обь утверждениі устава Бендинскаго акціонернаго общества. № 135, ст. 2126. Пол. Ком. Мин. Обь утверждениі устава товарищества мануфактуръ братьевъ Тарасовыхъ. № 136, ст. 2132. Пол. Ком. Мин. Обь утверждениі устава Восточнаго золотопромышленнаго общества. № 136, ст. 2133. Пол. Ком. Мин. Обь утверждениі устава общества для производства силикатнаго кирпича и другихъ строительныхъ матеріаловъ. № 136, ст. 2134. Пол. Ком. Мин. Обь утверждениі устава Одесскаго общества производства домо-

строительныхъ матеріаловъ. № 137, ст. 2142. Пол. Ком. Мин. Обь утвержденіи устава товарищества механической обработки дерева „Д. В. Дудаковъ и Ко“. № 137, ст. 2143. Пол. Ком. Мин. Обь утвержденіи устава Московскаго общества для сооруженія и эксплуатаціи подъѣздныхъ желѣзныхъ путей въ Россіи. № 137, ст. 2144. Пол. Соед. Присут. Ком. Мин. и Деп. Гос. Эконом. Обь утвержденіи условій постройки и эксплуатаціи Звенигородскаго подъѣзднаго пути. № 138, ст. 2151. Пол. Ком. Мин. Обь утвержденіи устава акціонернаго общества химическаго и виноградо-водочнаго заводовъ И. Д. Мазура въ Бишиневѣ. № 138, ст. 2152. Пол. Ком. Мин. Обь утвержденіи устава Бакинскаго торгово-промышленнаго общества „Рись-Петроль“. № 138, ст. 2153. Пол. Ком. Мин. Обь утвержденіи устава южно-русскаго общества кирпичныхъ и черепичныхъ заводовъ. № 139, ст. 2161. Пол. Ком. Мин. Обь утвержденіи устава акціонернаго общества шелкомателенъ и шелкокрутиленъ на Кавказѣ Д. Г. Арунянцъ. № 139, ст. 2162. Пол. Ком. Мин. Обь утвержденіи устава товарищества Преображенской суконной фабрики „Теодора Котова сыновья“ въ Москвѣ. № 140, ст. 2164. Пол. Ком. Мин. Обь утвержденіи устава товарищества свеклосахарнаго и рафинаднаго завода „Яготинское“. № 140, ст. 2165. Пол. Ком. Мин. Обь утвержденіи устава акціонернаго общества богемскаго хрустальнаго завода „Воропья Гора“. № 140, ст. 2166. Пол. Ком. Мин. Обь утвержденіи устава акціонернаго общества „Прометей“. № 141, ст. 2177. Пол. Ком. Мин. Обь утвержденіи устава акціонернаго общества „Амило“. № 141, ст. 2178. Пол. Ком. Мин. Обь утвержденіи устава общества Одесскаго физио-терапевтическаго заведенія. № 141, ст. 2179. Пол. Ком. Мин. Обь утвержденіи устава южно-русскаго общества механическихъ паровыхъ прачешныхъ заведеній „Гигіена“. № 141, ст. 2180. Пол. Ком. Мин. Обь утвержденіи устава акціонернаго общества маслобойнаго, мыловареннаго и крахмальнаго заводовъ „Танаисъ“ въ Таганрогѣ. № 142, ст. 2206. Пол. Ком. Мин. Обь утвержденіи устава акціонернаго общества цементнаго и кирпично-гончарнаго производствъ „Керамика“. № 142, ст. 2207. Пол. Ком. Мин. Обь утвержденіи устава акціонернаго общества „Эврика“ для выдѣлки обыкновеннымъ и механическимъ способами бутылокъ. № 142, ст. 2208. Пол. Ком. Мин. Обь утвержденіи устава общества для доставленія электрической энергіи „Пособникъ“. № 142, ст. 2209. Пол. Ком. Мин. Обь утвержденіи устава новаго строительнаго общества. № 143, ст. 2215. Пол. Ком. Мин. Обь утвержденіи устава товарищества кирпичныхъ заводовъ И. П. Воропина. № 143, ст. 2216. Пол. Ком. Мин. Обь утвер-

ждения устава товарищества табачно-махорочной фабрики и свинцово-бѣлильнаго завода „Наслѣдники Николая Андреевича Вахрамѣева“. № 143, ст. 2217. Пол. Ком. Мин. Объ утвержденіи устава акціонернаго общества „русскіе судостроительные, машиностроительные и механическіе заводы“. № 143, ст. 2218. Пол. Ком. Мин. Объ утвержденіи устава Апшеронскаго электрическаго общества. № 143, ст. 2219. Пол. Ком. Мин. Объ утвержденіи устава акціонернаго общества Биби-Эйбатскаго механическаго завода и производства буровыхъ работъ. № 144, ст. 2227. Пол. Ком. Мин. Объ утвержденіи устава нефтепромышленнаго и торговаго общества „Бакунитъ“. № 144, ст. 2228. Пол. Ком. Мин. Объ утвержденіи устава нефтепромышленнаго общества „Газбегъ“. № 144, ст. 2229. Пол. Ком. Мин. Объ утвержденіи устава Невскаго домовладѣльческаго общества. № 144, ст. 2230. Пол. Ком. Мин. Объ утвержденіи устава Караунджскаго нефте-горнопромышленнаго и торговаго общества. № 144, ст. 2231. Пол. Ком. Мин. Объ утвержденіи устава акціонернаго общества Эгержской хлопчатобумажной мануфактуры. № 145, ст. 2241. Пол. Ком. Мин. Объ утвержденіи устава акціонернаго общества для производства строительныхъ матеріаловъ „Полифемъ“. № 145, ст. 2242. Пол. Ком. Мин. Объ утвержденіи устава товарищества мануфактуръ „Братья Кауленъ и Кость“. № 145, ст. 2243. Пол. Соед. Присут. Ком. Мин. и Деп. Гос. Эконом. Объ утвержденіи условій сооруженія и эксплуатаціи обществомъ загородныхъ недвижимостей и дорогъ Токсовскаго подъѣзнаго пути. № 146, ст. 2247. Пол. Ком. Мин. Объ утвержденіи устава товарищества мѣховой и конфекціонной торговли П. Шульцъ и К°. № 146, ст. 2248. Пол. Ком. Мин. Объ утвержденіи устава акціонернаго общества фабрики суперфосфатовъ и химическихъ продуктовъ „Стржемешце“. № 146, ст. 2249. Пол. Ком. Мин. Объ утвержденіи устава акціонернаго общества „Адольфъ Вейсманъ и К°“. № 146, ст. 2250. Пол. Ком. Мин. Объ утвержденіи устава акціонернаго общества Варшавской паровой мельницы. № 146, ст. 2251. Пол. Ком. Мин. Объ утвержденіи устава Пабяницкаго акціонернаго общества химической промышленности.

III. ОПРЕДЕЛЕНІЕ ПРАВИТЕЛЬСТВУЮЩАГО СЕНАТА.

№ 136, ст. 2137. По вопросу о томъ, пользуются ли по закону 4 мая 1891 года попечители школъ грамоты изъ крестьянъ въ губерніяхъ Царства Польскаго преимуществами, предоставленными должностнымъ лицамъ волостнаго и сельскаго управленія въ Имперіи.

1899 года февраля 17 дня. По указу Его Императорскаго Величества, Правительствующій Сенатъ слушали: рапортъ Министра Внутреннихъ Дѣлъ отъ 13 августа 1898 г. за № 2629, коимъ испрашиваетъ разрѣшеніе по вопросу о томъ, пользуются ли по закону 4 мая 1891 года попечители школъ грамоты изъ крестьянъ въ губерніяхъ Царства Польскаго преимуществами, предоставленными должностнымъ лицамъ волостнаго и сельскаго управленія въ Имперіи. Приказали: Министръ Внутреннихъ Дѣлъ, въ рапортѣ за № 2629, изложилъ, что Оберъ-Прокуроръ Святѣйшаго Синода сообщилъ ему, что, по допесенію Холмско-Варшавскаго Епархіальнаго Училищнаго Совѣта, административныя власти въ губерніяхъ Люблинской, Сѣдлецкой и Сувалкской (Августовскій уѣздъ), въ коихъ учреждены школы грамоты на основаніи правилъ, Высочайше утвержденныхъ 4 мая 1891 г., отказываютъ попечителямъ этихъ школъ въ пользованіи преимуществами, означенными въ 3 прим. къ ст. 124 Общ. Пол., Особ. Прил. Зак. Сост., по прод. 1891 г., въ виду того обстоятельства, что въ Привислянскомъ краѣ существуютъ не волостныя и сельскія, а гминныя управленія. Вслѣдствіе сего и имѣя въ виду, что, на основаніи упомянутыхъ правилъ о школахъ грамоты, попечители этихъ школъ пользуются преимуществами, кои предоставлены должностнымъ лицамъ волостнаго и сельскаго управленія вообще, независимо отъ мѣстности и наименованія должности, Оберъ-Прокуроръ Святѣйшаго Синода просилъ его, Министра Внутреннихъ Дѣлъ, дать подлежащимъ административнымъ властямъ соответствующія по настоящему дѣлу указанія. Находя, съ своей стороны, что попечители школъ грамоты изъ крестьянъ въ губерніяхъ Царства Польскаго должны пользоваться преимуществами, предоставленными попечителямъ школъ грамоты закономъ 4 мая 1891 г., и что разрѣшеніе сего вопроса, въ дѣлахъ единообразнаго примѣненія пар. 12 Высочайше утвержденныхъ 4 мая 1891 года правилъ, можетъ послѣдовать лишь въ порядкѣ, указанномъ въ п. 6 ст. 19 Учр. Прав. Сен. и п. 6 ст. 176 Учр. Мин., Министръ Внутреннихъ Дѣлъ представилъ объ изложенномъ на благоусмотрѣніе Правительствующаго Сената. Разсмотрѣвъ вышеизложенное, Правительствующій Сенатъ находитъ, что для разрѣшенія возбужденнаго вопроса надлежитъ обратиться къ постановленіямъ, содержащимся въ пун. 1 ст. 124 Общаго о крестьянахъ Положенія 19 февраля 1861 года, въ статьѣ 84 Высочайшаго Указа 19 февраля 1864 года объ устройствѣ сельскихъ гминъ и въ пар. 12 правилъ 4 мая 1891 г. о школахъ грамоты. Въ первомъ изъ этихъ узаконеній, имѣющемъ общее для Имперіи значеніе, поста-

повлено, что „всѣ назначаемыя, по выбору, должностныя лица, на время ихъ службы, увольняются лично отъ всякихъ натуральныхъ повинностей, которыя за нихъ принимаетъ на себя общество“. Такое же правило постановлено и во второмъ узаконеніи, относящемся до губерній Привислянскихъ и опредѣляющемъ, что „всѣ назначаемыя по выбору должностныя лица, на время ихъ службы, увольняются лично отъ всякихъ натуральныхъ повинностей, которыя за нихъ отбываются всѣми прочими членами гмины“. Установленное этими двумя законами преимущество службы въ должностяхъ по крестьянскому общественному управленію Высочайше утвержденныя 4 мая 1891 г. правила присвоили попечителямъ школъ грамоты изъ крестьянъ, указавъ въ пар. 12, что „попечители школъ грамоты изъ крестьянъ пользуются преимуществами, предоставленными должностнымъ лицамъ волостнаго и сельскаго управленія“, по не упомянувъ при этомъ о должностныхъ лицахъ управленія гминнаго въ губерніяхъ Царства Польскаго, равно какъ ограничившись въ текстѣ ссылкой на ст. 124 Общаго Положенія о крестьянахъ. Признавая, согласно заключенію Министра Внутреннихъ Дѣлъ, что такая редакціонная неточность въ правилахъ 4 мая 1891 г. не можетъ служить основаніемъ къ изъятію дѣйствія пар. 12 оныхъ попечителей школъ грамоты изъ крестьянъ въ губерніяхъ Царства Польскаго, которые, исполняя возлагаемыя на нихъ закономъ 4 мая 1891 г. обязанности, должны пользоваться и присвоенными должности ихъ по тому же закону преимуществами, Правительствующій Сенатъ *опредѣляетъ*: объ изложенномъ, въ разрѣшеніе рапорта за № 2629, Министра Внутреннихъ Дѣлъ увѣдомить указомъ, а для всеобщаго свѣдѣнія распубликовать настоящее опредѣленіе въ Собраніи узаконеній и распоряженій Правительства, для чего конторѣ Сенатской типографіи дать извѣстіе.

IV. Опредѣленіе Святѣйшаго Правительствующаго Синода.

№ 140, ст. 2173. Объ обращеніи Александро-Маріинской женской общины при деревнѣ Евлевой, Егорьевскаго уѣзда, Рязанской епархіи, въ женскій монастырь.

V. Распоряженія, предложенныя и объявленныя Правительствующему Сенату.

Министромъ Юстиціи. № 131, ст. 2089. Объ избраніи газетъ, печатаемыхъ на французскомъ и нѣмецкомъ языкахъ, для припеча-

танія въ 1900 году публикацій о вызовѣ къ суду и о заочныхъ рѣшеніяхъ ¹⁾. № 131, ст. 2090. О размѣрѣ подписной платы на 1900 годъ за вѣдомость справокъ о судимости ²⁾. № 131, ст. 2091. О назначеніи срока введенія въ дѣйствіе въ Квантунской области Судебныхъ Уставовъ Императора Александра II ³⁾. № 136, ст. 2138. О присоединеніи королевства Румыніи къ постановленіямъ заключенной въ Дрезденѣ ^{3/15} апрѣля 1893 года международной санитарной конвенціи ⁴⁾. № 141, ст. 2182. Объ утвержденіи положенія о двухъ стипендіяхъ имени покойной жены есаула Прасковьи Андреевны Бабичъ, въ Кубанскомъ Маріинскомъ женскомъ училищѣ ⁵⁾. № 141, ст. 2183. Объ утвержденіи положенія о стипендіяхъ имени потомственного почетнаго гражданина Михаила Парфентьевича Дегтерева въ Кіево-Подольской женской гимназіи ⁵⁾. № 141, ст. 2184. О новой таксѣ за судебно-химическія изслѣдованія. № 143, ст. 2222. Объ утвержденіи положенія о стипендіи имени Юлія Фердинандовича Функе въ Кіевской Фундуклеевской женской гимназіи ⁵⁾. № 143, ст. 2223. Объ утвержденіи положенія о стипендіи имени потомственной почетной гражданки Александры Александровны Кононовой въ С.-Петербургской Литейной женской гимназіи ⁵⁾. № 143, ст. 2224. Объ утвержденіи положенія о стипендіи имени графини Елисаветы Васильевны Орловой-Давыдовой въ пансіонѣ графини Левашевой, состоящемъ при Кіевской Фундуклеевской женской гимназіи ⁵⁾.

Министромъ Внутреннихъ Дѣлъ. № 133, ст. 2117. О включеніи трахомы въ число болѣзней, освобождающихъ отъ службы въ постоянныхъ войскахъ. № 135, ст. 2129. Объ учрежденіи въ принадлежащемъ отставному полковнику Тирану имѣніи при селѣ Богдановкѣ, Кирсановскаго уѣзда, должности конно-полицейскаго урядника. № 135, ст. 2130. Объ учрежденіи въ м. Смѣлѣ, Черкаскаго уѣзда, 11 должностей городскихъ. № 135, ст. 2131. Объ учрежденіи должностей конно-полицейскихъ урядниковъ: 1) на принадлежащемъ купцу Лукьянову желѣзномъ рудникѣ, находящемся въ дер. Усть-Бердышѣ, Чердынскаго уѣзда, и 2) на присахъ, расположенныхъ на р. Исѣ, въ

¹⁾ На сей предметъ избраны газеты „Journal de St-Petersbourg“ и „St-Petersburger Zeitung“.

²⁾ Подписная плата назначена въ размѣрѣ 8 рублей въ годъ за экземпляръ, считая въ томъ числѣ и расходъ за пересылку и доставку вѣдомости подписчикамъ.

³⁾ Таковымъ срокомъ назначено 20 декабря 1899 года.

⁴⁾ Относится къ вѣдомству Министерства Иностранныхъ Дѣлъ.

⁵⁾ Относится къ вѣдомству учреждений Императрицы Маріи.

предѣлахъ Нижне-Туринской волости, Верхотурскаго уѣзда. № 137, ст. 2150. Объ утвержденіи правилъ о порядкѣ разрѣшенія и устройства фабрикъ, лабораторій и особыхъ отдѣленій химическихъ заводовъ для изготовленія сложныхъ фармацевтическихъ препаратовъ, списка означенныхъ препаратовъ и правилъ объ освидѣтельствованіи названныхъ промышленныхъ заведеній, веденіи книгъ и ревизіи сихъ заведеній. № 142, ст. 2213. Объ учрежденіи въ принадлежащемъ вдовѣ гофмейстера графинѣ Мусиной-Пушкиной имѣніи с. Парутино, Одесскаго уѣзда, должности конно-полицейскаго урядника. № 142, ст. 2214. О продленіи срока для взноса денегъ за акціи акціонернаго общества для устройства и эксплуатаціи конно-жельзныхъ дорогъ въ Россіи.

Министромъ Земледѣлія и Государственныхъ Имуществъ. № 135, ст. 2128. О распредѣленіи горныхъ областей Россіи на горные округа по числу учрежденныхъ окружныхъ инженеровъ. № 137, ст. 2149. Объ утвержденіи устава Борисоглѣбскаго товарищества сельскихъ хозяевъ. № 138, ст. 2160. Объ утвержденіи устава и штата Томской низшей сельскохозяйственной школы 1 разряда, учрежденной на казенной оброчной статьѣ въ Томскомъ округѣ, Томской губерніи. № 144, ст. 2239. Объ измѣненіи устава ссудо-сберегательной и вспомогательной кассы служащихъ Кувинскаго округа нераздѣльнаго имѣнія графа Строганова, въ Пермской губерніи.

Министромъ Путей Сообщенія. № 130, ст. 2087. О присвоеніи капиталу, собранному въ память инженера путей сообщенія Дружинина имени сего послѣдняго. № 136, ст. 2140. О дополненіи росписанія контрольныхъ желѣзнодорожныхъ станцій Закаспійской линіи Средне-Азіатской желѣзной дороги. № 136, ст. 2141. О дополненіи росписанія контрольныхъ желѣзнодорожныхъ станцій. № 144, ст. 2240. Объ измѣненіи и дополненіи росписанія контрольныхъ желѣзнодорожныхъ станцій. № 146, ст. 2254. Объ утвержденіи таблицъ тарифныхъ постаціонныхъ разстояній для перевозки пассажировъ, багажа и грузовъ большой и малой скорости: 1) Средне-Сибирской желѣзной дороги и 2) отъ ст. Иркутскъ до всѣхъ станцій Средне-Сибирской желѣзной дороги. № 146, ст. 2255. О признаніи общества Мелекесскаго подъѣзнаго пути состоявшимся.

Министромъ Финансовъ. № 130, ст. 2085. Объ утвержденіи устава Рижскаго общества шкиперовъ дальняго плаванья. № 130, ст. 2086. Объ утвержденіи устава Московской артели портныхъ. № 131, ст. 2092. Объ утвержденіи устава сберегательно-вспомогательной кассы служащихъ товарищества шелковой мануфактуры въ Москвѣ. № 131,

ст. 2093. О продлении срока для собрания основного капитала русско-кавказского горнозаводского общества. № 131, ст. 2094. О продлении срока для собрания основного капитала Верхотурского платнопромышленного общества. № 131, ст. 2095. О продлении срока для собрания основного капитала товарищества парфюмерных производств „Василій Аурихъ“ въ С.-Петербургѣ. № 131, ст. 2096. Обь измененіи устава Рижскаго акціонернаго общества „Текстиль“. № 131, ст. 2097. О продлении срока для собрания основного капитала акціонернаго общества русскихъ аккумуляторныхъ заводовъ „Тюдоръ“. № 131, ст. 2098. О продлении срока для собрания основного капитала акціонернаго общества „Строитель“. № 131, ст. 2099. О продлении срока для собрания основного капитала товарищества Карповскаго свеклосахарнаго завода. № 131, ст. 2100. О продлении срока для собрания основного капитала нефтепромышленнаго товарищества „Карабулакъ“. № 131, ст. 2101. Обь измененіи устава общества желѣзныхъ и стальныхъ заводовъ „Скаржиско“. № 131, ст. 2102. О разрѣшеніи обществу Московско-Казанской желѣзной дороги выпустить облигаціи. № 131, ст. 2103. О продлении срока для собрания основного капитала акціонернаго общества для постройки домовъ въ городѣ Варшавѣ и другихъ городахъ Царства Польскаго. № 131, ст. 2104. О продлении срока для собрания основного капитала русскаго общества канализаціи, водоснабженія и ирригаціи „Триумфъ“. № 131, ст. 2105. Обь измененіи устава акціонернаго общества Вестингауза. № 131, ст. 2106. О продлении срока для собрания основного капитала акціонернаго общества заводовъ „Нептунъ и Вулканъ“. № 131, ст. 2107. Обь измененіи устава акціонернаго общества Либавской маслобойни, бывшей Килера. № 131, ст. 2108. О разрѣшеніи обществу Московско-Кіево-Воронежской желѣзной дороги выпустить облигаціи. № 131, ст. 2109. Обь обложеніи клеймильнымъ сборомъ чайныхъ мѣстъ, очищенныхъ таможенною пошлиною во Владивостокскомъ и Николаевскомъ на Амурѣ портахъ. № 131, ст. 2110. О продлении срока для собрания основного капитала акціонернаго общества сѣверной ткацкой мануфактуры. № 131, ст. 2111. Обь измененіи устава товарищества Нарвской льнопрядильной мануфактуры, бывшей льнопрядильной фабрики барона А. Л. Штиглица. № 134, ст. 2122. Обь утвержденіи устава Кіевского политехническаго института Императора Александра II. № 135, ст. 2127. Обь утвержденіи устава Кѣлецкаго общества взаимнаго кредита. № 136, ст. 2139. Обь утвержденіи устава Николаевской городской торговой школы, учреждаемой Николаевскою городскою думою. № 137, ст. 2146. Обь

утвержденіи устава Московскаго прядильно-ткацкаго училища при обществѣ для содѣйствія улучшенію и развитію мануфактурной промышленности. № 137, ст. 2147. Объ утвержденіи устава Рижскаго коммерческаго училища. № 137, ст. 2148. Объ избраніи на 1900 годъ газеты „Новое Время“ для публикацій о назначеніи заложенныхъ въ кредитныхъ учрежденіяхъ имуществъ въ продажу съ публичныхъ торговъ. № 138, ст. 2155. О продленіи срока для взноса денегъ, слѣдующихъ за пай товарищества Высочанской писчебумажной фабрики. № 138, ст. 2156. Объ измѣненіи устава Полтавскаго земельного банка. № 138, ст. 2157. Объ установленіи нормъ выходовъ спирта для садовладѣльческихъ неусовершенствованныхъ заводовъ въ Ставропольской губерніи и Терской и Кубанской областяхъ. № 138, ст. 2158. Объ измѣненіи устава товарищества Ярцевской мануфактуры бумажныхъ издѣлій Алексѣя Хлудова. № 138, ст. 2159. Объ утвержденіи устава Нижегородскаго городского кредитнаго общества. № 140, ст. 2174. О продленіи срока для собранія основнаго капитала товарищества Горбатовской писчебумажной фабрики Способина и Кротова. № 140, ст. 2175. Объ измѣненіи устава общества Тульскихъ мѣднопрокатныхъ и патронныхъ заводовъ. № 140, ст. 2176. Объ утвержденіи устава Бакинскаго купеческаго банка. № 141, ст. 2185. Объ измѣненіи устава Варшавскаго учетнаго банка. № 141, ст. 2186. Объ утвержденіи устава Кіевской артели портныхъ. № 141, ст. 2187. О продленіи срока для собранія основнаго капитала акціонернаго общества машиностроительнаго, котельнаго и чугунолитейнаго заводовъ, прежде „Э. Реймондъ“. № 141, ст. 2188. О продленіи срока для собранія основнаго капитала общества Одесскаго гвоздильно-проволочнаго завода. № 141, ст. 2189. О разрѣшеніи заимообразнаго отпуска гербовыхъ марокъ, на сумму 50 руб., для продажи Хорасанскому участковому управленію, Карсской области. № 141, ст. 2190. Объ измѣненіи устава товарищества русской мануфактуры ковровыхъ издѣлій. № 141, ст. 2191. Объ измѣненіи устава С.-Петербургскаго акціонернаго общества „Электрической Свѣтъ“. № 141, ст. 2192. Объ увеличеніи основнаго капитала товарищества Ташина желѣзодѣлительнаго завода. № 141, ст. 2193. О дополненіи росписи товарамъ, которыми не дозволяется торговать по промысловымъ свидѣтельствамъ на торговля предпріятія третьяго разряда. № 141, ст. 2194. Объ измѣненіи устава Астраханско-Красноярскаго общества взаимнаго кредита. № 141, ст. 2195. О продленіи срока для взноса денегъ, слѣдующихъ за акціи акціонернаго общества по постройкѣ домовъ съ дешевыми гигиеническими квартирами. № 141, ст. 2196. О продленіи

срока для взноса денегъ, слѣдующихъ за акціи Иркутскаго горно-заводскаго акціонернаго общества. № 141, ст. 2197. О продленіи срока для оплаты капитала по паямъ товарищества Могилянскаго свеклосахарнаго завода. № 141, ст. 2198. О продленіи срока для взноса денегъ, слѣдующихъ за акціи Варшавскаго строительнаго акціонернаго общества. № 141, ст. 2199. Объ измѣненіи устава Донскаго земельного банка. № 141, ст. 2200. Объ измѣненіи устава Бессарабско-Таврическаго земельного банка. № 141, ст. 2201. Объ измѣненіи устава Нижгородско-Самарскаго земельного банка. № 141, ст. 2202. Объ измѣненіи устава Благодарскаго портландъ-цементнаго завода. № 141, ст. 2203. О продленіи срока для взноса денегъ, слѣдующихъ за акціи акціонернаго общества Кіевскаго маслобойнаго завода „Братья Лурье и К°“. № 141, ст. 2204. Объ измѣненіи устава акціонернаго общества Маринскаго машиностроительнаго завода въ Москвѣ. № 141, ст. 2205. Объ измѣненіи устава Кіевскаго городского кредитнаго общества. № 142, ст. 2211. Объ утвержденіи устава Мервскаго общества взаимнаго кредита. № 142, ст. 2212. Объ увеличеніи основнаго капитала акціонернаго общества Брянскихъ каменноугольныхъ копей и рудниковъ. № 143, ст. 2225. Объ утвержденіи устава частной торговой школы Г. М. Цирклера въ городѣ Лодзи. № 143, ст. 2226. Объ утвержденіи: 1) перечня товаровъ, подлежащихъ приему на храненіе подъ складочныя и закладныя свидѣтельства въ товарномъ складѣ Бакинскаго 1 гильдіи купца Григорія Бенсона, и 2) правилъ о понудительной продажѣ товаровъ, принятыхъ означеннымъ складомъ на храненіе, съ выдачею складочныхъ и закладныхъ свидѣтельствъ. № 144, ст. 2232. О присвоеніи особыхъ наименованій мужской торговой школѣ и торговымъ классамъ, учрежденнымъ обществомъ для распространенія низшаго коммерческаго образованія въ Кіевѣ. № 144, ст. 2233. Объ утвержденіи нормъ квартирнаго довольствія для чиновъ фабрично-заводской полиціи. № 144, ст. 2234. Объ измѣненіи устава акціонернаго общества фабрики химическихъ продуктовъ „Ревдзины“. № 144, ст. 2235. Объ измѣненіи устава Русско-Кавказскаго нефтянаго общества. № 144, ст. 2236. О выпускѣ гарантированнаго правительствомъ 4% облигаціоннаго займа общества Рязанско-Уральской желѣзной дороги на нарицательный капиталъ въ 10.000.000 рублей. № 144, ст. 2237. Объ измѣненіи устава Русско-Донецкаго общества каменноугольной и заводской промышленности. № 144, ст. 2238. Объ измѣненіи устава акціонернаго общества кожевеннаго завода, подъ фирмою „Темлеръ и Шведе“. № 145, ст. 2244. Объ утвержденіи устава Зугдидскаго общества вза-

имнаго кредита. № 145, ст. 2245. Обь утвержденіи устава Бакинскаго городского кредитнаго общества. № 145, ст. 2246. О продленіи срока для взноса денегъ, слѣдующихъ за акціи акціонернаго общества Закавказской мануфактуры. № 146, ст. 2252. Обь увеличеніи основнаго капитала общества С.-Петербургскаго маслянаго завода „Астра“. № 146, ст. 2253. Обь измѣненіи устава товарищества Хрѣповецкаго и Вендичанскаго свеклосахарныхъ заводовъ.

Б. СБОРНИКЪ ПОСТАНОВЛЕНІЙ ВЕЛИКАГО КНЯЖЕСТВА ФИНЛЯНДСКАГО.

1899. № 39, X, 28; № 41, X, 28; № 42, XI, 4 (п. ст.)¹⁾.

№ 39. *Выс. объяв.*: а) о дополненіи къ § 1 Высочайшаго постановленія отъ 4 ноября 1891 года, обь обученіи зубоврачебному искусству въ Финляндіи; б) о правѣ на зачетъ служебныхъ лѣтъ и на пенсію учителей и учительницъ Кяйрасскаго воспитательнаго заведенія для распущенныхъ и порочныхъ дѣтей; в) обь измѣненномъ порядкѣ проводки судовъ у станцій Паргаспортъ и Ломъ, Абоской лоцманской дистанціи, а также у станціи Бергхампъ, Аландской лоцманской дистанціи.—*Предп. Фин. Сен.*: а) дирекціи вдовьей и сиротской кассы финляндскаго гражданскаго вѣдомства, относительно предоставленія второму городскому врачу въ городѣ Бьернеборгѣ права участія въ означенной кассѣ; б) дирекціи вдовьей и сиротской кассы финляндскаго гражданскаго вѣдомства, относительно предоставленія второму городскому врачу въ городѣ Раумо права участія въ означенной кассѣ; в) Абоскому гофгерихту, обь измѣненіи утвержденныхъ Высочайшимъ постановленіемъ отъ 29 декабря 1877 г. формъ присяги на вѣрность службы и вѣрнопопданство.

Дано въ Гельсингфорсѣ, 2 сентября 1899 г.

Высочайшимъ Его Императорскаго Величества Именемъ, Императорскій Финляндскій Сенать:

По Высочайшему Его Императорскаго Величества повелѣнію существовавшая до сихъ поръ въ Имперіи форма присяги на вѣрнопопданство измѣнена по поводу воспослѣдовавшей 10 іюля сего года кончины Его Императорскаго Высочества Цесаревича и Великаго Князя Георгія Александровича, о чемъ Императорскому Се-

¹⁾ Обзоръ № 40 напечатанъ въ ноябрьской книгѣ сего журнала.

нату сообщено было отношеніемъ Помощника Генераль-Губернатора края отъ ¹⁰/₂₂ минувшаго августа. Въ виду сего Императорскій Сенатъ призналъ необходимымъ постановить ввести соответственное измѣненіе въ утвержденныхъ Высочайшимъ Постановленіемъ 29 декабря 1877 г. формахъ, по которымъ должна быть приносима присяга на вѣрность службы и вѣрнопопданство чинами гражданскаго вѣдомства и присутственныхъ мѣстъ Финляндіи, а также присяга на вѣрнопопданство, а именно: впредь, при принесеніи присяги по утвержденнымъ означеннымъ Постановленіемъ формамъ, слова „Его Императорскаго Величества Престола Наслѣднику, Его Императорскому Высочеству Государю Цесаревичу Великому Князю NN“ имѣютъ быть замѣнены словами: „законному Его Императорскаго Величества Престола Наслѣднику“; о чемъ Вамъ симъ сообщается для свѣдѣнія и руководства, а также для извѣщенія кого слѣдуетъ. Гельсингфорсъ, 2 сентября 1899 года ¹⁾.

№ 41. *Выс. пост.* о назначеніи городамъ и уѣздамъ вознагражденія за ту долю денежныхъ штрафовъ, пеней и конфискованнаго имущества, которой они лишились.—*Выс. объяв.*, содержащее измѣненныя опредѣленія относительно должностей агрономовъ въ Финляндіи.—*Выс. пов.* Або-Бьернеборгскому губернатору, о пониженіи оброка въ нѣкоторыхъ общинахъ Або-Бьернеборгской губерніи.—*Предп. Фин. Сен.* (по экспедиціи путей сообщенія) главному управленію дорожныхъ и водяныхъ сооруженій относительно устава о порядкѣ плаванія по Сявиевиртаскому каналу.

№ 42. *Выс. объяв.*, содержащее подробныя правила касательно устройства пограничнаго движенія между Имперіею и Финляндіею.—*Выс. пов.:* а) главному управленію училищнаго вѣдомства, о дальнѣйшемъ отпускѣ въ увеличенномъ размѣрѣ суммы на путевыя стипендіи учителямъ и учительницамъ русскаго языка; б) главному управленію училищнаго вѣдомства, объ увеличеніи суммы на стипендіи учительскимъ кандидатамъ при нормальныхъ лицейхъ.—*Предп. Фин. Сен.* Або-Бьернеборгскому губернатору, о перечисленіи принадлежащей къ приходу С.-Каринсь части казарменнаго района 2-го Абоскаго финскаго стрѣлковаго баталіона въ духовномъ, административномъ и судебномъ отношеніяхъ къ городу Або.

¹⁾ Того же числа даны предписанія по сему предмету прочимъ гофгерихтамъ, всѣмъ губернаторамъ, университету, духовнымъ консисторіямъ и другимъ правительственнымъ учрежденіямъ и должностнымъ лицамъ.

ИЗВЛЕЧЕНІЕ ИЗЪ
ВЫСОЧАЙШИХЪ ПРИКАЗОВЪ

ПО ГРАЖДАНСКОМУ ВѢДОМСТВУ.

№ 77, ноября 1 дня 1899 года.

По вѣдомству Министерства Юстиціи.

Назначаются: Уѣздный Членъ Симбирскаго Окружнаго Суда, по Симбирскому уѣзду, Статскій Совѣтникъ Мартыновъ и Члены Житомирскаго Окружнаго Суда, Статскіе Совѣтники Ширяевъ и Громачевскій—Товарищами Предсѣдателя Окружныхъ Судовъ: Мартыновъ—Симбирскаго, Ширяевъ—Луцкаго и Громачевскій—Житомирскаго; Товарищъ Прокурора Московскаго Окружнаго Суда, Титулярный Совѣтникъ Короткій—Прокуроромъ Симферопольскаго Окружнаго Суда; Членъ Архангельскаго Окружнаго Суда, Статскій Совѣтникъ Веригинъ, Предсѣдатель Сѣзда Мировыхъ Судей и Участковый Мировой Судья Чериковскаго округа, Титулярный Совѣтникъ Гедда и Городской Судья г. Бѣлева, Титулярный Совѣтникъ Фирсовъ—Уѣздными Членами Окружныхъ Судовъ; первый—Астраханскаго по Красноярскому уѣзду, второй—Одесскаго, по Ананьевскому уѣзду, и послѣдній—Тульскаго, по Бѣлевскому уѣзду, изъ нихъ Веригинъ согласно прошенію; Товарищъ Прокурора Саратовскаго Окружнаго Суда, Титулярный Совѣтникъ Околовичъ и Причисленные къ Министерству, Надворные Совѣтники Ведровъ и Давтьяницъ—Членами Окружныхъ Судовъ, Околовичъ и Ведровъ—Портъ-Артурскаго, а Давтьяницъ—Харьковскаго, изъ нихъ первые два съ 20 Декабря 1899 г.; Старшій Кандидатъ на должности по судебному вѣдомству при Виленской Су-

дебной Палатѣ, окончившій курсъ юридическихъ наукъ въ Императорскомъ Университетѣ съ дипломомъ 1-ой степени Ермоловъ—Участковымъ Мирowymъ Судьею Кобринно-Пружанскаго округа; Причисленный къ Министерству, Коллежскій Секретарь **Андреевъ**—Товарищемъ Прокурора Читинскаго Окружнаго Суда; Причисленный къ Министерству, Титулярный Совѣтникъ **Тихій**—Городскимъ Судьею 4-го участка г. Оренбурга.

Перемѣщаются: Уѣздный Членъ Казанскаго Окружнаго Суда, по Козьмодемьянскому уѣзду, Коллежскій Совѣтникъ **Денике**—Уѣзднымъ Членомъ Симбирскаго Окружнаго Суда, по Симбирскому уѣзду, согласно прошенію; Товарищъ Прокурора Читинскаго Окружнаго Суда, Губернскій Секретарь **Молостовъ**—Товарищемъ Прокурора Иркутскаго Окружнаго Суда.

Увольняется *отъ службы* Состоящій за штатомъ Амурскій Областной Прокуроръ, Коллежскій Совѣтникъ **Курочкинъ**, съ 1-юля, на основаніи п. 2 ст. 1 прил. къ ст. 167 Уст. Служб. Прав. (Св. Зак., т. III, изд. 1896 г.).

№ 78, ноября 8 дня 1899 года.

По Правительствующему Сенату.

Увольняется *отъ службы* Сенаторъ, Тайный Совѣтникъ **Закревскій**, съ 30 Октября.

По вѣдомству Министерства Юстиціи.

Назначаются: Товарищъ Предсѣдателя Ковенскаго Окружнаго Суда, Статскій Совѣтникъ **Воробьевъ**—Членомъ Виленской Судебной Палаты, Членъ Рижскаго Окружнаго Суда, Статскій Совѣтникъ **Могучій**—Товарищемъ Предсѣдателя Красноярскаго Окружнаго Суда; Уѣздный Членъ Екаторинбургскаго Окружнаго Суда, по Ирбитскому уѣзду, Коллежскій Совѣтникъ **Николаевскій** и Секретарь Казанской Судебной Палаты, Надворный Совѣтникъ **Ридманъ**—Членами Скружныхъ Судовъ: первый—Архангельскаго, а второй—Сарапульскаго, изъ нихъ Николаевскій согласно прошенію; Подольскій Губернскій Предводитель Дворянства, въ званіи Камеръ-Юнкера **Высоцайшаго** Двора, Титулярный Совѣтникъ **Волжинъ**, Полоцкій Городской Голова, Статскій Совѣтникъ **Филиченко** и князь **Левъ Кочубей**—Почетными Мирowymi Судьями округовъ: первый—Ольгопольскаго, второй—Полоцкаго и

третій—Литинскаго, всѣ три на текущее, съ 1 апрѣля 1899 г., трехлѣтіе, съ оставленіемъ изъ нихъ первыхъ двухъ въ занимаемыхъ ими должностяхъ, а Волжина, сверхъ того, и въ придворномъ званіи; Причисленный къ Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи по учрежденіямъ Императрицы Маріи, Статскій Совѣтникъ фонъ-Беллендорфъ—Почетнымъ Мировымъ Судьею Рижско-Вольмарскаго округа, на текущее, съ 1 декабря 1898 г., трехлѣтіе, съ оставленіемъ его причисленнымъ къ означенной Канцеляріи; Добавочный Мировой Судья, округа Благовѣщенскаго Окружнаго Суда, Дѣйствительный Студентъ Страдинъ—Мировымъ Судьею 3-го участка округа того же Окружнаго Суда, съ 20 декабря 1899 г.; Отставной Генераль-Маіоръ Селинъ—Почетнымъ Мировымъ Судьею округа Асхабадскаго Окружнаго Суда, на текущее, съ 14 мая 1899 г., трехлѣтіе; Старшіе Врачи военныхъ мѣстныхъ лазаретовъ: Пишпекскаго, Коллежскій Совѣтникъ Поярковъ, Джаркентскаго, Доктора медицины, Коллежскій Совѣтникъ Горбачевъ и Лепсинскаго, Надворный Совѣтникъ Вирюковичъ—Почетными Мировыми Судьями округа Вѣрненскаго Окружнаго Суда: Поярковъ—по Пишпекскому уѣзду, Горбачевъ—по Джаркентскому уѣзду и Вирюковичъ—по Лепсинскому уѣзду, всѣ три на текущее, съ 14 мая 1899 г., трехлѣтіе, съ оставленіемъ ихъ въ занимаемыхъ ими должностяхъ.

Перемѣщается Мировой Судья 3-го участка, округа Благовѣщенскаго Окружнаго Суда, Титулярный Совѣтникъ Шаталинъ—Мировымъ Судьею 4-го участка округа того же Окружнаго Суда, съ 20 Декабря 1899 г.

Увольняется отъ должности, согласно прошенію, Исправляющій должность Судебнаго Слѣдователя 2-го участка Сергачскаго уѣзда, округа Нижегородскаго Окружнаго Суда, Коллежскій Ассесоръ Морозовъ, по случаю причисленія его къ Министерству.

Умершіе исключаются изъ списковъ: Прокуроръ Смоленскаго Окружнаго Суда, Дѣйствительный Статскій Совѣтникъ Вейцлеръ Участковый Мировой Судья Ковельскаго округа, Статскій Совѣтникъ Балавинскій; Почетный Мировой Судья Рѣжницкаго округа, отставной Полковникъ Герасимовъ.

№ 79, ноября 15 дня 1899 года.

По Правительствующему Сенату.

Умершіе исключаются изъ списковъ: Сенаторы, Дѣйствительные Тайные Совѣтники баронъ Штакельбергъ и Сомовъ; Состоявшій
Жур. Мин. Юст. Декабрь 1899.

за оберъ-прокурорскимъ столомъ, сверхъ комплекта, въ 1-мъ Департаментъ Правительствующаго Сената, исправлявшій должность Правителя дѣлъ Типографіи Правительствующаго Сената Статскій Совѣтникъ **Дадоновъ**.

По вѣдомству Министерства Юстиціи.

Назначаются: Старшіе Кандидаты на должности по судебному вѣдомству: при Кіевской Судебной Палатѣ, Коллежскій Секретарь **Гричукъ** и при Уманскомъ Окружномъ Судѣ, Коллежскій Секретарь **Безпалый** и Исправляющій должность Помощника Секретаря Кіевского Окружнаго Суда, Коллежскій Секретарь **Барковъ**—Участковыми Мировыми Судьями округовъ: Гричукъ—Ковельскаго, Безпалый—Уманскаго и Барковъ—Могилевскаго Подольской губерніи; Младшій Дѣлопроизводитель Главнаго Тюремнаго Управления, Титулярный Совѣтникъ **Литвиновъ**—Добавочнымъ Мировымъ Судьею по Лифляндской губерніи; Причисленные къ Министерству, Коллежскіе Секретари **Короленко** и **Лермонтовъ**—Товарищами Прокурора Окружныхъ Судовъ: первый—Бакинскаго, а второй—Томскаго; Предсѣдатель Гапсальскаго Верхняго Крестьянскаго Суда, Кандидатъ юридическихъ наукъ **Геллатъ**, Секретарь Либавскаго Окружнаго Суда, Коллежскій Ассесоръ **Савицкій**, Младшій Помощникъ Оберъ-Секретаря Уголовнаго Кассационнаго Департамента Правительствующаго Сената, Коллежскій Ассесоръ **Колесовъ** и Старшій Кандидатъ на должности по судебному вѣдомству при Саратовской Судебной Палатѣ, Коллежскій Секретарь **Левисъ**—Городскими Судьями; Геллатъ—г. Устюжны, Савицкій—г. Старой Руссы, Колесовъ—1-го участка г. Тулы и Левисъ—г. Мокшанъ; Причисленный къ Министерству, Губернскій Секретарь **Клѣткинъ**—Добавочнымъ Мировымъ Судьею округа Благовѣщенскаго Окружнаго Суда, съ 20 декабря 1899 г.; Управляющій Туркестанскою Контрольною Палатою, Дѣйствительный Статскій Совѣтникъ **Уреніусъ**, Директоры Ташкентскихъ гимназій: мужской, Дѣйствительный Статскій Совѣтникъ **Остроумовъ** и женской, Дѣйствительный Статскій Совѣтникъ **Ошанинъ**, Завѣдывающій Туркестанскою сельско-хозяйственною опытною станціею Министерства Земледѣлія и Государственныхъ Имуществъ, Докторъ химіи, Дѣйствительный Статскій Совѣтникъ **Гарничъ-Гарницкій** и Областной Врачъ Сыръ-Дарьинской области, Статскій Совѣтникъ **Циркуенко**—Почетными Мировыми Судьями округа Ташкентскаго Окружнаго Суда, всѣ пять на

текущее съ 14 мая 1899 г., трехлѣтіе, съ оставленіемъ ихъ въ занимаемыхъ ими должностяхъ; Инспекторъ народныхъ училищъ Туркестанскаго края, Статскій Совѣтникъ **Прилежаевъ**, Старшій Врачъ Андижанскаго мѣстнаго лазарета, Надворный Совѣтникъ **Феглеръ** и Андижанскій Городской Врачъ, Коллежскій Ассесоръ **Мали**—Почетными Мировыми Судьями округа Ново-Маргеланскаго Окружнаго Суда, изъ нихъ послѣдніе два по г. Андижану, всѣ три на текущее съ 14 мая 1899 г. трехлѣтіе съ оставленіемъ ихъ въ занимаемыхъ ими должностяхъ; Завѣдывающій военно-судною частію въ Закаспійской области, Статскій Совѣтникъ **Федюшинъ**, Управляющій Асхабадскимъ Отдѣленіемъ Государственнаго банка, Коллежскій Ассесоръ **Успенскій**, Инспекторъ народныхъ училищъ Закаспійской области, Статскій Совѣтникъ **Ляуданскій**, Инспекторъ Асхабадской прогимназіи, Статскій Совѣтникъ **Бѣлоусовъ**, Уѣздные Врачи уѣздовъ: Асхабадскаго, Коллежскій Совѣтникъ **Журавлевъ**, Красноводскаго, Коллежскій Совѣтникъ **Шаблювскій** и Мангишлакскаго, Коллежскій Совѣтникъ **Преферансовъ** и Начальникъ главныхъ мастерскихъ Закаспійской желѣзной дороги, Инженеръ Технологъ **Блиновъ**—Почетными Мировыми судьями округа Асхабадскаго Окружнаго Суда, изъ нихъ **Шаблювскій** по Красноводску, **Преферансовъ**—по форту Александровскому и **Блиновъ**—по Бизиль-Арвату, всѣ восемь на текущее съ 14 мая 1899 г. трехлѣтіе, съ оставленіемъ ихъ въ занимаемыхъ ими должностяхъ.

Перемѣщаются: Участковый Мировой Судья Уманскаго округа, Титулярный Совѣтникъ **Клоповъ**—Мировымъ Судьею г. Липно, 1-го округа Плоцкой губерніи; Товарищи Прокурора Окружныхъ Судовъ: Рязанскаго, Титулярный Совѣтникъ **Шкоттъ** и Ташкентскаго Титулярный Совѣтникъ **Шарко**—Товарищами Прокурора Окружныхъ Судовъ: первый—Московского, а второй—Рязанскаго.

Увольняется отъ должности, согласно прошенію, Мировой Судья 1-го участка Туринскаго уѣзда, Тобольской губерніи, Титулярный Совѣтникъ **Тихоцкій**, по случаю причисленія его къ Министерству.

Увольняется отъ службы, согласно прошеніямъ: Исправляющій должность Старшаго Нотаріуса Минскаго Окружнаго Суда, Статскій Совѣтникъ **Калюжинъ**, съ мундиромъ, исправляемой имъ должности присвоеннымъ; Городской Судья г. Николаевска, Самарской губерніи, Титулярный Совѣтникъ **Вѣржейскій**.

Предоставляется Уволеннымъ отъ службы, согласно прошеніямъ: Исправлявшему должность Судебнаго Слѣдователя 2-го уча-

ства Пружанскаго уѣзда, округа Гродненскаго окружнаго Суда, Статскому Совѣтнику Засадкевичу и Городскому Судьѣ г. Славянска, Коллежскому Совѣтнику Волховскому—носить въ отставкѣ мундиръ, означеннымъ должностямъ присвоенный.

Умершіе *исключаются изъ списковъ*: Предсѣдатель Троицкаго Окружнаго Суда, Статскій Совѣтникъ Волченскій; Членъ Московскаго Окружнаго Суда, Коллежскій Совѣтникъ Косовъ.

По межевому управленію.

Назначается Помощникъ Забайкальскаго Областнаго Землемѣра, Межевой Инженеръ, Титулярный Совѣтникъ Пашковскій—Забайкальскимъ Областнымъ Землемѣромъ.

№ 82, ноября 25 дня 1899 года.

По Правительствующему Сенату.

Увольняется *отъ службы, согласно прошенію*, Состоящій за оберъ-прокурорскимъ столомъ, сверхъ комплекта, въ департаментѣ Герольдіи, Дѣйствительный Статскій Совѣтникъ Самойловичъ.

По вѣдомству Министерства Юстиціи.

Назначаются: Прокуроръ Тобольскаго Окружнаго Суда, Статскій Совѣтникъ Антоновъ—Товарищемъ Прокурора Иркутской Судебной Палаты; Товарищи Предсѣдателя Окружныхъ Судовъ: Сарапульскаго, Дѣйствительный Статскій Совѣтникъ Домбровский и Уфимскаго, Статскій Совѣтникъ Докучаевъ—Членами Судебныхъ Палатъ: первый—Харьковской, а второй—Базанской, оба согласно прошеніямъ; Члены Окружныхъ Судовъ: Черниговскаго, Статскій Совѣтникъ Спановскій, Базанскаго, Статскіе Совѣтники Сушевичъ и Бѣляевъ и Елисаветпольскаго, Статскій Совѣтникъ Крыжановскій—Товарищами Предсѣдателя Окружныхъ Судовъ: Спановскій—Черниговскаго, Сушевичъ—Сарапульскаго, Бѣляевъ—Уфимскаго и Крыжановскій—Бутѣйскаго; Товарищъ Прокурора Московскаго Окружнаго Суда, Надворный Совѣтникъ Пороховщиковъ—Прокуроромъ Кашинскаго Окружнаго Суда; Причисленный къ Министерству, Коллежскій Ассесоръ Баклановскій—Уѣзднымъ Членомъ Кашинскаго Окружнаго Суда, по Мышкинскому уѣзду; Младшій Помощникъ Оберъ-Секретаря Гражданскаго Касса-

ціоннаго Департамента Правительствующаго Сената, Коллежскій Секретарь **Загоровскій**—Членомъ Портъ-Артурскаго Окружнаго Суда, съ 20 декабря 1899 г.; Причисленный къ Министерству, Коллежскій Ассесоръ **Гавриловъ**—Участковымъ Мирowymъ Судьею Двинскаго округа; Секретарь при Прокурорѣ Московской Судебной Палаты, въ званіи Камеръ-Юнкера **Высочайшаго Двора**, Титулярный Совѣтникъ **Марковъ**—Товарищемъ Прокурора Тверскаго Окружнаго Суда, съ оставленіемъ его въ придворномъ званіи; Причисленный къ Министерству, Коллежскій Секретарь **Корсакъ**—Мирowymъ Судьею 1-го участка округа Владивостокскаго Окружнаго Суда; Чиновникъ по крестьянскимъ дѣламъ 1-го участка Шенкурскаго уѣзда Архангельской губерніи, Статскій Совѣтникъ **Горбатовъ**—Почетнымъ Мирowymъ Судьею по Архангельской губерніи, на текущее, съ 1 іюля 1899 г., трехлѣтіе, съ оставленіемъ его въ занимаемой имъ должности.

Перемѣщаются: Членъ Харьковской Судебной Палаты, Статскій Совѣтникъ **Демидовъ**—Членомъ Казанской Судебной Палаты, согласно прошенію; Прокуроры Окружныхъ Судовъ: Кашинскаго, Статскій Совѣтникъ **Стремоуховъ** и Читинскаго, Коллежскій Совѣтникъ графъ **Подгоричани-Петровичъ**—Прокурорами Окружныхъ Судовъ: первый—Смоленскаго, а второй—Тобольскаго; Членъ Эриванскаго Окружнаго Суда, Статскій Совѣтникъ **Баградзе**—Членомъ Бакинскаго Окружнаго Суда, согласно прошенію; Товарищъ Прокурора Тверскаго Окружнаго Суда, Коллежскій Ассесоръ **Даниловъ**—Товарищемъ Прокурора Московскаго Окружнаго Суда.

Увольняется отъ должности, согласно прошенію, Исправляющій должность Судебнаго Слѣдователя 1-го участка Сызранскаго уѣзда, округа Симбирскаго Окружнаго Суда, Коллежскій Ассесоръ **Савицкій**, по случаю назначенія его Гминнымъ Судьею 1-го округа Козеницкаго уѣзда, Радомской губерніи.

Увольняется отъ службы, согласно прошенію, Членъ Орловскаго Окружнаго Суда, Статскій Совѣтникъ **Захаровъ**, съ мундиромъ, занимаемой имъ должности присвоеннымъ.

Умершіе исключаются изъ списковъ: Уѣздный Членъ Стародубскаго Окружнаго Суда, по Мглинскому уѣзду, Дѣйствительный Статскій Совѣтникъ **Борщовъ**; Почетный Мировой Судья Бизлярскаго округа, Коллежскій Регистраторъ **Серебряковъ**.

№ 84, ноября 29 дня 1899 года.

По Правительствующему Сенату.

Назначается: Старшій Помощникъ Оберъ-Секретаря Уголовнаго Кассационнаго Департамента Правительствующаго Сената, Коллежскій Совѣтникъ **Сперанскій**—Оберъ-Секретаремъ того же Департамента.

По вѣдомству Министерства Юстиціи.

Назначаются: Прокуроръ Елисаветградскаго Окружнаго Суда, Дѣйствительный Статскій Совѣтникъ **Сергѣевъ**—Членомъ Одесской Судебной Палаты; Членъ Новгородскаго Окружнаго Суда, Коллежскій Совѣтникъ **Чернай** и Причисленный къ Министерству, Статскій Совѣтникъ **Жадкевичъ**—Уѣздными Членами Окружныхъ Судовъ; первый—Песовскаго, по Порховскому уѣзду, а второй—Стародубскаго, по Мглинскому уѣзду, изъ нихъ **Чернай** согласно прошенію; Старшій Нотаріусъ Орловскаго Окружнаго Суда, Статскій Совѣтникъ **Кочетовъ**—Членомъ того же Окружнаго Суда, согласно прошенію; Участковый Мировой Судья Горецкаго округа, не имѣющій чина **Ватаци**—Предсѣдателемъ Съѣзда Мирowychъ Судей того же округа, на текущее, съ 1 апрѣля 1899 г., трехлѣтіе; Секретарь Нѣжинскаго Окружнаго Суда, Коллежскій Секретарь **Поповичъ** и Старшій Кандидатъ на должности по судебному вѣдомству при Виленской Судебной Палатѣ, Губернскій Секретарь **Володковичъ**—Участковыми Мирowymi Судьями округовъ: первый—Горецкаго, а второй—Пинскаго; Причисленный къ Министерству, Коллежскій Секретарь **Розовъ** и Секретарь при Прокурорѣ Ташкентской Судебной Палаты, Титулярный Совѣтникъ **Зивертъ**—Товарищами Прокурора Окружныхъ Судовъ: первый—Бѣлецкаго, а второй—Ташкентскаго.

Утверждается: Старшій Членъ Одесскаго Коммерческаго Суда, Статскій Совѣтникъ **Вирша**—въ занимаемой имъ должности, вновь на четырехлѣтіе съ 1899 г.

Перемѣщаются: Участковые Мировые Судьи округовъ: Могилевскаго, Могилевской губерніи, Коллежскій Ассесоръ **Лебедевъ**, Дисненскаго, Коллежскій Секретарь **Клоповъ** и Могилевскаго, Подольской губерніи, Коллежскій Секретарь **Барковъ**—Участковыми Мир-

выми Судьями округовъ: Лебедевъ—Рѣчицко-Мозырскаго, Клоповъ—Виленскаго и Барковъ—Могилевскаго, Могилевской губерніи.

Увольняются *отъ должности*: Почетный Мировой Судья Венденъ-Валкскаго округа, баронъ Менгденъ-фонъ-Альтенвогъ, согласно прошенію; Исправляющій должность Судебнаго Слѣдователя 2-го участка Лукояновскаго уѣзда, округа Нижегородскаго Окружнаго Суда, Коллежскій Ассесоръ Вольтановскій и Мировой Судья 9-го участка округа Читинскаго Окружнаго Суда, Титулярный Совѣтникъ Шишковскій, оба по случаю причисленія ихъ къ Министерству, изъ нихъ первый согласно прошенію.

Увольняются *отъ службы, согласно прошеніямъ*: Членъ Одесской Судебной Палаты, Дѣйствительный Статскій Совѣтникъ Лангъ и Прокуроръ Ставропольскаго Окружнаго Суда, Надворный Совѣтникъ Стрижевскій, оба съ мундирами, занимаемымъ ими должностямъ присвоенными.

Согласно прошенію, по болѣзни, Предсѣдатель Сѣзда Мировыхъ Судей и Участковый Мировой Судья Владиміръ-Волынскаго округа, Дѣйствительный Статскій Совѣтникъ Дверницкій, съ мундиромъ, занимаемымъ имъ должностямъ присвоеннымъ.

Умершій *исключается изъ списковъ*: Членъ Пензенскаго Окружнаго Суда, Статскій Совѣтникъ Эттингеръ.

№ 85, декабря 4 дня 1899 года.

По Правительствующему Сенату.

Увольняется *отъ службы, согласно прошенію*, Директоръ Типографіи Правительствующаго Сената, Генералъ-маіоръ Бойе, съ 21 Ноября.

По вѣдомству Министерства Юстиціи.

Назначается Товарищъ Прокурора Саратовскаго Окружнаго Суда, Статскій Совѣтникъ Брюхановъ—Членомъ Саратовскаго Окружнаго Суда.

Перемѣщается: Членъ Нижегородскаго Окружнаго Суда, Коллежскій Ассесоръ Мержинскій—Членомъ Московскаго Окружнаго Суда, согласно прошенію.

Увольняются от службы, согласно прошениямъ, по болѣз-
ни: Уѣздный Членъ Самарскаго Окружнаго Суда, по Бузулукскому
уѣзду, Статскій совѣтникъ Ивановъ и Членъ Вологодскаго Окружнаго
Суда, Статскій Совѣтникъ Кочегаровъ, оба съ мундирами, занимае-
мымъ ими должностямъ присвоенными.

По межевому управленію.

Назначается: Преподаватель Тифлискаго землемѣрнаго учи-
лища, Межевой Инженеръ, Коллежскій Ассесоръ Скрипчикъ—Межевымъ
Ревизоромъ при Тифлисской Судебной Палатѣ.

П Р И К А З Ы

ПО ВѢДОМСТВУ МИНИСТЕРСТВА ЮСТИЦИИ.

№ 41, отъ 30-го октября 1899 года.

Назначаются: младшій дѣлопроизводитель второго департамента Министерства Юстиціи, коллежскій ассесоръ **Ленинъ**, секретарь при оберъ-прокурорѣ общаго собранія кассационныхъ и соединеннаго присутствія перваго и кассационныхъ департаментовъ Правительствующаго Сената, надворный совѣтникъ **Головковъ** и помощникъ дѣлопроизводителя IX класса второго департамента Министерства Юстиціи, коллежскій секретарь **Кейзеръ**: первые двое—дѣлопроизводителями, а послѣдній—младшимъ дѣлопроизводителемъ того же департамента Министерства Юстиціи, всѣ—съ 16 октября 1899 года.

Причисляются къ *Министерству*: уволенные Высочайшимъ приказомъ по гражданскому вѣдомству отъ 9 октября 1899 года за № 72 отъ должности, согласно прошеніямъ: исправляющіе должность судебного слѣдователя: 1 участка Верроскаго уѣзда, округа Рижскаго окружнаго суда, коллежскій ассесоръ **Васенко** и 6 участка Челябинскаго уѣзда, округа Троицкаго окружнаго суда, титулярный совѣтникъ **Пантелеевъ**—съ откомандированіемъ къ исправленію должности судебного слѣдователя: первый—1 участка г. Риги, а послѣдній—1 участка Верроскаго уѣзда, округа Рижскаго окружнаго суда, оба—съ 9 октября 1899 года;

секретарь при прокурорѣ Московскаго окружнаго суда, коллежскій секретарь **Лопашевъ**—съ откомандированіемъ къ исправленію должности судебного слѣдователя 2 участка Дмитровскаго уѣзда, округа того же окружнаго суда.

По Правительствующему Сенату: увольняется отъ службы, согласно прошенію: канцелярскій служитель перваго департамента Правительствующаго Сената **Кукулевскій**—съ 1 октября 1899 года.

Увольняется отъ должности, согласно прошенію: гминный судья IV округа Щучинскаго уѣзда, Ломжинской губерніи, Витольдъ **Залескій**.

Увольняются отъ службы, согласно прошеніямъ: помощникъ мирового судьи Шупинскаго отдѣла, завѣдывающій Ханкендскимъ слѣдственнымъ участкомъ, округа Елисаветпольскаго окружнаго суда, коллежскій секретарь **Лѣнговскій** и состоящій за штатомъ, бывшій засѣдатель Ишимскаго окружнаго суда, коллежскій ассесоръ **Рѣщиковъ**, изъ нихъ, послѣдній съ 1 іюля 1899 года.

№ 42, отъ 9-го ноября 1899 года.

Причисляются къ Министерству: уволенный Высочайшимъ приказомъ по гражданскому вѣдомству отъ 16 октября 1899 года за № 73, отъ должности, согласно прошенію: исправляющій должность судебного слѣдователя 2 участка Аккерманскаго уѣзда, округа Кишиневскаго окружнаго суда, коллежскій ассесоръ **Роговъ**—съ откомандированіемъ къ исправленію должности судебного слѣдователя 1 участка того же уѣзда, съ 16 октября 1899 года;

старшіе кандидаты на должности по судебному вѣдомству: при Одесской судебной палатѣ, титулярный совѣтникъ **Болотинъ**, при окружныхъ судахъ: Елисаветградскомъ, коллежскій секретарь **Тулубъ**, Виленскомъ, губернскій секретарь **Суковскій** и Ломжинскомъ, титулярный совѣтникъ **Ольденборгеръ**—съ откомандированіемъ къ исправленію должности судебного слѣдователя: Болотинъ—2 участка Аккерманскаго уѣзда, округа Кишиневскаго окружнаго суда, Тулубъ—4 участка Елисаветградскаго уѣзда, округа Елисаветградскаго окружнаго суда, Суковскій—3 участка Ошмянскаго уѣзда, округа Виленскаго окружнаго суда, Ольденборгеръ—Маговскаго уѣзда, округа Ломжинскаго окружнаго суда; помощникъ мирового судьи Шаруро-Даралагезскаго отдѣла, округа Эриванскаго окружнаго суда, титулярный совѣтникъ **Супруненко**, согласно прошенію, съ увольненіемъ отъ занимаемой должности.

Командируются: причисленные къ Министерству Юстиціи, командированные къ исправленію должности судебного слѣдователя:

4 участка Елисаветградскаго уѣзда, коллежскій секретарь Пивони— въ 3 участка того же уѣзда и Маковского уѣзда, округа Ломжинскаго окружнаго суда, коллежскій секретарь Катраповскій— въ Пултускій уѣздъ, округа того же окружнаго суда.

По Губернскимъ Учрежденіямъ: назначаются: старшіе кандидаты на должности по судебному вѣдомству при окружныхъ судахъ: Елисаветпольскомъ, титулярный совѣтникъ Червинскій и Бакинскомъ, титулярный совѣтникъ Готовицкій— помощниками мировыхъ судей: первый—Джеванширскаго отдѣла, завѣдывающимъ первымъ слѣдственнымъ участкомъ, округа Елисаветпольскаго окружнаго суда, а послѣдній—Шемахинскаго отдѣла, завѣдывающимъ Басхальскимъ слѣдственнымъ участкомъ, округа Бакинскаго окружнаго суда.

Уволеннаго приказомъ по вѣдомству Министерства Юстиціи отъ 30 января 1890 г. за № 7, исправлявшаго должность судебного слѣдователя по Тобольской губерніи, дѣйствительнаго студента Императорскаго Варшавскаго Университета Вилькошевскаго отъ службы считать уволеннымъ согласно прошенію.

№ 43, отъ 9-го ноября 1899 года.

Причисляются къ Министерству: уволенные Высочайшимъ приказомъ по гражданскому вѣдомству отъ 24 октября 1899 года за № 76 отъ должностей, согласно прошеніямъ: исправляющій должность судебного слѣдователя 2 участка Медынскаго уѣзда, округа Калужскаго окружнаго суда, надворный совѣтникъ Атенскій, городскіе судьи: г. Козьмодемьянска, надворный совѣтникъ Синцовъ и г. Лихвина, титулярный совѣтникъ Розановъ—съ откомандированіемъ къ исправленію должностей: Синцовъ—старшаго нотариуса Казанскаго окружнаго суда, и судебного слѣдователя: Атенскій—1 участка Медынскаго уѣзда, а Розановъ—2 участка того же уѣзда, округа Калужскаго окружнаго суда, всѣ—съ 24 октября 1899 года;

состоящій за штатомъ, исправлявшій должность судебного слѣдователя при Уральскомъ областномъ судѣ, коллежскій секретарь Васильевъ, старшіе кандидаты на должности по судебному вѣдомству при окружныхъ судахъ: Владимірскомъ, титулярный совѣтникъ Романовъ, Калужскомъ, коллежскій секретарь Соколовъ—съ откомандированіемъ къ исправленію должности судебного слѣдователя: первый—1 участка Черноярскаго уѣзда, округа Астраханскаго окружнаго суда,

второй—2 участка Гороховецкаго уѣзда, округа Владимірскаго окружнаго суда, а послѣдній—2 участка Мосальскаго уѣзда, округа Калужскаго окружнаго суда;

помощникъ дѣлопроизводителя X класса втораго департамента Министерства Юстиціи, коллежскій ассесоръ **Потемкинъ**, согласно прошенію, съ увольненіемъ отъ занимаемой должности, съ 1 ноября 1899 года.

Б о м а н д и р у е т с я: причисленный къ Министерству Юстиціи, командированный къ исправленію должности судебнаго слѣдователя 2 участка Гороховецкаго уѣзда, округа Владимірскаго окружнаго суда, коллежскій ассесоръ **Щербачевъ**—въ 1 участокъ Повровскаго уѣзда, округа того же окружнаго суда.

У в о л ь н я ю т с я *отъ службы, согласно прошеніямъ*: причисленный къ Министерству Юстиціи, командированный для занятій въ Прокуратوریю Царства Польскаго, губернской секретарь **Буковинскій** и канцелярскій служитель перваго департамента сего Министерства **Масаловъ**; изъ нихъ послѣдній—съ 26 октября 1899 года.

№ 44, отъ 27-го ноября 1899 года.

П р и ч и с л я ю т с я *къ Министерству*: уволенный Высочайшимъ приказомъ по гражданскому вѣдомству отъ 8 ноября 1899 г. за № 78, отъ должности, согласно прошенію, исправляющій должность судебнаго слѣдователя 2 участка Сергачскаго уѣзда, округа Нижегородскаго окружнаго суда, коллежскій ассесоръ **Морозовъ**—съ откомандированіемъ къ исправленію должности судебнаго слѣдователя 1 участка Васильскаго уѣзда, округа того же окружнаго суда, съ 8 ноября 1899 года;

секретарь Тобольскаго окружнаго суда, коллежскій секретарь **Ивановскій** и секретарь при прокурорѣ Самарскаго окружнаго суда, титулярный совѣтникъ **Вейсманъ**, помощникъ секретаря при прокурорѣ Казанской судебной палаты, титулярный совѣтникъ **Рожновскій** и старшій кандидатъ на должности по судебному вѣдомству при Остро-гожскомъ окружномъ судѣ, коллежскій секретарь **Золотаревъ**—съ откомандированіемъ къ исправленію должности судебнаго слѣдователя: **Ивановскій**—Тюкалипскаго уѣзда, округа Тобольскаго окружнаго суда, **Вейсманъ**—3 участка Самарскаго уѣзда, **Рожновскій**—2 участка Мамадышскаго уѣзда, округа Казанскаго окружнаго суда, **Золота-**

ревъ—2 участка Бахмутскаго уѣзда, округа Екатеринославскаго окружнаго суда, изъ нихъ Вейсманъ—съ 20 декабря 1899 года;

почетный мировой судья г. Москвы, титулярный совѣтникъ **Пржевальскій**, согласно прошенію, съ оставленіемъ въ занимаемой имъ должности;

состоящій за штатомъ, младшій помощникъ оберъ-секретаря бывшаго третьяго департамента Правительствующаго Сената, коллежскій ассесоръ **Серебацкій**—съ откомандированіемъ для занятій въ канцелярію гражданскаго кассационнаго департамента Правительствующаго Сената.

Командируются: причисленные къ Министерству Юстиціи, командированные къ исправленію должности судебного слѣдователя: 1 участка Пинскаго уѣзда, округа Минскаго окружнаго суда, коллежскій секретарь **Малиновскій**, 1 участка Васильскаго уѣзда, округа Нижегородскаго окружнаго суда, титулярный совѣтникъ **Громовъ** и 2 участка Мамадышскаго уѣзда, округа Казанскаго окружнаго суда, титулярный совѣтникъ **Курочкинъ**—къ исправленію должностей: Малиновскій—старшаго нотаріуса Минскаго окружнаго суда и судебного слѣдователя: Громовъ—2 участка Сергачскаго уѣзда, округа Нижегородскаго окружнаго суда, Курочкинъ—2 участка Чистопольскаго уѣзда, округа Казанскаго окружнаго суда, изъ нихъ, Громовъ—съ 8 ноября 1899 года;

причисленный къ Министерству Юстиціи, титулярный совѣтникъ **Родзяновскій**—къ исправленію должности судебного слѣдователя Кашинскаго уѣзда.

Опредѣляются въ службу: окончившіе курсъ наукъ въ Императорскомъ С.-Петербургскомъ университетѣ съ дипломомъ первой степени: физико-математическихъ **Обнорскій** и юридическихъ **Цѣповъ**—въ вѣдомство Министерства Юстиціи, съ причисленіемъ къ сему Министерству и съ откомандированіемъ для занятій въ канцелярію втораго департамента Правительствующаго Сената.

Переводится: причисленный къ канцеляріи Комитета Министровъ, титулярный совѣтникъ **Тиденъ**—въ вѣдомство Министерства Юстиціи, съ причисленіемъ къ сему Министерству и съ откомандированіемъ для занятій въ канцелярію департамента Герольдіи Правительствующаго Сената.

Причисляется къ первому департаменту Министерства Юстиціи, согласно прошенію: младшій кандидатъ на должности по судебному вѣдомству при Луцкомъ окружномъ судѣ **Романовъ**—съ увольненіемъ отъ настоящаго званія и съ откомандированіемъ для

занятій во второе уголовное отдѣленіе того же департамента Министерства, съ 31 октября 1899 года.

Отзываются: причисленные къ Министерству Юстиціи, командированные къ исправленію должности судебного слѣдователя: 3 участка Игуменскаго уѣзда, округа Минскаго окружнаго суда, коллежскій ассесоръ **Крыжановскій** и 3 участка Вирскаго уѣзда, округа Уфимскаго окружнаго суда, коллежскій секретарь **Ланскихъ** — изъ означенныхъ командировокъ, согласно прошеніямъ.

Увольняется отъ службы, согласно прошенію: причисленный къ Министерству Юстиціи, статскій совѣтникъ **Коморскій**.

По Правительствующему Сенату: назначаютъ: младшій помощникъ оберъ-секретаря общаго собранія кассационныхъ и соединеннаго присутствія 1 и кассационныхъ департаментовъ Правительствующаго Сената, надворный совѣтникъ **Васильевъ** — секретаремъ при оберъ-прокурорѣ, а причисленный къ Министерству Юстиціи, командированный для занятій въ канцелярію того же общаго собранія и соединеннаго присутствія департаментовъ Сената, коллежскій секретарь **Карминъ** — младшимъ помощникомъ оберъ-секретаря общаго собранія кассационныхъ и соединеннаго присутствія перваго и кассационныхъ департаментовъ Правительствующаго Сената, оба — съ 1 ноября 1899 года.

Увольняется отъ службы, согласно прошенію, за болѣзнію: архивариусъ для храненія текущихъ дѣлъ перваго департамента Правительствующаго Сената, титулярный совѣтникъ **Мокроносозъ** — съ 28 октября 1899 года.

По Губернскимъ Учрежденіямъ: назначаютъ: предсѣдатель сѣзда мировыхъ судей и участковый мировой судья Лидскаго округа, статскій совѣтникъ **Андруцкій** — въ составъ Лидскаго уѣзднаго по чиншевымъ дѣламъ присутствія:

старшій кандидатъ на должности по судебному вѣдомству при Елисаветпольскомъ окружномъ судѣ, коллежскій секретарь **Монинъ** — помощникомъ мирового судьи Джебраильскаго отдѣла, завѣдывающимъ Джебраильскимъ слѣдственнымъ участкомъ, округа того же окружнаго суда;

помощникъ секретаря Варшавскаго коммерческаго суда, окончившій курсъ юридическихъ наукъ въ Императорскомъ Варшавскомъ университетѣ кандидатомъ правъ, **Гартманъ**, и младшій кандидатъ на должности по судебному вѣдомству при Варшавской судебной палатѣ, окончившій курсъ юридическихъ наукъ въ Императорскомъ С.-Петербургскомъ университетѣ, съ дипломомъ вто-

рой степени, **Декановъ**: первый—секретаремъ, а послѣдній—помощникомъ секретаря Варшавскаго коммерческаго суда.

Переводитея: помощникъ мирового судьи Джебраильскаго отдѣла, завѣдывающій Джебраильскимъ слѣдственнымъ участкомъ, округа Елисаветпольскаго окружнаго суда, коллежскій секретарь **Малендинскій**—помощникомъ мирового судьи Шущинскаго отдѣла, завѣдывающимъ Хангендскимъ слѣдственнымъ участкомъ, округа того же окружнаго суда.

Увольняется отъ службы, согласно прошенію, за болѣзнію: состоящій за штатомъ, бывшій Туринскій окружной судья, коллежскій совѣтникъ **Бялковскій**—съ 1 іюля 1899 года, съ правомъ ношенія въ отставку мундира, названной должности присвоеннаго.

По межевой части.

№ 9, отъ 11 ноября 1899 года.

По Межевой Канцеляріи: Назначается: Чертежникъ Енисейской Губернской Чертежной, неизбѣющій чина **Красильниковъ**—Младшимъ Землемѣрнымъ Помощникомъ, съ откомандированіемъ для занятій въ Вологодскую Губернскую Чертежную.

Увольняются отъ службы, согласно прошеніямъ: Землемѣрные Помощники: Старшій—Коллежскій Секретарь **Смирновъ** и Младшій—Губернскій Секретарь **Николай Взоровъ**.

По Межевымъ учебнымъ заведеніямъ: Оставляются: *на службу*: Надзиратель Пензенскаго Землемѣрнаго Училища, Межевой Инженеръ, Статскій Совѣтникъ **Краснопольскій** и Преподаватель Уфимскаго Землемѣрнаго Училища, Статскій Совѣтникъ **Мартыновскій**—оба на пять лѣтъ, съ 14 октября 1899 года.

Уволенъ, согласно прошенію, отъ должности: Классный Воспитатель Константиновскаго Межеваго Института, Межевой Инженеръ, Коллежскій Совѣтникъ **Кисловъ**, съ оставленіемъ въ занимаемой имъ должности Младшаго Преподавателя того же Института, съ 16 сентября 1899 года.

По губернской межевой части: Опредѣляются *на службу*: окончившіе курсъ съ званіемъ частныхъ землемѣровъ въ Землемѣрныхъ Училищахъ: Тифлисскомъ, **Ломидзе**—Младшимъ Помощникомъ Землемѣра при Тифлисской Судебной Палатѣ и Пензенскомъ, **Покровскій**—Чертежникомъ Ягутской Областной Чертежной; изъ нихъ послѣдній съ 22 сентября 1899 года.

Назначается: Старшій Помощникъ Землемѣра при Тифлисской Судебной Палатѣ для работъ въ Чертежной, Коллежскій Ассесоръ Саятновъ—Младшимъ Помощникомъ Землемѣра Кубанской Областной Чертежной, согласно прошенію.

Переводятся: Уѣздные Землемѣры губерній: Саратовской, Надворный Совѣтникъ Соколовъ и Тверской, Титулярный Совѣтникъ Дмитріевъ на таковыя же должности въ губерніи: первый—Курскую, а второй—Новгородскую и командированный для занятій въ Могилевскую Губернскую Чертежную, Младшій Землемѣрный Помощникъ Межевой Канцеляріи, неимѣющій чина Терентьевъ—для тѣхъ же занятій въ Херсонскую Губернскую Чертежную.

Увольняется отъ службы, согласно прошенію, по болѣзни: Уѣздный Землемѣръ Тобольской губерніи, Коллежскій Ассесоръ Третьяковъ.

Умершій исключенъ изъ списковъ: Старшій Помощникъ Землемѣра Кубанской Областной Чертежной, Губернскій Секретарь Старковъ.

КОРОННЫЙ СУДЪ НА КАВКАЗѢ

и

СУДЪ ПРИСЯЖНЫХЪ.

П. А. Ифлянда.

Подобно прочимъ окраинамъ нашего отечества, Кавказскому краю, при введеніи судебной реформы, не былъ дарованъ институтъ присяжныхъ засѣдателей, и вотъ уже въ теченіе многихъ лѣтъ правосудіе въ этой странѣ отправляется силами лишь короннаго суда. Край, сравнительно недавно покоренный, съ большимъ разнообразіемъ племенъ, нарѣчій и обычаевъ, съ мало развитою въ то время общественною жизнью,—исключалъ возможность предоставленія ему суда, требовавшаго привлеченія къ дѣлу правосудія лучшихъ народныхъ элементовъ, которые трудно было найти въ достаточномъ количествѣ среди неустойчивыхъ началъ общежитія и нравственности и рядомъ со слабо проведеннымъ въ массѣ народа правосознаніемъ. Пришлось ограничиться установленіемъ безприсяжнаго суда, и на долю его выпала тяжелая борьба, съ одной стороны, съ мѣстными условіями и тѣми же препятствіями, которыя сопротивлялись введенію суда присяжныхъ, и съ другой стороны,—съ тѣми трудностями, которыя были надвинуты особенностями самаго устройства безприсяжнаго суда. Не легко было добиваться истины въ той средѣ, гдѣ не вполне еще созрѣло сознаніе о необходи-

мости ея и гдѣ такая незрѣлость, рука объ руку съ племенными и религиозными раздорами, дружно противилась задачамъ правосудія. Лишенный, въ силу необходимости, содѣйствія со стороны судей изъ народа, судъ коронный находилъ въ то же время плохую помощь и въ тѣхъ случаяхъ, когда ему приходилось пользоваться услугами того же народа въ лицѣ его представителей, повинныхъ правдою свидѣтельствовать на судѣ объ извѣстныхъ имъ событіяхъ. Свѣдѣнія о неудобствахъ и лишеніяхъ, сопряженныхъ съ географическими и этнографическими особенностями Кавказскаго края, и о степени того умственного и нервного напряженія, которое вызывается стремленіемъ суда уяснить себѣ, говоритъ ли предъ нимъ голосъ правды и безпристрастія, или же голосъ личныхъ интересовъ и страстей, столь часто врывавшихся въ судебныя камеры,—всѣ эти свѣдѣнія, во многихъ подробностяхъ своихъ, стали достояніемъ всѣхъ интересующихся дѣломъ правосудія. Однако, пространство времени, въ добрую четверть вѣка, подвинуло насъ далеко впередъ отъ того момента, когда горести Кавказской судебной семьи были въ своемъ разгарѣ. Внѣшнія условія дѣятельности суда, благодаря развитію народнаго благосостоянія и увеличенію въ населеніи запаса духовныхъ и нравственныхъ силъ, измѣнились къ лучшему, и рядомъ съ этимъ окрѣпъ и судъ, работавшій все время одинъ надъ разрѣшеніемъ поставленной ему трудной задачи. Неизмѣнною остается лишь та сторона дѣятельности суда, которая, для обновленія своего, нуждается въ вѣдѣніи законодателя,—а именно, внутреннія условія этой дѣятельности, лежація въ самомъ устройствѣ Кавказскаго суда, и чѣмъ далѣе, тѣмъ сильнѣе сознается настоятельная потребность въ такомъ обновленіи, тѣмъ болѣе основаній получаетъ судъ,—по крайней мѣрѣ судъ Сѣвернаго Кавказа,—съ тоскою оглядываться на сѣверъ, гдѣ давно уже призванъ къ жизни судъ присяжныхъ со всѣми его преимуществами предъ одинокимъ короннымъ судомъ.

Особенности въ устройствѣ Кавказскаго суда заключаются, какъ извѣстно, въ существованіи здѣсь, подобно другимъ нашимъ окраинамъ, двухъ судебныхъ инстанцій, рассматри-

вающихъ по существу одно и то же дѣло, нерѣдко постановляющихъ по одному и тому же дѣлу разные и совершенно исключаютеліе другъ друга приговоры, на основаніи одного и того же матеріала судебного слѣдствія. Влекушіе за собою весьма серьезныя послѣдствія приговоры суда, видѣвшаго и слышавшаго живыхъ свидѣтелей преступнаго событія, возстановившаго картину преступления и создавшаго себѣ убѣжденіе по дѣлу подъ вліяніемъ непосредственныхъ, живыхъ впечатлѣній всего происходившаго на судебномъ слѣдствіи предъ его глазами,—провѣряются по существу другимъ судомъ, въ громадномъ большинствѣ случаевъ, на основаніи одного лишь бумажнаго производства. Судъ, пользующійся такимъ благомъ, какъ устность, и по характеру своей умственной работы, при рѣшеніи участи подсудимаго, напоминающей собою судъ присяжныхъ, контролируется другимъ судомъ, который, при подавляющемъ его избыткіи труда, лишень физической возможности такимъ же путемъ, какъ и пизшій судъ, создавать себѣ убѣжденіе по дѣлу. Установленіе такихъ двухъ степеней суда имѣло, прежде всего, непзбѣжнымъ своимъ послѣдствіемъ особенное, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ, судебное производство, существенно отличающееся отъ производства въ судѣ съ присяжными засѣдателями. Важнѣйшая часть того матеріала, на которомъ основывается вердиктъ присяжныхъ засѣдателей, а именно сущность свидѣтельскихъ по дѣлу показаній, остается въ совѣсти присяжныхъ, обязанныхъ и отчетомъ въ своихъ дѣйствіяхъ передъ одною совѣстью своею. Не имѣя надъ собою такого суда, который въ правѣ былъ бы съизнова приступать къ разсмотрѣнію дѣла по существу, судъ присяжныхъ не нуждается ни въ изложеніи свидѣтельскихъ показаній въ протоколѣ судебного засѣданія, ни въ изложеніи въ судебномъ приговорѣ тѣхъ мотивовъ и соображеній, по силѣ которыхъ приговоръ этотъ пришелъ къ тому или другому выводу. Условіями же дѣятельности безприсяжнаго суда вызывается необходимость въ надлежащемъ изложеніи того и другого матеріала, которымъ и пользуется судебная палата при пересмотрѣ дѣла по существу.

Возникаетъ весьма существенной важности вопросъ о томъ, каковы должны быть тѣ письменные акты, которые представляются окружнымъ судомъ въ судебную палату вмѣстѣ съ дѣломъ, подлежащимъ ея разсмотрѣнію, чтобы дать палатѣ возможность составить себѣ правильное убѣжденіе по существу дѣла. Ни одинъ протоколъ судебного засѣданія, по болѣе или менѣе сложному и серьезному дѣлу, хотя-бы онъ былъ составленъ наиболѣе привычнымъ составителемъ подобныхъ протоколовъ, не въ состояніи дать полное отраженіе всего происходившаго на судѣ, и ни одинъ мотивированный приговоръ суда, хотя-бы онъ былъ составленъ наиболѣе опытнымъ судьей, не въ силахъ съ точностью возстановить тѣ непосредственныя и живыя, иногда едва уловимыя и неподдающіяся возстановленію на бумагѣ впечатлѣнія, подъ вліяніемъ которыхъ сложилось убѣжденіе окружного суда по существу разсмотрѣннаго имъ дѣла. Бумага никогда не можетъ вполне замѣнить собою живыхъ людей и живую рѣчь, и такимъ образомъ, во всѣхъ случаяхъ, когда судебная палата перерѣшаетъ дѣло на основаніи бумажнаго производства,—а такихъ случаевъ бываетъ громадное большинство,—она пользуется матеріаломъ низшаго достоинства, чѣмъ тотъ, который былъ въ распоряженіи окружного суда при разсмотрѣніи того же дѣла. Другими словами—разсмотрѣніе дѣла въ первой судебной инстанціи обставлено лучшими гарантіями, чѣмъ пересмотръ того же дѣла по существу высшею судебною инстанціей, окончательно, однако, постановляющею серьезный по своимъ послѣдствіямъ судебный приговоръ. Выводъ этотъ представится тѣмъ болѣе правильнымъ, если имѣть въ виду недостаточность того служебнаго персонала, который обнаруживалъ бы удовлетворительное умѣнье къ правильному составленію протоколовъ судебныхъ засѣданій, имѣющихъ весьма важное и рѣшающее значеніе по существу въ судѣ безприсяжномъ.

Понятно, что, при изложенныхъ условіяхъ производства дѣлъ въ окружномъ судѣ и въ судебной палатѣ, стремленія окружного суда должны быть направлены къ тому, чтобы письменный матеріалъ, на основаніи котораго палата

должна провѣрять правильность приговора суда, представляя, по возможности, наиболѣе полное и правильное отраженіе всего происходившаго на судѣ. Практика Кавказскихъ судовъ давно уже установила правило, по которому показанія свидѣтелей по существу дѣла должны быть заносимы въ протоколъ судебного засѣданія съ надлежащею полнотою и подробностью. Статья 839 уст. угол. суд. предписываетъ по дѣламъ, разсматриваемымъ безъ участія присяжныхъ засѣдателей, вносить въ протоколъ судебного засѣданія вкратцѣ показанія по существу дѣла, въ чемъ они несогласны съ протоколами предварительнаго слѣдствія. Рекомендую записывать показанія свидѣтелей вкратцѣ, законъ нигдѣ, однако, не запрещаетъ подробнаго изложенія свидѣтельскихъ показаній въ тѣхъ случаяхъ, когда это требуется интересами дѣла, и въ безприсяжномъ судѣ представляется въ высшей степени важнымъ, во многихъ случаяхъ, именно подробное, полное и живое изложеніе свидѣтельскихъ показаній по существу дѣла. Пока существуетъ судебная палата, какъ апелляціонная инстанція суда, которая, перерѣшая дѣла по важнымъ преступленіямъ, не видитъ передъ собою свидѣтелей и подсудимаго и не слышитъ ихъ живого слова, а мучится въ своихъ сомнѣніяхъ надъ бумажнымъ производствомъ, окружный судъ долженъ быть озабоченъ тѣмъ, чтобы по всякому дѣлу, поступающему для новаго разсмотрѣнія по существу въ судебную палату, матеріалъ судебного слѣдствія, по возможности, наиболѣе напоминалъ собою непосредственно полученныя судомъ данныя, и чтобы судебный приговоръ не обнаруживалъ недостатка въ надлежащемъ освѣщеніи сгруппированныхъ по дѣлу фактовъ и въ убѣдительности своихъ выводовъ. Не вдаваясь, съ одной стороны, въ излишнее многословіе, протоколъ судебного засѣданія и приговоръ окружнаго суда не должны, однако, съ другой стороны, увлекаться и чрезмѣрною краткостью, благодаря которой нерѣдко обезцвѣчиваются и ступшеваются важные моменты дѣла, а затѣмъ еще болѣе ухудшается, при апелляціонномъ пересмотрѣ дѣла, положеніе судебной палаты, и безъ того получающей, какъ сказано

выше, худшій матеріалъ по дѣлу, сравнительно съ имѣвшимся въ свое время въ распоряженіи окружнаго суда. Поэтому невозможно безусловно согласиться съ мнѣніемъ тѣхъ, которые полагаютъ, что безприсяжнымъ окружнымъ судомъ будутъ исполнены всѣ обязанности по дѣлу, если изложеніе свидѣтельскаго показанія въ протоколѣ судебного засѣданія ограничится фразою: „показаль то же, что и на предварительномъ слѣдствіи“,—при условіи такого тождества свидѣтельскихъ показаній,—и если приговоръ окружнаго суда ограничится въ своихъ мотивахъ почти простыми ссылками на свидѣтельскія показанія, избѣгая надлежащей разработки и освѣщенія добытаго судебнымъ слѣдствіемъ матеріала. Источникъ, откуда беретъ свое начало такое мнѣніе, самъ по себѣ правиленъ: онъ заключается въ томъ, что Кавказъ обремененъ громаднымъ количествомъ уголовныхъ дѣлъ, и что члены судебныхъ мѣстъ вынуждены составлять судебные приговоры въ тѣ немногіе часы, которые необходимы для возстановленія затраченныхъ силъ и переутомленныхъ нервовъ,—возстановленія, въ особенности необходимаго для судьи, обязаннаго по истеченіи этихъ немногихъ часовъ опять призывать лучшія свои силы къ разрѣшенію участи своего ближняго. Но изложенное выше мнѣніе, тѣмъ не мене, не можетъ считаться правильнымъ во всѣхъ случаяхъ, такъ какъ, при существованіи судебной палаты, какъ апелляціонной инстанціи по важнымъ преступленіямъ, такіа увлеченія сокращеніями, угрожая опасностью лишитъ палату почти всего, чего она ожидаетъ отъ суда непосредственнаго, а слѣдовательно, и опасностью повлечъ за собою вредныя послѣдствія при окончательномъ рѣшеніи дѣла, очевидно, несогласны съ интересами правосудія.

Другое мнѣніе, вытекающее, напротивъ, изъ стремленія усовершенствовать изложеніе всего письменнаго матеріала, на основаніи котораго судебной палатѣ приходится провѣрять правильность приговора окружнаго суда, было высказано въ одномъ изъ безприсяжныхъ судебныхъ округовъ и заключается въ томъ, что составленіе протоколовъ судебныхъ засѣданій было бы полезно предоставить одному изъ судей,

принимающихъ участіе въ разсмотрѣніи дѣла по существу. Но и съ этимъ мнѣніемъ, хотя и основаннымъ на признаніи большей практической опытности за членомъ суда, чѣмъ за секретаремъ, трудно согласиться. Работа судьи, участвующаго въ разсмотрѣніи дѣла, болѣе или менѣе сложнаго, начинается въ его умѣ нерѣдко уже за судейскимъ столомъ. Онъ долженъ не только слушать подсудимаго и свидѣтелей, но и видѣть ихъ и наблюдать за ними; онъ весь находится подъ впечатлѣніями возстановляющихся предъ нимъ картинъ разсматриваемыхъ событій, смѣняющихъ одна другую; онъ прислушивается къ живой рѣчи свидѣтелей и къ живому слову оправдывающаго себя подсудимаго: онъ смотритъ въ глаза всѣмъ этимъ живымъ лицамъ, и во всемъ этомъ его сила и его преимущество предъ всякимъ другимъ судомъ, который, при рѣшеніи участи подсудимаго, поставленъ лицомъ къ лицу лишь съ бумажнымъ производствомъ. Еще за судейскимъ столомъ начинаетъ нерѣдко зарождаться и принимать болѣе или менѣе ясныя очертанія убѣжденіе судьи по существу дѣла; убѣжденіе это то укрѣпляется, то ослабѣвается новыми сомнѣніями, подъ вліяніемъ вновь нарождающихся подробностей и оттѣнковъ дѣла, пока не окрѣпнетъ окончательно и безповоротно послѣ разсмотрѣнія всего дѣла и среди живого обмѣна мыслей и мнѣній въ судебной коллегіи. Съ такою происходящею въ душѣ судьи работою совершенно несовмѣстимо отвлеченіе его силъ и вниманія въ другую сторону, — къ составленію протокола судебного засѣданія, въ которомъ, при всемъ безпристрастіи и при всей опытности судьи, невольно скажется, въ изложеніи свидѣтельскихъ показаній по существу, вліяніе его личныхъ впечатлѣній и выводовъ. Составленіе судьей протокола судебного засѣданія, одновременно съ участіемъ его въ разсмотрѣніи дѣла по существу, будетъ мѣшать его работѣ, какъ судьи въ судебномъ засѣданіи, и, наоборотъ, эта судейская работа его будетъ мѣшать его занятію по составленію протокола.

Споры о томъ, что предпринять и какъ помочь дѣлу правосудія въ судѣ безприсяжномъ, будутъ, однако, безконечны и едва-ли достигнутъ какого-либо опредѣленнаго и

полезнаго результата, если останется неизмѣненнымъ самое устройство этого суда. Кавказскіе суды и судебная палата уже въ теченіе многихъ лѣтъ служатъ дѣлу правосудія добросовѣстнымъ и тяжелымъ трудомъ, занимающимъ едва-ли послѣднее мѣсто въ ряду тѣхъ факторовъ, которые содѣйствовали прогрессивному развитію страны, но существованіе этихъ судовъ въ нынѣшнемъ ихъ устройствѣ, тѣмъ не менѣе, всегда будетъ сопровождаться цѣлымъ рядомъ нежелательныхъ явленій. Отличительными чертами даже и наилучшаго безприсяжнаго суда всегда будутъ: прежде всего вѣчныя заботы о неосуществимомъ усовершенствованіи письменнаго матеріала, получаемаго палатою взамѣнъ всего того живого, которое непосредственно получилъ окружный судъ, и въ результатъ—представленіе палатѣ все-таки слишкомъ плохого матеріала—для того, чтобы служить ей гарантіей правильнаго рѣшенія дѣла; затѣмъ довольно частые случаи отмѣны палатою приговоровъ окружнаго суда, въ особенности же постановленія палатою оправдательныхъ приговоровъ взамѣнъ постановленныхъ окружнымъ судомъ обвинительныхъ; при чемъ значительный процентъ случаевъ такой полной отмѣны объясняется, съ одной стороны,—какъ неоднократно уже замѣчалось,—представленіемъ въ судебную палату неудовлетворительно составленныхъ протоколовъ судебныхъ засѣданій, съ другой стороны,—самою невозможностью сообщить представляемымъ въ палату бумагамъ такую же силу, какую имѣютъ въ отношеніи къ окружному суду устность и непосредственность; далѣе—увеличеніе числа подаваемыхъ въ палату апелляціонныхъ жалобъ и невольное дискредитированіе окружнаго суда въ глазахъ населенія неизбѣжными случаями отмѣны приговоровъ окружнаго суда по существу, и, наконецъ, всѣмъ извѣстная въ безприсяжномъ судѣ жалкая роль сторонъ въ судебномъ состязаніи, и постоянный и чрезмѣрный трудъ судей и канцеляріи послѣ судебныхъ засѣданій, сопряженный съ большою трагою времени и силъ, при составленіи необходимыхъ въ безприсяжномъ судѣ письменныхъ актовъ.

Поэтому, разъ налицо имѣются хотя-бы нѣкоторыя указанія на способность страны къ воспринятію лучшей формы

суда, — скорѣйшій переходъ къ послѣдней отъ временнаго, введеннаго въ силу необходимости, безприсяжнаго суда, со всѣми его неудобствами, представляется весьма желательнымъ, и мы полагаемъ, что Сѣверный Кавказъ доросъ уже до того, чтобы приобщить его къ семьѣ судовъ съ присяжными засѣдателями. Жизнь Сѣвернаго Кавказа, со времени дарованія ему судебной реформы, ушла впередъ. Мы видимъ здѣсь быстро растущіе и развивающіеся города, благоустроенныя станицы и селенія, улучшенныя и усовершенствованныя пути сообщенія, болѣе широкое, сравнительно съ прошлымъ, распространеніе грамотности и все болѣе устанавливающіяся миролюбивыя отношенія между разноплеменными элементами народонаселенія. Народъ привыкъ къ новому суду и въ достаточной степени уразумѣлъ высоту тѣхъ началъ, на которыхъ судъ этотъ созданъ; лучшіе же люди изъ народа, несомнѣнно, съ любовью и гордостью готовы будутъ принять участіе въ отправленіи правосудія. Судъ присяжныхъ будетъ постояннымъ проводникомъ правосознанія въ массы народа и, будучи явленіемъ несравненно болѣе жизненнымъ, чѣмъ судъ безприсяжный, — утомленный и дряхлѣющій, — сообщитъ новую жизнь и всей странѣ, которая быстро поднимется до уровня своихъ сѣверныхъ сосѣдей. Напрасно противники введенія суда присяжныхъ на Сѣверномъ Кавказѣ указываютъ на племенную и религіозную рознь въ мѣстномъ населеніи и, въ особенности, на антагонизмъ, обнаруживающійся между кореннымъ казачьимъ населеніемъ и такъ называемыми „иногородними“ людьми (пришлыми элементами народонаселенія неказачьяго сословія). Этотъ антагонизмъ и эта рознь, преувеличиваемыя обыкновенно на словахъ, въ дѣйствительности вовсе не представляютъ серьезными препятствіями ко введенію на Сѣверномъ Кавказѣ института присяжныхъ засѣдателей. Нерасположеніе магометанъ къ православнымъ, казаковъ къ иногороднимъ, и наоборотъ, далеко не является общимъ и неизмѣннымъ правиломъ: оно изрѣдка прорывается при случаѣ, при мелкихъ столкновеніяхъ или въ незначительныхъ спорахъ, но вовсе не является постоянно обостреннымъ настолько, чтобы всякій черкесь, казакъ и ино-

городній всегда приносилъ съ собою на судъ свои личныя симпатіи и антипатіи. Можно указать на тысячи разрѣшенныхъ судами Сѣвернаго Кавказа дѣлъ, по которымъ являвшіеся въ качествѣ свидѣтелей казаки, иногородніе и представители разныхъ магометанскихъ племенъ, не взирая на принадлежность подсудимаго или потерпѣвшаго къ тому или другому племени, сословію, классу, или къ той или другой религіи, свидѣтельствовали одну правду, и судъ постановлялъ приговоры, умиротворявшіе общественную совѣсть, удовлетворявшіе судъ и стороны. Пристрастныя и лживыя показанія свидѣтелей на судѣ случаются на Сѣверномъ Кавказѣ скорѣе изъ личныхъ или корыстныхъ видовъ свидѣтелей, чѣмъ на почвѣ племенныхъ или религіозныхъ симпатій или антипатій, которыя обнаруживаются въ рѣдкихъ случаяхъ, умолкая обыкновенно подъ вліяніемъ важности минуты и святости присяги. Тѣмъ болѣе добросовѣстно будутъ исполнять свой долгъ тѣ лучшіе люди изъ народа, которымъ будетъ предоставлена высокая честь служить дѣлу правосудія: лучшіе казаки, иногородніе и горцы, одинаково возмущающіеся преступленіемъ, кѣмъ бы оно ни было совершено, одинаково озабоченные мирнымъ развитіемъ своимъ и сознающіе, что необходимыми условіями такого развитія являются: справедливая кара правонарушителю и защита ни въ чемъ неповинному.

Совершенно иной міръ представляетъ Закавказскій край, въ которомъ далеко еще не подготовлена почва для воспріятія суда съ участіемъ народныхъ элементовъ. Воспоминанія наши объ этомъ замѣчательномъ краѣ относятся къ недавнему прошлому, насчитывая всего лишь шесть-семь лѣтъ, и имѣютъ своимъ содержаніемъ факты почти анекдотическаго свойства и притомъ въ такой степени, что мы не рѣшились бы оглашать ихъ, если бы не имѣли въ свое время случай лично съ ними сталкиваться. Если мысленно перенестись къ тому времени, когда этой странѣ была дарована судебная реформа съ ея новыми началами, то можно будетъ представить себѣ, какое должна была она произвести впечатлѣніе на полудикаго татарина, курда, осетина, хевсура. По-

явленіе въ лицѣ представителя слѣдственной власти особаго разслѣдователя такихъ событій, которыя въ былое время безнаказанно хоронились въ неприступныхъ горахъ или уносились и безслѣдно разбивались грозными горными потоками, установленіе публичнаго изобличителя всякаго зла, установленіе новаго суда, нелицепріятнаго и такъ внимательно прислушивающагося къ страннымъ рѣчамъ какого-нибудь провинившагося курда,—все это должно было изумить полудикія племена далекаго Закавказья, которыя очень скоро, повидимому, поняли силу новыхъ учрежденій и въ то же время увидѣли, что эта сила должна враждебно относиться, между прочимъ, къ ихъ родному, вѣками взлелѣянному обычаю кровной мести. И вотъ, въ этой разноплеменной, полудикой странѣ, которая уже сама по себѣ во всѣхъ отношеніяхъ представляетъ большія трудности при служеніи дѣлу правосудія, началась еще своеобразная борьба противъ новыхъ началъ, дарованныхъ Закавказью, и притомъ борьба,—по средствамъ, къ которымъ она стала прибѣгать,—весьма опасная, такъ какъ средствами этими явились ложь и обманъ, направленные къ тому, чтобы вводить правосудіе въ заблужденіе, ради удовлетворенія личныхъ интересовъ и страстей. Открытое мщеніе по отношенію къ своему противнику стало представлять неудобства для татарина и курда, такъ какъ слѣдователь, присланный въ тотъ край для разслѣдованія зла, обнаружить виновнаго и ему будетъ угрожать опасность подвергнуться наказанію ¹⁾. По-

---

¹⁾ Намъ пришлось встрѣтиться съ оригинальнымъ взглядомъ татаръ и курдовъ, живущихъ и кочующихъ около горы Арарата. Въ должностныхъ лицахъ они видятъ уполномоченныхъ „Падишаха“ (такъ называютъ они Государя Императора), который прислалъ этихъ своихъ уполномоченныхъ для поддержанія порядка среди подданныхъ въ обширныхъ своихъ владѣніяхъ. Въ числѣ уполномоченныхъ „Падишаха“ величайшею въ мірѣ властью облеченъ слѣдователь, такъ какъ онъ властенъ, когда ему только вздумается, лишить всякаго человѣка того блага, которое въ жизни для него всего дороже, а именно свободы, и притомъ нерѣдко на продолжительное время.—Должностныя лица, а въ особенности слѣдователь, пользуются тамъ большимъ уваженіемъ со стороны населенія. Вышеизложенный взглядъ на слѣдователя, какъ на весьма важнаго „уполномоченнаго отъ Падишаха“, нашель себѣ характерное выраженіе въ слѣдующей поговоркѣ, сообщен-

этому, призывая на помощь всю свою богатую южную фантазію, мститель съ хитростью измышляетъ другіе способы для уничтоженія своего врага, прикрываясь въ то же время внѣшнею законностью своихъ дѣйствій. Пользуясь, для удовлетворенія своихъ страстей, тою же великою реформой, которая озабочена тѣмъ, чтобы подъ сѣнью ея мирно развивалась жизнь каждаго человѣка въ отдѣльности и всего общества, онъ стремится поставить своего врага въ положеніе обвиняемаго въ преступленіи, вовсе имъ не совершенномъ, и путемъ лжи старается добиться его осужденія и удаленія отъ родныхъ горъ, безъ которыхъ онъ жить не можетъ. Съ этой цѣлью, либо придумывается преступленіе, въ дѣйствительности вовсе не совершенное, и виновникомъ его выставляется врагъ, который долженъ быть отомщенъ, либо въ преступленіи, дѣйствительно совершенномъ, обвиняется потерпѣвшимъ или его родственниками не то лицо, которое совершило преступленіе, а то, которое должно быть отомщено за какую-нибудь обиду, либо рядомъ съ обвиненіемъ дѣйствительнаго виновника—умышленно обвиняется въ преступленіи еще и врагъ потерпѣвшаго. Мы помнимъ дѣла о разбойническихъ нападеніяхъ на сакли татаръ, нападеніяхъ, вовсе не имѣвшихъ мѣста въ дѣйствительности, а измышленныхъ мнимыми потерпѣвшими, которые взводили напрасное обвиненіе на своихъ враговъ или недоброжелателей. Сакли при осмотрѣ оказывались съ проломами въ стѣнахъ, черезъ которые будто-бы проникли злоумышленники; внутри сакель обнаруживался беспорядокъ, произведенный недавнимъ нападеніемъ; въ стѣнахъ сакли оказывались пули огнестрѣльнаго оружія, изъ котораго будто-бы стрѣляли преслѣдовавшіеся хозяевами и сосѣдами разбойники, а около сакли были и слѣды нападавшихъ и ихъ лошадей. При

ной намъ однимъ изъ татаръ Эриванской губерніи: „первый въ мірѣ—Аллахъ (Богъ), второй—Падишахъ (Государь Императоръ), а третій—„слещи“ (по татарски—слѣдователь; буквально—слѣдственныхъ дѣлъ мастеръ). Горе тому, кто осмѣлится оказать явное противодѣйствіе могущественному „слѣдственныхъ дѣлъ мастеру“! Съ нимъ можно бороться только хитростью.

этомъ выставлялись десятки очевидцевъ преступленія, которые изобличали въ разбоѣ разныхъ лицъ, виновныхъ только въ томъ, что между ними и лицами, возбудившими дѣло, существовала непримиримая вражда. Неповинные ни въ чемъ обвиняемые, защищая себя, выставляли противъ лжесвидѣтелей, представленныхъ мнимымъ потерпѣвшимъ, своихъ лжесвидѣтелей и запутывались во лжи и несообразностяхъ. Въ такихъ дѣлахъ, сплетенныхъ изъ вымысла и обмана, приходилось слѣдственной и прокурорской власти и суду съ громадною осторожностью искать истину и тратить при этомъ время, необходимое для разслѣдованія дѣйствительныхъ и серьезныхъ преступленій, которыми изобилуетъ Закавказскій край.

Чувство мести, проявляющееся обыкновенно на низкихъ ступеняхъ развитія человѣческаго общества, въ такой степени сильно развито въ массѣ Закавказскаго населенія,—въ особенности же въ болѣе южныхъ мѣстностяхъ Закавказья,—что метительный татаринъ или курдь, которому не даетъ покоя благополучіе его врага, пользуется всякимъ удобнымъ случаемъ, чтобы отомстить ему. Бывали случаи, когда пострадавшій отъ преступленія не указывалъ на дѣйствительнаго виновника, котораго онъ хорошо зналъ и который даже изобличался данными слѣдствія, а вспоминалъ съ однимъ изъ своихъ враговъ и его одного обвинялъ въ преступленіи ¹⁾. Случаи подобной замѣны дѣйствительно виновнаго въ преступленіи другимъ—мнимымъ, въ лицѣ врага потерпѣвшаго, представляются естественными съ точки зрѣнія психологической: потерпѣвшій, надъ которымъ только-что совершено преступленіе, раздраженъ противъ виновнаго и видитъ въ немъ новаго обидчика и врага, но это новое, только-что возникшее раздра-

---

¹⁾ Намъ извѣстенъ случай, когда курдь, смертельно раненный кинжаломъ въ ссорѣ со своимъ односельцемъ, уже умирая отъ раны, умышленно обвинялъ не дѣйствительнаго поранителя, а давнишняго врага своего и, будучи еще въ твердой памяти, настаивалъ на правдивости своего показанія, хотя показаніе его опровергалось очевидцами преступленія. Даже близость смерти, примиряющей обыкновенно, не могла примирить его съ врагомъ.

женіе по силѣ своей уступаетъ старой враждѣ къ другому лицу, котораго ждалъ всякій удобный случай, чтобы уничтожить его, и когда такой случай представился, то старая, постоянно возрастающая жажда мщенія оказывается сильнѣе недавно перенесенной, хотя и самой тяжелой, обиды. Стремленіе преувеличивать истинное значеніе подлежащихъ разслѣдованію событій представляется въ томъ краѣ обычнымъ явленіемъ. Простыя кражи превращаются въ грабежи и разбои, пораненія въ состояніи запальчивости или раздраженія—въ покушенія на убійство съ заранѣе обдуманномъ намѣреніемъ, которое послѣдовательно и съ большимъ умѣньемъ устанавливается цѣлымъ рядомъ свидѣтелей; вмѣстѣ же съ лицами, дѣйствительно совершившими преступленіе, обвиняются, ради полученія потерпѣвшими разныхъ выгодъ, и другія лица, не принимавшія никакого участія въ преступленіи, и дѣла, простыя и несложныя, принимаютъ нерѣдко фантастическіе размѣры. Намъ памяты два селенія К. и Н. въ одномъ изъ дальнихъ угловъ Закавказья; селенія эти,—одно съ христіанскимъ, а другое съ мусульманскимъ населеніемъ,—примыкая другъ къ другу, отдѣляются одно отъ другого небольшою рѣчкой и великою враждою, выросшею на почвѣ племенной и религіозной розни, а соединяются переброшеннымъ черезъ рѣчку деревяннымъ мостомъ. Изъ христіанскаго селенія была похищена христіанская дѣвушка однимъ изъ мусульманъ смежнаго селенія. Спустя нѣкоторое время послѣ этого, родственники похищенной отправились въ мусульманское селеніе, чтобы силою отнять ее отъ похитителей, при чемъ въ столкновеніи, происшедшемъ между обитателями дома, въ которомъ находилась похищенная, и отнимавшими ее, былъ смертельно раненъ хозяинъ дома, подвергшагося нападенію. Вмѣсто того, чтобы указать поранителя, родственники убитаго мусульманина стали обвинять всѣхъ лучшихъ, вліятельныхъ и наиболѣе состоятельныхъ жителей смежнаго христіанскаго селенія въ совершеніи разбойническаго нападенія на домъ убитаго. Многіе десятки свидѣтелей удостовѣряли, что они видѣли, какъ цѣлая толпа людей, вооруженныхъ всевозможнымъ оружіемъ

и ободряемыхъ церковнымъ колокольнымъ звономъ, направилась черезъ мостъ въ домъ потерпѣвшаго, который и былъ убитъ тѣми людьми и ограбленъ, при чемъ похищено было много драгоценныхъ вещей. Съ большою подробностью описывались свидѣтелями роли въ этомъ дѣлѣ каждаго изъ обвиняемыхъ, къ которымъ былъ предъявленъ потерпѣвшими и гражданскій искъ въ нѣсколько тысячъ рублей. Настойчивость, съ которою потерпѣвшіе и ихъ сторонники развивали весь свой тщательно обдуманый планъ этого обвиненія, соответствовала той силѣ, съ которою они добивались наживы и въ то же время быстро уничтоженія многихъ ненавистныхъ имъ людей при представившемся для того удобномъ случаѣ. Живость всего обвиненія была установлена предварительнымъ слѣдствіемъ, и дѣло это было прекращено судомъ, послѣ того, однако, когда многія ни въ чемъ невиновныя лица по необходимости должны были содержаться продолжительное время подъ стражей. Вся масса фигурировавшихъ въ этомъ дѣлѣ жесвидѣтелей была поражена изумленіемъ, въ особенности, въ тѣхъ случаяхъ, когда путемъ мѣстныхъ осмотровъ было установлено, что, находясь, согласно ихъ показаніямъ, въ томъ или другомъ мѣстѣ, они не могли вовсе видѣть тѣ событія, о которыхъ свидѣтельствовали.

Но и такой неудачный исходъ живаго обвиненія, какъ показываетъ опытъ, служить на будущее время хорошимъ урокомъ для Закавказскихъ жесвидѣтелей, которые славятся своею изворотливостью и предусмотрительностью и стараются предугадать предстоящія по дѣлу мѣропріятія со стороны „слѣдственныхъ дѣлъ мастера“. Услугами жесвидѣтелей пользуются, для удовлетворенія своихъ личныхъ интересовъ, и правый, и неправый изъ темной массы народа. Указывали даже на одну мѣстность въ Закавказьѣ, въ которой установившіеся размѣры вознагражденія профессиональныхъ жесвидѣтелей измѣнялись въ зависимости отъ времени года, состоянія дорогъ и разстоянія отъ мѣста жительства „нанимающагося“ свидѣтеля до мѣста разсмотрѣнія дѣла судомъ; лично же намъ извѣстенъ и такой случай, когда хевсуры—потерпѣвшій и свидѣтели—совершенно отказались на судѣ отъ всѣхъ своихъ по-

казаній, данныхъ на предварительномъ слѣдствіи и послужившихъ основаніемъ для преданія хевсура же суду по обвиненію въ преступленіи, предусмотрѣнномъ ст. 995 улож. наказ., а затѣмъ, получая отъ секретаря прогоны за явку въ судъ и выражая свое удовольствіе, при видѣ денегъ, разными полудикими тѣлодвиженіями, простодушно сознались, что все дѣло было ими въ свое время измышлено исключительно ради полученія впослѣдствіи прогонныхъ денегъ, послѣ чего въ безмѣрной радости отправились обратно, покрытые лохмотьями, на свои страшныя горы, на которыхъ они обитаютъ выше облаковъ.

Вышеописанная изобрѣтательность въ своеобразномъ пользованіи Судебными Уставами, ради удовлетворенія личныхъ интересовъ и страстей, не наблюдается на Сѣверномъ Кавказѣ, по крайней мѣрѣ въ настоящее время, а въ Закавказьѣ едва-ли произошли въ этомъ отношеніи серьезныя перемѣны къ лучшему въ теченіе послѣднихъ шести-семи лѣтъ, составляющихъ незначительный періодъ времени для развитія этой во всемъ безконечно разнообразной страны, въ которой слабо еще бьется жизненный пульсъ и медленно прививается въ массѣ населенія сознание права и справедливости. О степени такого сознанія въ томъ краѣ въ настоящее время достаточно свидѣтельствуютъ приведенныя нами наблюденія, и едва-ли приходится распространяться о томъ, что масса Закавказскаго населенія представляется несравненно ниже по своему развитію, чѣмъ населеніе Сѣвернаго Кавказа, и далеко еще не внушаетъ къ себѣ того довѣрія, которое необходимо при установленіи суда съ народными элементами. Судебная реформа и тамъ совершаетъ свое дѣло, ибо заключающаяся въ ней сила могущественнѣе всякаго противодѣйствія, но это дѣло постепеннаго насажденія въ народѣ началъ законмѣрности должно совершаться пока еще самостоятельно судомъ короннымъ, безъ участія представителей той среды, которая неспособна еще къ отправленію правосудія. Сѣверный же Кавказъ ждетъ судебного преобразованія, и если ему будетъ дарованъ судъ присяжныхъ, то судебная палата, освобожденная отъ разсмотрѣнія по существу

многихъ возникающихъ на Сѣверномъ Кавказѣ дѣлъ, будетъ имѣть возможность съ большою пользою трудиться для блага Закавказскаго края, и трудъ этотъ, можетъ быть, проявлялся бы тогда нерѣдко путемъ суда живаго и непосредственнаго, взаимнѣ бумажнаго, а, слѣдовательно, и безжизненнаго.

МЪРЫ ПРЕСЪЧЕНІЯ
СПОСОБОВЪ УКЛОНЯТЬСЯ ОТЪ СЛѢДСТВІЯ
И СУДА.

І. Е. Павловскаго.

L'homme est né libre et partout il est dans
les fers.

Ж. Ж. Руссо.

Приведенныя слова великаго французскаго мыслителя по поводу сознанный имъ необходимости подчиненія частной „воли всѣхъ“ (la volonté de tous) общей волѣ государства (la volonté générale) ¹⁾ заключаютъ въ себѣ глубокой, роковой смыслъ въ области уголовной социологии. Въ послѣднее время на основаніи данныхъ психологии, физиологии и естественныхъ наукъ все болѣе и болѣе обнаруживается сознание, что преступность человѣчества зависитъ не отъ его свободной воли, а отъ цѣлаго ряда разнообразныхъ условій и причинъ, находящихся внѣ его и въ немъ самомъ, какъ въ болѣзненномъ организмѣ. Сила этихъ разнообразныхъ условій такъ могущественна и неотразима, до того сковываетъ человѣчество тяжелою цѣпью, что, по словамъ извѣстнаго уголовного статистика Кетле, „нѣтъ никакого налога, который платился бы съ

¹⁾ Du contrat social.

такую правильностью, съ какою человѣчество платитъ налогъ путемъ преступленій“. Всѣ новѣйшія законодательства, слѣдующія указаніямъ науки, стали иначе относиться къ преступности вообще, къ вопросу о правѣ, способѣ и цѣли наказанія и средствахъ уголовного преслѣдованія. Карательная власть государства, ведущая свое начало отъ древней теоріи мести, переходитъ въ роль воспитательную, исправительную, лѣчебную, а самые приемы и средства уголовного процесса, въ которомъ раньше преобладала пытка, какъ способъ добиться признанія обвиняемаго, переходятъ въ рядъ весьма разнообразныхъ гуманныхъ мѣръ, обеспечивающихъ возможно полное раскрытіе истины въ самомъ широкомъ значеніи этого слова, не только для выясненія факта совершенія или несовершенія обвиняемымъ данного преступления, но и вопроса о степени виновности и вмѣняемости, обусловленныхъ рядомъ предшествовавшихъ и сопровождавшихъ преступленіе обстоятельствъ.

Подготовительной стадіей уголовного процесса какъ у насъ, такъ и во всѣхъ западныхъ европейскихъ государствахъ является предварительное слѣдствіе, имѣющее вездѣ (исключая Англію) одинаковый приблизительно характеръ. Исключительную задачу предварительнаго слѣдствія составляетъ выясненіе событія и признаковъ преступления, также обстоятельствъ, указывающихъ на виновность или невиновность лицъ, заподозрѣнныхъ въ совершеніи преступления. Данные, установленныя слѣдствіемъ, служатъ основаніемъ либо прекращенія дальнѣйшаго уголовного преслѣдованія, либо преданія суду лица, привлеченнаго къ слѣдствію въ качествѣ обвиняемаго. Эта послѣдняя цѣль предварительнаго слѣдствія, т. е. поставленіе на судъ обвиняемаго, виновность котораго выяснена съ достаточною полнотою, вызываетъ необходимость принятія не только въ отношеніи лицъ, привлеченныхъ къ слѣдствію въ качествѣ обвиняемыхъ, но и, въ извѣстныхъ случаяхъ, въ отношеніи лицъ, заподозрѣнныхъ полиціею, мѣръ пресѣченія имъ способовъ уклоняться отъ слѣдствія и суда. Сообразно съ этимъ исключительнымъ значеніемъ въ новѣйшемъ уголовномъ процессѣ мѣръ пресѣ-

ченія обвиняемымъ способовъ уклоняться отъ слѣдствія и суда и должна быть построена система этихъ мѣръ, которыя ни въ какомъ случаѣ не должны являться какъ-бы началомъ наказанія, а слѣдовательно безъ крайней и дѣйствительной необходимости не должны тяжело отражаться на личности и свободѣ обвиняемаго, такъ какъ обвиняемый—не подсудимый и можетъ еще не быть преданъ суду.

Въ Римѣ, какъ извѣстно, во время республики, соответственно строю гражданской и общественной жизни „римскихъ гражданъ“, пользовавшихся значительными политическими и гражданскими правами, вовсе почти не примѣнялись къ обвиняемымъ мѣры пресѣченія способовъ уклоняться отъ суда, и лишь въ рѣдкихъ исключительныхъ случаяхъ обвиняемые подвергались личному задержанію, съ сохраненіемъ однако права свиданій съ „друзьями“, имѣли собственную пищу и т. п. Подъ конецъ республиканскихъ временъ, благодаря испорченнымъ общественнымъ нравамъ гражданъ и постепенному уничтоженію вслѣдствіе этого прежней гражданской свободы, уголовный процессъ существенно измѣнился, и въ эпоху императоровъ задержаніе обвиняемыхъ подѣ стражею стало примѣняться на ряду съ пыткой въ самыхъ широкихъ размѣрахъ и сопровождалось значительными стѣсненіями для лицъ, заключенныхъ подѣ стражею, по большей части, въ одиночныхъ камерахъ (47 и 48 книги Pandectae Юстиніана—„duo terribiles libri“).

Такое же суровое, жестокое отношеніе къ обвиняемымъ существовало въ средніе вѣка во всѣхъ континентальныхъ государствахъ Европы. Взглядъ стараго уголовного права на преступленіе и прежняго уголовного процесса на задачи и средства обнаруженія виновныхъ былъ построенъ, такъ сказать, на началѣ исковомъ. Въ преступленіи преобладалъ элементъ частный предѣ публичнымъ, и виновный наказывался не столько потому, что нарушилъ государственный публичный интересъ и порядокъ, но главнымъ образомъ за то, что нарушилъ личныя или имущественныя права потерпѣвшаго. Въ виду этого задача уголовного процесса и самый характеръ наказанія сводились преимущественно къ воз-

награжденію потерпѣвшаго и къ неперемѣнному исполненію приговора, какъ къ возмездію за совершенное зло. Въ этомъ отношеніи старій уголовный процессъ отождествлялся съ процессомъ гражданскимъ: какъ въ гражданскомъ процессѣ денежное взысканіе можетъ быть обращено на поручителя, такъ въ древнемъ уголовномъ процессѣ поручитель долженъ былъ замѣнить собою скрывавшагося обвиняемаго и подвергнуться вмѣсто него наказанію.

Съ измѣненіемъ взгляда на задачи государства, на общественные интересы, измѣнился взглядъ на преступленіе и наказаніе, а также на способы обнаруженія виновныхъ, уликъ и доказательствъ. Пытка и другія жестокія мѣры собиранія уликъ отходятъ въ область исторіи. Принципъ личной отвѣтственности за преступленіе безъ перенесенія уголовной отвѣтственности на другихъ, не причастныхъ къ дѣлу лицъ, кромѣ виновнаго, измѣняетъ постепенно характеръ мѣръ пресѣченія обвиняемымъ способовъ уклоняться отъ слѣдствія и суда, которыя въ настоящее время должны служить не столько для обезпеченія исполненія приговора (подсудимый можетъ быть оправданъ), сколько для обезпеченія явки обвиняемаго въ судъ, съ цѣлью возможно полнаго раскрытія истины.

Съ точки зрѣнія строго юридической всякія мѣры стѣсненія личности и свободы обвиняемыхъ, т. е. лицъ, виновность которыхъ подлежитъ еще доказыванію на судебномъ слѣдствіи, не имѣютъ основанія, такъ какъ государство въ правѣ наказывать виновныхъ въ совершеніи преступленій, а не обвиняемыхъ, коихъ виновность еще не доказана. Опасность сокрытія слѣдовъ преступленія и возможность совершенія обвиняемымъ новаго преступленія, какъ основанія мѣръ пресѣченія обвиняемымъ способовъ уклоняться отъ слѣдствія и суда, не выдерживаютъ юридической критики, такъ какъ, по справедливому замѣчанію профессора И. Я. Фойницкаго, во избѣжаніе сокрытія слѣдовъ совершеннаго преступленія и предполагаемаго совершенія тѣмъ же обвиняемымъ новаго преступленія, должны быть учреждены хорошіе органы предварительнаго слѣдствія и дознанія (въ видѣ судебной поли-

ціи), а не примѣненіе къ подозрѣваемымъ или обвиняемымъ мѣръ пресѣченія. Въ виду этого основаніемъ принятія, въ отношеніи обвиняемыхъ, мѣръ пресѣченія способовъ уклоняться отъ слѣдствія и суда можетъ быть признана лишь фактическая необходимость недопущенія обвиняемыхъ бѣжать, скрыться отъ слѣдствія и суда, въ тѣхъ случаяхъ, когда подобная опасность дѣйствительно существуетъ, а слѣдовательно степень опасности побѣга обвиняемаго должна быть признана исключительно правильнымъ критеріемъ для рѣшенія вопроса о необходимости и родѣ мѣръ, принимаемыхъ при дознаніи и слѣдствіи въ отношеніи обвиняемыхъ.

Въ Англии, гдѣ не существуетъ того типа предварительнаго слѣдствія, который принятъ у насъ и въ другихъ западныхъ государствахъ, при отсутствіи особыхъ органовъ слѣдственной власти, собираніе доказательствъ ввѣрено общимъ судебнымъ органамъ, а именно мировымъ судьямъ. Судьи эти участвуютъ въ разсмотрѣніи извѣстнаго рода дѣлъ по существу въ такъ называемыхъ четвертныхъ сѣздахъ (quarter sessions) и, кромѣ того, являются органами храненія общественнаго мира въ малыхъ сѣздахъ (out of sessions). Въ качествѣ послѣдняго органа, мировой судья по дѣламъ болѣе важнымъ, не допускающимъ суммарнаго процесса, является слѣдственнымъ судьей (статуты Джерфиса отъ 14 августа 1848 г.). Въ дѣлѣ изслѣдованія преступленій мировой судья пользуется значительнымъ содѣйствіемъ сыскной полиціи, директоровъ публичнаго преслѣдованія и ихъ товарищей, а также частныхъ лицъ въ качествѣ обвинителей, заявителей и жалобщиковъ, которымъ предоставлены широкія полномочія въ отношеніи задержанія и привода подозрѣваемыхъ въ преступленіи къ мировому судѣ. Эти широкія полномочія частныхъ лицъ нормируются однако строгимъ контролемъ со стороны судьи и большою отвѣтственностью. Судья можетъ потребовать отъ обвинителя (исключая директоровъ преслѣдованія) поручительства въ обезпеченіе добросовѣстности обвиненія и вознагражденія обвиняемаго въ случаѣ оправданія, а при отказѣ обвинителя отъ дачи подобнаго поручительства, можетъ даже заключить его подъ стражу. По приводѣ

обвиняемаго, судья, по просьбѣ обвинителя или по собственной инициативѣ, требуетъ отъ обвиняемаго денежнаго поручительства (bailed) или постановляетъ о задержаніи его, при чемъ задержание это примѣняется въ видѣ кратковременной мѣры на срокъ не болѣе восьми дней, но срокъ этотъ, въ случаѣ надобности, можетъ быть возобновленъ, каждый разъ однако на восемь дней, и лишь по окончаніи слѣдствія обвиняемый, по усмотрѣнію мирового судьи, можетъ быть заключенъ подъ стражу до суда (committed).

Французскій и германскій уголовные процессы въ отношеніи мѣръ пресѣченія обвиняемымъ способовъ уклоняться отъ слѣдствія и суда сходны между собою. Во Франціи предварительное слѣдствіе производится специальными судебными органами—слѣдственными судьями (juge d'instruction) при содѣйствіи многочисленной судебной полиціи, исключительно по наиболѣе важнымъ преступленіямъ, подвѣдомственнымъ ассизнымъ судамъ. По болѣе мелкимъ преступленіямъ предварительное слѣдствіе не производится, и дѣла такого рода, соотвѣтственно суммарнымъ дѣламъ англійскаго процесса, направляются непосредственно въ судъ исправительной полиціи. Предѣлы дознанія, производимаго полиціей подъ руководствомъ и наблюденіемъ прокуратуры, весьма широки, при чемъ органамъ дознанія предоставлено право личнаго задержанія подозрѣваемыхъ; слѣдственные же судьи примѣняютъ въ отношеніи обвиняемыхъ поручительство, залогъ и содержаніе подъ стражу. Послѣдняя мѣра можетъ быть усилена воспрещеніемъ обвиняемому сношеній съ посторонними лицами (mise au secret). Личное задержание и во Франціи имѣетъ срочный характеръ—до семи дней, съ правомъ возобновленія въ случаѣ надобности на тотъ же семидневный срокъ.

Изъ вышеизложеннаго видно, что мѣры пресѣченія обвиняемымъ способовъ уклоняться отъ слѣдствія и суда въ главнѣйшихъ западныхъ государствахъ раздѣляются на двѣ категоріи: на мѣры имущественнаго, денежнаго обезпеченія явки обвиняемаго къ слѣдствію и суду и на мѣры личнаго обезпеченія.

У насъ въ Сводѣ законовъ 1857 г. значились четыре рода мѣръ пресѣченія обвиняемымъ способовъ уклоняться

отъ слѣдствія и суда, а именно: полицейскій надзоръ, отдача на поруки, домашній арестъ и заключеніе въ тюрьмѣ или содержаніе при полиціи. Послѣдняя мѣра принималась въ отношеніи обвиняемыхъ въ преступленіяхъ, за которыя угрожаютъ наказанія, соединенныя съ лишеніемъ или ограниченіемъ правъ; обвиняемые въ болѣе мелкихъ преступленіяхъ отдавались подъ надзоръ полиціи, содержались въ домашнемъ арестѣ или оставались на свободѣ за представленіемъ „надежнаго поручительства“. Въ чемъ состоялъ надзоръ полиціи и „надежное поручительство“ и какъ собственно долженъ былъ устраиваться домашній арестъ,—законъ не говорилъ. Поручительство, по опредѣленію закона, представлялось въ томъ, что „обвиняемые не будутъ скрываться и станутъ являться въ судъ, когда имъ приказано будетъ“. О денежномъ, имущественномъ характерѣ поручительства не было никакихъ постановленій, вслѣдствіе чего поручительство являлось личнымъ, хотя и не было соединено съ прежнимъ началомъ уголовной отвѣтственности поручителя вмѣсто обвиняемаго. Въ виду этого на практикѣ поручитель ничѣмъ не рисковалъ, не несъ никакой отвѣтственности, въ случаѣ уклоненія обвиняемаго отъ суда, и потому взятіе обвиняемыхъ на поруки за извѣстное, иногда самое незначительное, денежное вознагражденіе обратилось въ особый промыселъ.

По Судебнымъ Уставамъ Императора Александра II 20 ноября 1864 г. органами примѣненія мѣръ пресѣченія способовъ уклоняться отъ слѣдствія и суда являются: полиція, мировые суды и судебные слѣдователи.

Полиція по дѣламъ, подсуднымъ мировой юстиціи, принимаетъ, согласно 51 ст. уст. угол. суд., лишь одну мѣру, а именно: личное задержаніе въ формѣ привода къ мировому судѣ обвиняемаго, когда застигнутый при совершеніи проступка неизвѣстенъ полиціи и не представитъ удостовѣренія о своей личности и когда, по дѣламъ о проступкахъ, за которые положено заключеніе въ тюрьмѣ или наказаніе „болѣе строгое“, есть поводъ опасаться, что обвиняемый скроется или уничтожитъ слѣды преступленія.

По дѣламъ, подсуднымъ общимъ судебнымъ установленіямъ, полиція, согласно 257 и 261² ст. уст. угол. суд., должна принимать всѣ мѣры пресѣченія способовъ уклоняться отъ слѣдствія и суда, указанныя въ 416 ст. уст. угол. суд., въ случаѣ: если подозрѣваемый застигнутъ при совершеніи или тотчасъ послѣ совершенія преступленія; при указаніи подозрѣваемаго потерпѣвшимъ или очевидцами; когда на подозрѣваемомъ или въ его жилищѣ окажутся явные слѣды преступленія или вещи, служащія доказательствомъ преступленія; когда подозрѣваемый пытался скрыться и, наконецъ, если у подозрѣваемаго нѣтъ постояннаго мѣстожителства. На практикѣ, однако, полиція примѣняетъ обыкновенно лишь одну мѣру—личное задержаніе, но въ весьма широкихъ размѣрахъ. Иногда, впрочемъ, полиція одновременно принимаетъ двѣ мѣры пресѣченія: отбираетъ паспортъ и арестуетъ подозрѣваемаго. Въ виду этого случаи крайне неосновательнаго задержанія полиціею лицъ, подозрѣваемыхъ въ совершеніи преступленій, весьма часты. Полиція задерживаетъ подозрѣваемыхъ и по голословному, ничѣмъ болѣе не подтвержденному заявленію потерпѣвшихъ и въвиду только „неодобрительнаго поведенія“ извѣстнаго лица, состоянія его подъ надзоромъ полиціи и т. п. (однажды полиція задержала подозрѣваемаго въ поджогѣ на томъ лишь основаніи, что онъ во время пожара „стоялъ задумчиво въ сторонѣ и не принималъ участія въ тушеніи огня“). Въ подобныхъ случаяхъ судебные слѣдователи очень часто не находятъ основаній не только для привлеченія лицъ, задержанныхъ полиціею, въ качествѣ обвиняемыхъ, но и для производства слѣдствія за неяснымъ указаніемъ признаковъ преступленія. Поэтому при настоящемъ устройствѣ и состояніи полиціи и качествѣ производимыхъ ею дознаній было бы цѣлесообразнѣе предоста-вить полиціи право принимать мѣры пресѣченія лишь по болѣе важнымъ преступленіямъ и притомъ съ явно установленными признаками преступленія; кромѣ того, слѣдовало бы обязать полицію въ случаяхъ, указанныхъ 257 ст. уст. угол. суд., руководствоваться всѣми условіями, изложенными въ 421 ст. уст. угол. суд., а слѣдовательно и силою уликъ противъ подозрѣваемаго.

Мировые судьи, согласно 76—82 ст. уст. угол. суд., принимаютъ къ обвиняемымъ для пресѣченія имъ способовъ уклоняться отъ суда подписку о явѣ въ судъ, отобрание вида на жительство, поручительство, залогъ и содержаніе подъ стражею. Послѣднюю мѣру мировой судья можетъ принять въ отношеніи обвиняемыхъ, которымъ угрожаетъ тюремное заключеніе или наказаніе „болѣе строгое“. 76 ст. уст. угол. суд. содержитъ въ себѣ общее постановленіе о томъ, что обвиняемые, находящіеся на свободѣ, не могутъ, безъ разрѣшенія мирового судьи, отлучаться изъ того города или участка, гдѣ производится дѣло. При разсмотрѣніи этихъ статей закона, оказывается, что ст. 76—82 уст. угол. суд., опредѣляя мѣры пресѣченія обвиняемому способовъ уклоняться отъ суда, принимаемыя мировыми судьями, и условія принятія таковыхъ, не упоминаютъ соотвѣтственно 428 ст. уст. угол. суд. о томъ, что обвиняемые до представленія поручительства или залога содержатся подъ стражею. На практикѣ мировые судьи руководствуются въ подобныхъ случаяхъ 428 ст. уст. угол. суд., хотя, въ виду рѣшенія Сената по дѣлу Проценко 1867 г. № 453, можно, пожалуй, предположить, будто мировые судьи не могутъ примѣнять указанной статьи, такъ какъ въ рѣшеніи этомъ, между прочимъ, сказано по поводу требованія отъ обвиняемаго въ проступекѣ, влекущемъ за собою наказаніе не свыше ареста, залога и заключенія обвиняемаго до представленія залога подъ стражу, что мировой судья „не въ правѣ требовать отъ такихъ обвиняемыхъ залога и тѣмъ болѣе, въ случаѣ непредставленія послѣдняго, подвергать ихъ аресту“. Между тѣмъ, взятіе подъ стражу обвиняемаго до представленія залога само по себѣ, въ виду 428 ст. уст. угол. суд., является юридически неизбѣжнымъ послѣдствіемъ, а слѣдовательно не можетъ быть признано неправильнымъ. Затѣмъ, возбуждаетъ нѣкоторое недоумѣніе редакція 77 ст. уст. угол. суд., въ которой сказано, между прочимъ, что поручительство или залогъ могутъ быть потребованы отъ обвиняемыхъ въ преступленіи, за которое въ законѣ положено заключеніе въ тюрьмѣ „или наказаніе болѣе строгое“, такъ какъ согласно

33 ст. уст. угол. суд., мировые судьи не могут налагать наказаній болѣе строгихъ, чѣмъ содержаніе въ тюрьмѣ. Такое же выраженіе закона встрѣчается и во 2 п. 51 ст. уст. угол. суд. Относительно отобранія вида на жительство съ замѣною его временнымъ, особымъ видомъ слѣдуетъ замѣтить, что мѣра эта весьма тяжела, такъ какъ при нашей паспортной системѣ человѣкъ безъ паспорта или съ временнымъ, опороченнымъ видомъ на жительство лишенъ почти возможности найти себѣ заработокъ, и такимъ образомъ послѣдствія этой мѣры долго отражаются на личности обвиняемаго. Въ виду этого указанная мѣра сравнительно рѣдко примѣняется. Что касается подписки о явѣ въ судъ, какъ особой самостоятельной мѣры пресѣченія способовъ уклоняться отъ суда, то она служитъ лишь спеціальнымъ подтвержденіемъ требованія, выраженнаго въ 76 ст. уст. угол. суд. по отношенію ко всѣмъ обвиняемымъ, остающимся на свободѣ, и, кромѣ того, какъ всякое требованіе закона, не имѣющее соотвѣтственной уголовной санкціи, не можетъ считаться мѣрой дѣйствительной. Въ рѣшеніяхъ Сената по дѣлу Варыпаевой 1870 года № 248, и Тимкова 1870 года № 327 сказано, между прочимъ, что „законъ не облагаетъ никакимъ наказаніемъ нарушеніе указанной въ статьѣ 76 уст. угол. суд. обязанности“. Въ виду этого, оставляя подписку о неотлучѣ изъ мѣста жительства въ числѣ мѣръ пресѣченія обвиняемымъ способовъ уклоняться отъ слѣдствія и суда, слѣдовало бы указать въ законѣ, что нарушеніе этой мѣры можетъ, по усмотрѣнію судьи, повлечь за собою болѣе строгую мѣру. вмѣстѣ съ тѣмъ, во избѣжаніе всякаго сомнѣнія, слѣдовало бы упомянуть, что обвиняемые до представленія поручительства или залога подвергаются личному задержанію.

Мѣры пресѣченія, примѣняемыя судебными слѣдователями, и условія принятія болѣе тяжелыхъ изъ нихъ указаны 416—428 ст. уст. угол. суд. Мѣры эти слѣдующія: отобраніе вида на жительство или обязаніе обвиняемаго подпискою о неотлучѣ съ мѣста жительства, отдача подъ особый надзоръ полиціи, поручительство, залогъ, домашній арестъ и содержаніе подъ стражей. Изъ разсмотрѣнія этихъ мѣръ и послѣдова-

тельности, съ которою онѣ перечислены въ законѣ (ст. 416), видно, что рядомъ съ подпискою о неотлучкѣ съ мѣстожительства, т. е. самой легкой мѣрой, имѣющей, какъ сказано выше, болѣе нравственное, нежели юридическое значеніе, поставлено отобраніе вида на жительство, т. е. мѣра весьма суровая, подчасъ крайне тяжелая для обвиняемаго и по своимъ послѣдствіямъ весьма несправедливая въ случаѣ оправданія обвиняемаго.

Въ чемъ состоитъ особый надзоръ полиціи, какъ мѣра обезпеченія явки обвиняемаго въ судъ, не опредѣлено Судебными Уставами, какъ равно нѣтъ указаній и въ уложеніи о наказаніяхъ существа надзора полиціи, какъ дополнительнаго наказанія (49 и 122 ст. улож. наказ.). На практикѣ въ томъ и другомъ случаѣ надзоръ полиціи осуществляется весьма различно и своеобразно. Нѣкоторыя полицейскія управленія, получивъ распоряженіе объ учрежденіи полицейскаго надзора, отбираютъ у поднадзорнаго паспортъ и выдаютъ ему особый видъ на жительство съ обозначеніемъ въ немъ поднадзорнаго состоянія лица; другія требуютъ почти ежедневной явки поднадзорнаго къ ближайшему представителю полицейской власти въ данной мѣстности; иныя—вмѣняютъ въ обязанность чинамъ полиціи посѣщать поднадзорныхъ чуть ли не ежедневно и даже ночью; нѣкоторыя—наконецъ—вовсе не принимаютъ никакихъ мѣръ къ осуществленію полицейскаго надзора, ограничиваясь лишь отмѣткою въ подлежащей книгѣ о поднадзорности лица. Вполнѣ понятно, насколько суровою является эта мѣра при осуществленіи ея тремя первыми вышеуказанными способами, стѣсняющими безъ надобности свободу и позорящими личность поднадзорнаго, а также насколько она во всѣхъ случаяхъ нецѣлесообразна, такъ какъ вовсе не гарантируетъ отъ побѣга обвиняемаго, а между тѣмъ надолго, если не навсегда, по крайней мѣрѣ въ мѣстѣ постоянного жительства обвиняемаго, налагаетъ на него пятно позора и отчуждаетъ отъ обвиняемаго общество даже въ случаѣ его оправданія. Въ томъ и другомъ видѣ, т. е. какъ слѣдственная мѣра, такъ и дополнительное наказаніе,—надзоръ полиціи является однимъ изъ серьезныхъ поводовъ

совершенія поднадзорными, лишенными возможности найти себѣ заработокъ, новыхъ преступленій, главнымъ образомъ имущественнаго характера. И, дѣйствительно, въ мѣстностяхъ, гдѣ проживаетъ много поднадзорныхъ, совершается болѣе кражъ, грабежей и т. п. Кромѣ того, слѣдуетъ обратить вниманіе и на то, что весьма часто обвиняемый, отданный при слѣдствіи подъ особый надзоръ полиціи, продолжаетъ оставаться подъ этимъ надзоромъ долгое время послѣ прекращенія дѣла, послѣ оправданія обвиняемаго и даже послѣ отбытія имъ наказанія. Объясняется это отчасти недосмотромъ подлежащихъ властей, отчасти же неяснымъ пониманіемъ полиціею цѣли учрежденія подобнаго надзора, благодаря чему полицейское управленіе, учредивши надзоръ полиціи, по требованію судебного слѣдователя, не считаетъ себя въ правѣ снять этотъ надзоръ до полученія особаго распоряженія судебного слѣдователя, между тѣмъ такое распоряженіе судебного слѣдователя, направившаго дѣло, очевидно, послѣдовать не можетъ. Судебнымъ слѣдователямъ нерѣдко приходится получать запросы отъ полицейскихъ властей о томъ: „нѣтъ ли препятствій къ выдачѣ паспорта и снятію полицейскаго надзора, учрежденнаго за обвиняемымъ“, при чемъ, по наведеніи справокъ, оказывается, что надзоръ учрежденъ былъ за нѣсколько лѣтъ предъ тѣмъ и дѣло объ этомъ обвиняемомъ давно уже рассмотрѣно судомъ. Если въ подобныхъ случаяхъ надзоръ полиціи осуществляется вышеуказанными мѣрами стѣсненія свободы и личности обвиняемаго, то нельзя не согласиться, что такая мѣра пресѣченія способовъ уклоняться отъ слѣдствія и суда гораздо тяжелѣе можетъ отразиться на обвиняемомъ, нежели самое наказаніе. Въ виду этого весьма цѣлесообразными являются стремленія прокурорскаго надзора нѣкоторыхъ окружныхъ судовъ, по соглашенію съ судебными слѣдователями, возможно ограничивать случаи примѣненія надзора полиціи, замѣняя его, смотря по обстоятельствамъ дѣла, подпискою о неотлучкѣ или же небольшимъ поручительствомъ.

Поручительство, имѣющее по закону ясно опредѣленный имущественный характеръ наравнѣ съ залогомъ, предста-

вляется самою цѣлесообразною мѣрою пресѣченія, такъ какъ не только обезпечиваетъ явку обвиняемаго къ слѣдствію и суду (случаи уклоненія отъ суда обвиняемыхъ, отданныхъ на поруки или подъ залогъ, чрезвычайно рѣдки), но самый фактъ представленія за обвиняемаго солидарнаго поручительства или залога даетъ подчасъ очень полезныя указанія на довѣріе, которымъ пользуется обвиняемый въ обществѣ. вмѣстѣ съ тѣмъ поручительство и залогъ, какъ мѣры пресѣченія по самому существу своему менѣе гласныя, менѣе стѣсняють и порочать личность обвиняемаго.

Относительно домашняго ареста, поставленнаго непосредственно передъ взятіемъ подъ стражу (5 п. 416 ст. уст. угол. суд.), слѣдуетъ замѣтить, что законъ не опредѣляетъ, какъ собственно учреждается этотъ арестъ, и не даетъ указаній, при какихъ именно условіяхъ примѣняется эта мѣра, между тѣмъ какъ условія принятія поручительства, залога и взятія подъ стражу закономъ опредѣлены въ 417, 418 и 419 ст. уст. угол. суд. Мѣра эта, не говоря уже о неудобствѣ и затруднительности учрежденія правильнаго и надежнаго караула при частной квартирѣ, является, особенно въ большихъ городахъ, болѣе гласною, а слѣдовательно болѣе позорною, чѣмъ содержаніе подъ стражею въ установленныхъ мѣстахъ заключенія.

Содержаніе подъ стражею по Судебнымъ Уставамъ не имѣетъ срочнаго характера, какъ въ Англии и во Франціи, но судебный слѣдователь, смотря по ходу слѣдствія, при выясненіи новыхъ обстоятельствъ, имѣетъ право отмѣнить эту мѣру и принять въ отношеніи обвиняемаго мѣру болѣе легкую.

Всѣ указанныя мѣры пресѣченія обвиняемымъ способовъ уклоняться отъ слѣдствія и суда примѣняются сообразно условіямъ, изложеннымъ въ 417, 418, 419 и 421 ст. уст. угол. суд., при чемъ выборъ одной изъ этихъ мѣръ пресѣченія зависитъ вполне отъ слѣдственной власти. Изъ этого общаго правила законъ дѣлаетъ одно исключеніе въ 1164 ст. уст. угол. суд., а именно: при обвиненіи въ преступленіяхъ противъ имущества и доходовъ казны. По дѣламъ этого рода

всѣ мѣры пресѣченія обвиняемымъ способовъ уклоняться отъ слѣдствія и суда, за исключеніемъ взятія подъ стражу, замѣняются поручительствомъ или залогомъ въ суммѣ, равной денежному взысканію, къ уплатѣ котораго можетъ быть приговоренъ обвиняемый. Мѣра эта, весьма строгая, объясняется однако стремленіемъ закона оберегать интересы казны.

Наконецъ, законъ 2-го іюня 1897 г., объ отвѣтственности малолѣтнихъ и несовершеннолѣтнихъ, установилъ рядъ особыхъ мѣръ пресѣченія способовъ уклоняться отъ слѣдствія и суда въ отношеніи обвиняемыхъ, не достигшихъ семнадцатилѣтняго возраста (416¹ и 416² ст. уст. угол. суд.). Мѣры эти состоятъ въ помѣщеніи обвиняемыхъ въ исправительные пріюты, колоніи, либо монастыри, или въ иныя заведенія для призрѣнія дѣтей, а въ случаѣ неимѣнія на мѣстѣ такихъ заведеній обвиняемые содержатся въ особыхъ помѣщеніяхъ при тюрьмахъ или, наконецъ, отдаются подъ отвѣтственный присмотръ, съ обязательствомъ представить ихъ къ слѣдствію и суду, или родителямъ обвиняемыхъ, или лицамъ, на попеченіи коихъ они состоятъ, или другимъ „благонадежнымъ людямъ“, изъявившимъ на то согласіе. Указанныя мѣры, какъ и весь законъ 2-го іюня 1897 г., проникнуты высокогуманнымъ отношеніемъ къ малолѣтнимъ преступникамъ, но на практикѣ возникаютъ затрудненія въ примѣненіи означенныхъ мѣръ, такъ какъ пріютовъ, исправительныхъ колоній и тому подобныхъ заведеній для призрѣнія дѣтей у насъ еще очень мало; родители же, родственники и опекуны, не говоря уже о „другихъ благонадежныхъ людяхъ“, очень часто отказываются брать подъ отвѣтственный присмотръ несовершеннолѣтнихъ, не достигшихъ еще семнадцатилѣтняго возраста, но успѣвшихъ уже сдѣлаться профессиональными ворами и т. п. Въ виду этого въ большинствѣ случаевъ приходится содержать такихъ обвиняемыхъ въ особыхъ отдѣленіяхъ при общихъ тюрьмахъ, ничѣмъ собственно не отличающихся отъ тѣхъ же тюремъ. Кромѣ того, 416¹ и 416² ст. уст. угол. суд. возбуждаютъ на практикѣ сомнѣніе въ отношеніи примѣненія ихъ къ случаямъ, предусмотрѣннымъ 1164 ст. уст. угол. суд. По общему правилу позднѣйшій

законъ отмѣняетъ дѣйствіе прежняго закона, вслѣдствіе чего можно полагать, что лица, не достигшія 17 лѣтъ отъ роду, обвиняемыя въ преступленіяхъ противъ имущества и доходовъ казны, освобождаются отъ представленія поручительства или залога, какъ мѣры пресѣченія способовъ уклоняться отъ слѣдствія и суда, и должны быть отдаваемы подъ отвѣтственный присмотръ родителей и другихъ лицъ. Противъ такого толкованія можно возразить, что, по буквальному смыслу 416¹ ст. уст. угол. суд., ею отмѣняются лишь мѣры пресѣченія, указанные въ 416 ст. уст. угол. суд., и что въ редакціонномъ порядкѣ ст. 416¹ уст. угол. суд. помѣщена въ главѣ VI, отд. II, разд. II, кн. II, относящейся къ производству слѣдствій по общимъ преступленіямъ, а ст. 1164 уст. угол. суд. помѣщена въ главѣ I, отд. III, разд. IV, кн. III и, какъ спеціальныи законъ, должна сохранить силу въ отношеніи вышеуказанныхъ спеціальныхъ правонарушеній. Исходя однако изъ точки зрѣнія законодателя на малолѣтнихъ преступниковъ, не достигшихъ семнадцатилѣтняго возраста, относительно которыхъ, даже по самымъ тяжкимъ преступленіямъ, необходимо рѣшать вопросъ о разумѣніи, чѣмъ отчасти и обусловливается самый характеръ мѣръ пресѣченія имъ способовъ уклоняться отъ слѣдствія и суда, слѣдовало бы признать правильнымъ изытаніе такихъ обвиняемыхъ изъ требованія, указаннаго въ 1164 ст. уст. угол. суд., такъ какъ, если можно допустить совершеніе малолѣтнимъ безъ разумѣнія кражъ, грабежей, убійствъ и т. п., то, конечно, нельзя усматривать разумѣнія въ такихъ проступкахъ, какъ контрабанда и вообще нарушеніе имущественныхъ интересовъ казны, а слѣдовательно нѣтъ основанія примѣнять къ нимъ суровыя мѣры пресѣченія наравнѣ съ взрослыми обвиняемыми.

На основаніи изложеннаго обозрѣнія условій принятія мѣръ пресѣченія обвиняемымъ способовъ уклоняться отъ слѣдствія и суда, слѣдуетъ прийти къ заключенію, что цѣлесообразными мѣрами, какъ это принято и на Западѣ, является имущественное обезпеченіе явки обвиняемыхъ къ слѣдствію и суду и обезпеченіе личное. Подписка о неотлучкѣ, имѣющая въ настоящее время характеръ нравственнаго обязатель-

ства, можетъ быть примѣняема къ обвиняемымъ въ менѣ важныхъ преступленіяхъ, съ тѣмъ однакоже, чтобы, при самомъ примѣненіи этой мѣры, обвиняемые предварялись о принятіи болѣе строгой мѣры въ случаѣ неисполненія возложеннаго на нихъ требованія. Надзоръ полиціи и отобраніе вида на жительство слѣдовало бы безусловно исключить изъ числа мѣръ пресѣченія. Домашній арестъ можетъ замѣнять содержаніе подъ стражею въ общихъ мѣстахъ заключенія лишь въ случаѣ серьезныхъ причинъ, по большей части временныхъ, какъ напр. болѣзнь. Заключеніе подъ стражею, обусловленное по закону серьезными поводами, должно считаться мѣрою крайнею и исключительною, потому что, какъ сказано въ объяснительной запискѣ статс-секретаря графа Блудова (въ пр. уст. угол. суд.), „отъ взятія подъ стражу, хотя-бы и на самое короткое время, не только страдаетъ свобода и честь задержаннаго, но иногда зависитъ и самое благосостояніе цѣлыхъ семействъ“. Наконецъ, кромѣ этого чисто нравственнаго соображенія, необходимо прибѣгать съ большою осмотрительностью къ безусловному содержанію обвиняемаго подъ стражей, въ виду возможности оправданія его и, тѣсно связаннаго съ этимъ, вопроса о вознагражденіи лицъ, невинно привлеченныхъ къ уголовному суду (см. статью Н. Н. Розина Жур. Мин. Юст. кн. 9—1897 г.), каковой вопросъ, получившій уже практическое осуществленіе въ нѣкоторыхъ западныхъ государствахъ, безъ сомнѣнія, въ недалекомъ будущемъ и у насъ получитъ законодательную санкцію.

О ЮРИДИЧЕСКОЙ ПРИРОДѢ БУМАГЪ НА ПРЕДЪЯВИТЕЛЯ.

А. Н. Гейне.

Въ настоящемъ очеркѣ о бумагахъ на предъявителя, этомъ „räthselhaftes Wesen“ (*Unger*) ¹⁾, „abenteuerliche Rechtsdichtung“ (*Röder*) ²⁾, мы остановимся на передовомъ, наиболѣе сложномъ и спорномъ вопросѣ, не только метафизическомъ (*Endeman*), но имѣющемъ важное практическое значеніе, именно на юридической природѣ бумагъ на предъявителя, на юридическомъ основаніи отвѣтственности, вытекающей изъ этихъ безыменныхъ бумагъ, при чемъ считаемъ необходимымъ начать съ историческаго введенія.

Подъ бумагами на предъявителя разумѣются такіе документы, право требованія по которымъ принадлежитъ всякому предъявителю и переносится отъ одного владѣльца къ другому, безъ всякаго письменнаго акта, въ силу только простой передачи документа, на подобіе *traditio* реальныхъ вещей.

I.

Бумаги на предъявителя своимъ происхожденіемъ обязаны юридическому творчеству новыхъ народовъ и получили всеобщее развитіе, благодаря современному кредитному и промыш-

---

¹⁾ Grünhut's Zeitschrift, I, 371.

²⁾ Grundgedanken u. Bedeutung des röm. u german. Rechts. 1855 p. 101.

ленному хозяйству, составляя послѣднюю стадію въ историческомъ процессѣ облегченія способовъ передачи обязательствъ.

Римскому праву онѣ были неизвѣстны (*Binding*) ¹⁾, такъ какъ по римскимъ основнымъ положеніямъ обязательственное отношеніе юридически возможно было только между лицами, индивидуально опредѣленными, которыя по *своему* волеизъявленію и *для себя* вступаютъ въ обязательство, и такъ какъ центръ тяжести стипуляціоннаго договора—употребительнѣйшей формы обязательствъ въ римскомъ правѣ—сосредоточивался всецѣло въ личности кредитора, въ его волеизъявленіи, а не въ обѣщаніи должника (*Siegel*) ²⁾, которое само по себѣ самостоятельнаго юридическаго значенія не имѣло, развѣ только по исключенію.

Ни древніе индусы, у коихъ искони циркулировали векселя на предъявителя (*Buchère*) ³⁾, ни средневѣковые евреи, которымъ также издавна были извѣстны бумаги на предъявителя подъ именемъ „*шагге*“ (*Kuntze*) ⁴⁾, не имѣли столь замѣтнаго вліянія на европейскіе народы по причинамъ историческимъ, политическимъ и національнымъ, чтобы можно было искать у нихъ источника для интересующаго насъ правоинститута: послѣдній постепенно и совершенно самостоятельно развился у христіанскихъ народовъ, къ которымъ мы и переходимъ.

Въ средніе вѣка вообще было запрещено или по крайней мѣрѣ сильно ограничено процессуальное представительство вслѣдствіе того личнаго характера, которымъ обыкновенно были проникнуты обязательство должника и гражданскій процессъ въ первоначальную эпоху юридическаго развитія. Вотъ ближайшая причина (*Brunner*) ⁵⁾, *Нерсесовъ* ⁶⁾ появленіе-

¹⁾ Vertrag als allemige Grundlage der Inhaberpapiere—Goldschmidt's Zeitschrift, X, p. 400—426.

²⁾ Das Versprechen als Verpflichtungsgrund. 1873, p. 108—128.

³⁾ Traité complet ... de tous les papiers de crédit de commerce. 1808. I, liv III, s. IV, p. 161.

⁴⁾ Die Lehre von den Inhaberpapieren. 1857. §§ 13 и 14.

⁵⁾ Beiträge zur Geschichte und Dogmatik der Werthpapiere—Goldschmidt's Ztschr. XXII 1—51, 59—134, 505—554; XXIII 225—262. Das französische Inhaberpapier 1879 г.

⁶⁾ О бумагахъ на предъявителя. 1889.

нія у народовъ Западной Европы многочисленныхъ своеобразныхъ документовъ, въ которыхъ вѣритель, зная невозможность быть на судѣ представленнымъ или желая избѣжать стѣсненій, ограниченій и расходовъ, сопровождавшихъ представительство, напередъ заставляеть должника посредствомъ особой прибавочной *clausul*ы обязатья въ исполненіи обязательства ему, поименованному вѣрителю, или третьему лицу — бумаговладѣльцу, какъ самостоятельно тяжущейся сторонѣ.

Эта вставочная, заключительная оговорка, при всемъ своемъ редакціонномъ разнообразіи, выражала согласіе должника на передачу обязательства, однако передачу притворную, въ обходъ запрещенія процессуальнаго представительства, въ виду чего именно самая *clausula* вставлялась первоначально въ той части, гдѣ вписывался на случай нарушенія обязательственнаго договора взаимно обусловленный штрафъ, а передача документа сопровождалась выдачей реверса объ обратной правопередачѣ по окончаніи процесса, такъ что въ *Inhaber*ѣ видѣли *Gewaltträger*'а, а въ *porteur*ѣ — *procurer*'а. При этомъ въ большинствѣ средневѣковыхъ документовъ вовсе упускается изъ виду моментъ возможнаго при посредствѣ той же оговорки (*clausula*) облегченія передачи обязательства, независимо отъ цѣлей представительства, какъ таковой не ставшей еще настоятельною и притомъ свободно допускавшейся въ XIII в. во французскомъ кутюмномъ и германскомъ правѣ (*K. Gareis*) ¹⁾.

Изслѣдованіе такихъ документовъ (*Brunner* ²⁾, *Stobbe* ³⁾), ранѣ всего появившихся въ Италіи уже въ VIII и IX вѣкахъ, раскрываютъ существованіе 4 различныхъ формъ этихъ бумагъ съ предъявительскими клаузулами: ордерной, представительной, альтернативной и чистой. Мы остановимся лишь на такъ называемыхъ альтернативныхъ предъявительскихъ

¹⁾ Beitrag zum Handelsrecht des Mittelalters mit besonderer Rücksicht auf die Lehre von dem Inhaber.—Goldschmidt's Ztschr. XXVIII 63—114; XXI 348.

²⁾ Beiträge zur Geschichte und Dogmatik der Werthpapiere.—Goldschmidt's Ztschr. XXII 1—51, 59—134, 505—554; XXIII 225—262. Das französische Inhaberpapier. 1879 г.

³⁾ Handbuch des deutschen Privatrechts. 1898. B. III. §§ 254—255; § 219.

бумагахъ, въ силу коихъ должникъ обязуется уплатить поименованному вѣрителю или просто всякому владѣльцу даннаго документа. Эти документы достигаютъ всеобщаго развитія въ XIV и XV столѣтіяхъ, не ограничиваясь торговымъ сословіемъ. И если они не были отмѣчены современнымъ имъ законодательствомъ, то это объясняется (*Binding*) ¹⁾ какъ тѣмъ, что писанные статуты городовъ предшествовали окончательному образованію обычнаго права этихъ бумагъ, такъ и противодѣйствіемъ римской доктрины, построенной исключительно на личности кредитора.

Наконецъ, когда положенія: *ex nuda pollicitatione nuda actio, alteri stipulari nemo potest* и теорія римской цессіи стали исключительными и абсолютными истинами XVI вѣка,—ими роковымъ образомъ было потрясено обычное право этихъ несовершеннолетнихъ бумагъ на предъявителя, которыя требованіемъ доказательствъ передачи—цессіи или полномочія—были низведены на степень обыкновенныхъ именныхъ обязательствъ, тѣмъ легче, что первоначальная причина ихъ возникновенія мало по малу исчезла съ общепризнаннымъ допущеніемъ свободнаго представительства. Но взамѣнъ этой цѣли развившійся гражданскій оборотъ съ особою силою выдвинулъ иную цѣль, хотя преслѣдовавшуюся уже ранѣе, но въ рѣдкихъ случаяхъ, именно—*настоятельную потребность въ легкой оборотоспособности правъ требованія* (обязательствъ), затрудненной подъ вліяніемъ римской доктрины. Поэтому практическая правовая жизнь послѣ болѣе или менѣе продолжительныхъ колебаній, обусловленныхъ указаннымъ конфликтомъ обычнаго права съ правомъ римскимъ, пересилила этотъ кризисъ (*Brunner*) ²⁾ и продолжала неотступно держаться обычнаго права предъявительскихъ бумагъ подъ разнообразными формами, таковы рексельный и бланковый индоссаментъ, пока, наконецъ, вполне не выработались настоящія бумаги на предъя-

¹⁾ Vertrag als alleinige Grundlage der Inhaberpapiere—Goldschmidt's Zeitschrift. X p. 400—426.

²⁾ Beiträge zur Geschichte und Dogmatik der Werthpapiere.—Goldschmidt's Ztschr. XXII 1—51, 59—134, 505—554; XXIII 225—262. Das französische Inhaberpapier. 1879 г.

вителя, съ XVII в. получившія общее распространіе, ранѣ имѣвшія ограниченное примѣненіе преимущественно въ области публичнаго права, въ отношеніяхъ суверенныхъ и религіознаго характера.

Въ этихъ „совершенныхъ“ бумагахъ на предъявителя вовсе не поименовывался вѣритель, и документъ писался непосредственно и исключительно на всякаго владѣльца, предъявляющаго таковой.

Противодѣйствіе со стороны правительства и романистской доктрины противъ этой формы предъявительскихъ бумагъ становилось все болѣе и болѣе безсильнымъ въ борьбѣ съ нуждами дѣйствительной жизни; романистскія „штудіи“, съ другой стороны, становились самостоятельнѣе; авторитетъ римскаго права позитивный смѣнился авторитетомъ научнымъ; стали считаться съ правомъ національнымъ; такимъ образомъ, постепенно признается неустрашимый фактъ существованія бумагъ на предъявителя со всѣми своеобразными ихъ особенностями. А въ XIX столѣтіи правительства озабочиваются регулированіемъ юридическихъ отношеній, изъ этихъ бумагъ вытекающихъ. Лучшую и подробную разработку представляютъ законъ французскаго національнаго собранія 15 іюня 1872 г. и §§ 793—808 германскаго гражданскаго уложенія 1896 года.

Что касается Россіи, то она не принимала никакого участія въ историческомъ процессѣ первоначальнаго возникновенія и развитія бумагъ на предъявителя. Фактъ этотъ объясняется, съ одной стороны, тѣмъ, что письменная форма юридическихъ актовъ появилась у насъ довольно поздно, когда уже было вообще допущено судебное представительство, съ другой стороны,—тѣмъ, что вообще правовая жизнь въ Россіи лишь въ послѣднее время выдвинула тѣ потребности, коими было вызвано раннее развитіе бумагъ на предъявителя на Западѣ. Такимъ образомъ, бумаги на предъявителя у насъ были прямо заимствованы отъ Запада въ ихъ послѣдней совершенной формѣ въ концѣ XVIII вѣка и получили въ настоящее время огромное распространіе. Впрочемъ, нужно оговориться, существенные признаки предъявительскихъ бумагъ встрѣчаются и въ нашихъ древнихъ письмен-

ныхъ актахъ, появляющихся со временъ Псковской и Новгородской судныхъ грамотъ, а именно въ кабалахъ, особенно въ позднѣйшихъ, въ „вѣрчихъ кабалахъ“, въ бѣлыхъ хартіяхъ и т. п.

Изъ этого обзорѣнія исторіи развитія безыменныхъ бумагъ въ средніе вѣка усматривается полная аналогія съ римскимъ праворазвитіемъ: подобно тому какъ римское право, при легисакціонной системѣ, фидуціарнымъ перенесеніемъ права требованія, съ обязательствомъ возратить по окончаніи процесса объектъ права, достигало недопускавшагося процессуальнаго представительства, а съ допущеніемъ послѣдняго въ формулярномъ процессѣ, окольнымъ путемъ представительства достигало признанія передачи требованія, такъ и средне-вѣковое право на Западѣ перенесеніемъ права требованія, сначала допустимымъ, возмѣщало недостающее представительство, а затѣмъ съ допущеніемъ послѣдняго, тѣми же клаузулами, содѣйствовало облегченію самой передачи обязательствъ, затрудненной подъ вліяніемъ римской доктрины, между тѣмъ какъ легчайшій оборотъ таковыхъ становился все болѣе и болѣе настоятельнымъ.

II.

Относительно юридической природы бумагъ на предъявителя (въ смыслѣ юридическаго основанія отвѣтственности по этимъ бумагамъ) существуетъ подавляющая масса разнорѣчивыхъ теорій, пытавшихся разрѣшить конфликтъ между римскимъ правомъ и правомъ новыхъ народовъ созданіемъ такой конструкціи, которая могла бы согласовать институтъ бумагъ на предъявителя съ догмой римскаго права; но усилія оказались тщетными, какъ и слѣдовало ожидать, въ виду розни правопонятій, выработанныхъ въ различныхъ условіяхъ различными потребностями гражданскаго оборота: современнаго, — допускающаго институты, въ коихъ взаимно переплетаются элементъ вещный съ обязательственнымъ, и римскаго, — строго разграничивавшаго *res* и *obligatio*. Эти напрасныя усилія приводили или къ совершенному извращенію

интересующаго насъ института, или къ механическимъ построениямъ, красивымъ, остроумнымъ, замысловатымъ, но не выдерживающимъ юридической критики. Указываемому различію значительно содѣйствовало и то обстоятельство, что важнѣйшіе детальныя вопросы даннаго института не имѣли до послѣдняго времени ни нормъ закона, ни твердаго обычнаго права, ни выработаннаго права юристовъ.

Вообще всѣ ученые, разрабатывавшіе вопросъ о природѣ безыменныхъ бумагъ, какъ бы ихъ теоріи ни расходились между собой, полагали въ основаніе своихъ ученій: или договоръ, или одностороннее обѣщаніе, какъ основаніе возникновенія обязательства изъ бумаги на предъявителя.

Договорная теорія первоначально появилась въ чистомъ видѣ, т. е. обосновывала юридическую силу безыменныхъ бумагъ единственно на договоръ, но вскорѣ, въ виду того, что для достиженія юридическихъ послѣдствій этого договора необходимо было обладаніе бумагой, сдѣлана была поправка, видоизмѣнившая чистую договорную теорію въ такъ называемую *Begebungstheorie*, по которой сверхъ договорнаго соглашенія сторонъ требовалась еще передача (*traditio*) документа; такимъ образомъ, обѣщаніе, воплощенное въ бумагѣ на предъявителя, становится юридически обязательнымъ только въ силу „*Begebungsvertrag*“, т. е. чрезъ выдачу и принятіе бумаги съ волеизъявленіемъ (хотя-бы и молчаливымъ) одного контрагента—стать должникомъ и другаго—вѣрителемъ.

За эту господствующую теорію говорить, конечно, то, что она наименѣе отступаетъ отъ общаго и исконнаго шаблона, соотвѣтствуетъ преобладающему договорному характеру средневѣковыхъ документовъ, подходит къ нѣкоторымъ случаямъ современнаго оборота, но, уже не говоря о томъ, что въ своихъ консеквенціяхъ она идетъ въ разрѣзъ съ дѣйствительностью и съ назначеніемъ института предъявительскихъ бумагъ въ современномъ его развитіи, эта договорная теорія вовсе не можетъ объяснить самый переходъ обязательства (права требованія) къ позднѣйшимъ владѣльцамъ, особенность котораго состоитъ въ томъ, что въ отношеніи послѣднихъ нельзя ссылаться на первоначальное правоотно-

шеніе между выдавателемъ и первымъ принимаемымъ документа.

Въ этомъ отношеніи усилія ея приверженцевъ оказываются тщетными. *Савиньи* ¹⁾ предполагаетъ здѣсь договоръ *cum incerta persona* и тѣмъ самымъ становится въ неразрѣшимое противорѣчіе съ исповѣдуемой имъ римской теоріей. Вообще римскіе принципы нарушаются здѣсь цѣлымъ рядомъ существенныхъ отступленій.

Unger ²⁾ отдѣляется вполне произвольными предположеніями, что въ первоначальной выдачѣ бумаги на предъявителя разъ навсегда присвоается всякому cedentu полномочіе на послѣдующую делегацію, при чемъ правильность всѣхъ происшедшихъ передачъ доказывается добросовѣстнымъ владѣніемъ предъявителя.

Binding ³⁾, особенно убѣжденный сторонникъ договорной теоріи, считаетъ несомнѣннымъ, что бумагодатель и первоначальный вѣритель заключаютъ договоръ при и чрезъ передачу документа, а точно также происходитъ переносъ права требованія при дальнѣйшей передачѣ отъ перваго къ позднѣйшему владѣльцу. Слѣдовательно, по этому ученію пришлось бы допустить, что и лица недѣеспособныя, могущія оказаться владѣльцами безыменной бумаги, тоже заключаютъ договоръ?! Равнымъ образомъ вовсе необъяснимыми представляются тѣ нерѣдкіе случаи, когда первоначальный договоръ ничтоженъ, когда договорный переносъ прерывается, когда, наконецъ, договоръ вовсе не имѣлъ мѣста, вслѣдствіе исчезновенія бумаги у актодателя, безъ и противъ его воли, раньше, чѣмъ состоялся *Begebungsvertrag*, между тѣмъ какъ дѣйствительность циркулирующаго въ оборотѣ документа не подлежитъ сомнѣнію и не оспаривается даже нѣкоторыми сторонниками договорной теоріи (*Binding, Thöl* ⁴⁾), допускающими въ этихъ случаяхъ отступленія отъ строгой послѣдова-

¹⁾ Обязательственное право. Перев. Фуксъ и Мандро. 1876 г., стр. 416—489.

²⁾ Die rechtliche Natur der Inhaberpapiere. 1857.

³⁾ Vertrag als alleinige Grundlage der Inhaberpapiere.—Goldschmidt's Zeitschrift. X p. 400—426.

⁴⁾ Das Handelsrecht, 1879 г., I, § 222—232, стр. 663—712.

тельности и признающими рациональность въ этомъ отноше-
ніи § 794 общ. герм. гражд. уложенія. Ссылки на фактъ
написанія документа, какъ презумирующій договоръ (*Bege-
bungsvertrag*), и на редакцію безыменной бумаги, распро-
странительное толкованіе самого предполагаемаго договора—
убѣждаютъ лишь въ слабости договорной теоріи.

Brunner ¹⁾ тоже придерживается договорной теоріи,
основываясь, какъ и *G. Gareis* ²⁾, главнымъ образомъ на
договорномъ характерѣ франкороманскихъ и германскихъ
приватныхъ документовъ и на римскомъ правѣ. Но послѣд-
нее въ институтахъ ему совершенно чуждыхъ является— упо-
требимъ выраженіе *Kleinschrode* ³⁾— „контрабандою“, подле-
жащею конфискаціи; далѣе, ошибка Бруннера очевидно въ томъ,
что онъ явно смѣшиваетъ два момента: возникновеніе цѣн-
ныхъ бумагъ и пріобрѣтеніе правъ по нимъ, только для
послѣдняго необходима была передача (*traditio*); наконецъ,
какъ справедливо возражаетъ Бруннеру *Otto Stobbe* ⁴⁾, кто
договоромъ обязуется исполнить обѣщаніе контрагенту или
третьему, не какъ правопреемнику контрагента, а какъ само-
стоятельному лицу, тотъ въ отношеніи третьяго далъ односторон-
нее обѣщаніе, въ коемъ и заключается вся обязывающая сила;
ибо иначе должникъ могъ бы помѣшать вѣрительству по-
слѣдующихъ бумаговладѣльцевъ взятіемъ своего волеизъявленія
обратно, что однако въ дѣйствительности не допускает-
ся (*Windscheid*) ⁵⁾. Обязывающую силу односторонняго обѣ-
щанія подтверждаютъ, вопреки намѣренію *Gareis'a* ⁶⁾, его
собственныя изслѣдованія, изъ которыхъ мы узнаемъ, что

¹⁾ Beiträge zur Geschichte und Dogmatik der Werthpapiere—Goldschmidt's
Ztschr. XXII 1—51, 59—134, 505—554; XXIII 225—262. Das französische Inhaber-
papier 1879.—In Endemanns Handbuch.

²⁾ Beitrag zum Handelsrecht des Mittelalters mit besonderer Rücksicht auf die
Lehre von dem Inhaber.—Goldschmidt's Ztschr. XXVIII 63—114; XXI 348.

³⁾ Ueber die Klagänderung. 1879.

⁴⁾ Handbuch des deutschen Privatrechts. 1898. B. III §§ 254—255; § 219.

⁵⁾ Lehrbuch des Pandektenrechts, 1891, B. II, § 304.

⁶⁾ Beitrag zum Handelsrecht des Mittelalters mit besonderer Rücksicht auf die
Lehre von dem Inhaber.—Goldschmidt's Ztschr. XXVIII 63—114; XXI 348.

въ средніе вѣка, гдѣ интересы оборота могли пострадать оттого, что юридическая дѣйствительность *объщанія* должника ставилась въ зависимость *отъ принятія* его вѣрителемъ, тамъ постепенно, благодаря неопредѣленному, свободному способу, посредствомъ котораго происходила въ средніе вѣка акцептація, именно въ видѣ акта отдѣльнаго отъ общанія и заявляемаго иногда совсѣмъ посторонними договоромъ людѣми,—акцептація теряла въ нѣкоторыхъ случаяхъ вовсе свое матеріальное значеніе и такимъ образомъ выработалась обязывающая сила односторонняго общанія должника. Впрочемъ, Бруннеръ ¹⁾, въ виду найденныхъ имъ документовъ завѣщательнаго характера, признаетъ и распорядительное волеизъявленіе также порождающимъ обязательство на предъявителя.

Goldschmidt, отказавшись отъ раньше признаваемой имъ *Pendens*-или *Präsentationstheorie*, примкнулъ тоже къ договорной теоріи, при чемъ конструируетъ послѣднюю слѣдующимъ любопытнымъ образомъ: бумагодатель заключаетъ договоръ съ опредѣленнымъ лицомъ—первымъ получателемъ—въ пользу него самого и въ пользу дальнѣйшаго, еще неопредѣленнаго круга лицъ, изъ коихъ каждое лицо пріобрѣтеніемъ бумаги получаетъ не производное отъ предшественника, но самостоятельное, новое право противъ выдавателя бумаги, независимое отъ пороковъ, присущихъ предшественнику. Договоръ этотъ, по ученію Гольдшмидта, слѣдуетъ считать *безусловно* недѣйствительнымъ только при отсутствіи право-и дѣеспособности *бумагодателя* и при всякихъ другихъ обстоятельствахъ, исключаяющихъ его волю. Порочная же пріобрѣтательная способность *договорнаго контрагента* дѣлаетъ договоръ лишь *относительно*—недѣйствительнымъ, именно, единственно въ отношеніи самого контрагента, но отнюдь не въ отношеніи позднѣйшихъ честныхъ пріобрѣтателей бумаги, для которыхъ обязательство актодателя дѣйствительно, такъ какъ договоръ съ первымъ получателемъ бумаги не есть, по теоріи Гольдшмидта, конститутивный элементъ, но лишь юридиче-

¹⁾ Zur Theorie der Werthpapiere.—Goldschmidt's Ztschr. III 275 и XXV III 63—114.

ское средство для установления сукцессивныхъ обязательствъ; такимъ образомъ, первый получатель относительно позднѣйшаго приобрѣтенія представляетъ собою только посредника, юридическая квалификація котораго въ этомъ отношеніи излишня.

Однако, если игнорировать юридическую квалификацію договорнаго контрагента бумагодателя, если смотрѣть на него какъ на посредника относительно „неопредѣленнаго круга“ возможныхъ вѣрителей и вмѣстѣ съ тѣмъ отвергать, какъ это дѣлаетъ Гольдшмидтъ, возможность договора съ послѣдними, какъ пресловутаго и несуразнаго „договора *sine inserta persona*“, обоснованіе и защита котораго не далась уже Савиньи, если притомъ отрицать конститутивный элементъ въ договорѣ,—то не значить ли тѣмъ самымъ сводить все конструкцію къ одностороннему обѣщанію, лишь формально прикрывая его якобы договоромъ съ опредѣленнымъ лицомъ въ пользу третьяго (неопредѣленнаго круга лицъ)?! Что касается вообще обоснованія бумагъ на предъявителя договоромъ въ пользу третьяго, то послѣдовательное проведеніе послѣдняго въ этомъ институтѣ невозможно: на основаніи настоящаго *actum in favorem tertii*,—какъ указываетъ *Garies*, рѣшительный противникъ такого обоснованія,—третье лицо получаетъ предназначенное ему право безъ своего содѣйствія, по теоріи *O. Bär'a*,—въ силу одного присоединенія къ соглашенію контрагентовъ,—между тѣмъ какъ, чтобы стать добросовѣстнымъ владѣльцемъ бумаги на предъявителя, необходимо еще приобрѣтеніе ея.

Тѣмъ не менѣе и *Garies* тоже держится договорной теоріи. По его ученію, бумагодатель обязуется въ пользу перваго владѣльца или того, которому этотъ передаетъ бумагу; при чемъ приобрѣтеніе позднѣйшаго владѣльца основано на заключенномъ между нимъ и предшествующимъ владѣльцемъ отчуждительномъ договорѣ, и именно поэтому не на договорѣ въ пользу третьяго; искъ же бумагопредъявителя противъ бумагодателя основывается на обѣщаніи послѣдняго уже первоначальному контрагенту въ пользу позднѣйшаго владѣльца на случай договорной передачи. И это видоизмѣненіе договорной теоріи не отражаетъ возраженій, уже нами выше приведенныхъ.

Переходимъ теперь къ теоріямъ односторонняго обѣщанія, которыя выработались тоже въ двойкой основной конструкціи.

По мнѣнію однихъ—Emissionstheorie—обязательство возникаетъ въ силу односторонняго обѣщанія съ момента *выпуска* бумаги выдавателемъ. Такъ, *Kuntze*, творецъ этой теоріи, полагаетъ, что изготовленіе и подписаніе бумаги есть установительный актъ (Creationsakt), которымъ бумагодатель обязывается уплатить предъявителю бумаги; но чтобы такое предъявленіе стало возможнымъ, необходимо взятіе документа другимъ лицомъ, происходящее обыкновенно при посредствѣ *emissio*; итакъ, приобрѣтеніе владѣнія надъ бумагой завершаетъ юридическую сдѣлку (*perfectio*) и приводитъ документъ въ практическое дѣйствіе изъ парализованнаго состоянія. При всемъ томъ, однако, если бы такого выпуска бумаги выдавателемъ не послѣдовало, бумага же, такъ или иначе, очутилась въ оборотѣ, то выдаватель, по мнѣнію Кунце (также *Bekker*, *Ihering*, *Endemann*, *Siegel*, *Thöl*, *Dernburg*), въ силу своего односторонняго обѣщанія, въ силу *creatio*, обязанъ удовлетворить по ней предъявителя. Въ этомъ воплощеніи обязательства въ бумагѣ заключается доминирующій принципъ всего института, называемый Кунце *das Princip der Immanenz*.

Otto Stobbe гораздо категоричнѣе настаиваетъ на необходимости *emissio*. По его мнѣнію, изготовленная и подписанная выдавателемъ бумага еще не выражаетъ безповоротно-обязательнаго волеизъявленія, а составляетъ лишь подготовительное дѣйствіе, образующееся намѣреніе, которое приводится въ исполненіе, осуществляется только въ моментъ умышленнаго выпуска бумаги изъ своихъ рукъ въ чужія, поставленія ея внѣ своего обладанія; при этомъ безразлично, произойдетъ ли *emissio* посредствомъ передачи (*traditio*), или одностороннимъ дѣйствіемъ. Считая такимъ образомъ *emissio* необходимымъ заключительнымъ актомъ волеизъявленія, *Stobbe* (также *Regelsberger*, *Goldschmidt*, *Gerber*, *Pernice*, *Brunner*, *Unger*, *Windscheid*) вполне послѣдовательно расходится съ Кунце (въ то же время съ обыкновенной практикой и § 794 новаго герм. гражд. улож.) въ томъ, что не признаетъ ответственности выдавателя по безы-

менной бумагѣ, очутившейся въ гражданскомъ оборотѣ помимо и противъ его воли.

Самая рѣзкая техническая порочность этого ученія заключается въ томъ, что моментъ выпуска бумаги остается весьма часто вовсе неизвѣстнымъ, неувимымъ, слѣдовательно неопредѣлимъ существенно важный моментъ возникновенія обязательства, какъ обусловливаемый *emissio*, актомъ, никакого слѣда на бумагѣ не оставляющимъ. Кромѣ того, обязывающая воля (*Verpflichtungswille*) письменныхъ обязательствъ заключается именно въ скриптурѣ (*Canstein* ¹⁾), *c'est le titre, qui constitue la créance*, говоритъ *Laurent* ²⁾, а не въ моментѣ выхода или выдачи бумаги. Наконецъ, возраженія (*Stobbe, Goldschmidt'a, Lehmann'a* и др), что актодатель, подписавъ бумагу, еще „не хотѣлъ“ теперь же обязаться, но лишь по выдачѣ бумаги, — представляется въ виду письменнаго документа, въ которомъ онъ изложилъ свою волю безъ подобной оговорки, едва-ли основательнымъ. То же, что онъ думалъ про себя, не можетъ имѣть значенія, особенно для документовъ, специально предназначенныхъ для безпрепятственнаго циркулированія въ гражданскомъ оборотѣ. Къ тому же совершенно очевидно, что такая оговорка бумагодателя, буде она была бы вписана имъ въ бумагу или презумируема *de iure*, породивъ возможность возраженій о несостоявшейся *emissio*, тѣмъ самымъ парализовала бы *negociabilitas* бумагъ на предъявителя, создавъ, выражаясь словами проф. Л. И. Петражицкаго, психическое треніе въ механизмѣ обращенія, имѣющемъ первенствующее значеніе въ интересующемъ насъ институтѣ.

Наиболѣе логически послѣдовательною и практичною, по нашему мнѣнію, представляется, такъ сказать, чистая теорія односторонняго обѣщанія или, какъ ее называютъ, *Creations-Theorie*. По этому ученію, какъ выражается проф. Н. Л. Дювернуа ³⁾, сила односторонняго обѣщанія независимо отъ во-

¹⁾ Check, Wechsel und deren Deckung—Archiv für Bürgerliches Recht. 1890. Bd. IV. H. 2.

²⁾ Principes de droit civil francais. XXXII p. 613.

³⁾ Конспектъ лекцій. 1894, стр. 277.

проса, кто, какъ и когда выпускаетъ или приобретаетъ бумагу, признается дѣйствующей съ момента изготовленія, подписанія этой бумаги; die Verschreibung und nur die Verschreibung ist der Verpflichtungsgrund, говорить *Siegel* (кстати сказать, доказывающій, впрочемъ безъ успѣха, что обязывающая сила односторонняго обѣщанія составляетъ де національную черту нѣмецкаго права). Слѣдовательно, креаторъ отвѣчаетъ и по бумагѣ, которая безъ или даже противъ его воли вышла изъ его рукъ, именно по бумагѣ украденной, потерянной и вѣтромъ унесенной. Этотъ выводъ, санкціонированный новымъ германскимъ гражданскимъ уложеніемъ — §794, Саксонскимъ — §§ 1039—46 (также R. O. N. G. Bd. 17, № 36), защищается приверженцами креационной теоріи (*Gerber, Cosack, Dernburg, Canstein, Riesser*) какъ вытекающій изъ природы письменнаго обязательства, требуемый интересами публичнаго кредита и bona fides оборота, и соотвѣтствующій очевидной справедливости: ибо креаторъ можетъ и долженъ тщательно охранять свои собственныя „произведенія“, если не хочетъ потерпѣть убытки; онъ платится за всякую оплошность, особенно имѣя дѣло съ оборотомъ.

Такова основная точка зрѣнія креационной теоріи, наилучше разъясняющей обязывающую силу односторонняго обѣщанія, независимо отъ вопроса о наличности акцептанта и о его правоспособности. Эта креационная теорія, какъ мы видѣли выше, не лишена историческаго обоснованія; она санкціонирована новымъ германскимъ гражданскимъ уложеніемъ 1896 г. въ §§ 793—794; она же соотвѣтствуетъ стремленіямъ прогрессирующей цивилизаціи: обратить этическую норму „слова своего держись“ въ норму правовую, что одностороннее обѣщаніе право- и дѣеспособнаго гражданина абсолютно его обязываетъ и потому превращается само по себѣ въ материальную цѣнность, способную къ циркулированію въ оборотѣ, если ему дана письменная форма на предъявителя. Креационная теорія точно также развивается учеными различно. Отмѣтимъ *R. Thering'a* ¹⁾, по оригинальному ученію

¹⁾ Jahrbuch für Dogmatik. I, 49; X, 441.

котораго бумага на предъявителя есть лишь юридически обеспеченное средство къ установленію обязательства; такимъ образомъ, съ момента подписанія бумаги создается только право на приобрѣтеніе обязательства, само же обязательство возникаетъ единственно при предъявленіи документа ¹⁾).

Близко къ этому сомнительное различіе, проводимое *Siegel'*емъ между обязательствомъ исполнить данное обѣщаніе и связанностью словомъ въ смыслѣ безповоротности даннаго обѣщанія.

Эти мысли усматриваются и въ первоначальной теоріи *Гольдмидта*, въ такъ называемыхъ *Pendenz*-или *Präsentations-Theorie*, по которой до предъявленія документа вѣрительство находится *in pendenti*: „*Gläubiger ist erst der Präsentant*“; постоянная возможность бумаговладѣльцевъ стать вѣрителемъ обращается въ дѣйствительность лишь съ момента предъявленія.

Но безыменная бумага разсматривается въ оборотѣ не какъ простая *res*, а какъ нѣчто очень реальное; предъявленіе бумаги на предъявителя дѣлается не съ цѣлью впервые установить обязательство, а для реализаціи уже существующаго обязательства. Существованіемъ обязательства уже до предъявленія только и можетъ быть объяснено переживаніе права требованія при доказанной гибели воплощавшей его (право) бумаги, взамѣнъ коей амортизаціоннымъ путемъ можетъ быть выданъ новый документъ или произведено удовлетвореніе.

Оригинальною представляется также *Personificationstheorie*, развитая *Беккеромъ* ²⁾ (*Volkmar, Loevy*), по ученію котораго сама бумага на предъявителя олицетворяетъ вѣрителя: „*Das Papier selbst ist Gläubiger*“. Владѣлецъ получаетъ свое право не отъ предшественника, а отъ самой бумаги, которой онъ является какъ-бы представителемъ. Очевидно такое совмѣщеніе субъекта и объекта въ самой бумагѣ, присвоеніе личности не-

¹⁾ Любопытно сопоставить это ученіе съ *Schlosmann'*омъ, утверждающимъ (въ *Vetrag* 1876), что вообще не договоръ производитъ обязательство, но только неисполненіе его.

²⁾ *Jahrbücher des gemeinen deutschen Rechts*, Bd. I. 261, 361.

одушевленными предметамъ, не разъясняя сущности вопроса, лишь запутываютъ основныя понятія гражданского права и потому вполне заслуживаютъ приговора Парижской кассационной палаты, которая отвергла персонификаціонную теорію въ слѣдующихъ рѣшительныхъ выраженіяхъ (приводимыхъ у *Laurent*): „l'argument—nous devons au titre et non à la personne—n'est qu'un jeu de mots vide de sens“.

Итакъ, юридическая природа бумагъ на предъявителя опредѣляется способомъ и цѣлью ихъ возникновенія, именно для легчайшаго оборота цѣнностей, въ нихъ содержащихся, и легчайшей легитимациі кредиторовъ по нимъ. Цѣль эта достигается тѣмъ, что лицо, изготовляющее и подписывающее бумагу на предъявителя, eo ipso обязуется исполнить обязательство всякому, кто предъявитъ такую бумагу къ реализаціи. Эта обязанность (по креационной теоріи) основывается на одностороннемъ обѣщаніи, сила котораго признается *существующей* съ момента отвердѣнія, воплощенія такого обѣщанія (или обязывающейся воли) въ бумагѣ и *безповоротной* съ момента выхода (хотя-бы и безъ выпуска) бумаги изъ рукъ актодателя. Отсюда само собой явствуетъ, что изготовленный, по выработанной практикой формулѣ, документъ считается юридически дѣйствительнымъ, разъ онъ подписанъ право-и дѣеспособнымъ актодателемъ, въ условіяхъ юридическаго дѣйствія. Пока бумага на предъявителя свободно, посредствомъ простой передачи, циркулируетъ въ оборотѣ, является предметомъ различныхъ вещныхъ отношеній или хотя-бы *res nullius*, она остается, по самой природѣ своей, вещью, не какъ лоскутокъ бумаги конечно, но какъ цѣнный объектъ, какъ, по выраженію *Stobbe*, футляръ содержащій драгоценность, какъ овеществленное требованіе, какъ носитель обязательства и какъ доказательственный документъ вмѣстѣ съ тѣмъ (но не исключительно, ибо требованіе не можетъ существовать помимо документа, оно въ немъ воплощено).

Поэтому, всѣ вопросы, касающіеся циркулированія бумагъ на предъявителя въ гражданскомъ оборотѣ, словомъ, всѣ вопросы о правѣ на бумагу, какъ при всякой другой движимой вещи, должны быть рѣшаемы по началамъ вещнаго права.

Права же, вытекающія изъ бумаги, вопросы объ ея возникновеніи и удовлетвореніи по ней, особенно отношенія между выдавателемъ и предъявителемъ такой бумаги, обсуживаются по началамъ обязательственнаго права, независимо отъ вопроса о правѣ на бумагу. Послѣднее, соотвѣтствуя цѣлямъ оборота и кредитоспособности безыменныхъ бумагъ, слѣдуетъ изъ того, что по волѣ должника, ясно выраженной въ документѣ, всякій предъявитель, въ силу только факта предъявленія, является вѣрителемъ (или, какъ осторожно выражается *Stobbe*, легитимированнымъ платежепринимателемъ), котораго обязался удовлетворить бумагодатель, не справляясь о качествѣ его владѣнія, для него безразличномъ, лишь бы самая бумага была подлинная, а не подложная. Есть ли предъявитель собственникъ документа, или нѣтъ? Какъ того требуютъ безусловно: *Brunner, Goldschmidt, Carlin* ¹⁾, *Canstein* и, презумптивно, *Савиньи, Renaud* ²⁾, *Stobbe*. Во всякомъ случаѣ, въ моментъ предъявленія бумаги, отъ своего имени конечно, онъ несомнѣнно владѣлецъ документа. Какой квалификаціи? Добросовѣстный (*Kuntze, Endemann, Dernburg*), или просто фактическій (*Gönnner Sochay, Dunker* ³⁾ и прежде *Stobbe*), или даже недобросовѣстный (*Riesser* ⁴⁾, *Förster* ⁵⁾)—это имѣетъ значеніе только для лица, лишившагося помимо своей воли даннаго документа, но безразлично для должника, обязавшагося исполненіемъ предъявителю безъ всякой дальнѣйшей его квалификаціи и потому освобождаемаго отъ дальнѣйшей отвѣтственности платежемъ кому бы то ни было по предъявленному и полученному обратно документу. Этотъ выводъ является болѣе или менѣе общепризнаннымъ и въ литературѣ, и въ законодательствѣ (§ 793 общ. герм. улож.); и у насъ въ русскомъ правѣ онъ выраженъ въ неоднократно употребляемомъ законодателемъ пра-

¹⁾ Zur rechtlichen Natur der Werthpapiere. Ztschr. f. d. ges. Hand. XXXVI, 3—69.

²⁾ Beitrag sur Theorie der Obligationen auf den Inhaber. Zeitschr. f. D. R. XIV, 1852, 315—366.

³⁾ Ueber Papiere auf den Inhaber. Ztschr. f. d. R. V (1841), L. 30.

⁴⁾ Zur Lehre von der rechtlichen Natur der Inhaberp.—*Goldschmidt's* Zeitschrift. XXVIII.

⁵⁾ Preus. Privatr. I § 64.

вилъ Высочайше утвержденнаго мнѣнія Государственнаго Совѣта 31 мая 1865 года, гласящемъ, что „владѣльцемъ бумаги на предъявителя признается держатель ея“, и разъясненномъ особенно категорически въ новѣйшемъ рѣшеніи Правительствующаго Сената ¹⁾ 1898 года (февраля 11 дня) № 15, какъ „выраженіе, имѣющее безусловное значеніе (курсивъ нашъ) лишь въ отношеніи расчетовъ, которые могутъ происходить между учрежденіемъ, выпустившимъ билетъ на предъявителя, и владѣльцемъ его“. Возраженія и жалобы на возможность несправедливостей и злоупотребленій не должны быть принимаемы въ расчетъ, ибо дѣло первѣйшей необходимости составляютъ удобства гражданскаго оборота; здѣсь точка зрѣнія частныхъ случайныхъ интересовъ должна уступить точкѣ зрѣнія общей суммы блага, тѣмъ болѣе, что какъ преступленія, такъ и собственная неряшливость составляютъ рѣдкія исключенія изъ нормальнаго порядка вещей, положеннаго въ основаніе всей цивильно-правовой жизни съ ея мудрымъ предостереженіемъ: *vigilantibus ius civile scriptum est!* Мало того, потерпѣвшему по злосчастной случайности предоставляются юридическія средства (публикація, виндикація, амортизація) отыскивать свое право на бумагу, противъ воли потерянное, преслѣдовать нарушителя своихъ правъ, искать съ него возмѣщенія убытковъ; но за его несчастье не долженъ платиться добросовѣстный владѣлецъ исчезнувшаго документа, положившійся на *bona fides* оборота.

Но, конечно, *aequitatis causa* и ради той же *bona fides* оборота, если должникомъ несомнѣнно можетъ быть доказано, что въ данномъ предъявителѣ, какъ явно недобросовѣстномъ обладателѣ бумаги, качество кредитора невозможно, то должникъ можетъ ему отказать въ исполненіи предъявленнаго требованія и даже долженъ это сдѣлать, если несомнѣнныя доказательства ему представлены заинтересованнымъ лицомъ.

¹⁾ См. подробный разборъ этого рѣшенія и вообще положеніе вопроса въ русскомъ правѣ и судебной практикѣ въ *многихъ* статьяхъ „О виндикаціи бумагъ на предъявителя“, помѣщенныхъ въ „Юридической Газетѣ“ за 1899 г. №№ 51, 52, 53 и 55.

Изъ вышеразвитаго нами воззрѣнія также слѣдуетъ, что взаимныя отношенія предъявителя и должника обсуживаются на основаніи только содержанія документа: бумага на предъявителя, какъ мѣтко замѣтилъ Gerber¹⁾, не имѣетъ для должника исторіи, и потому возраженія должника имѣютъ силу лишь тогда, когда они касаются дѣйствительности акта, его содержанія и лично самого вѣрителя (напр., *exertio comprehensionis, doli*), но отнюдь не прежнихъ владѣльцевъ документа, слѣдовъ никакихъ на самомъ документѣ не оставившихъ и отношенія вѣрительства съ должникомъ не осуществившихъ.

Такимъ образомъ, чистая теорія односторонняго общанія въ своихъ консеквенціяхъ, особенно при сопоставленіи ея съ другими теоріями о юридической природѣ бумагъ на предъявителя, представляется намъ наиболѣе послѣдовательною, юридическою и соотвѣтствующею въ дѣйствительности и волѣ должника, и волѣ приобрѣтающаго бумагу, и краткой редакціи самой бумаги на предъявителя, и въ особенности требованіямъ легчайшаго оборота и легчайшей легитимации, чтобы бумага безпрепятственно, безъ „психическаго тренія“, безъ опаски передавалась изъ рукъ въ руки; чтобы никто не отвѣчалъ за предшествующихъ владѣльцевъ и не рисковалъ, такимъ образомъ, встрѣтить возраженіе и препятствіе въ моментъ предъявленія.

---

¹⁾ System des deutschen Privatrechts. 1895.

О НЕОФИТАХЪ.

С. В. Безобразова.

Въ газетныхъ статьяхъ по возбуждившему всеобщее вниманіе дѣлу еврея Гринкруга—о внесеніи его въ дворянскую родословную книгу Смоленской губерніи—неоднократно приводилась ст. 1106 законовъ о состояніяхъ, изд. 1876 г., содержащая, въ третьей части своей, единственное во всемъ русскомъ законодательствѣ о дворянствѣ упоминаніе о евреяхъ. Постановленіе это гласитъ, что „Депутатскія Собранія не должны вносить въ родословныя книги евреевъ, принявшихъ христіанскую вѣру, хотя-бы они представили доказательства, что предки ихъ приняли оную до 1764 года“ Означенное правило, основанное на пунктѣ 16 Высочайше утвержденного 20 апрѣля 1834 года мнѣнія Государственнаго Совѣта (П. С. З. № 7007)—о производствѣ обревизованія дѣйствій Дворянскихъ Депутатскихъ Собраній—въ томъ видѣ, какъ оно изложено въ дѣйствующемъ изданіи тома IX, допускаетъ возможность неправильнаго пониманія его, давая даже поводъ къ такому заключенію, что одно происхожденіе изъ евреевъ, *несмотря на принятіе христіанства* и на наличность другихъ условій въ приобрѣтенію потомственнаго дворянства, обусловливаетъ невозможность внесенія такого лица въ родословную книгу. Между тѣмъ, въ дѣйствительности, ст. 1106 такого значенія вовсе не имѣетъ, ника-

кого для евреевъ ограниченія, какъ увидимъ ниже, она не заключаетъ и, въ этомъ отношеніи, въ законахъ о состояніяхъ замѣчается пробѣлъ.

Исторія статьи 1106 чрезвычайно любопытна. Въ артикулѣ VII раздѣла XII Литовскаго Статута содержались правила „о платежѣ за голову еврея и о штрафѣ навязкѣ емужъ“¹⁾. Въ этихъ правилахъ предусматривались случаи убійства и пораненія евреевъ, а также нанесенія имъ побоевъ, евреемъ же, затѣмъ дворяниномъ и, наконецъ, христіаниномъ простаго званія, при чемъ указывались налагавшіяся за то на дворянъ и не дворянъ-христіанъ наказанія (смертная казнь, заключеніе), платежъ „за голову“ (головщина за убійство) и штрафъ навязка (за раны и побои); относительно же виновныхъ въ преступныхъ дѣяніяхъ евреевъ, въ §§ 1 и 4 того же седьмаго артикула было объяснено, что они судятся и приговариваются „по правамъ и привилегіямъ имъ пожалованнымъ“ и при томъ „безъ позыва (bez pozwu), какъ и прочіе наши подданные тѣ, кои не пользуются дворянскими правами“. Непосредственно за этимъ, въ § 5 артикула VII, было указано: „а ежели бы который еврей или еврейка приняли христіанскую вѣру, то всякой изъ таковыхъ и потомки ихъ должны считаться дворянами (za Szlachcica pocztytani bydz maja)“. Не представляется, повидимому, никакихъ сомнѣній въ томъ, что правило параграфа 5 самостоятельнаго значенія имѣть не можетъ и составляетъ не что иное, какъ лишь изъятіе изъ приведеннаго передъ нимъ порядка, по которому евреи іудейскаго закона были сравнены съ лицами, не пользующимися дворянскими правами. Между тѣмъ, какъ усматривается изъ генеральной конфедераціи Конвокаціоннаго сейма 7 мая 1764 года²⁾, означенный § 5 послужилъ основаніемъ къ возведенію евреевъ, за принятіе ими христіанства, въ дворянское достоинство. „Во всей

¹⁾ См. Статутъ Вел. Княж. Литовскаго, переводъ съ польскаго, СПб., 1811 г., часть 2, стр. 269 и слѣд.

²⁾ См. Volumina legum, tom VII (Petersburg, 1860 г.): Konfederacya generalna omnium Ordinum Regni et Magni Duc. Lit. na Konwokacyi Gtowney Warszawsk. uchwalona.

Польшѣ“, — читаемъ мы на стр. 74 названнаго акта, въ конституціи подъ заголовокъ: Neofici, — „умножился родъ неофитовъ (перекрестовъ), которые, по врожденному имъ проворству и алчности, осмѣливаются добиваться дворянскихъ преимуществъ, чиновъ и владѣнія недвижимымъ имѣніемъ, въ обиду родовитаго дворянства; коронными законами не опредѣлено такимъ людямъ званія; хотя одна статья Литовскаго Статута, двусмысленно написанная, и положила почитать неофитовъ дворянами, но позднѣйшими законами о возведеніи въ дворянство предоставлено приобрѣтать достоинство польскаго дворянства не другимъ способомъ, какъ только съ согласія чиновъ республики, лицами, на сеймахъ представляемыми и заслуженными“. Въ предупрежденіе того *„дабы сей родъ неофитовъ не затмилъ современемъ природнаго племени польскаго дворянства“*, на означенномъ сеймѣ было постановлено, *„дабы таковыя неофиты или ихъ потомки, которые пожелали бы вступить въ мѣщанство и были бы къ тому способны, пользовались всѣми тѣми вольностями, какъ и самыя мѣщане, тѣ же, которые пожелали бы заняться хлѣбопашествомъ, дабы платили владѣльцамъ земли причитающей за нее оброкъ (szynsz); ежели же кто изъ неофитовъ или ихъ потомковъ состоялъ въ должности или чинѣ (na Urzędzie), пожалованныхъ ему по невѣдѣнію о званіи и рожденіи его, или же владѣлъ имѣніемъ на правѣ собственности или на заставномъ правѣ, то, бывъ позванъ въ подлежащій судъ (ad competens forum), долженъ подлежать дѣйствию изложеннаго постановленія, при чемъ обязанъ, въ двухлѣтній срокъ, свои имѣнія продать родовитымъ дворянамъ, а съ заставными имѣніями ликвидировать дѣла и удалиться изъ имѣній (z dobr zastawnych summy podnieść y z tychże dobr ustapic starat się), подъ опасеніемъ конфискаціи имѣнія и суммъ, изъ коихъ одна половина доносителю, а другая въ казну поступить имѣть (sub confiscationem bonorum et summarum per medium delatori, per medium fisco cedendorum et cedendarum)“.*

Не трудно себѣ представить, какое впечатлѣніе произвела эта конституція какъ на самихъ неофитовъ, уже добившихся высшаго состоянія, такъ и на успѣвшіе породниться съ ними

дворянскіе роды! Представителями Великаго Княжества Литовскаго были возбуждены ходатайства о смягченіи строгаго закона. Вслѣдствіе этого, хотя означенная конституція и была оставлена въ силѣ коронною конституціею 3 декабря 1764 года, тѣмъ не менѣе послѣднею же были возведены въ дворянство, съ выдачею привилегій, до сорока представленныхъ королю наиболѣе выдающихся родовъ неофитовъ или ихъ потомковъ ¹⁾, при чемъ было обѣщано выдать дворянскія привилегіи, по выбору короля, съ согласія чиновъ, еще десяти родамъ ²⁾.

Мѣра эта не удовлетворила, однако, всѣхъ задѣтыхъ конституціею о неофитахъ. Само Великое Княжество Литовское, оберегая свой Статутъ, считало „общую обиду неофитовъ“ за нарушение Статута. Въ разрѣшеніе возникшаго пререканія разъ навсегда, на чрезвычайномъ Варшавскомъ сеймѣ 1768 года была постановлена конституція „о возстановленіи въ чести и дворянствѣ неофитовъ въ Великомъ Княжествѣ Литовскомъ“ слѣдующаго содержанія: „подъ строгость конвокаціоннаго закона о неофитахъ, въ 1764 году изданнаго, подходит не имѣютъ всѣ тѣ неофиты въ Великомъ Княжествѣ Литовскомъ, которые до изданія того закона приняли христіанскую вѣру; напротивъ того, возводимъ ихъ настоящимъ закономъ въ дворянство и оставляемъ при преимуществвахъ дворянскихъ навсегда, разрѣшая даже право покупки недвижимыхъ имѣній; упомянутый же конвокаціонный законъ относиться имѣеть къ будущему времени и на тѣхъ, которые послѣ изданія сего закона (*post hanc legem*) *окажутся и будутъ принимать христіанскую вѣру* (*wynikną у паугасаć się бѣда*)“ ³⁾.

¹⁾ Нельзя не отмѣтить, что фамиліи этихъ неофитовъ вовсе не указываютъ на ихъ еврейское происхожденіе: Лыжинскіе, Гурскіе, Казимірскіе, Лытинскіе, Освецимскій, Пржемоцкій, Свянгецкій, Новаковскіе, Добрыньскіе, Збитневскіе, Траяповскіе, Павловичъ и др.

²⁾ См. *Volumina legum, tom VII, Konstytucye Seymu Walnego koronacyi, № 55, Nobilitacya nektorych neofitow, czyli od nich pochodzących.*

³⁾ *Volumina legum, t. VII, Konstytucye Seymu Extraordynaryinego Warszaw-*

Эта послѣдняя конституція интересна, главнымъ образомъ, тѣмъ, что ею какъ-бы удостовѣряется правильность толкованія приведеннаго выше § 5 артик. VII разд. XII Литовскаго Статута въ смыслѣ закона о приобрѣтеніи дворянства, тогда какъ параграфъ этотъ, какъ мы видѣли, лишь сравнивалъ перекрестовъ съ дворянами въ отношеніи отвѣтственности за нѣкоторыя преступныя дѣянія. Едва-ли, по-этому, можно удивляться тому, что и нѣкоторыя депутатскія дворянскія собранія стали признавать въ дворянскомъ достоинствѣ и вносить въ родословныя книги потомковъ vykrestовъ изъ евреевъ, основывавшихъ свои дворянскія права на Литовскомъ Статутѣ. Неправильность эта была обнаружена, въ числѣ многихъ другихъ, учрежденнымъ при Правительствующемъ Сенатѣ комитетомъ для ревизіи дѣйствій депутатскихъ собраній. Комитетъ этотъ находилъ, что „конституціею 1764 года запрещено евреевъ за принятіе христіанскаго закона сопричислять къ дворянскому сословію, а по уваженію только обстоятельствъ дозволено пользоваться правами дворянства тѣмъ изъ нихъ, которые приняли христіанскій законъ до 1764 года“. Вслѣдствіе сего, согласно съ заключеніемъ комитета, пунктомъ 16-мъ Высочайше утвержденнаго 20 апрѣля 1834 года мнѣнія Государственнаго Совѣта было постановлено изложенное выше внесенное въ третью часть ст. 1106 зак. сост., изд. 1876 года, правило, съ добавленіемъ невошедшаго въ Сводъ законовъ объясненія о томъ, что „самую коронною конституціею признано такое возведеніе евреевъ въ дворянское достоинство противнымъ польскимъ уставамъ, а въ Россійскомъ Государствѣ на признаніе таковаго рода евреевъ въ дворянствѣ вовсе не существовало закона“.

Между тѣмъ, не внесенная въ Сводъ часть закона 1834 года существенно важна для пониманія истиннаго значенія сего закона: только при наличности ея ясно, что онъ вовсе не закрываетъ vykrestамъ изъ евреевъ и ихъ потомкамъ доступа въ дворянство путемъ приобрѣтенія этого достоинства чинами

въ службѣ или пожалованіемъ російскаго ордена, а лишь направлень противъ признанія факта принятія евреями христіанства за одинъ изъ способовъ пріобрѣтенія ими дворянства, хотя-бы обращеніе въ христіанскую вѣру послѣдовало ранѣе 1764 года.

Изъ сличенія приведенныхъ выше конституцій 1764 и 1768 годовъ съ закономъ 1834 года обращаетъ на себя вниманіе то обстоятельство, что сеймомъ признаны въ дворянствѣ всѣ неофиты, принявшіе христіанство ко времени изданія первой изъ названныхъ конституцій, законъ же 1834 года воспретилъ вносить въ родословныя книги потомковъ и такихъ лицъ, которыя приняли христіанскій законъ до 1764 года, т. е. до обнаруженія неправильнаго толкованія Литовскаго Статута и обращенія неофитовъ, по изданной въ томъ году конституціи, въ городское или сельское состояніе. Такое, повидимому, разнорѣчіе должно быть объяснено заключительными словами конституціи 1768 года, которыми оговорено, что сила ограничительнаго правила 1764 года будетъ распространяться на такихъ неофитовъ, которые послѣ изданія означенной конституціи „окажутся и будутъ принимать христіанскую вѣру“. Приведенное выше выраженіе „окажутся“, очевидно, было понято въ томъ смыслѣ, что конституціею 1768 года были возведены въ дворянство не всѣ вообще неофиты, принявшіе христіанскую вѣру до 1764 года, а только тѣ изъ нихъ, которые до 1768 года заявили ходатайства о признаніи ихъ дворянами; лица же, таковыхъ ходатайствъ своевременно не возбудившія, были лишены права впослѣдствіи о семъ ходатайствовать, хотя-бы они и удостоивѣри, что приняли христіанство до 1764 года. Въ такомъ именно смыслѣ и редактированъ законъ 1834 года.

Изъ приведенной исторіи статьи 1106 зак. сост. совершенно ясно, что п. 16 закона 1834 года имѣлъ въ виду только такихъ неофитовъ, которые, по силѣ конституціи 1764 года, подлежали обращенію въ городское или сельское состояніе; неофиты же, возведенные конституціями 1764 и 1768 годовъ въ дворянство, своевременно получили дворянскія привилегіи, вошли, вслѣдствіе сего, въ составъ польскаго, а

впослѣдствіи російскаго потомственнаго дворянства (ср. ст. 54 и 55 зак. сост.) и внесены въ дворянскія родословныя книги на общемъ основаніи. Такимъ образомъ, законъ 1834 года никакого новаго правила не установилъ; онъ только счелъ необходимымъ предостеречь депутатскія собранія отъ внесенія въ родословныя книги такихъ лицъ, которыя, не имѣя на то никакихъ правъ, лишь сами себя считаютъ дворянами на основаніи § 5 арт. VII разд. XII Литовскаго Статута, неправильное толкованіе котораго было прекращено еще въ 1764 году. Такое значеніе третьей части ст. 1106 зак. сост. становится понятнымъ, однако, только послѣ историческаго разслѣдованія, подобнаго произведенному нами, буквальный же смыслъ означенной статьи порождаетъ одни недоразумѣнія.

То же изслѣдованіе убѣждаетъ насъ не только въ казуистичности правила пункта 16 закона 1834 года, но и въ совершенно случайномъ характерѣ его происхожденія: оно основано на обнаруженныхъ злоупотребленіяхъ депутатскихъ собраній, а мало ли другихъ нарушеній, допущенныхъ этими собраніями, остались незамѣченными и, при томъ, неужели же всѣ они подлежали бы отмѣткѣ въ Сводѣ законовъ, въ видѣ указаній на то, чего дѣлать не слѣдуетъ? Оговорки этого рода представляются излишними, такъ какъ и безъ нихъ обязанности дворянскихъ депутатскихъ собраній, по дѣламъ о внесеніи въ родословныя книги, опредѣлены въ законахъ о состояніяхъ достаточно полно: именно, на основаніи ст. 262 тома IX, изд. 1876 г., депутатскимъ собраніямъ предоставлено право признавать дворянами и вносить въ родословныя книги такихъ только лицъ, которыя *доказали уже*, что они дворяне, вновь же возводить въ дворянство или возстановлять въ дворянскомъ достоинствѣ эти собранія не могутъ. Затѣмъ, въ ст. 54 зак. сост. перечислены разныя доказательства дворянскаго состоянія, которыя могутъ быть предъявляемы на разсмотрѣніе депутатскихъ собраній, и все то, что не подходитъ подъ родъ этихъ доказательствъ, напр., въ обсуждаемомъ случаѣ, удостовѣреніе о крещеніи еврея, конечно не можетъ и не должно быть принимаемо собраніемъ.

въ доказательство дворянскаго состоянія, безъ особой о семь въ законахъ оговорки.

При такомъ значеніи своемъ, пунктъ 16 закона 1834 года могъ бы вовсе не быть вносимъ въ законы о состояніяхъ. Тогда пробѣлъ нашего законодательства въ отношеніи правъ іудейства во дворянствѣ былъ бы болѣе замѣтенъ и, можетъ быть, приблизилось бы время къ его восполненію.

СПБГУ

ЭЛЬМИРСКАЯ РЕФОРМАТОРІЯ ¹⁾.

М. М. Казарина.

„Тюрьма стара какъ міръ или, по крайней мѣрѣ, какъ исторія“, но современныя свои очертанія она получаетъ лишь въ новѣйшее время; процессъ развитія ея еще не закончился, постепенно опредѣляются ея устои, измѣняющіе ея характеръ, согласно съ поступательнымъ ходомъ культуры и съ измѣненіемъ взгляда человѣчества на наказаніе.

Поэтому, говоря о тюрьмѣ и ея задачахъ, нельзя прежде всего не коснуться исторіи наказанія и задачъ этого института въ его современной постановкѣ.

Въ развитіи наказанія, какъ извѣстно, различается нѣсколько эпохъ.

Эпоха частной мести. Всякое вредное дѣйствіе вызываетъ со стороны пострадавшаго мечь-самоуправство. Постоянное истребленіе цѣлыхъ родовъ, бывшее неизбѣжнымъ слѣдствіемъ послѣдовательнаго примѣненія кровавой мести, вызываетъ сознаніе необходимости замѣнить мечь другимъ средствомъ удовлетворенія за обиду, и наступаетъ вторая эпоха—эпоха композицій.

---

¹⁾ Рефератъ по 2-му вопросу 2-го отдѣла программы VI международнаго тюремнаго конгресса 1900 г., въ Брюсселѣ: „en ce qui concerne les délinquants encore jeunes y a-t-il lieu de préconiser le système de „Reformatories“ tel qu'il est organisé aux Etats Unis d'Amérique?“

Обиженный отказывается от мести, вступая съ обидчикомъ въ мировую сдѣлку, по которой послѣдній уплачиваетъ за обиду извѣстную денежную пеню. Система эта оказывается однако недостаточной для охраненія права. Съ дальнѣйшимъ поэтому укрѣпленіемъ государства и уясненіемъ понятія о преступленіи, какъ дѣйстви, нарушающемъ общій земскій миръ, государство беретъ наказаніе въ свои руки, и наказаніе, по своему характеру являющееся страданіемъ, зломъ, чувствительнымъ для каждаго, дѣлается по преимуществу орудіемъ устрашенія—„дабы другимъ неповадно было такъ дѣлать“, „дабы лихихъ извести“, какъ гласитъ уложеніе Царя Алексѣя Михайловича (1649 г.). вмѣстѣ съ тѣмъ наказаніе разсматривается какъ искупленіе грѣха. Однако, съ одной стороны, уясняется, что наказаніе преслѣдуетъ лишь интересы человѣческіе и не имѣетъ ничего общаго съ Божескимъ правосудіемъ, съ другой,—что задача наказанія—охрана государства и общества отъ преступленія. Если же это такъ, то каковы же у государства тѣ, такъ сказать, не опороченныя исторіей, средства, въ рукахъ съ которыми оно можетъ разрѣшить задачу наказанія? Устрашеніе?—Но эта теорія осуждена исторіей. Такъ, комитетъ, учрежденный въ Москвѣ въ 1817 году для разсмотрѣнія вопроса о замѣнѣ кнута наказаніемъ менѣе жестокимъ, въ числѣ своихъ соображеній указывалъ, „что постепенное ослабленіе жестокихъ наказаній имѣло результатомъ не увеличеніе, а уменьшеніе числа преступленій“. Несомнѣнно, что суровыя карательныя мѣры прежнихъ вѣковъ, окончательно деморализуя и ожесточая преступника, вселяя въ него непримиримую ненависть къ обществу, могли только способствовать умноженію случаевъ рецидива. Однако, говорятъ, наказаніе должно быть достаточно сильно, чтобы удовлетворить тому чувству возмездія, которое преступленіе вызываетъ въ пострадавшемъ и лицахъ, ему сочувствующихъ, иначе масса сама будетъ творить судъ и расправу, опредѣляясь лишь силой гнѣвнаго раздраженія; участь преступника станетъ еще болѣе тяжелой, а масса развратится. Возможно, что это и такъ, но несомнѣнно, съ другой стороны,

что законодательство можетъ лишь съ полной осторожностью слѣдовать такому указанію: государство не можетъ, снисходя къ инстинктамъ массы, поддерживать идею возмездія. „Оно должно вести народъ къ свѣту“. Въмѣстѣ съ тѣмъ, судъ въ наше время имѣетъ дѣло уже не съ преступленіемъ, а съ преступникомъ—продуктомъ неблагопріятныхъ условій соціального быта. Наблюденія, произведенныя въ штатѣ New-York надъ преступниками въ возрастѣ отъ 16-ти до 30-ти лѣтъ, совершившими преступленіе въ первый разъ, даютъ такую картину:

Слабо развитыхъ въ физическомъ отноше- ніи и потому неспособныхъ къ работѣ	68%.
Отсутствіе образованія или образованіе не- значительное у	75%.
Образованіе выше средняго у	2 ¹ / ₂ %.
Отсутствіе семьи и крова у	42%.
Жили дома при хорошихъ условіяхъ	7 ¹ / ₂ %.

Условія ихъ родителей:

Образованіе ниже средняго у	95,5%.
Недостатокъ средствъ къ жизни у	81 ¹ / ₂ %.

Такія данныя указываютъ, конечно, прежде всего на необходимость дѣятельности предупредительной. Наказаніе, затѣмъ, имѣя задачей, какъ сказано, охрану государства и общества отъ преступленія, должно быть коррективомъ этой дѣятельности предупредительной, восполняя ее тамъ, гдѣ вліяніе ея было слабо или вовсе отсутствовало.

Средствомъ для разрѣшенія государствомъ этой задачи не можетъ быть ни устрашеніе, ни возмездіе: средніе вѣка своими наказаніями несомнѣнно удовлетворяли этимъ требованіямъ, но основной задачи наказанія не разрѣшили.

Такимъ образомъ, единственнымъ въ рукахъ государства средствомъ для разрѣшенія основной задачи наказанія, средствомъ, не опороченнымъ исторіей, является исправленіе преступника. Это не открытіе вчерашняго дня, но серьезно, надо сознаться, имъ почти не занимались.

Обусловленность человѣческихъ дѣйствій различными сторонами человѣческой природы и взаимодействіемъ этихъ сторонъ, невозможность при разсмотрѣніи даннаго случая опредѣлить преимущественное значеніе въ немъ физической или духовной природы человѣка требуетъ полноты мѣръ исправительнаго воздѣйствія на преступника. Если заключенный отличается слабостью или вялостью, излишней нервностью или отсутствіемъ энергіи, — необходимо прежде всего приступить къ развитію его физическихъ силъ. Если онъ невѣжественъ, — нужно образовать его, развить его умъ. Если онъ безнравственъ, — ему нужно привить правила нравственности, не смѣшивая нравственности съ религіозностью, ибо, говоритъ Fr. H. Wines, „человѣкъ можетъ быть очень религіознымъ въ условномъ смыслѣ и, несмотря на это, быть взяточникомъ“. Каждаго заключеннаго нужно обучить ремеслу и для успѣха всѣхъ этихъ исправительныхъ мѣръ нужно прежде всего захватить ими всего человѣка, овладѣть его духомъ поставленіемъ въ зависимость отъ него самого момента его освобожденія — добиться его самодѣятельности. Такова система reformatory at Elmira, первой, по времени основанія и по полнотѣ вышеуказанныхъ мѣръ исправительнаго воздѣйствія, реформаторіи въ Соединенныхъ Штатахъ, послужившей тамъ образцомъ для нѣсколькихъ подобныхъ учрежденій, доблестный и талантливый начальникъ которой М-г Z. R. Brockway приобрѣлъ большую извѣстность и за предѣлами своего отечества.

Исправительныя тюрьмы позаимствовали свои главныя черты у исправительныхъ приютовъ для малолѣтнихъ преступниковъ, и не безъ основанія, говоритъ Fr. H. Wines, такъ какъ взрослые люди — это выросшія дѣти, и къ нимъ слѣдуетъ примѣнять одинаковые методы, измѣняя ихъ отчасти сообразно зрѣлости взрослога человѣка.

Эльмирская реформаторія была основана въ 1876 году, когда въ нее и была переведена изъ Оборнской тюрьмы первая партія заключенныхъ. Настоящій свой характеръ и значеніе Эльмирская реформаторія получила постепенно. Началомъ ея существованія правильнѣе считать 24 апрѣля

1877 года, когда прошел билль, легшій въ основаніе ея принциповъ и методовъ. Первоначальное число содержащихся въ ней, 164 чел., увеличилось нынѣ до 1.500. Примыкая, въ системѣ исправительно-карательныхъ учреждений, непосредственно къ учреждениямъ для малолѣтнихъ преступниковъ, Эльмирская реформаторія является попыткой распространенія методовъ этихъ послѣднихъ на ближайшіе къ малолѣтнимъ возрасты. Контингентъ ея заключенныхъ составляютъ молодые люди въ возрастѣ отъ 17 до 30 лѣтъ, осужденные въ первый разъ за felonies ¹⁾, хотя большинство изъ нихъ судились прежде за misdemeanors ²⁾. Эти молодые люди помѣщаются въ Эльмирскую тюрьму до исправленія, а такъ какъ срокъ такого установленъ быть не можетъ, то они приговариваются къ содержанію здѣсь на неопредѣленный срокъ, *ограниченный лишь высшимъ предѣломъ заключенія, допускаемымъ за данное преступленіе уголовнымъ закономъ*. „Помѣщеніе въ тюрьму на опредѣленный срокъ“, — говоритъ Charles Dudley Warner, — „является какъ-бы допущеніемъ преступленія по известной таксѣ: преступникъ расплатился за неудачное предпріятіе заключеніемъ и можетъ продолжать свои прежнія занятія—тюрьма является для него не болѣе, какъ однимъ изъ неприятныхъ приключеній его темной жизни. Между тѣмъ, разъ самозащита общества требуетъ лишенія свободы преступника, то обратное возстановленіе личности въ правахъ свободного существованія можетъ явиться только подъ тѣмъ условіемъ, что отнынѣ данная личность будетъ совершенно безопасна для общества. Дѣло исправленія должно быть поставлено такъ, чтобы государство было удовлетворено въ своемъ правѣ имѣть изъ лицъ преступныхъ гражданъ, покорныхъ его законамъ“. Въ предѣлахъ вышеуказаннаго максимума, установленнаго закономъ, и минимальнаго срока содержанія въ 1 годъ, возможнаго по порядкамъ Эльмирской реформаторіи, моментъ освобожденія арестанта названной

¹⁾ По англійскому праву, положенному въ основаніе законодательства С.-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ, преступныя дѣянія раздѣляются на двѣ группы: преступленія—felonies—наказуемая тюремнымъ заключеніемъ на срокъ не менѣе 1 года, и проступки—misdemeanors.

тюремы опредѣляется его индивидуальными особенностями, вліяющими на срокъ, необходимый для его исправленія.

По прибытіи преступника въ исправительное заведеніе, послѣ того какъ онъ пройдетъ рядъ обычныхъ формальностей, онъ зачисляется въ средній классъ. Шесть послѣдовательныхъ мѣсяцевъ, проведенныхъ въ этомъ классѣ, даютъ ему право на переходъ въ высшій классъ, а шесть мѣсяцевъ, проведенныхъ въ этомъ послѣднемъ, дѣлаютъ его кандидатомъ на условное освобожденіе, для наступленія момента котораго арестантъ долженъ найти себѣ занятія на свободѣ и сберечь сумму денегъ, достаточную для уплаты за его провозъ до мѣста назначенія. Одѣтый въ штатское платье, съ деньгами, скопленными въ тюрьмѣ, съ сверткомъ школьныхъ программъ подъ мышкой, онъ покидаетъ тюрьму и отправляется къ мѣсту своего служенія, оставаясь на положеніи условно-освобожденнаго въ теченіе 6-ти мѣсяцевъ. За это время онъ не можетъ, безъ разрѣшенія администраціи Эльмирской тюрьмы, мѣнять мѣста своего служенія; онъ обязанъ перваго числа каждаго мѣсяца представлять подробный отчетъ о своихъ заработкахъ и тратахъ, подробныя свѣдѣнія о себѣ и окружающихъ, обязанъ вести себя честно, избѣгать дурнаго общества и воздерживаться отъ возбуждающихъ напитковъ.

Если всѣ эти условія выполнены въ теченіе 6-ти мѣсяцевъ, стоящій во главѣ управленія тюрьмою Board of Managers освобождаетъ условно-освобожденнаго, въ одно изъ своихъ мѣсячныхъ собраній окончательно.

Итакъ, въ тюрьмѣ три класса арестантовъ, отличающихся одинъ отъ другаго и платьемъ, и условіями питанія и жизни вообще, и, главное, близостью къ моменту условнаго освобожденія. Вновь поступившій арестантъ, зачисленный въ средній классъ, самый многочисленный, послѣ перваго свиданія съ начальникомъ тюрьмы, видитъ, что онъ можетъ какъ перейти въ высшій классъ, такъ равно и быть низведену въ низшій, гдѣ условія жизни крайне тяжелы, и гдѣ къ содержащимся можетъ быть примѣняемо даже тѣлесное наказаніе. Переводъ въ этотъ классъ непосредственно

изъ высшаго—рѣдкость, хотя и возможенъ. Переводъ изъ класса въ классъ производится на основаніи отмѣтокъ, которыми оцѣниваются успѣхи арестанта въ наукахъ, въ ремеслахъ и его поведеніи. Система отмѣтокъ слѣдующая:

Каждый мѣсяцъ ведущійся въ тюрьмѣ счетъ арестанта, разъ его поведеніе, успѣхи въ ремеслахъ и наукахъ оказываются удовлетворительными, кредитуется на 9 марокъ. Шесть послѣдовательныхъ девятокъ даютъ право на переходъ въ высшій классъ. Дурное поведеніе, неуспѣхи въ наукахъ и ремеслахъ являются основаніемъ дебетованія счета арестанта. Законъ, разрѣшившій выдавать арестантамъ на руки, въ качествѣ заработной платы до $\frac{1}{10}$ валовой суммы, вырученной за все производство исправительнаго заведенія, явился основаніемъ перевода вышеуказанной системы отмѣтокъ на деньги, при чемъ счетъ арестанта дебетуется не только штрафами за дурное поведеніе и успѣхи, какъ это сказано выше, но и опредѣляемой по особой таксѣ стоимостью его содержанія въ тюрьмѣ. Такимъ образомъ, всѣ условія жизни арестанта переведены на деньги, и въ результатѣ онъ получаетъ кредитъ или еще лишается его на нѣкоторое время впередъ. При вступленіи въ заведеніе вмѣстѣ съ полной экипировкой арестантъ получаетъ и подробнѣйшія объясненія основаній кредита въ зависимости отъ его поведенія, физическаго и умственнаго труда, вычетовъ за столъ, платье, стирку, а также и основаній штрафовъ за дурное поведеніе и неуспѣхи. Каждому арестанту ежемѣсячно доставляется табель, представляющая его счетъ. При неудовольствіи онъ можетъ всегда просить объясненій начальника тюрьмы, съ которымъ можетъ объясняться ежедневно, для чего во всѣхъ помѣщеніяхъ тюрьмы есть особые ящики для опусканія писемъ на имя начальника тюрьмы и Board of Managers. *Приведенная система отмѣтокъ стремится поставить арестанта въ условія заработка, издержекъ и сбереженій, подобно жизни свободнаго человека. Исправить человека,—говоритъ M-r Brockway,—значитъ—научить его работать себѣ довольствіе и уметь довольствоваться своимъ положеніемъ.*

Каковы же дальнѣйшія мѣры, кромѣ объясненной системы, которыми Эльмирская реформаторія стремится достигнуть исправленія павшаго человѣка? Мѣры эти—физическое воспитаніе, обученіе ремесламъ и образованіе.

Физическое воспитаніе.

Наслѣдственность, условія порочной жизни наложили свои слѣды на преступниковъ. Одни болѣзненны, хилы, другіе имѣютъ сравнительно здоровый видъ, даже ожирѣли, но мускулатура ихъ слаба; и тѣ, и другіе къ упорному физическому труду неспособны, послѣдніе же страдаютъ полнымъ отсутствіемъ энергіи, отличаются тупостью и упорствомъ и въ своей дѣятельности часто легко подчиняются чувственнымъ мотивамъ. Нѣкоторые изъ нихъ до такой степени тупы въ умственномъ отношеніи, что неспособны къ обученію даже въ низшей школѣ, по системѣ Kindergarten. Эти юноши, оказывается, напр., владѣютъ очень ограниченной степенью сознательнаго контроля надъ мышцами, завѣдывающими актомъ вдыханія и выдыханія воздуха; почти неизмѣнно при командѣ выдохнуть они продолжаютъ наполнять свою грудную кѣтку. Это невѣрно,—говорится въ одномъ изъ изданій Эльмирской реформаторіи,—что приближеніе даннаго лица къ типу лучшаго въ физическомъ отношеніи человѣка выдвигаетъ его скотскія черты, напротивъ оно производитъ глубокіе слѣды въ центрахъ его мозга. Итакъ, число лицъ, нуждающихся, по опредѣленію администраціи Эльмирской тюрьмы, въ физическомъ воспитаніи, заключаетъ въ себѣ людей самыхъ разнообразныхъ, и результаты, достигаемые въ этомъ отношеніи тюрьмой, поразительны. Мнѣ лично во время моихъ ежедневныхъ, въ теченіе недѣли, посѣщеній реформаторіи, пришлось удивляться силѣ и ловкости кузнецовъ въ кузечной мастерской, которые, судя по ихъ фотографіямъ, при поступленіи въ реформаторію и до отбытія ими physical culture, поражали неразвитіемъ мускулатуры; движеніе ихъ въ этомъ отношеніи впередъ усматривается изъ періодически снимаемыхъ съ нихъ фотографій. Другіе изъ подвергшихся

Этому режиму сначала оказывались, по отзыву начальства реформаторіи, совершенно неспособными къ занятіямъ въ школѣ и обученію ремеслу по совершенной тупости, занятія съ ними приходилось даже оставлять по полной ихъ безучастности; будучи же подвергнуты режиму physical culture, тѣ же арестанты дѣлали чуть не чудеса и въ школѣ, и въ мастерскихъ. Для достиженія такихъ результатовъ Эльмирская реформаторія располагаетъ громаднымъ зданіемъ „gymnasium“, гдѣ имѣются приспособленія для всякаго рода, научно поставленной, гимнастики, всякаго рода души и громадный бассейнъ для купанія и плаванія.

Во время моего посѣщенія реформаторіи режиму „gymnasium'a“ подвергались 132 человекъ изъ полного комплекта 1.500 человекъ. Причины, опредѣлившія ихъ назначеніе въ gymnasium:

Анемія, развившаяся подѣ влияніемъ онанизма	у 2
Кожныя болѣзни	15
Подострый бронхитъ	6
Слабость и затянувшееся выздоровленіе при эпидемической инфлуенцѣ	12
Съ неразвитою грудью	8
Невралгія поясничныхъ нервовъ	2
Мышечная атрофія въ зависимости отъ дѣтскаго паралича	1
Въ виду „этическихъ улучшеній“	3
Крайняя степень тупости	5
Для наблюденія	1
Съ упадкомъ физическихъ и умственныхъ силъ, созданныхъ онанизмомъ	7
Для физическаго обновленія и выправки	44
Ревматизмъ	3
Золотуха, воспаленіе лимфатическихъ железъ	17
Съ вывихомъ въ лодыжкахъ	1
Малая подвижность колѣннаго сустава послѣ колотой раны	1
Малая подвижность ручной кисти послѣ ушиба	2
Синовитъ колѣна хроническій	1
Сифилисъ	1

Общая черта всѣхъ этихъ 132 человекъ—почти полная безнадежность ихъ исправленія по основаніямъ физическимъ, умственнымъ и нравственнымъ. Общая цѣль ихъ помѣщенія въ gymnasium—сократить до возможнаго минимума срокъ,

когда къ нимъ могутъ быть цѣлесообразно предъявлены самыя энергическія требованія относительно напряженной дѣятельности въ школѣ, мастерскихъ и на тюремныхъ работахъ. Разница задачи gymnasium'a реформаторіи и подобныхъ же учрежденій въ общественныхъ школахъ и высшихъ учебныхъ заведеніяхъ—заключается въ томъ, что gymnasium Эльмирской реформаторіи „старается развить изъ преступнаго матеріала только высшую степень животнаго для того, чтобы сдѣлать его доступнымъ психическому улучшенію. Учрежденія втораго рода поддерживаютъ и укрѣпляютъ физическое состояніе, имѣя въ виду требованіе, чтобы физическое развитіе не отставало отъ болѣе быстраго умственнаго“.

Военная организація реформаторіи.

Въ числѣ мѣръ исправленія, направленныхъ по преимуществу на физическую природу, слѣдуетъ упомянуть и военную организацію реформаторіи. „Людей низкой организаціи необходимо заставлятъ держать голову высоко, плечи назадъ, ступать эластично“. Командованіе, изучаемыя ружейныя приемы, какъ и гимнастика, пріучаютъ субъекта сосредоточивать вниманіе, дѣлаютъ болѣе живымъ и воспримчивымъ его слуховой аппаратъ, пріучаютъ соединять сокращеніе мускуловъ туловища, плечъ, кистей въ ритмическія и ассоціированныя движенія.

Но военной организаціи реформаторіи приписывается и иное значеніе: „она пріучаетъ къ повиновенію, къ исполнительности, вѣрности, къ мысли о повышеніи, развиваетъ чувство чести. Военныя отличія, дающія значительныя привилегіи, являются стимуломъ общаго прогресса личности“.

Военная организація реформаторіи является въ видѣ военнаго гарнизона крѣпости, съ начальникомъ реформаторіи, особымъ военнымъ наставникомъ и его помощникомъ—во главѣ. Строевые офицеры назначаются большею частью изъ арестантовъ, получившихъ условное освобожденіе, или изъ арестантовъ высшаго класса. Арестанты низшаго класса не могутъ получить на военной службѣ никакого вознагражденія.

Всѣ 16 тюремныхъ ротъ, съ оркестромъ, принимаютъ участіе въ парадахъ, имѣющихъ мѣсто на тюремномъ дворѣ.

Парады эти по воскресеньямъ привлекаютъ изъ города многочисленную публику, допускаемую по билетамъ. Разные цвѣта одежды арестантовъ 3-хъ классовъ, стройныя движенія ротъ придаютъ параду красивый и внушительный видъ.

Здѣсь же публично производится повышеніе и разжалованіе.

Школа.

Образованію умственному въ общей системѣ мѣрь исправительнаго воздѣйствія на арестанта, примѣняемыхъ въ Эльмирской реформаторіи, отведено главное мѣсто, такъ какъ образованіе, говоритъ Manual book of reformatory, поднимаетъ выполненіе даже наиболѣе грубаго и простаго ручнаго труда съ механической рутинны до проявленія личной инициативы. „Благодаря хорошему образованію, условно освобожденный спасается отъ необходимости передѣлать массу непродуктивнаго труда и вступаетъ сразу въ болѣе широкія и возвышенныя области производства, встрѣчаетъ съ довѣріемъ требованіе отъ него труда и, при своемъ развитіи и близкомъ знакомствѣ съ умственными наслажденіями, будетъ естественно вести такую жизнь, что общество не только будетъ обезпечено отъ всякихъ покушеній на свою безопасность со стороны бывшаго преступника, но еще значительно выиграетъ отъ его участія въ созданіи общественнаго богатства“.

Организація школы въ Эльмирской реформаторіи прежде всего такова, что она охватываетъ всю массу арестантовъ тюрьмы, начиная съ совершенно неразвитыхъ въ умственномъ отношеніи, обучающихся по системѣ Kindergarten, и оканчивая арестантами, обучающимися въ академическомъ отдѣлѣ, гдѣ они проходятъ курсы логики и философіи, этики, политической и соціальной экономіи, новой исторіи и англійской литературы. Въ интересахъ обученія, всѣ арестанты дѣлятся на 38 группъ, при чемъ въ низшей школѣ и при прохожденіи элементарныхъ наукъ группы эти многочисленны

и, каждая въ отдѣльности, малолюдны, и, наоборотъ, ихъ мало и они заключаютъ въ себѣ каждая большое сравнительно количество заключенныхъ—въ академическомъ, высшемъ отдѣленіи. Такъ, преподаваніе грамматики ведется въ 14 классахъ, изъ которыхъ 3 среднихъ и 11 низшихъ, преподаваніе ариѳметики въ 16 классахъ; академическое же отдѣленіе представляетъ 4 класса: 2 низшихъ и 2 высшихъ. Преподаваніе ведется 25-ю избираемыми для этого арестантами, проходящими предварительно подъ руководствомъ стоящаго во главѣ школьной организаціи тюрьмы Secretary of Schools двухнедѣльный курсъ дидактики. Кромѣ того приглашенный профессоръ ведетъ преподаваніе въ высшихъ академическихъ отдѣлахъ. Система этой организаціи школы есть результатъ 17-лѣтней практики, и результаты ея, по отзывамъ администраціи реформаторіи, вполне хороши: въ 1892 г. процентъ совершенно безграмотныхъ былъ сведенъ съ 14,3 до 4,5, а % арестантовъ съ общимъ образованіемъ поднялся съ 26,8 до 64,5.

На ряду со школой слѣдуетъ поставить широкія классныя чтенія, которыя ведутся по исторіи, этикѣ, литературѣ, социологіи и др. предметамъ гг. Монксомъ и фонъ-Эттинъ, пользованіе обширной тюремной библіотекой, изданіе арестантами тюремной газеты, занятіе музыкой и искусствами, однимъ словомъ, „все, что имѣетъ своей задачей подъемъ духа человѣка на ту высоту мыслей, желаній и привычекъ, на которой онъ становится силой и защитой общества“.

Мнѣ случилось побывать на такихъ чтеніяхъ по естественной исторіи (проф. V. Eiten, онъ же Secretary of Schools), по естественной исторіи и по этикѣ (проф. Monks). На первой лекціи профессоръ въ началѣ отвѣтилъ на вопросы, адресованные ему заключенными (аудитория—467 чел.). Примѣры вопросовъ:

Столько ли живыхъ существъ въ минеральной водѣ, какъ и въ обыкновенной?

Почему дождь падаетъ въ одномъ городѣ и не падаетъ въ другомъ въ то же самое время?

Что такое воздухъ?

По словамъ г-на фонъ-Эттинъ такихъ вопросовъ въ годъ къ нему поступаетъ до 10.000.

Предметомъ лекціи проф. Монкса было: животное царство, мѣсто его въ природѣ; что такое животное; животныя, помогающія себѣ; животная пища. Лекціи Монкса слушаются съ большимъ интересомъ, лекторъ отличается остроуміемъ. По окончаніи лекціи профессоръ предложилъ арестантамъ задавать ему вопросы, по поводу прочитаннаго. Отвѣты были даны имъ сейчасъ же.

„Я стараюсь“—говорилъ мнѣ проф. Монксъ—„заставить своихъ слушателей полюбить природу, пробудить въ нихъ лучшія чувства и доказать, что только честная жизнь можетъ служить наслажденіемъ. Никогда въ моихъ лекціяхъ я не даю слушателямъ замѣтить этой скрытой цѣли“.

Классъ этики.—Вопросъ профессора: что больше должно быть проповѣдываемо среди людей—милость (charity) или справедливость (justice)?

1-й о. Милость—потому, что, признавая помощь ближнему обязанностью, человекъ становится выше въ нравственномъ отношеніи.

2-й о. Справедливость зиждется на милости.

3-й о. Нужно проповѣдывать justice; charity должно быть основано на justice.

Профессоръ присоединяется къ этому послѣднему мнѣнію и приводитъ свои основанія.

На этихъ примѣрахъ я заканчиваю описаніе постановки школы въ Эльмирской реформаторіи, скажу еще только, что бібліотека, о которой я упоминалъ выше вскользь, содержитъ 4.500 томовъ, и что годовое обращеніе книгъ въ 1892 году достигло въ годъ 70.325. Еженедѣльная газета „Summary“, издаваемая и печатаемая въ реформаторіи, является вполне продуктомъ труда заключенныхъ, ихъ вкуса и таланта. Задача „Summary“—доставить заключеннымъ новости и матерьялъ для чтенія, такъ какъ изъ внѣшняго, за стѣнами реформаторіи, міра, они ничего получать не могутъ. 8 страничекъ „Summary“ содержатъ: официальные распоряженія, замѣтки о классныхъ чтеніяхъ и бесѣдахъ, извлеченія

изъ газетъ, въ которыхъ впрочемъ тщательно избѣгается все, что касается пороковъ и преступности, отрывки изъ лучшихъ отечественныхъ и иностранныхъ журналовъ по вопросамъ разнаго рода. О „Summary“ съ похвалою отзываются извѣстные публицисты Америки и Англии.

Ремесленное обученіе.

Въ постановкѣ ремесленнаго обученія, какъ и организаціей physical culture, Эльмирская реформаторія отличается значительно отъ такихъ же, созданныхъ по ея образцу, 6—7 учреждений въ Штатахъ: по убѣжденію М. Brockway, работать на доходъ тюрьмы и работать съ цѣлью серьезнаго обученія вмѣстѣ—нельзя. Поэтому обученіе ремесламъ—въ ремесленныхъ классахъ, 2 часа въ день, ведется отдѣльно отъ работы, производимой съ коммерческой цѣлью—въ мастерскихъ реформаторіи, 5 часовъ въ день. Различныя ремесла и мастерства въ количествѣ около 40 преподаются въ ремесленныхъ классахъ реформаторіи, при чемъ преподаваніе каждого поставлено такъ полно и систематично, какъ этого можно только желать. Громадное большинство освобождаемыхъ изъ реформаторіи поступаютъ на мастерства, которыми обучились въ ней.

Эта система создаетъ кипучую и разнообразную жизнь реформаторіи: занятія въ школѣ оканчиваются сигналомъ, призывающимъ къ работамъ въ мастерскихъ; эти работы прерываются звукомъ рога, сзывающимъ къ военнымъ упражненіямъ; лишь только отбыта военная служба, начинаются классныя чтенія, а вечеромъ ремесленные классы. И среди этой кипучей, захватывающей дѣятельности, едва прерывающейся для обѣда и завтрака, движется человѣкъ, сознающій, что онъ все-таки хозяинъ положенія, что какъ ни тяжела неволя, какъ ни тяжелы требованія, но моментъ освобожденія все-таки въ концѣ концовъ зависитъ отъ его усилій.

Разсматривая объясненную здѣсь систему Эльмирской реформаторіи, мы видимъ, что она, пытаясь поднять арестанта его образованіемъ умственнымъ, техническимъ, воспита-

ніемъ физическимъ и нравственнымъ, ставить въ зависимость отъ него самого его положеніе въ тюрьмѣ и моментъ освобожденія изъ нея; въ цѣляхъ этого принудительнаго воспитанія она ставитъ его въ условія свободной жизни—въ условія заработка, расчета, экономіи; система другихъ реформаторій Соединенныхъ Штатовъ, въ стремленіи создать кругомъ арестанта эти условія настоящей жизни, восполняетъ мѣры Эльмирской реформаторіи устройствомъ въ своихъ стѣнахъ клубовъ, гдѣ заключенные занимаются тѣми или другими вопросами, читаютъ рефераты.

Каковы же результаты этой системы?

Вотъ они:

По 30 сентября 1892 года, за 17 лѣтъ существованія реформаторіи, освобождено условно. . . 3289 чел.
(въ томъ числѣ 111 освобождены условно дважды и 11 трижды).

Изъ нихъ:

Удовлетворили требованіямъ, предъявляемымъ къ условно-освобожденнымъ, и достигли окончательнаго освобожденія . 2002 или 60,86%

Срокъ условнаго освобожденія еще не истекъ, но ведутъ себя вполнѣ хорошо 166 — 5,04%

Окончательно освобождены до истеченія срока условнаго освобожденія, за отсутствіемъ возможности дѣйствительно наблюдать за ними по ихъ мѣсту жительства внѣ штата, но въ теченіе обязательныхъ 6 мѣсяцевъ и болѣе тѣмъ не менѣе сообщали о себѣ всѣ свѣдѣнія, требующіяся отъ условно-освобожденныхъ и вели себя хорошо . . . . . 101 или 3,07%

Половина изъ тѣхъ условно-освобожденныхъ, кои потеряны реформаторіей изъ вида . . . . . 174 — 5,29%

Половина освобожденныхъ окончательно за истеченіемъ въ бытность ихъ условно-освобожденными шахим'альнаго срока содержанія . . . . . 219 — 6,65%

Половина тѣхъ, которые, поселившись по условномъ освобожденіи въ другомъ штатѣ, хотя и были освобождены окончательно въ общемъ порядкѣ, но затѣмъ прекратили корреспонденцію и исчезли изъ вида	27 — 0,89%
	<hr/>
	2689 или 81,8%

Возвращены въ реформаторію и къ 30 сентября 1892 г. находились въ ней	46 или 1,4%
Умерли	18 — 0,5%

Вѣроятно возвратились къ преступной практикѣ:

Половина тѣхъ изъ условно-освобожденныхъ, кои потеряны реформаторіей изъ вида	175
---	-----

Половина освобожденныхъ окончательно за истеченіемъ въ бытность ихъ условно-освобожденными шахим'альнаго срока содержанія	219
---	-----

Половина тѣхъ, которые, поселившись по условномъ освобожденіи въ другомъ штатѣ, хотя и были освобождены окончательно въ общемъ порядкѣ, но затѣмъ прекратили корреспонденцію и исчезли изъ вида	27
---	----

Переведены въ другія тюрьмы	115
---------------------------------------	-----

---

536 или 16,5%

Нельзя обойти молчаніемъ, что Эльмирская реформаторія имѣетъ горячихъ порицателей своей системы и въ Америкѣ, и въ Старомъ Свѣтѣ.

Порицатели эти представляютъ собою двѣ большихъ и, по характеру своему, другъ другу противоположныхъ группы:

Одни изъ нихъ упрекаютъ систему реформаторіи въ роскоши, въ томъ, что она окружаетъ преступника, этого врага общественнаго порядка, такими условіями жизни, которыми не пользуется большинство людей, не запятнавшихъ

себя преступленіемъ, что, наконецъ, Эльмирская тюрьма вызываетъ черезчуръ большіе расходы на ея содержаніе.

Основаніемъ для порицанія системы Эльмирской тюрьмы со стороны другихъ является жестокость режима этой тюрьмы, примѣненіе въ ней къ арестантамъ низшаго класса тѣлеснаго наказанія.

Порицателямъ первой группы слѣдуетъ указать, что если преступленіе—серьезное зло въ жизни общества, то оно должно вызывать и серьезныя мѣры: система Эльмирской реформаторіи, имѣя своей задачей исправленіе преступника, создаетъ вокругъ него такія условія, какія представляются необходимыми для дѣйствительности этого исправленія.

Думать, что условія жизни въ реформаторіи могутъ быть привлекательными для внѣ-тюремнаго міра, могутъ лишь лица, серьезно не изучавшія режима этой тюрьмы, притомъ упускающія изъ вида, что наказаніе всегда остается наказаніемъ, и лучшей мечтой арестанта Эльмирской тюрьмы и несомнѣнно въ большей степени, чѣмъ арестанта всякой другой тюрьмы, является мечта объ освобожденіи. Зависимость положенія арестанта реформаторіи и времени его освобожденія отъ него самого, при строжайшихъ требованіяхъ, къ нему предъявляемыхъ, и неуспыномъ надъ нимъ контролѣ, создаютъ такую школу и искусъ, почувствовать силу которыхъ на себѣ едва-ли найдутся охотники. Достаточно просмотрѣть журналы отмѣтокъ, чтобы видѣть, какія требуются со стороны арестанта усилія, чтобы не попасть изъ средняго класса въ низшій, а перейти въ высшій, удержаться въ немъ и достигнуть условнаго освобожденія.

Мы имѣемъ полное основаніе возразить критикамъ Эльмирской реформаторіи указанной первой группы, что система этой тюрьмы, индивидуализируя наказаніе, дѣлаетъ его наиболѣе для каждаго чувствительнымъ, но чувствительнымъ цѣлесообразно—не для самаго наказанія, а въ интересахъ исправленія. Что касается стоимости Эльмирской реформаторіи, то едва-ли она такъ велика сравнительно со стоимостью плохой тюрьмы, убивающей въ арестантѣ все человеческое и дѣлающей изъ него тюремнаго сидѣльца на всю

жизнь. Стоимость содержанія одного арестанта, въ Эльмирской реформаторіи, въ годъ, была, въ 1892 г., 142.06 доллара, въ томъ числѣ расходъ на школу 2.72 доллара ¹⁾).

Что касается порицателей второй группы, то имъ труднѣе возражать, если конечно исключить изъ ихъ числа тѣхъ, которые увлекаются розказнями о раскаленномъ желѣзѣ. Режимъ дѣйствительно суровъ, но суровъ не потому, что въ Эльмирской тюрьмѣ примѣняется тѣлесное наказаніе. Разговоръ о немъ мы оставляемъ въ сторонѣ, такъ какъ тѣлесное наказаніе не является ни характеристической чертой Эльмирской системы, ни тѣмъ менѣе характеристической чертой другихъ исправительныхъ тюремъ С. Штатовъ, созданныхъ по образцу Эльмирской.

Въ заключеніе изложеннаго, я, не колеблясь, отвѣчаю на поставленный программой вопросъ утвердительно:

Единственное, неопороченное исторіей средство, коимъ располагаетъ государство для охраны общества отъ преступленія,—исправленіе преступника. Исправленіе это можетъ быть достигнуто путемъ принудительнаго воспитанія, которое для своего успѣха должно быть полно, т. е. въ виду обусловленности функцій человѣческаго организма, считаться и съ природою физическою, и съ психическою, и должно добиться самодѣтельности исправляемаго. Что касается подробностей вышеописанной системы, какъ преподаваніе высшихъ знаній въ стѣнахъ тюрьмы и устройство въ тюрьмѣ клубовъ,—это вопросъ уровня культуры данной страны, и такія подробности—дѣло каждаго отдѣльнаго государства, но основной принципъ реформаторій: *неопредѣленный срокъ заключенія, ограниченный лишь установленнымъ въ законъ максимумомъ, и полнота мѣръ принудительнаго воспитанія, охватывающихъ и физическую, и психическую природу человека,—единственное спасительное средство въ борьбѣ съ преступностью, и этого своего характера принципъ этотъ не утратитъ отъ перенесенія на европейскую почву.*

¹⁾ При этомъ слѣдуетъ принять во вниманіе сравнительную покупательную силу доллара въ С. Штатахъ, рубля въ Россіи и франка во Франціи.

ИСТОЧНИКИ ДРЕВНЕРУССКИХЪ ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫХЪ ПАМЯТНИКОВЪ.

П. И. Бѣляева.

(Окончаніе) ¹⁾.

II. Составъ Русской Правды и Судебниковъ.

Уже давно установилось среди изслѣдователей нашего древняго права мнѣніе, что древнія русскія кодификаціи, начиная съ Русской Правды и кончая Уложеніемъ, состоятъ въ значительной степени изъ предшествовавшихъ имъ продуктовъ законодательнаго и административнаго творчества, княжескихъ уставовъ, указовъ и разнаго рода грамотъ. Не говоря уже объ Уложеніи, въ значительной мѣрѣ резюмировавшемъ предшествующее законодательство, и о Псковской судной грамотѣ, „выписанной“ изъ двухъ княжескихъ грамотъ ²⁾, признано въ настоящее время, что однимъ изъ источниковъ Судебниковъ были уставныя и судныя грамоты (Владимірскій-Будановъ, Латкинъ, Загоскинъ) и что въ число источниковъ Русской Правды надо включить княжескіе уставы (Калачевъ, Сергѣевичъ). Уставныя грамоты обращали вниманіе изслѣдователей не только своимъ сходствомъ съ нормами Судебниковъ,

---

¹⁾ См. Жур. Мин. Юст., 1899, Ноябрь, стр. 135.

²⁾ Первые слова Псковской судной грамоты.

но и съ Русской Правдой, и настолько, что возникала мысль о томъ, что древнѣйшая изъ нихъ, Двинская, была извлечена изъ Русской Правды ¹⁾. Дѣйствительно, между многими статьями Русской Правды и уставныхъ грамотъ сходство и по содержанию, и по буквѣ бросается въ глаза. Прежде всего не забудемъ нѣсколькихъ вѣковъ, протекшихъ между составленіемъ Русской Правды и большинствомъ уставныхъ, примемъ во вниманіе экономическія и юридическія измѣненія, за это время происшедшія, и заранѣе не будемъ ожидать какихъ-либо тождествъ, а только простыхъ сходствъ по содержанию и по буквѣ. Возьмемъ прежде всего статьи о вирѣ и о верви: *аже кто оубіеть княжа мужа въ разбои, а головника не ищють, то вервьную платити въ чей же верви голова лежитъ: то 80 гривенъ; аще ли людинъ, то 40 гривенъ* ²⁾, *аще на кого будетъ покленная вира, то оже боудеть послуховъ 7, то же выведеть вируу, то ти имоуть виру: паки ли варязъ или инъ кто, то 2, а на костехъ и по мертвецъ не платити виры, оже имени не въдаютъ, ни знаютъ его* ³⁾. Соответствующая статья Академическаго списка гласитъ: *а иже оубьютъ огнищанина въ разбои, или оубійца не ищють: то вирное платитъ въ немъ же ви. р. и голова начнетъ лежати* ⁴⁾. Предшествующая статья говоритъ: *аще оубьютъ огнищанина въ обиду, то платити занъ 80 гривенъ оубійци, а людемъ не надобъ* ⁵⁾. *Оже учинится вира,—*говоритъ о томъ же предметѣ древнѣйшая уставная грамота—*идъ кого утепутъ, и нъ душегубца изыщуть: а не найдутъ душегубца, и нъ дадутъ намѣстникомъ десять рублевъ* ⁶⁾. Въмѣсто десяти рублей, другія уставныя грамоты

¹⁾ Па х м а н ъ—О судебныхъ доказательствахъ по древнему русскому праву, стр. 41—42, прим. 6.

²⁾ Русская Правда, Карамзинскій списокъ, 3.

³⁾ Карамзинскій списокъ, 15.

⁴⁾ Русская Правда, Академическій списокъ, 19.

⁵⁾ Академическій списокъ, 18.

⁶⁾ Двинская уст. грам., 1 ст., вариантъ: *а заплатитъ волость или станъ, въ коемъ душегубство учинится. Загоскинъ, LVIII, 7, 2.*

говорять о четырехъ рубляхъ ¹⁾, о четырехстахъ бѣлкахъ ²⁾. *А доищутся душегубца, — говорятъ далѣ уставныя грамоты — и они его дадутъ намѣстникомъ или ихъ тиуномъ, а христіаномъ въ томъ продажи нѣтъ ³⁾, а сыщутъ у нихъ на посадѣ убитаго мертваго человека, или водою приплыветъ, а не познаетъ его никто и исца ему и душегубца нѣтъ, и крестьяномъ въ томъ вѣры и продажи нѣтъ ⁴⁾. Оба соотвѣтствующихъ мѣста уставныхъ грамотъ и Русской Правды являются пересказомъ одно другаго. Повторяется не только общій смыслъ, ходъ мысли и обороты рѣчи, какъ напр.: *аще на кого будетъ покленная вира ⁵⁾, оже учинится вира ⁶⁾; то вервную платити въ чей же верви голова лежитъ ⁷⁾ — а заплатитъ волость или станъ, въ коемъ душегубство учинится ⁸⁾; а модемъ не надобь ⁹⁾ — а христіаномъ въ томъ продажи нѣтъ, а на опричныхъ людяхъ не емлютъ ничего ¹⁰⁾; а на костехъ и по мертвецъ не платити виры, оже имени не вѣдаютъ, ни знаютъ его ¹¹⁾ — а сыщутъ у нихъ на посадѣ мертваго человека... а не познаетъ его никто, ... и крестьяномъ въ томъ вѣры и продажи нѣтъ ¹²⁾. Повторяются тождественныя слова и выраженія: *не платити виры ¹³⁾ — заплатятъ виру ¹⁴⁾; ни знаютъ его ¹⁵⁾ — ни познаетъ его никто ¹⁶⁾, а головника не ищутъ ¹⁷⁾ и нѣ душе-***

¹⁾ Загоскинъ, LVIII, 2, 3, 4, 5, 8, 12, 13; а заплатятъ виру восьми рыболовными двора: Загоскинъ, LVIII, 3.

²⁾ Ibidem, LVIII.

³⁾ Загоскинъ, LIX, 2, 3, и др.; вариантъ: *а на опричныхъ людяхъ не емлютъ ничего*, LIX 15.

⁴⁾ Загоскинъ, LXI, ср. LX.

⁵⁾ Карамзинскій списокъ, 15.

⁶⁾ Двинская грамота.

⁷⁾ Карамзинскій списокъ, 3.

⁸⁾ Загоскинъ, LVIII.

⁹⁾ Академическій списокъ, 8.

¹⁰⁾ Загоскинъ, LIX, 2, 15.

¹¹⁾ Карамзинскій списокъ, 15.

¹²⁾ Загоскинъ, LXI.

¹³⁾ Карамзинскій списокъ, 15.

¹⁴⁾ Загоскинъ, LVIII, 3.

¹⁵⁾ Карамзинскій списокъ, 15.

¹⁶⁾ Загоскинъ, LXI.

¹⁷⁾ Карамзинскій списокъ, 3.

зубца изыщутъ ¹⁾. Въ уставной грамотѣ, какъ и въ Русской Правдѣ, идетъ рѣчь о вирѣ ²⁾, о головѣ ³⁾. Самая вира уставныхъ грамотъ четыре рубля или четыреста бѣлокъ количественно аналогична сорокагривенной вирѣ Правды ⁴⁾. Тутъ не простое заимствование содержанія нормъ, тутъ заимствование и ихъ редакціи. Но кто же откуда заимствовалъ? Русская Правда изъ уставныхъ грамотъ или послѣднія изъ нея? Отвѣтъ на это будетъ данъ ниже. За статьей о вирѣ въ древнѣйшей уставной грамотѣ слѣдуютъ статьи о кровавыхъ и синихъ ранахъ: *а за кровавую рану тридцать бѣлъ, а за синюю рану пятнадцать бѣлъ, а вина противу того* ⁵⁾. Въ Русской Правдѣ есть извѣстныя статьи о томъ же предметѣ, содержащія въ себѣ тѣ же выраженія, какъ и уставныя грамоты: *уже придетъ кровавъ мужъ или синь, то видока ему не искати, но платити ему продажи три гривны* ⁶⁾. Помимо общихъ Русской Правдѣ и уставнымъ грамотамъ реченій: *синь, кровавъ*, тридцать бѣлъ Двинской грамоты соотвѣтствуютъ тремъ гривнамъ Правды,—такой же расчетъ, какъ мы видѣли выше, дѣлался при исчисленіи виры, гдѣ 40 гривенъ Правды равнялось 400 бѣлкамъ ⁷⁾, а одна гривна, слѣдовательно, десяти бѣлкамъ. О томъ же предметѣ трактуетъ и 2-я статья Двинской грамоты: *а кто кого излаетъ боярина, или до крови ударить, или на немъ синева будутъ, и намѣстницы судятъ ему по его отечеству безщестіе*,—опять весьма напоминая вышеприведенныя статьи Правды. 4-я статья Двинской грамоты говоритъ о переораніи межъ: *а другъ у друга между переореть или перекосить на одномъ полѣ, вина*

¹⁾ Двинская уставная гр., 1, вариантъ: *а не дощутся*. Загоскинъ, LVIII, 2, 3, и др.

²⁾ Двинская грамота, 1, Загоскинъ, LVIII, 3; въ другихъ грамотахъ вѣра, вина: LVIII 2, 5, 8.

³⁾ Загоскинъ, LVIII, 8: за голову вѣры четыре рубля.

⁴⁾ Карамзинскій списокъ, 3.

⁵⁾ Двинская грамота, 1. Ссылки на Двинскую грамоту дѣлаются по Христомагіи по исторіи русскаго права Владимірскаго—Буданова, выпускъ I, стр. 124—131.

⁶⁾ Карамзинскій списокъ, 24; Академическій списокъ, 2, 28.

⁷⁾ Загоскинъ, LVIII, 11.

боранъ, а межи сель межа тридцать бѣль, а княжа межа три сороки бѣль, а вязбы въ томъ нѣтъ. Тутъ родство съ Правдой несомнѣнное: а иже между переореть, любо перетесь, то за обиду 12 гривенъ ¹⁾). Помимо общихъ Правдъ и уставнымъ грамотамъ словъ: а между переореть, и три сороки, т. е. 120 бѣль, вполне соотвѣтствуютъ двѣнадцатигривенному штрафу, считая, по вышеприведенному разсчету, 10 бѣль на гривну. Въ слѣдующей статьѣ Двинской грамоты читаемъ: а кто у кого что познаеть татѣбное, и онъ съ себя сведеть до десяти изводовъ; нолны до чеклого татя (варианты: хотя до десяти сводовъ и до чеклого татя. Загоскинъ LXV⁶, хотя до десятого своду и до пошлого татя LXV⁷), и отъ того намѣстникомъ и дворяномъ не взяти ничего. Статья эта напоминаетъ статью Правды, гдѣ описывается та же процедура и въ тѣхъ же выраженіяхъ: оже кто познаеть своего, что будетъ погубиль, или *оукрадено* что у него, или конь, или портъ или скотина, то не речи ему: се мое; но поиди на сводъ, гдѣ еси взяль; *сведоутся, кто боудеть виноватъ, на того татѣба снидеть* ²⁾; а кто у кого что познаеть татѣбное ³⁾; а съ лицомъ ити до конца своду, а исцу ждати прока, а гдѣ *снидеть* на конечнаго, то тому все платити и продажи ⁴⁾; и онъ съ себя *сведеть* до десяти изводовъ; нолны до чеклого татя ⁵⁾). Правило о сводѣ уставной грамоты повидимому родственно постановленію 32 ст. Русской Правды ⁶⁾. Сходной по содержанію съ 76 ст. Русской Правды ⁷⁾ представляется ст. 11 Двинской грамоты: а кто осподарь огрѣшитя, ударить своего холопа или робу, и случится смерть, въ томъ намѣстници не судятъ, ни вины не емлютъ. Въ Моревской уставной грамотѣ есть два мѣста, трактующія о порубкахъ деревьевъ: жного не давати...

¹⁾ Академическій списокъ, 33; Карамзинскій списокъ, 83.

²⁾ Карамзинскій сп., 30.

³⁾ Двин. грам.

⁴⁾ Карамзинскій сп., 32; срав. *ibidem*, 36: „а ись своего города въ чуже землю извода нѣтъ“.

⁵⁾ Двин. грам.

⁶⁾ Карамзинскій сп.

⁷⁾ Карамзинскій сп.

пчелами, а уличать... на томъ доправливають четыре гривны да отдають тому чье дерево; а кто посѣчотъ которое дерево выдѣлано безъ пчель, а уличать его въ томъ, и слободчики на томъ доправливають гривну да отдають тому чье дерево ¹⁾. Мѣсто это чрезвычайно напоминаетъ статьи Правды: оже борть подломить, три гривны продажи... Оже пчелы выдереть, 3 гривны продажи, а за медь оже боудуть пчелы не лажены, то 10 коунь; боудеть ли олекъ то пять коунь ²⁾. Наконецъ въ Русской Правдѣ, какъ и въ уставныхъ грамотахъ, есть родъ статей, опредѣляющихъ кормы и поборы для княжескихъ чиновниковъ, участвующихъ въ отправленіи правосудія,—указывающихъ имъ размѣръ разныхъ судебныхъ пошлинъ и предписывающихъ имъ извѣстный образъ дѣйствій съ цѣлью предохранить мѣстное населеніе отъ злоупотребленій. Тутъ родство между Правдой и уставными несомнѣнное, статьи сходятся и по буквѣ, и по содержанію. Конечно это сходство далеко не есть тождество—тутъ надо учесть ту финансовую эволюцію, которая произошла во время между Русской Правдой и дошедшими до насъ уставными,—тутъ надо учесть по крайней мѣрѣ вѣка два, три. Возьмемъ ст. 85 Правды ³⁾, трактующую о накладѣ: се накладъ 12 гривенъ: отроку 2 гривны и 20 кунь, а самому ѣхати съ отрокомъ на дву конехъ, а овесь соути на ротъ, а мяса дати овенъ или полоть, а инѣмъ корму, что имъ чрево возметь, а писцу 10 кунь, перекладнаго пять кунь, а за мѣхъ двѣ ногаты. Въ другомъ мѣстѣ говорится: се бо закони вирные были при Великомъ князи Ярославѣ ⁴⁾ вирникуу взяти семь ведеръ солодоу на недѣлю, да овенъ или полоть, или двѣ ногаты; а въ середу коуна, оже сыръ, ⁵⁾ а въ пятницу такоже; а коуровъ ему по двое на день; а хлѣбовъ семь на недѣлю, а пшена семь оуборковъ, а гороху такожь, а соли семь голважень, то ти вирнику съ от-

¹⁾ Загоскинъ, LXXI, LXXII.

²⁾ Карамзинскій сп., 86, 87.

³⁾ Карамзинскій сп.

⁴⁾ Въ Академическомъ сп. стоитъ: „а се поклонъ вирный“.

⁵⁾ Въ Академическомъ сп.: „а въ середу рѣзанюу, въ три же сыр“.

рокомъ, а кони 4, а овесъ конемъ соути на ротъ; ¹⁾ вирнику 8 гривенъ, а 10 коунъ перекладная, а мегалнику 12 вѣкошь, а ссадная гривна. ²⁾ Въмѣсто вирника и отрока мы встрѣчаемъ въ уставныхъ доводчика и паробка. „А доводчику у нихъ провхати,“—говорится въ уставной грамотѣ бобровникамъ Каменскаго стана (1509 г.)—„по деревнямъ на весь годъ двожды, самому другому съ паробкомъ, а лошадей съ нимъ трое ³⁾—не воспроизводитъ ли это мѣсто въ значительной мѣрѣ буквально слова Правды: а самому вхати съ отрокомъ на дву конехъ ⁴⁾—и почти дословно другое мѣсто Правды, гдѣ говорится о мостникѣ: а мостникою самому другу вхати на двухъ конехъ съ отрокомъ ⁵⁾. И въ уставныхъ грамотахъ идетъ рѣчь о „кормахъ“ въ пользу волостелей, намѣстниковъ, тиуновъ и доводчиковъ, какъ въ Правдѣ въ пользу вирниковъ и отроковъ, и кормы Правды чрезвычайно напоминаютъ кормы уставныхъ грамотъ. Въ Онежской грамотѣ (1536 г.) говорится: а доводчику поборъ ⁶⁾ съ трехъ сохъ на Рожество Христово коврига да часть мяса, ⁷⁾ зобня овса, ⁸⁾ а на Великъ день коврига, часть мяса, а на Петровъ день коврига, да сыръ ⁹⁾. Въ грамотѣ бобровникамъ Ильмехотскаго стана ¹⁰⁾ доводчикъ получаетъ на Петровъ день полбарана съ деревни, ¹¹⁾ хлѣбъ, ¹²⁾ да сыръ. А

¹⁾ Въ Академическомъ сп.: соути имъ на ротъ колько могоуть зобати.

²⁾ Карамзинскій сп., 7. Въ Академическомъ сп.: и вирнику 60 гривенъ и 10 рѣзанъ и 12 вѣверици; а передъ гривна; или ся пригода въ говѣние рыбами, то взяти за рыби 7 рѣзанъ: то всѣхъ коунъ 15 коунъ на недѣлю; а борошна колько могоуть изести. До недѣли же виро зберуть вирници. То ти оурокъ Ярославль. Академическій сп., 42.

³⁾ Загоскинъ, X, 5 в.

⁴⁾ Карамзинскій сп., 85. Въ Академическомъ сп., 42: конѣ 4 поставити.

⁵⁾ Карамзинскій сп., 109.

⁶⁾ „А се поклонъ вирни“ въ Академическомъ сп., 42; „закопи вирные“ въ Карамзинскомъ сп., 7.

⁷⁾ Въ Карамзинскомъ: любо *полоть*; въ уставной грамотѣ Артемоновскаго стана: и они ему дадутъ—за *полоть* мяса десять денегъ; Загоскинъ, XXIII, 4.

⁸⁾ „Сути имъ на ротъ колько могоуть зобати“—въ Академическомъ сп., 42.

⁹⁾ Загоскинъ сп., XXI, 7, Карамзинскій сп., 7: *же сыръ*.

¹⁰⁾ Загоскинъ сп., XXI, 9 с.

¹¹⁾ Карамзинскій сп., 7: *же овенъ*.

¹²⁾ Ibidem: а хлѣбовъ 7 на недѣлю;—Загоскинъ, XVI, 4: волостелю кормъ.. *полоть* мяса, десятеро хлѣбовъ.

на Петровъ день, говорится въ другой уставной грамотѣ, ¹⁾ намѣстнику баранъ да десять *куровъ* ²⁾. Уже во время Русской Правды чувствовалась потребность переложить натуральные кормы на денежную повинность, и въ Правдѣ, какъ и въ уставныхъ, есть схожія нормы, регулируюція эту за-мѣну. „А нелюбъ волостелю кормъ“—говорится въ уставныхъ грамотахъ—„и они ему дадутъ за полоть мяса десять денегъ, за боранъ алтынъ, за *мѣхъ овса алтынъ* ³⁾, за возъ сѣна алтынъ, за хлѣбъ по деньгѣ ⁴⁾“—какъ въ Русской Правдѣ: „да овенъ или полоть или двѣ ногаты ⁵⁾, или ся пригоди въ говѣніе рыбами, то взяти за рыбы 7 рѣзанъ ⁶⁾. Русская Правда, подобно уставнымъ грамотамъ, полна нормъ, регулирующихъ всякаго рода судебныхъ пошлинъ ⁷⁾. Въ Русской Правдѣ есть также родственныя уставнымъ грамотамъ по тенденціямъ нормы, регулируюція кормы и вознаграждение чиновникамъ, завѣдующимъ срубкой городовъ и починкой мостовъ ⁸⁾,—кормы ихъ сходны съ кормами вирниковъ и отроковъ.

И въ томъ порядкѣ, какъ расположены вышеприведенныя, родственныя другъ другу, статьи, усматривается параллелизмъ, еще болѣе подтверждающій то, что мы здѣсь имѣемъ дѣло съ какимъ-то заимствованіемъ. Прежде всего статьи о переораніи межъ и о порчѣ деревьевъ ⁹⁾ находятся въ уставныхъ грамотахъ ¹⁰⁾ послѣ статей о вирахъ ¹¹⁾ и о сво-

¹⁾ Загоскинъ, XVII, 15.

²⁾ Карамзинскій сл., 7: а *коуровъ* ему по двое на день.

³⁾ Карамзинскій сл., 85: а за мѣхъ двѣ ногаты; мостникъ получаетъ за свое дѣло „овса 4 лоуна“, *ibidem*, 109.

⁴⁾ Загоскинъ, XXIII, 4, 8а, 9а и др.

⁵⁾ Карамзинскій сл., 7; срв. Загоскинъ, XXIII, 5а: за полоть мяса *два* алтына, за баранъ *два-жь* алтына.

⁶⁾ Академическій сл., 42.

⁷⁾ Въ Академическомъ см. 41, Карамзинскій, см. 8, 16, 100, 118: а се оуроци судебни; Загоскинъ, LXXXVII—XCVII.

⁸⁾ Карамзинскій сл., 108, 109; въ Академическомъ, см. 43, срв. также Карамзинскій, 134.

⁹⁾ См. таблицу у Загоскина, стр. 89—90.

¹⁰⁾ *Ibidem*, LVIII—LXI.

¹¹⁾ Загоскинъ, LXX—LXXII.

дѣ 1). Тоже въ Правдѣ—сначала статьи о вирахъ 2) и сводѣ 3) и потомъ уже статьи о переораніи межъ и о порчѣ деревьевъ 4), при чемъ, какъ кажется, и въ Правдѣ, и въ уставной грамотѣ нормы о поврежденіи деревьевъ составляютъ двѣ статьи, стоящія рядомъ другъ съ другомъ—въ Русск. Правдѣ ст. 86 и 87 5). Еще нагляднѣе воспроизводитъ порядокъ статей Русской Правды древнѣйшая уставная грамота, Двинская. Сходныя статьи слѣдуютъ тутъ почти въ томъ же порядкѣ, какъ въ Русской Правдѣ. Двинская грамота начинается подобно Русской Правдѣ нормой, касающейся убійства и вирь 6). Затѣмъ слѣдуютъ нормы относительно синихъ и кровавыхъ ранъ, какъ и въ Правдѣ 7), далѣе идетъ статья о переораніи межъ и о сводѣ 8) и объ убіеніи раба 9), какъ и въ Русской Правдѣ—10) тѣ же статьи слѣдуютъ и въ Правдѣ за статьей о синихъ и кровавыхъ ранахъ. Такой же параллелизмъ замѣчается въ Правдѣ и въ уставныхъ грамотахъ и относительно расположенія статей о кормахъ княжескимъ чиновникамъ и о судебныхъ пошлинахъ. Въ уставныхъ грамотахъ опредѣленія относительно кормовъ и поборовъ расположены въ началѣ грамоты, сейчасъ же за статьями, организующими мѣстное управление; статьи же о судебныхъ пошлинахъ отодвинуты къ концу грамоты (объ этомъ выше), то же—въ Правдѣ. Послѣдняя начинается статьями о кормахъ 11) и кончается статьями о судебныхъ урокахъ 12). Вообще въ порядкѣ рас-

1) Загоскинъ, LXV.

2) Карамзинскій сп., 4, 6, 15; Академическій сп., 18, 19.

3) Въ Академическомъ сп., 10, 12, 13, 15; Карамзинск. сп., 27, 29, 30, 32—36.

4) Академическій сп., 30, 33; Карамзинскій сп., 82—84, 86—87.

5) Карамзинскій сп., Моревская уставная грам., 1530 г.

6) Карамзинскій сп., 1—4, 6, 15; Акад. сп., 18, 19.

7) Двин. грам., ст. 1, 2, Русс. Прав., Карамзинскій сп.—24, Акад. сп., 2, 28.

8) Двин. грам., 4, 5.

9) Двин. грам., 11.

10) Карамзинскій сп., 27, 29, 30, 32—36, 82—84, 76; Акад. сп., 10, 12, 13, 15, 30, 33, 16.

11) Карамзинскій сп., 7, 8; въ Академическомъ эта статья отодвинута къ концу ст. 42, 43; также Карамзинскій сп., 85, 108, 109.

12) Карамзинскій сп., 118; Акад. сп., 41; также Карамзинскій сп., 100.

положенія сходныхъ статей уставныя грамоты болѣе совпадаютъ съ пространной Русской Правдой, чѣмъ съ краткой ея редакціей. Всѣ эти сходства по содержанію и по буквѣ статей Русской Правды и уставныхъ и параллелизмъ этихъ сходныхъ статей здѣсь и тамъ,—всѣ эти данныя, неминусемо приводящія къ идеѣ о заимствованіи, мы объясняемъ тѣмъ, что въ юридическихъ сборникахъ, извѣстныхъ подъ именемъ Русской Правды, заключается часть уставной грамоты, данной Ярославомъ Новгородцамъ и послужившей моделью для позднѣйшихъ, извѣстныхъ намъ, уставныхъ. Основанія для такого мнѣнія мы постараемся представить ниже.

Вліяніе уставныхъ грамотъ на составленіе Судебниковъ признается, какъ мы уже сказали выше, историками права. Тѣмъ не менѣе сравнительно малое количество статей попало изъ уставныхъ въ Судебники, не болѣе 20 статей.

Въ Судебники главнѣйшимъ образомъ вошли статьи уставныхъ грамотъ о судебныхъ пошлинахъ, связанныхъ съ разными судебными дѣйствіями и съ окончаніемъ дѣла въ разныхъ стадіяхъ процесса; именно, по Загоскину, LXXXVI—XCI, XCIII, XCV—XCVII¹⁾, объ участіи лучшихъ людей въ процессѣ²⁾, о давности по земельнымъ искамъ о переораніи междъ³⁾, можетъ быть нормы о пятенной пошлинѣ⁴⁾

Оговоримся, что въ тѣхъ случаяхъ изъ вышеприведенныхъ, когда мы ссылаемся на уставныя грамоты, изданныя послѣ Судебниковъ, какъ напр. Устюжно-Желѣзнопольскую 1614 г. или Пермскую 1553 г.⁵⁾, конечно, мы имѣемъ въ виду заимствованія въ Судебники не изъ этихъ грамотъ, а изъ тѣхъ, которыя по редакціи сродны имъ и послужили моделью (сообразно обычному процессу изданія уставныхъ и другихъ грамотъ), и—по времени—предшествуютъ Судебни-

¹⁾ Судебникъ II, 1550 г., 2—10, 12, 31, 33, 37, 38, 45, 46, 62, 65, 68. Судебникъ I, 1497 г., 3, 5, 6, 15, 21, 22, 29, 38, 40, 53. Судебники I и II цитированы по хрестоматіи Владимірскаго-Буданова, вып. II.

²⁾ Судебникъ II, 62, Суд. I, 38, Загоскинъ, LXXXIII, 14, 15.

³⁾ Суд. II, 84, Суд. I, 63, Загоскинъ, LXXXI.

⁴⁾ Судебникъ II, 95, Загоскинъ, XXXVII, хотя могъ быть въ данномъ случаѣ для Судебника и другой источникъ.

⁵⁾ Загоскинъ, LXXXIII, 14, LXXXI.

камъ. Есть и другія сходныя статьи по содержанию и отчасти по оборотамъ рѣчи ¹⁾, но это общее сходство не даетъ еще права на заключеніе о заимствованіи, да къ тому же Судебники имѣли своимъ источникомъ не однѣ только уставныя грамоты.

Судныя грамоты обращаютъ на себя вниманіе сходствомъ, часто дословнымъ съ Судебниками. Дословно или съ самыми незначительными вариантами воспроизведены въ Судебникахъ и въ судныхъ грамотахъ статьи, относящіяся къ послушеству ²⁾. Далѣе, такое же буквальное сходство наблюдается между Судебникомъ II и судными грамотами въ статьяхъ о стеченіи нѣсколькихъ отвѣтчиковъ въ искѣ, именно: на отвѣтной сторонѣ ³⁾, о боѣ и грабежѣ ⁴⁾, о платѣ за безчестіе ⁵⁾, о приводѣ съ поличнымъ ⁶⁾, о разныхъ возраженіяхъ отвѣтника ⁷⁾, о займѣ ⁸⁾, о наказаніи за разбой, ябедничество и другія преступленія ⁹⁾, объ убыткахъ ¹⁰⁾, о крестьянскомъ отказѣ ¹¹⁾.

Всѣ эти родственныя статьи находятся только въ Царскомъ Судебникѣ, за исключеніемъ двухъ послѣднихъ, имѣющихся и въ I-мъ Судебникѣ ¹²⁾. Есть и другія близко сходныя статьи въ Судебникахъ и судныхъ грамотахъ, напр. объ участіи на судѣ лучшихъ мужей ¹³⁾, о пятенной пош-

¹⁾ Напр., срв. Судебникъ II, 26, 55 и 56 (Суд. I, 10, 11), 59 (Суд. I, 8),—100 съ отдѣлами уставныхъ грамотъ (по Загоскину) LXIV, LXVIII, LVII, LXXXV, LXXXVI.

²⁾ Ср. Судебникъ II, 15, 16, 18, Суд. I, 48, 50 (ст. 51 Суд. I представляетъ только часть соотвѣтствующей ей 15 ст. Судебника II и редактирована иначе), отдѣлы судныхъ грамотъ (по Шумакову), 31, 32, 34.

³⁾ Судебникъ II, 20, Шумаковъ, суд. гр., 29.

⁴⁾ Судебн. II, 25, Шумаковъ, суд., 35.

⁵⁾ Судебникъ II, 26, Шумаковъ, отдѣлы судныхъ грамотъ, 82.

⁶⁾ Судебникъ II, 52, Шумаковъ, суд., 23.

⁷⁾ Судебникъ II 73, Шумаковъ, суд., 27; заимствованіе небуквальное, но по содержанию, замѣчается и въ ст. Суд. II, 72; срв. съ судн. гр. у Шумакова, отдѣлы 27.

⁸⁾ Судебникъ II, 82, Шумаковъ, суд., 13.

⁹⁾ Суд. II, 59, Шумаковъ, суд., 24 (заимствованіе въ первыхъ строкахъ).

¹⁰⁾ Судебникъ II, 86, Шумаковъ, суд., 15.

¹¹⁾ Судебникъ II, 88, Шумаковъ, суд., 16 и 17.

¹²⁾ Ст. 57, 61.

¹³⁾ Судебникъ II, 62, I, 38 и Шумаковъ, суд., 37.

линѣ ¹⁾),—но тутъ мысль о заимствованіи не напрашивается съ такою силою, въ виду возможности заимствованія означенныхъ мѣстъ и изъ другихъ памятниковъ, напр. изъ уставныхъ грамотъ.

Но прежде всего является мысль, не заимствовали ли судныя грамоты, по времени болѣе позднія, чѣмъ оба Судебника, вышеприведенныя сходныя статьи изъ послѣднихъ. Противъ этого говорятъ вѣскія данныя, приводящія къ тому убѣжденію, что тутъ могло быть только заимствование инымъ путемъ. Прежде всего является непонятнымъ, зачѣмъ было бы переписывать суднымъ грамотамъ статьи изъ Судебника, а такими дословно переписанными статьями являлись бы, напр., ст. 52 Суд. II ²⁾, ст. 82 ³⁾, разъ и безъ того судная грамота признаетъ субсидіарное значеніе Судебника, т. е. объявляетъ приложимыми его нормы въ тѣхъ дѣлахъ, „о которыхъ дѣлѣхъ въ сей грамотѣ указъ не писанъ“ ⁴⁾. Гораздо естественнѣе предположить, что извѣстныя намъ судныя грамоты переписаны съ болѣе раннихъ моделей,—согласно обычному процессу изданія нашихъ финансово-судебныхъ грамотъ ⁵⁾. Относительно двухъ судныхъ грамотъ это даже засвидѣтельствовано, именно относительно судной грамоты Устюжны-Желѣзнопольской 1614 г. и уставной грамоты посадскимъ людямъ Шуи 1606 г. ⁶⁾. Съ таковыхъ-то болѣе раннихъ судныхъ грамотъ были списаны извѣстныя намъ судныя, съ подходящими, конечно, измѣненіями и съ приспособленіемъ къ новой кодификаціи, къ Судебнику. Ссылки на этотъ новый Судебникъ есть и въ земскихъ грамотахъ: и „который душегубецъ дойдетъ до казни, по нашему по новому Судебнику, и они того душегубца казнять“ ⁷⁾. Подобное мы видимъ и

¹⁾ Судебникъ II, 95, Шумаковъ, суд., 10.

²⁾ Шумаковъ, суд., 23.

³⁾ Шумаковъ, суд., 13.

⁴⁾ Шумаковъ, суд., 26; и въ другихъ случаяхъ судная грамота обращается субсидіарно къ Судебнику, Шумаковъ, 10.

⁵⁾ Загоскинъ, Уставн. грам., II, 10, 11, 13, 14, Шумаковъ, губн. и зем. грам., стр. 117—118, грамота 3; для судныхъ: *ibidem*, стр. 196—197, также стр. 100.

⁶⁾ Шумаковъ, *loci citati*.

⁷⁾ Шумаковъ, земск. грам., 25, ср. также 4 Г.

въ подтвердительныхъ припискахъ. Подтверждая старую грамоту и приказывая „сю жаловальную грамоту подписати на свое государево царево... имя“, носитель верховной власти, однако, дѣлаетъ оговорки, чтобы привести грамоту въ согласіе съ дѣйствующими законами: „а данныя деньги платити имъ *противъ нынешнего государева указу*... съ выти по полтинѣ, потому что въ Устьянскихъ волостяхъ данныя деньги положены были неравно“ ¹⁾, „и о всемъ чинитъ, какъ въ сей жалованной грамотѣ (вновь подтвержденной) написано, опричь тѣхъ статей, которые.... по соборному Уложению.... и по боярскимъ приговорамъ перемѣнились“ ²⁾. Вышеозначенныя соображенія и приводимыя ниже данныя позволяютъ думать, что заимствованіе было не *изъ Судебниковъ въ судныя*, а наоборотъ *въ Судебники изъ грамотъ*, бывшихъ въ виду у составителей послѣднихъ, и что грамоты эти, давшія отчасти содержаніе Судебникамъ, послужили источникомъ и для дошедшихъ до насъ судныхъ грамотъ. За такое направленіе заимствованія говорить аналогія отъ данныхъ исторіи русскаго законодательнаго творчества. Какъ мы постараемся показать ниже, кодификаціи, вплоть до современнаго Свода законовъ, впитывали въ себя содержаніе предшествовавшихъ грамотъ, а не служили послѣднимъ источниками. Наконецъ, за нашу мысль говорить то обстоятельство, что часть своего содержанія Царскій Судебникъ *несомнѣнно* заимствовалъ изъ уставныхъ грамотъ, — стало быть, являются вѣроятія за то, что онъ могъ и другія свои части заимствовать изъ однородныхъ съ первыми источниковъ права, какими именно и являются предположенныя нами грамоты. Подобныя же грамоты должны были служить источникомъ и составителямъ I-го Судебника, для соотвѣтственныхъ схожихъ статей. Едва-ли только эти грамоты были тождественны съ грамотами, послужившими источникомъ для Царскаго Судебника и для дошедшихъ до насъ судныхъ ³⁾, такъ какъ схожія (съ нормами

¹⁾ Шумаковъ, зем., 44.

²⁾ Шумаковъ, зем., 45 Б.

³⁾ Этого уже нельзя было бы ожидать, зная разстояніе по времени между обими Судебниками.

судныхъ грамотъ) статьи обоихъ Судебниковъ представляютъ все-таки извѣстную разницу между собою ¹⁾, да и статьи эти расположены въ I и во II Судебникахъ въ разныхъ мѣстахъ, непараллельно ²⁾. Между тѣмъ въ расположеніи этихъ сходныхъ статей Царскаго Судебника и извѣстныхъ намъ судныхъ замѣчается параллелизмъ ³⁾. Отсюда ясно, что судныя, послужившія источникомъ для Царскаго Судебника и для извѣстныхъ намъ судныхъ, были не тѣ, которыя перешли частями въ I Судебникъ.

Но изъ какихъ именно грамотъ черпали свое содержаніе Судебники и судныя? До какой степени первоисточники послѣднихъ были схожи съ извѣстными намъ судными, — отвѣтъ на это дадутъ нижеслѣдующія соображенія; вмѣстѣ съ тѣмъ разъяснится и генеалогія извѣстныхъ намъ судныхъ. Судебники уже не разъ обращали на себя вниманіе своимъ сходствомъ съ Псковской судной грамотой, сходствомъ, часто дословнымъ. Сюда относятся, во-первыхъ, тѣ статьи о послушествѣ, въ которыхъ Судебники обнаружили такую солидарность съ судными грамотами и которыя находятся и въ Псковской судной грамотѣ, — это статьи Царскаго Судебника 15, 16, 18, Суд. I 48, 50, 51 ⁴⁾ и Псков. гр. 20, 22 ⁵⁾. Но есть — другія статьи, схожія и по содержанію, и по формѣ съ Псковской судной грамотой, и коихъ нѣтъ въ судныхъ; таковы нѣкоторыя статьи о томъ же послушествѣ ⁶⁾, объ искахъ между чужеземцами ⁷⁾, о наказаніи за тяжелые виды воровства, за поджогъ ⁸⁾, объ искахъ изъ найма ⁹⁾, о святительскихъ

¹⁾ Ср., напр., ст. 16 Суд. II съ 48 ст. Суд. I, ст. 88 II Суд. и ст. 57 I-го Суд.

²⁾ Напр., статья 88 о крестьянскомъ наказѣ стоитъ во II Судебникѣ послѣ статьи 86 объ изгородяхъ, въ I Судебникѣ наоборотъ, ст. 57 и 61.

³⁾ Напр., Суд. Цар. ст. 86 и 88 и Шумаковъ, суд., 15, 16 и 17 Е и Ж, также Суд. Цар. 15, 16, 18 съ Шумаковъ, суд., 31, 32, 33, 34 Е и Ж; см. у Шумакова расчетъ по строкамъ; Цар. Суд. 25 и 26, суд., 35 и 22 у Шумакова; Суд. Цар. 72, 73 съ суд. 27, 28.

⁴⁾ Шумаковъ, судн., 31, 32, 34.

⁵⁾ Сенляи на Псковскую судную грамоту дѣлаются по христоматіи по истор. рус. пр. Владимірскаго-Буданова, вып. I.

⁶⁾ Суд. II, 17, 19, Суд. I, 49, 52 и Псков. 21, 36, срав. ст. 119.

⁷⁾ Суд. II, 27, I, 58, Псков., 105.

⁸⁾ Суд. II, 61, Суд. I, 9, Псков., 7 — общій Псковской грамотѣ и Судебникамъ терминъ „зажигальникъ“.

⁹⁾ Суд. II, 83, Суд. I, 54, Псков., 40.

судахъ ¹⁾ Во всѣхъ приведенныхъ мѣстахъ наблюдается цѣликомъ или частями дословное заимствованіе. Въ другихъ мѣстахъ чувствуется какое-то родство между нормами Судебника и Псковской грамоты; такъ, напр., въ статьяхъ, предписывающихъ судить прямо, по крестному цѣлованію, „не корыстоватися, а судомъ не мститса не на кого жь, а судомъ не отчитись, а праваго не погубити, а виноватаго не жаловати ²⁾, въ статьяхъ о рецидивѣ при татьбѣ ³⁾. Предполагать, что составители Судебниковъ прямо переписывали Псковскую грамоту, искажая ее по мѣстамъ, за непониманіемъ текста, думать, стало быть, что они непосредственно пользовались для составленія всеобщаго уложенія памятникомъ, принадлежащимъ только извѣстному мѣсту и окрашенному особенностями этого послѣдняго, во многихъ отношеніяхъ архаичнымъ и отстоящимъ отъ нихъ на вѣка— это значило бы заподозрѣвать законодательную мудрость Московскихъ юристовъ XV и XVI вѣка въ такой степени, въ какой они этого не заслуживаютъ (не говоря уже о томъ, что они могли непосредственно черпать изъ тѣхъ княжихъ грамотъ, изъ коихъ была „выписана“ Псковская грамота). Да и зачѣмъ имъ было это дѣлать, когда около нихъ циркулировала масса грамотъ, которыя могли отлично сыграть посредническую роль между нормами Псковской грамоты и нормами Судебниковъ?

Таковымъ посредникомъ между Судебниками и Псковской грамотой и были предположенные нами грамоты, редактированные иначе, чѣмъ извѣстныя намъ судныя. Послѣднія имѣютъ нѣсколько статей, общихъ съ Судебниками и Псковской грамотой,—таковы вышеуказанныя статьи о послушествѣ ⁴⁾, но сверхъ того имѣютъ и общую статью съ Псковской грамотой, въ Судебникахъ отсутствующую,—статью о поклажѣ ⁵⁾;

¹⁾ Суд. II, 91, Суд. I, 59, Псков., 109.

²⁾ Псков., 3, 4, 5, 77; въ Судебникѣ эти предписанія сопрозождаются угрозами о наказаніяхъ: Суд. II, 1, 2, 3, 7, Суд. I, 1, 2, 19.

³⁾ Суд. II, 55 и 56, Суд. I, 10, 11, Псков., 8.

⁴⁾ Шумаковъ, суд., 31, 32, Суд. II, 15, 16, Суд. I, 48, 51, Псков. грам., 20, 22.

⁵⁾ Шумаковъ, 14.

сходство послѣдней съ нормой о поклажѣ Псковской грамоты, формулированной, правда, конкретнѣе, бросается въ глаза ¹⁾. Вышеуказанныя статьи уже устанавливають несомнѣнное родство судныхъ грамотъ съ Псковской. Еще болѣе роднитъ первыя съ послѣдней—это формула, здѣсь и тамъ встрѣчающаяся: „а давати на отвѣтчикову волю, хочеть самъ поцѣлуеть, или подѣ крестъ деньги положить, а ищя поцѣловавъ, возьметъ“ ²⁾. Чувствуется сходство и въ нѣкоторыхъ отдѣльныхъ нормахъ судныхъ съ Псковской грамотой ³⁾. И здѣсь, т. е. между судными и Псковской несомнѣнно состоялось какое-то заимствованіе.

Всѣ вышеприведенныя сходства между Судебниками, судными и Псковской находятъ себѣ удовлетворительное объясненіе при сдѣланномъ выше предположеніи, что источникомъ Судебниковъ и судныхъ и посредницей между ними и Псковской грамотой были именно тѣ грамоты, о коихъ мы сказали выше. Эти грамоты были общимъ источникомъ для Судебниковъ и судныхъ грамотъ. Въ нихъ уже содержались тѣ статьи, схожія по формѣ и содержанію, которыя мы усматриваемъ въ Псковской грамотѣ, судныхъ и въ Судебникахъ. Въ нихъ уже были статьи о послушествѣ, о боѣ и грабежѣ, о приводѣ съ личнымъ, о разныхъ возраженіяхъ отвѣтника, о стеченіи нѣсколькихъ отвѣтниковъ въ искѣ, о наказаніяхъ за тяжелые виды воровства, за поджогъ и другія преступленія, о платѣ за безчестіе, о займѣ, о поклажѣ, объ изгородахъ, о крестьянскомъ отказѣ, объ искахъ между чужеземцами, объ искахъ изъ найма, о святительскихъ судахъ, объ отношеніяхъ, возникающихъ изъ договора—найма, о разрѣшеніи новыхъ юридическихъ казусовъ, можетъ быть статьи о рецидивѣ при воровствѣ.

¹⁾ См. Псков., 17: „А кто съ чужой земли приѣхавъ, или подѣ пожаръ за неделю . . и тотъ иметъ запирается, ино тотъ судъ судитъ на того волю . . . хочеть самъ поцелуеть или на поле лѣзеть или оу креста положить своему испу“. Въ судной грамотѣ: „а давати на отвѣтчикову волю, хочеть самъ поцѣлуеть, или подѣ крестъ деньги положить, и ищя поцѣловавъ возьметъ“.

²⁾ Шумаковъ, суд., 14 и 31, Псков., 17, 20, 28, 29, 101, 107 и др.; встрѣчается эта формула и въ Судебникахъ: Суд. I, 48, 58, Суд. II, 16, 27.

³⁾ Срв., напр., Шумаковъ, суд., 35 съ Псков. 27, Шумаковъ, судн., 26 съ Псков. 108, 103.

Предположивъ существованіе такой посреднической грамоты, мы избавляемся отъ необходимости думать, что составители Судебниковъ не имѣли никакихъ другихъ ресурсовъ, какъ копированіе отдаленныхъ и къ тому же для нихъ невразумительныхъ памятниковъ права. Трудно сказать, какому мѣсту и времени принадлежала эта грамота, но вѣрно то, что цѣлый рядъ нормъ она заимствовала изъ Псковской грамоты или же изъ княжихъ грамотъ, вошедшихъ въ послѣднюю. Таковы нормы, касающіяся наказаній за тяжелые случаи воровства, за поджогъ, института послушества, исковъ между чужеземцами, исковъ о поклажѣ, святительскихъ судовъ, отношеній, вытекающихъ изъ найма. Какъ мы уже говорили выше, составители обоихъ Судебниковъ пользовались не одной грамотой, а двумя, которыя, стало быть, и составляли разновидности предположенной нами грамоты ¹⁾.

Помимо вышеприведенныхъ соображеній бытіе этой основной грамоты подтверждается еще и тѣмъ, что родственныя статьи, которыя общи Судебникамъ съ судными и Псковской грамотой, сбиты въ Судебникѣ къ одному мѣсту; такъ, напр., во II-мъ Судебникѣ ст. 15, 16 (общія съ судными), 17 (общая съ Псковской грам.), 18 (съ судными), 19 (съ Псковской), 20 (съ судными), 25 (съ судными), 26 (съ судными), 27 (съ Псковской)—всѣ сбиты къ одному мѣсту отъ 15 до 27 статьи; также ст. 82 (съ судной), 83 (съ Псковской), 86 и 88 (съ судными). Тоже въ I Судебникѣ: ст. 46 и 47 (общія съ Псковской), 48 (съ судной), 49 (съ Псковской), 50 (съ судной), 51 (съ Псковской), 52 (съ Псковской), 54 (съ Псковской), 57 (съ судной), 58 и 59 (съ Псковской), 61 (съ судной)—всѣ почти общія мѣста I-го Судебника съ судными и Псковской находятся въ одномъ мѣстѣ между 46 и 61-ст. Это показываетъ, что составители обоихъ Судебниковъ заимствовали изъ какого-то памятника, въ которомъ были сосредоточены статьи, схожія между собою въ Судебни-

¹⁾ Такъ же, какъ, напр., въ губныхъ грамотахъ редакція грамотъ А, В, Д и редакція Е и З представляютъ, повидимому, разновидности общаго извода, различающагося отъ извода грамотъ К и Л; см. Шумаковъ, губн. и зем. грамоты.

какъ, судныхъ и Псковской грамотѣ, и который не могъ быть чѣмъ инымъ, какъ предположенной нами грамотой. Такихъ грамотъ, какъ мы уже сказали, было два вида, и ихъ то и подобныя имъ грамоты—а къ таковымъ мы причисляемъ княжьи грамоты, изъ коихъ возникла Псковская грамота (и другія, о чемъ ниже),—мы будемъ называть *судебными*, по характеру содержащихся въ нихъ статей (см. выше статьи, заключающіяся въ грамотахъ, бывшихъ источникомъ Судебниковъ и судныхъ), въ отличіе отъ *судныхъ*, которыми мы называемъ дошедшія до насъ судныя грамоты ¹⁾.

Изъ этихъ-то судебныхъ грамотъ черпали стало быть Судебники. Послѣдніе, какъ признаютъ ихъ изслѣдователи, были главнымъ образомъ кодексами процессуальными: „лѣта 7006“...—говорится въ I-мъ Судебникѣ—„уложилъ князь Велики Иванъ Васильевичъ всея Руси съ дѣтми своими и съ бояры, о судѣ, какъ судити бояромъ и окольничимъ“ (то же во II-мъ Судебникѣ). Какъ выяснилось выше, нѣкоторую часть своего содержанія, сравнительно малую, Судебники заимствовали изъ уставныхъ грамотъ, именно нормы, относящіяся къ нѣкоторой части судебныхъ пошлинь, связанныхъ съ окончаніемъ процесса въ разныхъ его стадіяхъ, также съ поѣздками исполнительныхъ чиновниковъ, также нормы, касающіяся участія лучшихъ людей въ процессѣ, давности по земельнымъ искамъ и переоранія междъ (о чемъ выше). Другую часть своего содержанія Судебники взяли изъ предположенныхъ нами судебныхъ грамотъ. Таковы статьи, относящіяся къ послушеству, къ стеченію нѣсколькихъ отвѣтчиковъ въ искъ, къ платѣ за безчестіе, къ бою и грабежу, къ приводу съ поличнымъ, къ нѣкоторымъ возраженіямъ отвѣтчика, къ займу, къ наказаніямъ за разбой, ябедничество, тяжелые виды кражи и за поджогъ, къ потервамъ, къ отношеніямъ, проистекающимъ изъ найма, къ крестьянскому отказу, къ разрѣшенію новыхъ юридическихъ казусовъ, къ искамъ между чужеземцами, къ святительскимъ

¹⁾ У Шумакова грамоты Е, Ж и З, стр. 197 и слѣд., и грамота, помещенная на стр. 100 и слѣд.

судамъ. Многія изъ этихъ нормъ реципированы изъ сферы псковскаго права (черезъ посредство вышеупомянутыхъ судебныхъ грамотъ), таковы нормы, относящіяся къ послушеству, къ наказаніямъ за тяжелые виды кражи и за поджогъ, къ отношеніямъ, проистекающимъ изъ найма, къ искамъ между чужеземцами, къ святительскимъ судамъ, можетъ быть, къ рецидиву при кражѣ, къ бою и грабежу. Остальныя статьи Судебниковъ, коимъ нельзя указать источника, относятся къ судоустройству ¹⁾, къ судопроизводству гражданскому и къ уголовному ²⁾, къ охранительному производству ³⁾ въ связи съ нормами матеріальнаго права ⁴⁾; очень много статей относятся къ судебнымъ пошлинамъ ⁵⁾ и къ уголовнымъ карамъ, особенно по адресу судей за неправосудіе ⁶⁾.

Съ подобнаго же рода содержаніемъ встрѣчаемъ мы и статьи въ Псковской судной грамотѣ, которая къ тому же, подобно Судебникамъ, содержитъ много статей, внушающихъ судьямъ судить право, по крестному цѣлованію, безъ посуловъ ⁷⁾, трактующихъ, какъ и въ Судебникахъ, о судебныхъ пошлинахъ ⁸⁾, о вызовѣ въ судъ ⁹⁾. И многія изъ этихъ неизвѣстнаго намъ происхожденія статей Судебники могли заимствовать изъ тѣхъ же судебныхъ грамотъ, которыя, какъ мы видѣли, реципировали много статей изъ псковскихъ источниковъ и въ которыхъ могли находиться и другія статьи, переработанныя изъ тѣхъ же источниковъ (и изъ другихъ источниковъ), близкія по формѣ и по содержанію къ разсматриваемымъ нами нормамъ Судебниковъ.

¹⁾ Суд. П, 47, 63—64, 66, 71, 100, Суд. I, 31, 41, 43).

²⁾ Особенно нормы, касающіяся судебныхъ сроковъ, вызова въ судъ и предьявленія исковъ: Суд. П, 21, 24, 41, 42, 48, 49—50, 53—54, 75; Суд. I, 32, 36, 37, 35, 45; также Суд. П, 14, 22, 23, 24, 55, 58, 60, 69, 79, 89; Суд. I, 34, 12, 39.

³⁾ Суд. П, 67, 76—78, 80—81, 85, 94—96; Суд. I, 16, 18.

⁴⁾ Суд. П, 92, Суд. I, 56.

⁵⁾ Суд. П, 33—41, 42, 44, 51, 65—66, 74; Суд. I, 15, 16, 17, 21—26, 28, 64, 20, 40, 65.

⁶⁾ Суд. П, 1, 2, 3, 4, 5, 6, 7, 58, 60; Суд. I, 1, 19, 2.

⁷⁾ Псков., 3, 4, 5.

⁸⁾ Псков. гр., 49, 50, 64, 81, 93.

⁹⁾ Псков. гр., 25, 26, 35, 65—67, 81—83, 98.

Жур. Мин. Юст. Декабрь 1899.

Всѣ предшествующія разсужденія приводятъ насъ къ тому, что Судебники заимствовали главный свой юридическій фондъ изъ судебныхъ грамотъ и лишь слегка осложнились статьями, взятыми изъ уставныхъ. Судебники—это судебныя грамоты, осложненныя уставными, и въ нихъ наблюдается сильная рецепція изъ сферы псковскихъ источниковъ.

Къ этимъ же судебнымъ грамотамъ примыкають и извѣстные намъ судныя грамоты, финансово-судебнаго содержанія. Одну часть своего содержанія онѣ заимствовали изъ уставныхъ и земскихъ грамотъ (о чемъ выше). Другая же часть заимствована изъ предположенныхъ нами судебныхъ грамотъ, именно статьи о запрещеніи должникамъ служить за ростъ, о поклажѣ, объ изгородяхъ, о крестьянскомъ отказѣ и пожиломъ, о платѣ за безчестье и увѣчье, о приводѣ съ личнымъ, о наказаніи за разныя тяжкія преступленія, о нѣкоторыхъ возраженіяхъ отвѣтчиковъ, о стеченіи нѣсколькихъ лицъ на отвѣтной сторонѣ, о средствахъ суда, о послушствѣ, о боѣ и грабежѣ. Изъ судебныхъ грамотъ взяты почти всѣ нормы процессуально- и матеріально-правоваго характера дошедшихъ до насъ судныхъ грамотъ. И въ судныхъ грамотахъ замѣтно усвоеніе нормъ псковскихъ источниковъ: въ статьяхъ о послушствѣ, о поклажѣ, можетъ быть о боѣ и грабежѣ. Дошедшія до насъ судныя грамоты есть продуктъ уставныхъ, земскихъ и судебныхъ грамотъ.

Возвратимся къ Русской Правдѣ. Изъ вышепоказаннаго сравненія между содержаніемъ Русской Правды, съ одной стороны, и уставныхъ,—выяснилось, что тутъ имѣло мѣсто заимствованіе; вопросъ въ томъ, списаны ли уставныя грамоты съ Русской Правды, или одна изъ нихъ была ея источникомъ. Мы принимаемъ послѣднее, на нижеслѣдующихъ основаніяхъ. Прежде всего противъ заимствованія нормъ изъ Русской Правды въ уставныя говоритъ то, что послѣднія воспроизводятъ только извѣстные и скоро потомъ сдѣлавшіеся архаическими институты, встрѣчающіеся въ Русской Правдѣ, какъ напр. виру, сводъ и др., и совершенно обходятъ институты обязательственного права, куплю-продажу,

поклажу, заемъ, юридическія отношенія, проистекающія изъ несвободнаго состоянія (Карамзинскій сп., 44—48, 66—69, 70—73, 75),—институты, которымъ принадлежало будущее и которые такъ развиты въ послѣдующихъ кодификаціяхъ, въ Псковской грамотѣ и Судебникахъ. Если бы усвоеніе нормъ шло отъ Русской Правды къ уставнымъ, то составители послѣднихъ, думается намъ, поступили бы иначе. Наоборотъ, за то, что уставная грамота могла послужить источникомъ для Русской Правды, говорить аналогія отъ исторіи всего русскаго законодательства. Такъ, кодификація, извѣстная подъ именемъ Псковской грамоты, свидѣтельствуетъ сама о себѣ, что она „выписана изъ великаго князя Александровы грамоты і изъ князь Костянтиновы грамоты“. Судебники, какъ мы видѣли, составились изъ судебной и уставной грамоты. Мы знаемъ, какая масса указаго матеріала вошла въ Уложение и еще болѣе въ современный намъ Сводъ законовъ. Указы и грамоты, уставныя или судныя, — только разныя названія одного и того же административнаго акта, исходящаго отъ носителей Верховной Власти. Итакъ вездѣ грамота, указъ ложится въ основаніе кодификаціи. Отдѣльные виды грамотъ являются, какъ мы видѣли, конгломератами другихъ видовъ грамотъ, какъ напр. дошедшія до насъ судныя. Вся эта аналогія отъ послѣдующаго, Rückschluss, какъ называютъ её нѣмцы, уже вмѣстѣ съ другими соображеніями даетъ сильное вѣроятіе за то, что не Русская Правда была источникомъ уставной, а наоборотъ. Но пока все это доводы въ пользу сильнаго вѣроятія нашего мнѣнія. Но вотъ и прямыя свидѣтельства, совершенно удостовѣряющія наше положеніе, прямыя свидѣтельства лѣтописи и другихъ памятниковъ.

Вотъ, чтó говорятъ лѣтописи. Новгородская I-я, подъ 1016 г.: „Ярославъ иде къ Кыеву, сѣде на столѣ отца своего Володимера, нача вои свои дѣлити: старостамъ по 10 гривень всѣмъ, и отпусти ихъ всѣхъ домовъ, и давъ имъ правду и уставъ списавъ; глаголавъ тако: *по сей грамотъ ходите, якоже писахъ вамъ, такоже держите*“. За симъ слѣдуетъ непосредственно оглавленіе „Правда Роськая“ и текстъ Рус-

ской Правды ¹⁾. Нѣсколько иначе говорятъ объ этомъ другія лѣтописи. Въ лѣтописи Синодальной говорится: „и сѣдя Ярославъ въ Кіевѣ на великомъ княженіи, на столѣ отца своего, а Новгородцевъ отдаривъ, отпусти ихъ, дасть имъ судебную грамоту, по чему имъ ходить“; въ лѣтописи Псковской, по списку XV в.: „въ лѣто 6567 престависъ князь Ярославъ, ижъ и Правду устави“; въ Никоновской лѣт.: „и давъ Правду имъ (Новгородцамъ) и уставъ списавъ, глаголюще: по сей грамотѣ ходите“ ²⁾. Списки, помѣщенные въ Кормчихъ Кирилловой фамиліи и сборникахъ юридическаго содержанія, извѣстныхъ подъ именемъ „Мѣрила Праведнаго“, имѣютъ такое заглавіе: „Судъ Ярославль Володимерича Правда Русьская“ ³⁾. Итакъ до автора лѣтописнаго свидѣтельства дошло извѣстіе, что Ярославъ далъ Новгородцамъ въ награду за ихъ услуги грамоту, и эта грамота и есть Русская Правда. Грамота эта въ лѣтописяхъ называется уставомъ, правдой, судебной грамотой. Такое же преданіе дошло и до составителей кормчихъ и юридическихъ памятниковъ, содержащихъ текстъ Правды. Эти извѣстія лѣтописей и преданія юридическихъ памятниковъ сходятся съ выводомъ, сдѣланнымъ нами изъ сравненія Русской Правды съ уставными, и гармонируютъ съ нимъ. Отсюда явствуется, что уставная грамота, слѣды которой мы нашли въ Правдѣ, есть именно та, которую далъ Новгородцамъ Ярославъ въ первой четверти XI вѣка. Но это еще болѣе подтверждается наблюденіемъ надъ Русской Правдой и лѣтописнымъ извѣстіемъ. Прежде, чѣмъ изложить ихъ, мы сдѣлаемъ возраженія противъ мнѣній, стремящихся разорвать связь между вышеуказанными лѣтописными извѣстіями и происхожденіемъ Русской Правды, установить легендарность этихъ извѣстій. Одно возраженіе, заключающееся въ томъ, что Русская Правда въ томъ видѣ, какъ мы ее имѣемъ, не могла быть дана Ярославомъ, въ виду того, что она имѣетъ характеръ частнаго сборника, содержащаго въ себѣ постановленія, принадлежащія

¹⁾ То же свидѣтельство въ Софійскомъ временникѣ подъ 1019 г.; К а л а ч о в ъ — Предварит. юрид. свѣд., стр. 89, 109.

²⁾ К а л а ч о в ъ, *ibidem*, стр. 80, прим. 2.

³⁾ *Ibidem*, стр. 93.

другимъ князьямъ и относящимся часто къ болѣе позднему времени, насъ не касается, ибо мы доказываемъ принадлежность не Русской Правды въ цѣломъ Ярославу, а принадлежность ему той уставной грамоты, которая вошла въ Русскую Правду. Другое возраженіе состоитъ въ томъ, что если Ярославъ и далъ грамоты Новгородцамъ, то эти грамоты должны были имѣть характеръ льготъ, вольностей новгородскихъ, судя по тому, какъ Новгородцы ссылались на означенныя грамоты. Но, спросимъ мы, развѣ лѣтопись говоритъ хоть слово о томъ, что грамота, которую далъ Ярославъ, была „льготная“?—Нисколько этого не говоритъ. Наоборотъ, она называетъ эту грамоту уставомъ, правдой, даже судебной грамотой, но не льготной. Правда, по смыслу лѣтописнаго извѣстія, грамота эта явилась подаркомъ для Новгородцевъ, имѣла цѣлью отдарить ихъ за услуги. Но развѣ фиксированіе кормовъ для княжескихъ чиновниковъ, фиксированіе права не есть подарокъ, благодѣяніе для страны, какимъ, напримѣръ, считалось въ Римѣ дарованіе 12 таблицъ? Развѣ грамоты, устанавливающія финансовыя и судебныя нормы, какъ мы видѣли, не имѣли характера пожалованія со стороны князя странѣ. Земскія, судныя, жалованныя, уставныя? Съ такимъ же характеромъ пожалованія явилась на свѣтъ и та грамота, которая была дана Новгородцамъ за ихъ услуги. Могли быть и другія льготныя грамоты, данныя Новгородцамъ, на которыя они потомъ ссылались въ сношеніяхъ съ князьями, но это нисколько не мѣшаетъ существованію той грамоты, о которой говоритъ лѣтопись и которую она относитъ къ Русской Правдѣ ¹⁾. Но, вѣдь—можно сказать—лѣтопись относитъ грамоту Ярослава не къ какому-либо источнику Русской Правды, а къ самой Русской Правдѣ, которая уже никакъ не могла быть дана Новгородцамъ,—не подрываетъ ли это обстоятельство значенія лѣтописнаго сказанія? Нисколько.

Въ извѣстіи, дошедшемъ до автора лѣтописнаго сообщенія, конечно, уже утратилось ясное представленіе объ отношеніи гра-

¹⁾ См. объ этомъ Б ѣ л я е в ѣ—Лекціи по истор. русск. законодат., стр. 223—224, 147—148.

моты Ярослава къ Русской Правдѣ: грамота Ярослава стала цѣлой Русской Правдой, часть превратилась въ цѣлое. Но эта неясность въ одной части извѣстія не опорочиваетъ еще его другихъ ясныхъ частей, и надобны вѣскія внутреннія данныя, чтобы опровергнуть прямое свидѣтельство источниковъ, въ добавокъ не принадлежащихъ къ одному порядку, какъ-то: лѣтописей, кормчихъ и „мѣрилъ праведныхъ“.

Въ исторіи права можно указать рядъ примѣровъ, гдѣ юридическій агрегатъ называется именемъ одной изъ своихъ частей, послужившей основаніемъ цѣлому или сыгравшей извѣстную роль въ его образованіи. Такъ, названіемъ Номоканонъ, первоначально, въ Греціи, относившимся къ греко-римскому законодательству свѣтскому и церковному, стали у насъ обозначаться сборники, въ основѣ, правда, содержавшіе греко-римское законодательство, но вмѣстѣ съ тѣмъ заключавшіе въ себѣ источники туземнаго, русскаго происхожденія, напр. ту же Русскую Правду, церковные уставы русскихъ князей. Съ другой стороны, развѣ мы не имѣемъ „Сводный Судебникъ“, „учиненный“ — какъ сказано въ заглавіи — „по указу его величества Государя Царя Иоанна Васильевича“ (изд. 1774 г.), въ которомъ дополнительные указы соединены со статьями Судебника, къ которымъ они относятся по содержанию, — и систематизированный такимъ образомъ матеріалъ раздѣленъ на 23 грани или отдѣла ¹⁾). Развѣ изъ этого изданія, гдѣ, очевидно, смѣшана часть съ цѣлымъ, можно было бы сомнѣваться въ принадлежности основной части этого изданія Ивану IV? Развѣ, наконецъ, Судебные Уставы Императора Александра II не содержатъ въ себѣ нормы, явившіяся въ послѣдующее царствованіе? И такихъ примѣровъ множество.

Но, помимо прямыхъ свидѣтельствъ лѣтописей и другихъ источниковъ, въ пользу нашего мнѣнія есть еще нѣсколько данныхъ, неминуемо склоняющихъ къ убѣжденію, что уставная грамота, слѣды коей мы указали въ Русской Правдѣ, есть та самая грамота, которую Ярославъ далъ Новгородцамъ. Прежде всего изъ сказанія лѣтописи видно, что Ярославъ далъ

¹⁾ Загоскинъ, Исторія права Москов. государ., томъ I, стр. 69.

именно уставную грамоту. Во-1-хъ, потому, что она въ лѣтописи названа уставомъ— „*уставъ списавъ*“, во-2-хъ, потому, что, давая эту грамоту, Ярославъ сказалъ: „*по сей грамотѣ ходите, якоже писахъ вамъ, такоже держите*“¹⁾. А это какъ разъ та самая формула, которая встрѣчается во всѣхъ уставныхъ грамотахъ и помѣщена въ началѣ ихъ: „*и мои намѣстники ходятъ по сей по моей грамотѣ Великаго Князя*“²⁾. Стало быть, уже въ извѣстїи, дошедшемъ до лѣтописи, сохранилось воспоминаніе, что это была уставная грамота. Но, что окончательно удостовѣряетъ наше мнѣніе,—это, что сама Русская Правда связываетъ тѣ мѣста, которыя, какъ мы показали, проистекаютъ изъ уставной грамоты, съ именемъ Ярослава или же прямо называетъ ихъ Ярославовыми законами. Такъ, мы показали, что нормы, опредѣляющія сборы въ пользу отроковъ и вирниковъ, перешли въ Русскую Правду изъ уставной грамоты, и Русская Правда прямо называетъ ихъ законами Ярослава: *то ти урокъ Ярославъ*³⁾; „*се бо законы вирнии были при великомъ князи Ярославѣ*“⁴⁾. Мы показали, что нормы, регулирующія уплату виры, перешли въ Правду изъ уставной грамоты—и Русская Правда прямо связываетъ нормы, стоящія въ тѣснѣйшей связи съ постановленіями о вирѣ, и, вѣроятно, и послѣднія съ именемъ Ярослава: „*по Ярославѣ же паки совѣкупившесе сынове его... и отложиша оубіеніе за голову, но коунами ся выкупати, а иное все (дальше слѣдуютъ постановленія о вирѣ, перешедшія въ Правду изъ уставной) якоже Ярославъ судилъ*“⁵⁾.

Въ Русскую Правду, наконецъ, перешла изъ уставной норма объ убіеніи раба—и Русская Правда связываетъ эту норму съ именемъ Ярослава: „*и Великий Князь то Ярославъ Володимеричъ былъ уставилъ оубити*“⁶⁾. Нельзя не приве-

1) Loci citati.

2) Двинская грам., также и въ другихъ. Загоскинъ, Устави. грам., III, 1—13, 15.

3) Акад. сп., 42.

4) Карамзинскій сп., 7.

5) Карамзинскій сп., 2.

6) Т. е. холопа, Карамзинскій сп., 76; ср. Акад., 16.

сти въ доказательство нашего мнѣнія и то обстоятельство, на которое уже указывали изслѣдователи Русской Правды (еще Погодинъ и другіе), именно, что нѣкоторые термины ея показываютъ, что она спеціально имѣетъ отношеніе къ Новгороду. Мы прибавимъ отъ себя, что статьи, въ коихъ встрѣчаются эти термины, стоятъ въ тѣснѣйшей связи съ мѣстами, перешедшими въ Правду изъ уставной грамоты. Такъ, въ 1-й статьѣ Правды, по Акад. и Карамзинскому спискамъ, заключающей въ себѣ нормы, состоящія въ тѣснѣйшей связи съ бывшими въ уставной постановленіями объ уплатѣ виры, и приписываемыя самой Правдой Ярославу ¹⁾, попадаетея терминъ „словенинъ“ (аще изъгой боудеть, любо словенинъ).

Мы знаемъ изъ лѣтописи, что славянами собственно назывались новгородскіе славяне, жившіе по р. Волхову и у озера Ильменя. Въ нормахъ о сводѣ, которые также уже были въ уставной грамотѣ, послужившей источникомъ для Правды, встрѣчается названіе „колябгъ“ ²⁾, названіе, также указывающее на новгородскую область ³⁾. Наконецъ, уставъ о мостовыхъ, находящійся въ Русской Правдѣ ⁴⁾, за первоначальную принадлежность коего къ уставной грамотѣ Ярослава говорятъ внутреннія основанія ⁵⁾, прямо указываетъ на Новгородскую топографію.

Кажется, мы привели достаточно данныхъ для того, чтобы считать доказаннымъ наше положеніе, состоящее въ томъ, что уставная грамота, слѣды коей мы находимъ въ Русской Правдѣ, есть та самая грамота, которую Ярославъ далъ Новгородцамъ въ первой четверти XI вѣка. Но что же заключалось въ этой уставной грамотѣ, что потомъ перешло въ Правду? Здѣсь, въ силу вышеизложеннаго, были нормы Русской Правды,

¹⁾ Карамзинскій сп., 2.

²⁾ „Аще ли челядинъ съкрыется любо у варяга, любо у колябга“: Акад., 10, и въ другихъ мѣстахъ *ibid.*, ст. 9.

³⁾ Ср. Изслѣдованіе о Русской Правдѣ Мрочекъ-Дроздовскаго вып. II, ст. 176—178, подъ словомъ *колябгъ, колябгъ*.

⁴⁾ Карамз. сп., 134.

⁵⁾ Онъ содержитъ постановленія въ пользу осмениковъ, завѣдывавшихъ мостовою; ср. Мрочекъ-Дроздовскаго, изслѣдов. о Русск. Пр., стр. 219—220, подъ словомъ *осменикъ*.

тракующія объ убійствѣ, о взиманіи виры и объ отвѣтственности за нее и изложенныя въ статьѣ 3 и 2-й половинѣ 15 ст. Карамзинскаго списка, въ 18 и 19 статьяхъ Академическаго списка, нормы, упорядочивающія поборы въ пользу отроковъ, вирниковъ и другихъ княжескихъ чиновниковъ ¹⁾, нормы, относящіяся къ наказанію за побой ²⁾, къ убіенію раба ³⁾ къ нарушенію межъ ⁴⁾, къ порчѣ деревьевъ съ пчелами и безъ пчелъ ⁵⁾, наконецъ, статьи о сводѣ. Но какія нормы, относящіяся къ статьямъ Правды о сводѣ, были уже въ уставной грамотѣ, сказать трудно; можетъ быть, изложенныя въ статьѣ 10 Акад. сп., гдѣ упоминается колбягъ ⁶⁾, а также въ ст. 12 Акад. Последнюю норму мы указали потому, что первыя слова ея почти буквально встрѣчаются въ земскихъ грамотахъ и легко могли попасть изъ уставныхъ, такъ какъ земская грамота (о чемъ выше) развила изъ уставной;—въ Правдѣ это мѣсто гласитъ: „оже кто познаеть своего, что будетъ погубиль, или оукрадено что оу него, или конь или портъ или скотина“ ⁷⁾, въ земскихъ грамотахъ соотвѣтствующее мѣсто гласитъ (сходныя слова здѣсь и тамъ курсивомъ): „кто у нихъ . . . у проѣзжаго челоувѣка познаютъ что личное свое, лошадь или платно, или иное что ни буди“ ⁸⁾. Въ уставной грамотѣ, вѣроятно, уже былъ уставъ о мостовыхъ, судя по его характеру и ссылкамъ на Новгородскую топографію ⁹⁾, а также нормы о гоненіи слѣда, изложенныя въ ст. 80 и 88 Карамз. сп., дословно почти встрѣчающіяся въ нѣкоторыхъ жалованныхъ грамотахъ, въ коихъ говорится: „а у кого учинится какова гибель и кто пригонитъ какой слѣдъ на монастырскіе земли, къ кому на чью землю, и государь тое земли обрѣзъ у него

¹⁾ Акад., 42, 43, Карамзинскій, 7, 8, 108, 109.

²⁾ Акад., 2, 28, Карамзинскій сп., 24.

³⁾ Акад., 16, Карамзинскій сп., 76.

⁴⁾ Акад., 33, Карамзинскій сп., 83.

⁵⁾ Карамзинскій сп., 86 и 87.

⁶⁾ Карамзинскій сп., 27, 30.

⁷⁾ Карамзин., 30, Акад., 10.

⁸⁾ Шумаковъ, Губныя и земскія грамоты, стр. 186, Б, В.

⁹⁾ Карамзин., 134, о чемъ выше.

возьметъ да слѣдомъ ведетъ; а не сведетъ слѣду съ своею землю и гибелщизнѣ у него обыщеть дворъ и поймаетъ, а не выметъ поличнаго, ино у него гибель пропала, а тому государю гибели не платитъ, у кого ся слѣдъ утерятъ; а кого позовутъ на слѣдъ, и онъ въ слѣдъ не пойдетъ или обрѣза не возьметъ, и тому та гибель платитъ ¹⁾. Русская Правда говоритъ (сходныя мѣста напечатаны курсивомъ здѣсь и тамъ): „не будетъ ли татя, то по слѣду женуть; оже будетъ слѣдъ къ селу или къ товару, а не отсочать отъ себя слѣду и ни идутъ на слѣдъ, или отбьются, то тѣмъ платити и татѣба и продажа, а слѣдъ гонить съ чужими людьми и съ послоухы; а еже погубятъ слѣдъ на гостиници на велицѣ, а села не будетъ или на поустѣ, гдѣ же не будетъ ни села ни люди, то не платити ни продажи ни татѣбы“ ²⁾. Слова эти мы легко можемъ предположить въ уставной грамотѣ Ярослава въ виду того, что уставная грамота есть только развитіе типа жалованныхъ (о чемъ выше), а слова эти какъ разъ находятся въ послѣднихъ. Въ уставной же грамотѣ были и постановленія Правды объ убійствѣ, стоящія въ такой связи съ постановленіями объ отвѣтственности за виру и приписываемыя Русской Правдой Ярославу, именно нормы, изложенныя въ ст. 1 Академическаго и Карамзинскаго списковъ. Такимъ образомъ, въ этой уставной грамотѣ были нормы, соотвѣтствующія статьямъ Правды, по Карамзинскому списку: 1, 3, 7, 8, 15 (вторая половина), 24, 27, 30, 76, 80, 83, 85, 86, 87, 88, 108, 109, 134, по Академическому списку: 1, 2, 10, 11, 16, 18, 19, 28, 33, 41 и 42. Конечно, мы можемъ говорить только о содержаніи уставной грамоты Ярослава; какова же была редакція указанныхъ нами нормъ, мы не знаемъ, какъ и не знаемъ, какія тамъ еще были нормы. Грамота эта, конечно, содержала въ себѣ, какъ и всѣ другія уставныя грамоты, двѣ вступительныя статьи (съ указаціями на лицо, выдавшее грамоту и на мотивы выдачи ея), заключительную о мѣстѣ и времени выдачи, а также статью

¹⁾ Горбуновъ, Архивъ, VI, 73—74.

²⁾ Карамзин. сп., 88, ср. ст. 80.

о хожденіи по грамотѣ: *ходятъ по сей по нашей грамотѣ* ¹⁾, о коей сохранилось воспоминаніе въ лѣтописномъ извѣстіи (о чемъ выше). Эта-то уставная грамота, вошедшая въ Русскую Правду, и была предшественницей и моделью уставныхъ грамотъ, до насъ дошедшихъ. Можетъ быть нѣкоторые будутъ недоумѣвать, что мы относимъ существованіе уставныхъ грамотъ къ такому раннему времени. Но Русская Правда сама упоминаетъ о княжескихъ уставахъ ²⁾. Еще про Ольгу говоритъ лѣтопись, что она „иде . . . по Деревьстѣй земли съ сыномъ своимъ и дружиною, уставляючи уставы и уроки“ ³⁾. Въ Новгородѣ долго остается память объ уставахъ старыхъ князей, что видно изъ сообщенія новгородскихъ лѣтописей о Всеволодѣ Юрьевичѣ: и вда имъ (Новгородцамъ) волю всю и *уставы старыхъ князь*, его же хотѣху Новгородцы ⁴⁾.

Двинская судная грамота, ближайшая по времени къ уставной грамотѣ Ярослава, сохранила, естественно, наибольшее количество статей, перешедшихъ изъ уставной грамоты въ Русскую Правду, и сохранила приблизительно въ томъ порядкѣ, въ какомъ эти статьи расположены были въ Ярославовой грамотѣ и въ Правдѣ, именно статьи объ уплатѣ за виру, о синихъ и кровавыхъ ранахъ, о переораніи межъ, о сводѣ, объ убіеніи раба ⁵⁾, но уже статьи, фиксирующія кормы въ пользу вирниковъ, отроковъ и другихъ княжескихъ чиновниковъ, тутъ отсутствуютъ, какъ и другія статьи, бывшія въ Ярославовой грамотѣ. Въ позднѣйшихъ уставныхъ грамотахъ статьи объ убіеніи раба и о синихъ и о кровавыхъ ранахъ исчезаютъ, и остаются статьи объ уплатѣ виры, о сводѣ и о переораніи межъ. Въ еще болѣе позднихъ устав-

¹⁾ Загоскинъ, Уставн., III.

²⁾ Академ., 21: „яко уставилъ Изяславъ въ свосмъ конюсѣ“; Барамз. спис., 66: „и уставили и до третиаго рѣзу“.

³⁾ Лаврентьевская лѣт., подъ 946 г.

⁴⁾ Мрочекъ-Дроздовскій, Ислѣдованіе о Русской Правдѣ, стр. 280—281, подъ словомъ „уставъ“; ср. также слова Мстислава Мстиславича объ измѣненіи уставовъ прежнихъ князей, *ibid.*, 33.

⁵⁾ Двинск. грам., ст. 1, 2, 4, 5, 11.

ныхъ грамотахъ исчезаютъ мало по малу и эти статьи, и въ нѣкоторыхъ остается только статья о вирѣ ¹⁾, или только статья о сводѣ ²⁾.

До Судебниковъ изъ всѣхъ этихъ статей доходить изъ Ярославовой грамоты только статья о переораніи межъ ³⁾.

Теперь является вопросъ, къ какому источнику надо отнести тѣ части Русской Правды, которыя не находятъ себѣ объясненія въ Ярославовой уставной грамотѣ. За исключеніемъ нѣкоторыхъ частей, содержащихъ цѣликомъ матеріальное право, Русская Правда представляетъ собою чисто судопроизводственный кодексъ, содержащій въ себѣ, въ силу общаго характера древняго права, *implicite*, и матеріальныя нормы, такой же кодексъ, какъ Псковская грамота и Судебники. Разница, пожалуй, та, что въ ней нѣтъ нормъ, касающихся судопроизводства и судебной компетенціи, каковыхъ нормъ достаточно въ Псковской грамотѣ и Судебникахъ. Вглядываясь же ближе въ нормы Русской Правды, мы находимъ въ ней очень много родственнаго съ таковыми же Псковской грамоты. Псковская грамота знаетъ еще много институтовъ и юридическихъ терминовъ Русской Правды, которые послѣ Псковской грамоты исчезаютъ или совсѣмъ не упоминаются, знаетъ закупней, продажу, роту, головника, головщину. Княжеская продажа еще въ полной силѣ въ Псковской грамотѣ ⁴⁾. Въ Псковской грамотѣ мы находимъ *уроки* за животныхъ, какъ и въ Правдѣ, при чемъ упоминаются тѣ же животныя какъ и въ Правдѣ ⁵⁾. Въ Псковской грамотѣ разсматриваются тождественныя казусы, какъ и въ Правдѣ, при чемъ въ цѣнахъ штрафовъ за-

¹⁾ Въ грамотѣ Борисуглѣбской слободы 1584 г. и Устюжны-Желѣзнопольской 1614 г.

²⁾ Въ грамотѣ села Андреевскаго 1544 г.

³⁾ Суд. I, 62, Суд. II, 87.

⁴⁾ Псковская грамота, I, 52, 96, 97, 111 и др.

⁵⁾ Въ Псковской грамотѣ, въ ст. 112, указано вознагражденіе за барана, овцу, гусака, гусиню, утицу, селезня, куръ и кокошь; ср. Русскую Правду Карамзинъ, 42, 94, Академич. сп., 35, 36; при этомъ повторяются аналогичныя или кратныя цифры: въ Псковской грамотѣ за барана 6 денегъ, за овцу 10 денегъ, въ Русской Правдѣ за теля, за свинью, за овцу по 5 кунъ, за жеребя 6 ногать.

мѣчается параллелизмъ, что уже наводитъ на мысль, что тутъ мы имѣемъ дѣло не съ случаемъ, а съ какимъ-то заимствованіемъ, такъ: 1 статья Псковской грамоты говорить: 1) о кражѣ клѣти подъ замкомъ, 2) саней подъ полостью, 3) воза подъ титягою, 4) ладьи подъ палубой, 5) хлѣба (?) въ ямѣ, 6) скота, 7) сѣна сверху стога,—Русская Правда трактуеть о кражѣ: 1) скота въ хлѣвѣ или въ клѣти, на полѣ ¹⁾, 2) жита въ ямѣ ²⁾, 3) лодьи ³⁾, 4) сѣна, дровъ, воза ⁴⁾, при чемъ воръ за сѣно и за дрова въ Правдѣ платитъ 9 кунъ, въ Псковской грамотѣ за сѣно и за другіе предметы 9 денегъ (loci citati). Это убѣжденіе о какомъ-то заимствованіи укрѣпляется, когда мы видимъ въ Русской Правдѣ и Псковской грамотѣ рядъ одинаковыхъ въ существенныхъ чертахъ нормъ, содержащихъ, кромѣ того, одинаковые обороты рѣчи или прямо тѣ же самыя слова и реченія.

Такъ, Русская Правда и Псковская грамота требуютъ разныхъ формъ при заключеніи договора займа въ зависимости отъ суммы послѣдняго ⁵⁾: *аже кто куны дастъ въ рѣзы*, Псковская грамота ст. 30, *а кто иметь давать серебро въ заимъ* (сходныя мѣста вездѣ курсивомъ). И Русская Правда, и Псковская грамота угрожаютъ безчестящей карой вору и мошеннику (ср. выраженіе *вѣры ему не яти* въ Карамзинскомъ спискѣ ст. 133, въ Псковской грамотѣ ст. 60: *а татю вѣры не нять*), требуютъ одинаковыхъ доказательствъ въ искѣ о вырваніи бороды (Псковская грамота: *а кто у кого бороду вырветъ*; Карамзинскій списокъ, ст. 78: *а хто порветъ бороду*; ср. также Псковская грамота, 53 ст.—*части ему не взять*; Карамзинскій списокъ, ст. 106: *дати ей часть*; въ смыслѣ доли имущества послѣ умершаго). Наконецъ, и въ Русской Правдѣ, и въ Псковской грамотѣ замѣчается скопленіе къ одному мѣсту статей одинаковаго содержанія; напр.,

¹⁾ Карамзинскій сп., 38, 39.

²⁾ Ibidem, ст. 40.

³⁾ Ibidem, ст. 91, Академическій сп., 34.

⁴⁾ Карамзинскій сп., 96, Академическій сп., 39.

⁵⁾ Карамзинскій списокъ, 47, 48.

статей о сводѣ и виндикаціи движимостей ¹⁾). И Русская Правда, и Псковская грамота посвящаютъ рядъ статей нормамъ, трактующимъ о тѣхъ же самыхъ юридическихъ отношеніяхъ или аналогичныхъ, напр. массу статей, касающихся отношеній съ крѣпостнымъ характеромъ ²⁾, отношеній, вытекающихъ изъ торговаго быта, изъ договоровъ займа, купли ³⁾, изъ поклажи ⁴⁾, судебныхныхъ пошлинъ ⁵⁾ и др. предметовъ. При этомъ и Русская Правда, и Псковская грамота обнаруживаютъ тенденцію трактовать сходно тѣ же самыя юридическія факты, напр. въ вопросѣ о наказаніи за тяжелыя формы воровства-кражи, за побѣгъ ⁶⁾, въ искахъ объ оскорбленіи дѣйствіемъ ⁷⁾, въ имущественныхъ отношеніяхъ вдовы ⁸⁾, въ искахъ съ чужеземцами ⁹⁾. Всѣ эти сходства статей и нормъ въ разсматриваемыхъ нами обоихъ памятникахъ, сходства по содержанію, по способамъ выраженія, по отдѣльнымъ терминамъ и по мѣсту своего положенія въ памятникѣ даютъ возможность для предположенія, что оба памятника черпали изъ какихъ-то родственныхъ между собою по содержанію и стоящихъ въ генеалогической связи источниковъ, которые, судя по характеру изслѣдуемыхъ нами статей (именно сходныхъ между собой въ Русской Правдѣ и Псковской грамотѣ), были не чѣмъ инымъ, какъ судебными грамотами, подобными тѣмъ, которыя легли въ основаніе Судебниковъ. За эту гипотезу говорить и аналогія отъ исторіи русскаго законодательства, о

¹⁾ Карамзинскій списокъ, 27, 29, 30, 32—36, Академическій списокъ, 10, 12—16, Псковская грамота, ст. 46—48, 54—56.

²⁾ Въ Русской Правдѣ, Карамзинскій списокъ, ст. 70—73, 75, 77, закупничьи отношенія, въ Псковской грамотѣ, изорничьи, ст. 40—43, 51, 63, 75, 76.

³⁾ Карамзинскій списокъ, 47, 48, 66—69, Псковская грамота, 28—33, 36, 39, 45, 73, 74, 84—87, 92—93, 101—103, 107.

⁴⁾ Карамзинскій списокъ, 46, Псковская грамота, 16—19.

⁵⁾ Карамзинскій списокъ, 118, Академическій списокъ, 41 и др., Псковская грамота, 12, 50, 82.

⁶⁾ Псковская грамота, 7, Карамзинскій списокъ, 37, 47, Академическій списокъ, 20, 38.

⁷⁾ Псковская грамота, 27, Карамзинскій списокъ, 24.

⁸⁾ Псковская грамота, 89, Карамзинскій списокъ, 106.

⁹⁾ Псковская грамота, 105, Карамзинскій списокъ, 26, Академическій списокъ, 9.

чемъ уже мы говорили. Этимъ мы не хотимъ сказать, что не могло быть другихъ источниковъ для Русской Правды. Нѣтъ—очевидно нѣкоторые ея отдѣлы, какъ напр. 49—64 Карамзинскаго списка или же статьи, говорящія о юридическихъ отношеніяхъ, вытекающихъ изъ брачнаго союза и союза родителей и дѣтей ¹⁾),—дошли изъ другихъ, неизвѣстныхъ намъ источниковъ; послѣдняя группа статей—оговоримся—тѣмъ любопытна, что она содержитъ въ себѣ матеріальное право, такъ сказать, въ чистомъ химическомъ составѣ ²⁾), не въ процессуальной оболочкѣ, въ какой обыкновенно выступаютъ въ древнемъ правѣ матеріальныя нормы. Но главная часть Русской Правды, содержащая нормы судопроизводственнаго характера и рядъ уголовныхъ и другихъ нормъ въ процессуальной оболочкѣ, представляетъ собою судебную грамоту, въ родѣ вышеописанныхъ или въ родѣ тѣхъ, изъ коихъ сложилась Псковская грамота, и заимствована, вѣроятно, изъ подобной же грамоты, съ которой стоятъ въ генеалогической связи и источники Псковской грамоты или княжескія грамоты, ея составляющія. Въ этотъ основной фондъ Русской Правды вошла и Ярославова уставная грамота, давшая сравнительно незначительное количество нормъ процессуальнаго и уголовного характера, но, тѣмъ не менѣе, нормы, чрезвычайно важныя, какъ напр. нормы о вирѣ, о переораніи межъ.

Въ рукахъ составителей сводовъ, извѣстныхъ подъ названіемъ Русской Правды, была въ рукахъ уставная грамота, данная Ярославомъ, на имя коего они и дѣлаютъ ссылки, экскерпируя ее въ сводѣ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ они использовали и какую-то судебную грамоту, Ярославу не принадлежащую, что видно изъ отсутствія въ соответственныхъ мѣстахъ ссылокъ на имя этого князя. Рядомъ съ этимъ они, повидимому, пользовались и другими источниками. Сводъ уже былъ составленъ по смерти Ярослава, какъ это видно изъ многихъ указаній въ самой Правдѣ ³⁾), и составленъ,

¹⁾ Карамз. сп., 106—107, 110—116.

²⁾ Это, однако, встрѣчается, хотя и рѣдко, и въ другихъ памятникахъ, напр. въ Судебникѣ II, 92.

³⁾ Карамз. сп., 2, 7; Академ. сп., 42 и др.

вѣроятно, подъ офіціальными внушеніями, что можно заключить изъ того, что большая часть списковъ Русской Правды находится въ юридическихъ памятникахъ, имѣвшихъ практическое значеніе въ древней Руси (Кормчихъ), такъ что, можно сказать, сводъ этотъ былъ офіціознаго характера. Судя по коренному различію двухъ редакцій Русской Правды, состоящему въ томъ, что краткая редакція отличается неполнотой статей, архаичностью нормъ и языка, тогда какъ пространная является избыточной сравнительно съ первой статьями, носитъ черты двинушагося впередъ права, написана языкомъ болѣе поздняго времени и при этомъ обнаруживаетъ обобщающія тенденціи, судя, сверхъ того, по расположенію статей въ краткой Правдѣ, рѣзко отличающемуся отъ расположенія ихъ въ пространной ¹⁾,— слѣдуетъ говорить не объ одномъ сводѣ Русской Правды, а о двухъ, принадлежавшихъ по характеру языка и нормъ двумъ различнымъ эпохамъ. Обѣ Правды покоятся на одномъ фонѣ,—на судебной грамотѣ, осложненной содержаніемъ уставной Ярослава; пространная Правда, кромѣ того, много статей взяла изъ какихъ-то другихъ, неизвѣстныхъ намъ источниковъ. Краткій сводъ составленъ не ранѣе начала правленія князей, въ немъ упоминаемыхъ, пространный—не ранѣе княженія Владиміра Мономаха. Своды Русской Правды, какъ попытка общерусскаго собранія законовъ, являются предшественниками Судебниковъ. Въ исторіи составленія Судебниковъ и Русской Правды и въ характерѣ этихъ памятниковъ есть чрезвычайно много сходнаго. Оба памятника имѣютъ по двѣ редакціи: краткую (Академическій списокъ, Судебникъ Іоанна III), пространную (Карамзинскій списокъ и Судебникъ Царскій),—каковыя обѣ редакціи принадлежатъ разнымъ временамъ. Оба памятника имѣютъ въ основаніи своемъ судебную грамоту, осложненную заимствованіями изъ уставной, первый изъ уставной Ярослава, второй изъ позднѣйшихъ уставныхъ. Обѣ редакціи того и другого памятника различаются между собою тѣми же чертами, которыя сводятся къ полнотѣ или

¹⁾ Владимірскій-Будановъ, Обзоръ истор. русск пр., стр. 91—94.

неполнотѣ статей, къ относительной древности нормъ и стилия, къ тому или другому расположенію статей. Разница та, что Судебники есть кодификація, сводъ нормъ съ оффиціальнымъ характеромъ, Русская же Правда есть *частный* сводъ дѣйствующихъ нормъ, хотя и съ *оффиціознымъ* характеромъ.

III. Рецепція новгородскаго права.

Въ нашей работѣ намъ пришлось уже нѣсколько разъ коснуться вопроса о заимствованіи нашими древними законодательствами нормъ Ярославовой грамоты и псковскаго права. Вопросъ о правовой рецепціи обстоятельно обслѣдованъ въ исторіи нашего права относительно византійскаго и литовскаго права (относительно послѣдняго трудами Леонтовича и Владимірскаго-Буданова). Нельзя того же сказать о той великой волнѣ права, которая у насъ шла съ сѣвера на югъ, о рецепціи внутренняго, мѣстнаго характера, въ противоположность внѣшнимъ, чужеземнымъ рецепціямъ. Исслѣдователи касаются лишь вскользь псковской рецепціи, говорятъ о ней, какъ о чемъ-то случайномъ, преходящемъ. Между тѣмъ мы имѣемъ передъ собою капитальное явленіе, на которое постараемся сдѣлать нѣсколько краткихъ указаній.

Уже въ самой Русской Правдѣ мы находимъ указаніе на такое распространеніе сѣвернаго права въ глубь Россіи. На одномъ или на двухъ сѣздахъ сыновья Ярослава: Изяславъ, Всеволодъ и Святославъ съ своими мужами, изъ коихъ нѣкоторые были кіявляне ¹⁾, реформировали въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ постановленія Ярослава объ убійствѣ, „а иное все якоже Ярославъ оставилъ“ ²⁾. Это „иное все“ должно уже было относиться во всякомъ случаѣ къ нормамъ о вирѣ, стоящимъ въ такой неразрывной связи съ нормами объ убійствѣ, къ нормамъ, перешедшимъ изъ Ярославовой уставной грамоты. Это значитъ, что постановленія Ярославовой уставной грамоты о вирѣ реципируются въ отдаленныхъ, зани-

¹⁾ Ср. Мрочекъ-Дроздовскій—Изслѣд. о Русск. Пр., вып. 2, подъ словами: Коснячко, Чюдинъ, Никифоръ Кіянинъ, стр. 189, 286, 212.

²⁾ Карамзинскій сл., 2.

мавшихъ большую часть тогдашней Руси владѣніяхъ этихъ князей, идущихъ въ глубь южной Россіи (Черниговъ, Кіевъ).

Такъ какъ Ярославова уставная грамота была написана для новгородцевъ и имѣла въ виду удовлетворить мѣстнымъ потребностямъ въ правѣ, то мы въ этомъ усвоеніи ея нормъ средней и южной Россіей имѣемъ предъ собою *новгородскую* рецепцію, относящуюся къ XI вѣку. Но постановленія Ярославовой Правды реципировались и не однимъ только этимъ путемъ, путемъ междукняжескихъ сѣздовъ, — они реципировались и путемъ уставныхъ грамотъ, стоящихъ между собою и, слѣдовательно, съ Ярославовой грамотой, также уставнаго характера, въ такой тѣсной, филиальной связи (о чемъ выше).

Черезъ эти уставныя грамоты, какъ мы увидимъ, и заимствовались въ средней Руси постановленія Ярославовой грамоты о вирѣ, сводѣ, о переораніи межъ (говоря о наиболѣе существенныхъ нормахъ), а одна изъ этихъ нормъ — о переораніи межъ — сдѣлалась общерусскою нормой, перейдя въ Судебники. Тутъ мы имѣемъ продолженіе этой новгородской рецепціи. Древнѣйшія уставныя грамоты, Двинская (1398 г.) и Бѣлозерская (1488 г.), принадлежатъ областямъ, искони составлявшимъ новгородскія владѣнія, — таковымъ же областямъ была дана и значительная часть позднѣйшихъ уставныхъ грамотъ, Моревская (1530 г.), Онежская (1536 г.), Пермская (1553 г.), Устюжно-Желѣзнопольская (1614 г.) и позднѣйшая Двинская (эпохи Ивана IV) ¹⁾. Всѣ эти грамоты, разнося по разнымъ частямъ Россіи постановленія Ярославовой грамоты, служатъ орудіемъ рецепціи и для другихъ нормъ, также имѣющихъ родственное отношеніе, судя по мѣстностямъ, которымъ были даны эти уставныя грамоты, къ сферѣ Новгородскаго права. Уже въ Двинской (1398 г.) и Бѣлозерской грамотѣ встрѣчается рядъ постановленій, перешедшихъ въ Судебники; таковы постановленія о судебныхъ пошлинахъ, связанныхъ главнымъ образомъ съ окончаніемъ процесса въ

¹⁾ У Загоскѣ ина № 15.

разныхъ его стадіяхъ и съ исполнительными дѣйствіями княжескихъ чиновниковъ (ѣздъ и др.), также нормы объ участіи лучшихъ людей въ процессѣ.—Тутъ мы имѣемъ дѣло съ распространеніемъ нормъ, имѣющихъ корни въ Новгородскомъ правѣ. Въ XVI вѣкѣ мы видимъ рядъ грамотъ, переживающихъ всѣ эти родственныя Новгороду нормы, касающіяся виры, свода, переоранія межъ, участія лучшихъ людей, судебныхъ пошлинъ и другихъ предметовъ, въ среднюю полосу Россіи по Владимірской, Ярославской и Московской губерніямъ (Переяславская уставная грамота 1506, уставная грамота крестьянамъ Артемоновскаго стана 1506, уставная грамота бобровникамъ Каменскаго стана 1509 г., уставная грамота бобровникамъ Ильмехотскаго стана 1537 г., уставная грамота села Андреевскаго 1544 г., уставная грамота Борисоглѣбской слободы 1584 г.). Уставная грамота, по внѣшнему характеру ея изданія, представляется актомъ не законодательнаго характера, а административнаго или указаго, такъ какъ она издана княземъ безъ участія представителей общественныхъ классовъ, земщины, какъ были изданы Судебники и Уложеніе. Таковой же указной характеръ былъ присущъ и уставной Ярославовой грамотѣ, какъ это слѣдуетъ изъ обратнаго заключенія отъ позднѣйшихъ уставныхъ грамотъ. Дѣлаясь частью законодательныхъ памятниковъ, нормы уставныхъ грамотъ перемѣняли свой характеръ, превращаясь изъ указа въ законъ. Такимъ образомъ реципированіе Новгородскихъ нормъ или родственниковъ имъ сопровождалось для многихъ изъ нихъ превращеніемъ въ законныя постановленія. Другая волна рецепціи идетъ изъ сферы Псковскаго права въ эпоху составленія Судебниковъ, въ концѣ XV вѣка и въ первой половинѣ XVI. Выше мы уже перечислили нормы, перешедшія изъ этого источника въ Судебники и въ судныя грамоты. Одна изъ послѣднихъ относится къ Новгородской области (Устюжно-Желѣзнопольская 1614 г.), другія къ Московской и Владимірской губерніямъ, двѣ XVI вѣка (судная грамота царскихъ подельтныхъ сель крестьянамъ 1556 г., судная грамота крестьянамъ Замосковской Вохонской волости 1561 г.) и одна XVII вѣка (уставная грамота посадскимъ

людямъ города Шуи 1606 г. ¹⁾). Изъ сферы Псковскаго права, какъ мы видѣли, перешли въ Судебники статьи о послушествѣ, о наказаніяхъ за тяжелые виды кражи и за поджогъ, объ отношеніяхъ, проистекающихъ изъ найма, объ искахъ между чужеземцами, о святительскихъ судахъ, въ судныя грамоты перешли изъ того же источника нормы о послушествѣ и поклажѣ. Но этотъ Псковскій источникъ родствененъ Новгородскому праву, въ виду географическаго и политическаго отношенія Новгорода къ Пскову, какъ къ пригороду и меньшему брату. Такимъ образомъ мы имѣемъ здѣсь вторую волну рецепціи—Псковскую или Новгородско-Псковскую. Первая волна рецепціи осуществилась посредствомъ уставныхъ грамотъ, начиная съ Ярославовой, вторая—посредствомъ судебныхъ.

Почти всѣ земскія грамоты, и самая ранняя изъ нихъ Важская, принадлежатъ исконнымъ Новгородскимъ областямъ (уставная Важская 1552 г., уставная грамота Устюжскаго уѣзда Усецкихъ и Заецкихъ волостей крестьянамъ 1555 г., уставная Двинская грамота 1556 г. и грамота Устьянскимъ волостямъ 1622 г.). Исключеніе составляетъ одна только грамота Переяславскимъ рыболовамъ 1555 г. (Переяславля-Залѣскаго). Земскія грамоты принесли съ собою цѣлый рядъ важныхъ процессуальныхъ и полицейскихъ правилъ, таковы мѣропріятія противъ лихихъ людей ²⁾, уголовныя нормы судопроизводственнаго и матеріально-правоваго содержанія, касающіяся соучастія, убійства, поклепа и ябедничества, личнаго ³⁾, наконецъ нормы, относящіяся ко взысканіямъ по договору займа ⁴⁾. Нѣкоторыя изъ нормъ земскихъ грамотъ перешли потомъ въ Уложеніе ⁵⁾. И тутъ мы имѣемъ дѣло съ распространеніемъ нормъ, имѣвшихъ основы въ правѣ Новгородскихъ областей. Съ древнимъ же правомъ Новгород-

¹⁾ Шумаковъ, Губныя и земскія грамоты, стр. 100—106.

²⁾ Шумаковъ, земскія, 18, 19.

³⁾ Ibidem, 24, 25, 27, 28.

⁴⁾ Ibidem, 23.

⁵⁾ Шумаковъ, Губныя и земскія грамоты, стр. 228—229.

скихъ областей связываются и начала нашего древняго уголовного процесса, специализировавшагося и выдѣлившагося съ своимъ сыскнымъ и пыточнымъ характеромъ отъ прочихъ видовъ процесса. Двѣ древнѣйшія губныя грамоты принадлежатъ исконнымъ Новгородскимъ областямъ: губная Бѣлоозерская грамота 1539 г., Каргопольская 1539 г; тѣмъ же областямъ даны и большинство позднѣйшихъ губныхъ грамотъ (наказъ губнымъ старостамъ Кириллова монастыря въ 1549 г., губная грамота крестьянамъ Годунова Вещеозерской волости и Чаронской округи, наказъ Бѣлоозерскимъ губнымъ старостамъ 1571 г. и др.). Правила губнаго процесса распространяются губными грамотами по губерніямъ средней Россіи въ XVI вѣкѣ— по Костромской, Тверской, Московской, въ XVII— по Нижегородской (губная грамота Солигалицкая 1540 г. губная грамота, данная селамъ Троице-Сергіева монастыря, въ Тверскомъ, Новоторжскомъ и Старицкомъ уѣздахъ 1541 г., грамота Арзамасскому воеводѣ Степану Ловчикову 1679 г. и др.). Будучи первоначально экстраординарною мѣрой, вызванной частотою наиболѣе угрожающихъ общественной безопасности преступленій, губной процессъ со временемъ становится нормальнымъ уголовнымъ процессомъ. Зародыши его надо искать въ нормахъ о гоненіи слѣда ¹⁾; нормы эти играютъ потомъ большую роль въ губномъ процессѣ ²⁾. Здѣсь губной процессъ соприкасается съ древнѣйшею Новгородскою рецепціей, такъ какъ нормы о гоненіи слѣда, изложенныя въ статьяхъ 80 и 88 пространной Правды ³⁾, были, вѣроятно, уже въ Ярославовой уставной грамотѣ и оттуда перешли въ Русскую Правду (о чемъ выше). Правила губнаго процесса, содержащаго въ себѣ цѣлый рядъ дѣйствій полицейскаго и процессуальнаго характера, и нормы уголовного права, изложенныя въ губныхъ грамотахъ, составили потомъ значительную часть указной книги разбойнаго при-

¹⁾ Русская Правда, Карамзинскій списокъ, 80, 88.

²⁾ Ср. книгу разбойнаго приказа по Христомати по истор. русс. пр. Владимірскаго-Буданова, вып. III, стр. 53—54, статья 25 и 26, Улож. XXI, 59, 60, Шумаковъ, Губныя и земскія грамоты, губныя грамоты отдѣлъ 21.

³⁾ Карамзинскій списокъ.

каза, а затѣмъ и 21 главы Уложения о разбойныхъ и татинныхъ дѣлахъ ¹⁾). Здѣсь также рецепція сопровождалась превращеніемъ нормъ указнаго характера въ законныя (при переходѣ въ Уложение), такъ какъ и губныя грамоты, подобно уставнымъ, были актами административнаго характера, продуктами указной дѣятельности носителей верховной власти. Такимъ образомъ и нашъ древній спеціально-уголовный процессъ и наше древнее уголовное право въ значительной степени связано съ правомъ древнихъ Новгородскихъ областей или проистекаетъ изъ Новгородской рецепціи.

Но тутъ мы сдѣлаемъ двѣ оговорки. Во-первыхъ мы имѣемъ *непосредственную* Новгородско-Псковскую рецепцію, истекающую изъ Ярославовой уставной грамоты и Псковской судной грамоты. Источникомъ ея являются области, когда-то политически единыя, и въ культурномъ отношеніи схожія — Новгородъ и Псковъ. Первая ранняя волна этой рецепціи пришла непосредственно изъ Новгорода, вторая поздняя изъ Пскова. Тутъ мы имѣемъ рецепцію въ собственномъ смыслѣ, заимствованіе нормъ. Мы, конечно, не хотимъ сказать, что рецепція эта была перенесеніемъ юридическихъ предписаній въ ихъ, такъ сказать, субстанции, въ ихъ содержаніи. На это у насъ нѣтъ данныхъ. Конечно, матеріальный субстратъ переносимыхъ нормъ былъ уже въ мѣстахъ, куда они переносились, т. е. сознание необходимости упорядочить такія-то отношенія и въ такомъ-то направленіи. Во всякомъ случаѣ внѣшняя форма, въ которую облекалось это сознаваемое содержаніе права, юридическія понятія, привносилась извнѣ, и извнѣ стало быть усваивались важные элементы и факторы права. Когда же мы говоримъ о рецепціи путемъ уставныхъ (явившихся послѣ Ярославовой уставной), земскихъ и губныхъ грамотъ, тутъ мы имѣемъ передъ собою *посредственную* Новгородскую рецепцію. Грамоты эти исходятъ отъ московскихъ государей. Давая ихъ исконнымъ Новгородскимъ областямъ, законодатель, конечно, имѣлъ въ виду то содержаніе права, которое было сознано въ этихъ областяхъ, удо-

¹⁾ Мѣста эти выписаны у Шумакова—Губн. и зем. грам., стр. 229—242.

влетвореніе правовыхъ потребностей коихъ и было цѣлью изданія этихъ грамотъ. Правда, законодатель имѣлъ и свои цѣли и тенденціи, которыя хотѣлъ осуществить при изданіи этихъ грамотъ. Но за учтеніемъ этого личнаго элемента, относящагося къ законодателю и играющаго ту или другую роль во всякомъ законотворествѣ, остается все-таки содержаніе права, сильно предопредѣленное мѣстными особенностями тѣхъ областей, для коихъ были даны эти грамоты, и носящее ихъ отпечатокъ. Въ такомъ только смыслѣ можно сказать, что право, исходящее изъ этихъ грамотъ, данныхъ для исконныхъ Новгородскихъ областей, и потомъ распространявшееся по средней Руси, имѣетъ родственную связь съ Новгородомъ. Тутъ мы имѣемъ передъ собою *посредственную Новгородскую рецепцію*. Эта гипотеза о *посредственной* рецепціи Новгородскаго права усиливается и подкрѣпляется еще и тѣмъ предположеніемъ, — которое подсказывается невольно вышеописаннымъ процессомъ изданія уставныхъ, губныхъ, земскихъ и другихъ грамотъ, — что Московскіе правители, давая такой учредительный актъ (уставную или другую грамоту), просто копировали раннюю, мѣстную, данную мѣстными правителями своей области грамоту, „переписывали“ послѣднюю на свое „царское имя“¹⁾.

Значительная часть нашего древняго права и процесса идетъ *непосредственно* отъ Новгородско-Псковской рецепціи. Сводъ, вѣра, переораніе межъ, послушество, наказанія за тяжелыя нормы кражи и за поджогъ, нормы, регулирующія иски между чужеземцами, иски о поклажѣ, — отношенія, притекающія изъ договора найма, святительскіе суды, гоненіе слѣда — значить иски о недвижимости, движимости, нѣкоторые уголовные и нѣкоторые по обязательствамъ — все это идетъ отсюда. Новгородско-Псковской рецепціи древнее наше право; стало быть, обязано существенными гарантіями осуществленія права, исками вещными и обязательственными. Кромѣ того стоитъ въ связи съ Новгородскимъ правомъ значительная часть нашихъ древнихъ нормъ, относящихся къ

¹⁾ Уставная грамота Устюжно-Желѣзнопольская 1614 г.

сферѣ уголовного права и процесса, къ судоустройству и къ вопросу о судебныхъ пошлинахъ.

Неудивительно, что исходнымъ пунктомъ для этого массоваго передвиженія нашего древняго права съ сѣвера на югъ, является Новгородъ съ его обширными владѣніями. Какой другой городъ въ древней Руси кипѣлъ такою политической и сословной жизнью, такими широко распространенными торговыми отношеніями, однимъ словомъ обладалъ такими могущественными факторами правотворчества и праворазвитія, какъ Новгородъ? Любопытную аналогію къ изображенному нами процессу Новгородской рецепціи представляетъ собою грандіозная рецепція франкскаго, салическаго и рипуарскаго права, состоявшаяся среди нѣмецкихъ племенъ въ Меровингскую и Каролингскую эпоху, отчасти подъ вліяніемъ централизующихъ стремленій королевской власти, и распространившая такъ далеко особенности франкскаго права. Подъ вліяніемъ этой рецепціи развились многіе средневѣковые институты публичнаго и частнаго характера, напр. вассальныя и бенефициальныя отношенія, сформировались многіе *leges barbarorum*: Аламаннская, Саксонская, Англоверинская Правда ¹⁾.

На всемъ вышесказанномъ объ этомъ внутреннемъ усвоеніи права (въ противоположность внѣшней рецепціи литовской и византійской) мы строимъ слѣдующія положенія:

1) Въ древней Руси наблюдается въ большихъ размѣрахъ передвиженіе правовыхъ нормъ съ сѣвера на югъ. Источникомъ первой, болѣе ранней волны этого передвиженія является Новгородъ (черезъ Ярославову уставную грамоту), начиная съ XI в. Источникомъ второй, позднѣйшей волны съ конца XV в. является Псковъ. Эти волны являются факторами распространенія важныхъ правовыхъ институтовъ по Россіи, пока послѣдніе не фиксируются въ общерусскихъ кодификаціяхъ.

¹⁾ Heusler—Institutionen des deutschen Privatrechts, I, стр. 19—23.—Brunner—Deutsche Rechtsgeschichte, I, стр. 256—259; этому вопросу была посвящ на въ Zeitschrift der Savigny-Stiftung известная статья Зома о франкскомъ и римскомъ правѣ; идея распространенія франкскаго права по тогдашней Германіи развита Зомомъ съ свойственными ему рельефностью и схематизмомъ.

Кромѣ того значительная доля древне-русскаго права, изложенная въ уставныхъ, земскихъ и губныхъ грамотахъ и оттуда перешедшая въ общерусскія кодификаціи, имѣетъ свои основы въ правѣ исконныхъ Новгородскихъ областей.

2) Факторами рецепціи является не *непосредственное* заимствование изъ одной кодификаціи въ другую (напр., изъ Псковской грамоты въ Судебники), а *посредственное*, посредствомъ цѣлаго ряда грамотъ. Всѣ почти виды грамотъ, игравшіе роль въ правообразованіи, впервые, какъ мы видѣли, появляются въ Новгородѣ или въ его исконныхъ владѣніяхъ: уставныя, земскія, губныя, не исключая и тѣхъ двухъ грамотъ, изъ коихъ составилась Псковская грамота. Главнымъ образомъ такими посредниками рецепціи явились уставныя, начиная съ Ярославовой грамоты, судебныя и губныя.

3) Посредствомъ рецепціи мѣстныя нормы, Новгородскія и Псковскія, становились общерусскими.

4) По отношенію къ нормамъ, усвоеннымъ изъ уставныхъ и губныхъ грамотъ, процессъ рецепціи былъ въ то же время процессомъ превращенія ихъ изъ нормъ указнаго характера въ нормы законныя.

ХРОНИКА.

I.

ПО ПОВОДУ ПРИМѢНЕНІЯ СТАТЕЙ 140 и 143 УЛОЖ. НАКАЗ.

I.

Въ одномъ и томъ же судѣ, въ теченіе уже нѣсколькихъ лѣтъ, постановленіе ст. 140 улож. наказ. на практикѣ примѣняется различно, смотря по тому, какого взгляда придерживается въ данномъ случаѣ тотъ или другой составъ судей, и въ результатѣ, на основаніи однихъ и тѣхъ же законовъ, несовершеннолѣтніе подсудимые приговариваются въ одномъ случаѣ къ одному, въ другомъ—къ другому наказанію. Статья 140 улож. наказ., обявывая въ указанныхъ ею случаяхъ смягчать наказаніе несовершеннолѣтнимъ одною, двумя или тремя степенями, предписываетъ, при такомъ смягченіи, переходить отъ наказанія, опредѣленнаго въ 5 степени статьи 31, непосредственно къ установленному во 2 степени статьи 33 улож. наказ. Толкуя этотъ законъ въ томъ смыслѣ, что вообще, при опредѣленіи несовершеннолѣтнему наказанія, никогда не слѣдуетъ и касаться 1 степ. ст. 33 улож., которой для несовершеннолѣтнихъ не существуетъ и которая никогда не должна помѣщаться въ ряду статей, показывающихъ весь процессъ перехода, по разнымъ законнымъ основаніямъ, отъ одного наказанія къ другому,—судъ пропускаетъ 1 степ. ст. 33 улож., при смягченіи несовершеннолѣтнему наказанія, и по другимъ обстоятельствамъ дѣла (статьи уложенія: 114, 115, 118, 119, 121, 124, 134, 135 и друг.). Такъ, напримѣръ, признавъ несовершеннолѣтняго виновнымъ въ кражѣ при оружіи (ст. 1653 улож.) и на-

ходя справедливымъ смягчить ему указанное въ законѣ нормальное наказаніе (4 степ. 31 ст. улож.) двумя степенями, въ виду его крайняго невѣжества (ст. 134 и 135 улож.), а затѣмъ смягчить еще двумя степенями, въ виду его несовершеннолѣтія (ст. 140 улож.), съ опредѣленіемъ ему, въ окончательномъ выводѣ, низшей мѣры наказанія, судъ создаетъ слѣдующую формулу: 1653, 4 степ. 31, 134, 135, 2 степ. 33, 140 и 4 степ. 33 ст. улож. наказ.,—*тюремное заключеніе на два мѣсяца.*

Въ противоположность такому мнѣнію, въ силу котораго для несовершеннолѣтнихъ подсудимыхъ пропусъается 1 степ. ст. 33 улож. наказ. вообще при всякомъ пониженіи наказанія,—другіе находятъ, что при опредѣленіи несовершеннолѣтнему наказанія надлежитъ прежде всего, по общему правилу, назначить ему наказаніе, какъ совершеннолѣтнему, съ принятіемъ во вниманіе всѣхъ увеличивающихъ и уменьшающихъ съ вину обстоятельствъ, а затѣмъ уже смягчить ему наказаніе, въ виду его несовершеннолѣтія, и если окажется необходимымъ примѣнить статью 140 улож., то лишь во время процесса смягченія наказанія по *этой* статьѣ закона переходить отъ 5 степ. ст. 31 непосредственно ко 2 степ. ст. 33 уложенія. На основаніи этого мнѣнія, при условіяхъ опредѣленія несовершеннолѣтнему наказанія, вполнѣ тождественныхъ съ приведенными выше, получаютъ уже другіе результаты, выражающіеся формулой: 1653, 4 степ. 31, 135, 134, 1 степ. 33, 140 и 3 степ. 33 ст. улож. наказ.,—*тюремное заключеніе на четыре мѣсяца.*

Такимъ образомъ, по одинаковымъ дѣламъ и при тождественныхъ условіяхъ опредѣленія наказанія, судъ приходитъ то къ одному, то къ другому выводу благодаря неодинаковымъ способамъ примѣненія однихъ и тѣхъ же законовъ,—явленіе, очевидно, ненормальное.

Несомнѣнно, что первый изъ приведенныхъ выше способовъ опредѣленія несовершеннолѣтнимъ наказанія, во всѣхъ случаяхъ игнорирующей 1 степ. ст. 33 улож. наказ. при пониженіи наказанія отъ 5 степ. ст. 31 уложенія, представляется неправильнымъ. Предписывая, при смягченіи подсудимому наказанія, въ виду его несовершеннолѣтія, переходить отъ 5 степ. ст. 31 непосредственно ко 2 степ. ст. 33 улож. наказ., законъ, очевидно, имѣлъ въ виду, что по статьямъ 31 и 33 улож. несовершеннолѣтнимъ одинаково назначается лишь тюремное заключеніе безъ ограниченія правъ состоянія, и что, въ случаѣ отсутствія оговорки о необходимости

означеннаго выше перехода, пониженіе наказанія несовершеннолѣтнему отъ 5 степ. ст. 31 улож. было бы въ дѣйствительности не облегченіемъ, а отягченіемъ его участи, такъ какъ предѣлы лишенія свободы опредѣлены: въ 5 степ. ст. 31—отъ одного до полутора года, а въ 1 степ. ст. 33 улож. наказ.—отъ одного года и четырехъ мѣсяцевъ до двухъ лѣтъ. Чтобы избѣжать такого ненормальнаго явленія при смягченіи подсудимому наказанія, въ виду его несовершеннолѣтія, законъ гласитъ, что „при таковомъ уменьшеніи (т. е. по ст. 140 улож.) сроковъ заключенія, судъ переходитъ отъ наказанія, опредѣленнаго въ 5 степ. ст. 31, непосредственно къ установленному во 2 степени статьи 33“,—откуда вовсе не вытекаетъ право суда на такой же переходъ при смягченіи наказанія по другимъ законнымъ основаніямъ. Поэтому означенный переходъ представляется законнымъ лишь при смягченіи наказанія по ст. 140 улож., и приведенное выше наказаніе за кражу при оружіи—двухмѣсячное тюремное заключеніе—представляется неправильнымъ, а правильными представляются: предварительное опредѣленіе наказанія подсудимому, какое слѣдовало бы ему, если бы онъ былъ совершеннолѣтній, съ принятіемъ во вниманіе всѣхъ увеличивающихъ и уменьшающихъ вину обстоятельствъ, и затѣмъ примѣненіе ст. 140 улож., послѣ чего и получится, въ окончательномъ выводѣ, наказаніе тюремнымъ заключеніемъ на четыре мѣсяца.

II.

Примѣненіе статьи 143 улож. наказ., въ силу которой несовершеннолѣтнему, вовлеченному въ преступленіе совершеннолѣтнимъ, слѣдующее ему наказаніе можетъ быть, по усмотрѣнію суда, уменьшено одною или двумя степенями, также сопровождается на практикѣ разногласіями. Судъ призналъ несовершеннолѣтняго отъ 17 до 21 года виновнымъ въ совершеніи поджога, предусмотрѣннаго 2 частью статьи 1609 улож. наказ., уменьшилъ указанное въ этой статьѣ закона наказаніе по 7 степ. ст. 19 уложенія двумя степенями, въ виду крайняго невѣжества подсудимаго (статьи 134 и 135 улож.), и перешелъ ко 2 степ. ст. 20 улож.; затѣмъ, призвавъ доказаннымъ, что подсудимый былъ вовлеченъ въ преступленіе совершеннолѣтнимъ, смягчилъ ему означенное наказаніе одною степенью (ст. 143 улож.), перейдя къ 1 степ. ст. 31 улож., и, наконецъ, нашелъ возможнымъ смягчить ему наказаніе еще одною степенью, въ виду его несовершеннолѣтія (ст. 140 улож.), опре-

дѣливъ ему, въ окончательномъ выводѣ, низшую мѣру наказанія по 2 степ. ст. 31 улож.,—*тюремное заключеніе на три года.* Означенные постепенные переходы отъ одного наказанія къ другому выразились слѣдующей формулой: 2 ч. 1609, 7 степ. 19, 134, 135, 2 степ. 20, 143, 1 степ. 31, 140 и 2 степ. 31 ст. улож. наказ.

Допущенное въ приведенномъ случаѣ смягченіе наказанія прежде всего по статьѣ 143 улож. наказ., въ виду вовлеченія несовершеннолѣтняго подсудимаго въ преступленіе другимъ совершеннолѣтнимъ, а затѣмъ еще по статьѣ 140 уложенія, въ виду несовершеннолѣтія подсудимаго, является, по нашему мнѣнію, неправильнымъ по слѣдующимъ соображеніямъ. Порядокъ смягченія наказанія подсудимымъ, впавшимъ въ преступленіе въ возрастѣ несовершеннолѣтія, опредѣляется закономъ въ статьяхъ 139 и 140 улож. наказ. На основаніи послѣдней изъ упомянутыхъ статей закона, судъ въ соответственныхъ случаяхъ уменьшаетъ несовершеннолѣтнимъ сроки заключенія на одну, двѣ или три степени за преступныя дѣянія, влекущія за собою для совершеннолѣтнихъ наказанія исправительныя, между тѣмъ какъ по 2 части ст. 139 улож. для несовершеннолѣтнихъ отъ 17 до 21 года пониженіе наказанія по степенямъ не допускается за совершеніе преступныхъ дѣяній, влекущихъ за собою лишеніе всѣхъ правъ состоянія. Въ этихъ случаяхъ, для несовершеннолѣтнихъ отъ 17 до 21 года, наказанія, опредѣленные въ ст. 20 улож., остаются безъ измѣненія, и лишь время каторжныхъ работъ по ст. 19 улож. сокращается одною третью, каторжныя же работы безъ срока замѣняются каторжными работами на двадцать лѣтъ. Не допуская для несовершеннолѣтнихъ пониженія наказанія по степенямъ за преступленія, влекущія за собою наказанія уголовныя, законъ имѣлъ, очевидно, въ виду тяжесть и опасность учиненнаго несовершеннолѣтнимъ преступленія, не допускающія столь значительнаго смягченія наказанія, въ виду несовершеннолѣтія подсудимаго, какое представляется справедливымъ при опредѣленіи наказанія за менѣе важныя преступленія. Такимъ образомъ, опредѣливъ подсудимому, по означенному выше дѣлу о поджогѣ, наказаніе, которое слѣдовало бы ему въ томъ случаѣ, если бы онъ былъ совершеннолѣтній, съ припятіемъ во вниманіе уменьшающихъ его вину обстоятельствъ, и получивъ въ результатъ наказаніе, указанное во 2-ой степ. ст. 20 улож.,—лишеніе всѣхъ правъ состоянія и ссылку на поселеніе въ мѣстахъ Сибири не

столь отдаленныхъ, судъ долженъ былъ, на основаніи 2 части ст. 139 улож., опредѣлить ему, какъ несовершеннолѣтнему отъ 17 до 21 года, это же наказаніе, а затѣмъ, признавъ доказаннымъ фактъ вовлеченія подсудимаго въ преступленіе совершеннолѣтнимъ и справедливымъ смягчить ему наказаніе одною степенью, назначить ему, въ окончательномъ выводѣ, низшую мѣру наказанія по 1 степ. ст. 31 улож. наказ., *тюремное заключеніе на три съ половиною года*, за силою ст. 143 улож., которая и гласитъ, что „слѣдующее ему (т. е. несовершеннолѣтнему) наказаніе можетъ, по усмотрѣнію суда, быть уменьшено“ etc. Поэтому, дальнѣйшее смягченіе наказанія въ данномъ случаѣ, по статьѣ 140 улож., послѣ того какъ въ своемъ мѣстѣ должна была быть примѣнена ст. 139 улож., лишено законнаго основанія, и постепенные переходы отъ одного наказанія къ другому должны выразиться слѣдующей формулой: 2 ч. 1609, 7 степ. 19, 134, 135, 2 степ. 20, 2 ч. 139, 143 и 1 степ. 31 ст. улож. наказ.

Противъ приведенныхъ соображеній было сдѣлано лишь одно возраженіе, заключающееся въ томъ, что, въ случаѣ непримѣненія въ означенномъ выше дѣлѣ статьи 140 улож. наказ., отсутствовало бы основаніе, въ силу котораго судъ назначилъ подсудимому тюремное заключеніе, а не отдачу въ исправительныя арестантскія отдѣленія, съ лишеніемъ всѣхъ особенныхъ правъ и преимуществъ, такъ какъ о замѣнѣ для несовершеннолѣтнихъ арестантскихъ отдѣленій тюрьмою безъ ограниченія правъ состоянія говорить лишь статья 140 улож. наказ. Такое возраженіе представляется неосновательнымъ, такъ какъ не подлежитъ сомнѣнію, что упомянутая замѣна наказанія для несовершеннолѣтнихъ, о которой говоритъ ст. 140 уложенія, является правиломъ, обязательнымъ и при переходѣ отъ уголовного къ исправительному наказанію по ст. 143 улож., какъ это имѣетъ мѣсто въ разсмотрѣнномъ нами случаѣ: при переходѣ отъ 2 степ. ст. 20 къ 1 степ. ст. 31 улож., хотя статья 143 улож. и не повторяетъ этого правила. Въ ст. 143 улож. не повторяется также предписаніе о необходимости перехода отъ 5 степ. ст. 31 непосредственно ко 2 степ. ст. 33 улож.; однако, помня о существованіи такого предписанія въ ст. 140 улож., ни одинъ судъ, при пониженіи несовершеннолѣтнему наказанія по ст. 143 улож., не перейдетъ отъ 5 степ. ст. 31 къ 1 степ. ст. 33 улож. наказ., ибо такое пониженіе наказанія, какъ уже сказано выше, явилось бы не облегченіемъ, а отягченіемъ участи несовершеннолѣтняго подсудимаго.

П. А. Ифляндъ.

II.

КАССАЦІЯ ОПРАВДАТЕЛЬНЫХЪ ПРИГОВОРОВЪ.

Злополучное дѣло братьевъ Степана и Петра Скитскихъ, обвиняемыхъ въ убійствѣ секретаря Полтавской духовной консисторіи Комарова, началось, какъ извѣстно, 15 іюля 1897 года, при чемъ вскорѣ же послѣ возникновенія слѣдствія Скитскіе были заключены подъ стражу и содержались въ тюрьмѣ до 21 марта 1898 года, когда они, послѣ пятидневнаго разсмотрѣнія дѣла о нихъ особымъ присутствіемъ Харьковской судебной палаты въ г. Полтавѣ, были оправданы и выпущены на свободу. Но этотъ оправдательный приговоръ о Скитскихъ былъ кассированъ Сенатомъ въ ноябрѣ мѣсяцѣ 1898 года, и Скитскіе были снова заключены подъ стражу и вторично судились особымъ присутствіемъ той же судебной палаты (въ другомъ составѣ) въ г. Харьковѣ въ мартѣ текущаго 1899 года, при чемъ они, почти при тѣхъ же данныхъ дѣла, были признаны виновными и присуждены къ лишенію всѣхъ правъ состоянія и къ ссылкѣ въ каторжныя работы на 12 лѣтъ, почему и продолжали содержаться подъ стражею до кассациіи этого вторичнаго о нихъ приговора, послѣдовавшей 28 минувшаго сентября. Въ настоящее время предстоитъ разсмотрѣніе этого дѣла въ третій разъ.... Между тѣмъ мѣстное полтавское общество не перестаетъ до сихъ поръ волноваться, полагая, что братья Скитскіе являются жертвой роковаго недоразумѣнія, и присяжному повѣренному Карабчевскому, безвозмездно защищавшему Скитскихъ при вторичномъ разсмотрѣніи этого дѣла въ г. Харьковѣ и добившемуся нынѣ кассациіи обвинительнаго приговора, отправлена была изъ Полтавы, какъ сообщаютъ газеты, поздравительная телеграмма съ безчисленнымъ количествомъ подписей....

Эта краткая по описанію, но длинная по времени исторія дѣла Скитскихъ вызываетъ печальныя чувства и наводитъ на грустныя размышленія: справедливо ли наше уголовное судопроизводство допускаетъ кассацию оправдательныхъ приговоровъ съ назначеніемъ новаго суда надъ оправданными подсудимыми, отступая отъ первоисточника кассационной системы—французскаго кодекса уголовного судопроизводства, и не слѣдуетъ ли измѣнить нашу систему кассациіи, ограничивъ ее предѣломъ неприкосновенности разъ оправданныхъ по суду лицъ, дабы не вступить на

путь той черной судебной волокиты прежних дореформенных судовъ, которая уже осуждена исторіей?...

Дѣйствительно, дѣло братьевъ Скитскихъ является, по нашему мнѣнію, однимъ изъ разительныхъ примѣровъ того, что наша кассационная система едва ли правильно поставлена, и что кассация оправдательныхъ приговоровъ, ничѣмъ не ограниченная, можетъ служить дамкловымъ мечомъ для подсудимыхъ.

И въ самомъ дѣлѣ, братья Степанъ и Петръ Скитскіе, обвиняемые въ одномъ изъ тяжкихъ преступленій, за которое виновному грозитъ вѣчная каторга, были вскорѣ же по возникновеніи слѣдствія, какъ выше упомянуто, заключены подъ стражу, оторваны отъ семьи, отъ своихъ обычныхъ занятій и уволены отъ службы, которая давала имъ возможность пропитывать себя и семью... Затѣмъ, послѣ продолжительнаго томленія въ тюрьмѣ, гдѣ они не мало испытали физическихъ и нравственныхъ страданій, послѣ перенесенной за это время ихъ родными и близкими лицами тяжелой матеріальной нужды, послѣ непрерывныхъ слезъ и горя послѣднихъ, братья Скитскіе 17 марта 1898 г. были призваны, накопецъ, въ судъ и посажены на скамью подсудимыхъ, которая сама по себѣ для многихъ, если не для всѣхъ, является не малою пыткой и во всякомъ случаѣ не почетнымъ мѣстомъ...

„Всякому понятно“—говорятъ составители Судебныхъ Уставовъ— „что, выставляя челоуѣка на позорище публичнаго обвиненія передъ судомъ, наносятъ его честному имени такой тяжкій ударъ, котораго слѣды не всегда изглаживаются и оправданіемъ его на судѣ“ (Объяснит. зап. 1863 г., подъ ст. 523 уст. угол. суд., изд. Госуд. Канц.).

Итакъ, подсудимые, уже истомленные предварительнымъ содержаніемъ въ тюрьмѣ, „выставляются“—говоря словами составителей Судебныхъ Уставовъ— „на позорище публичнаго обвиненія передъ судомъ“... Торжественно открывается засѣданіе суда; зала переполнена публикой; сотни глазъ устремлены на „убійцу“, находящихся подъ конвоемъ солдатъ съ ружьями или жандармовъ съ саблями наголо.. По прочтеніи обвинительнаго акта, въ которомъ густыми красками изображены всѣ улики противъ подсудимыхъ и ни слова въ ихъ оправданію (ст. 520 уст. угол. суд.), предсѣдатель спрашиваетъ подсудимыхъ, признаютъ ли они себя виновными въ приписываемомъ имъ преступленіи; подсудимые горячо отвѣчаютъ, что они невинны и пытаются опровергать взводимое на нихъ обвиненіе, но имъ говорятъ: „довольно, садитесь, ваша

рѣчь впереди“... Судъ приступаетъ къ судебному слѣдствію (ст. 678—680 и 683 уст. угол. суд.). И тутъ начинается законная, но жестокая борьба: обвинитель, не щадя ни прошлаго, ни настоящаго подсудимыхъ и стараясь доказать ихъ виновность, выдвигаетъ противъ нихъ цѣлый арсеналъ уликъ, а подсудимые, выбиваясь изъ силъ, подъ угрозой вѣчной каторги и политической смерти, стараются представить свои возраженія и оправданія. И эта борьба продолжается иногда не день и не два, а нѣсколько дней,—и все время подсудимые находятся между надеждою и отчаяніемъ, между жизнью и смертью; нервы и душевныя ихъ силы напряжены до послѣдней степени... И сколько иногда при этомъ приходится подсудимымъ перенести случайныхъ или умышленныхъ оскорбленій и неприяностей какъ — бы мимоходомъ, безъ отношенія къ разсматриваемому дѣлу!... Но, вотъ, продолжительная и отчаянная борьба обвиненія и защиты кончилась; подсудимые до крайности измучены, истощены... Судьи удалились изъ залы въ совѣщательную комнату, чтобы подъ живымъ впечатлѣніемъ судебной борьбы рѣшить, на чьей сторонѣ правда. Подсудимые тревожно и томительно ждутъ рѣшенія своей участи: нервное напряженіе не прекращается—и оно нерѣдко бываетъ роковымъ... Наконецъ, судъ выходитъ и торжественно провозглашаетъ оправдательный приговоръ, признавая подсудимыхъ невинными, при чемъ предсѣдатель суда немедленно объявляетъ ихъ *свободными отъ суда* и отъ содержанія подъ стражею (ст. 819 уст. угол. суд.)...

Нужно видѣть, чтобы судить, какое впечатлѣніе производитъ на подсудимыхъ и ихъ родныхъ, а иногда и на публику оправдательный приговоръ: одни крестятся и кладутъ земные поклоны, другіе плачутъ, а женщины—какъ подсудимыя, такъ и близкія ихъ родственницы—послѣ крайняго напряженія нервовъ, потрясенныя внезапною радостію вслѣдствіе оправданія, весьма часто падаютъ въ глубокой обморокъ, который не всегда проходитъ безслѣдно для здоровья... Таковы обычныя картины суда и оправданія подсудимыхъ.

То же самое было, какъ удостовѣряютъ „Полтавскія Губернскія Вѣдомости“, и послѣ оправданія Скитскихъ въ Полтавѣ 21 марта 1898 года. Братья Степанъ и Петръ Скитскіе, послѣ продолжительнаго и тяжкаго для нихъ слѣдственнаго и судебного испытанія въ особомъ присутствіи судебной палаты съ сословными представителями въ г. Полтавѣ, послѣ пятидневнаго разсмотрѣнія дѣла о нихъ, были, наконецъ, оправданы этимъ судомъ,
Жур. Мин. Юст. Декабрь 1899.

и председатель этого особого высокого судилища торжественно объявил ихъ, въ силу закона, свободными отъ суда и отъ содержанія подъ стражею. „Степанъ Скитскій“—сообщаютъ Полт. Губ. Вѣдомости—„кланяется судьямъ; Петръ осѣняетъ себя крестнымъ знаменіемъ; въ залѣ неопишное волненіе; всѣ бросаются поздравлять Скитскихъ. . многіе плачутъ... и въ залѣ суда, и на улицахъ, покрытыхъ густой многотысячной толпой, раздаются, какъ свидѣтельствуя официальные документы, громкіе крики восторга и аплодисменты“... Не подлежитъ сомнѣнію, что восторгъ Скитскихъ и лицъ, связанныхъ съ ними узами семейными, родственными и экономическими, былъ несравненно выше и сильнѣе восторга публики: наконецъ-то ихъ испытанія кончились, они снова въ кругу своей семьи, ихъ физическія силы возстановятся, ихъ душевныя раны залѣчатся... и, можетъ быть, мало по малу ихъ жизнь войдетъ въ прежнюю, обычно спокойную колею...

Но нѣтъ! Радость оправданныхъ подсудимыхъ и ихъ родныхъ еще преждевременна: можетъ быть, при судебномъ разсмотрѣніи дѣла, судъ, помимо воли подсудимыхъ и безъ всякаго ихъ участія, а иногда и вопреки ихъ требованіямъ, нарушилъ какіе-нибудь формы и обряды судопроизводства или, можетъ быть, при письменномъ изложеніи въ окончательной формѣ состоявшагося съ сословными представителями оправдательнаго приговора, сущность коего была столь торжественно провозглашена, составитель онаго упустилъ какой-нибудь важный—и даже совсѣмъ неважный—мотивъ, послужившій въ числѣ другихъ къ оправданію, или же, наоборотъ, включилъ въ этотъ приговоръ; безъ всякой надобности, такія обстоятельства, которыя до существа дѣла не относились и не были предметомъ судебного слѣдствія и пренія сторонъ,—и тогда Сенать, по протесту прокурора, кассируетъ оправдательный приговоръ,—и для подсудимыхъ, уже оправданныхъ по суду и объявленныхъ „свободными отъ суда“, начнется прежняя волокита: ихъ снова вырвутъ изъ семьи, снова запрутъ въ тюрьму, снова „выставятъ на позорище публичнаго обвиненія передъ судомъ“ и подвергнутъ всѣмъ терзаніямъ ожиданія, судебной борьбы и крайняго физическаго и нравственнаго напряженія, можетъ быть до полного истощенія силъ...

Такая именно судьба и постигла братьевъ Степана и Петра Скитскихъ. Правительствующій Сенать, по 4 отдѣленію Уголовнаго Кассационнаго Департамента, рассмотрѣвъ 13 ноября 1898 года

по протесту прокурора окончательный (ст. 1106² уст. угол. суд.) оправдательный приговоръ Харьковской судебной палаты, состоявшийся съ участіемъ сословныхъ представителей 21 марта того же года, по означенному дѣлу Скитскихъ, нашель, что судебная палата, при разсмотрѣніи этого дѣла, вопреки 733 и 734 ст. уст. угол. суд., возобновляла судебное слѣдствіе безъ требованія о томъ сторонъ (значить, и помимо воли подсудимыхъ Скитскихъ) и, кромѣ того, въ нарушеніе 797 ст. того же устава, включила въ постановленный приговоръ, при изложеніи его въ окончательной формѣ, такія данныя, которыя до существа дѣла не относились (и, конечно, никакого вліянія на обвиненіе или оправданіе подсудимыхъ не имѣли); а потому, отмѣнивъ означенный приговоръ, Сенатъ обратилъ дѣло о братьяхъ Скитскихъ къ новому судебному разбирательству.

Изъ уваженія къ высокому авторитету Правительствующаго Сената мы не будемъ входить въ разборъ кассационныхъ поводовъ, послужившихъ къ отмѣнѣ оправдательнаго приговора по дѣлу Скитскихъ; да это и не имѣетъ особеннаго значенія для преслѣдуемой нами цѣли, такъ какъ мы разсматриваемъ лишь вопросъ о томъ, насколько необходима въ интересахъ правосудія кассация оправдательныхъ приговоровъ.

Итакъ, послѣ отмѣны первоначальнаго оправдательнаго приговора по дѣлу Скитскихъ, послѣдніе, какъ извѣстно, вновь были заключены подъ стражу; наступила, какъ видно изъ газетныхъ сообщеній, вновь безотрадная матеріальная нужда жены одного изъ обвиняемыхъ съ больною дочерью, и снова заволновалось мѣстное полтавское общество, убѣжденное въ невинности Скитскихъ...

Мы не знаемъ, на чемъ основано убѣжденіе полтавскаго общества, въ томъ числѣ и мѣстныхъ присяжныхъ повѣренныхъ, въ невинности братьевъ Скитскихъ по взводимому на нихъ обвиненію въ убійствѣ секретаря духовной консисторіи Комарова,— для такого убѣжденія необходимо обстоятельно ознакомиться съ дѣломъ во всѣхъ подробностяхъ и недостаточно прочитатъ лишь репортерскіе отчеты судебныхъ по дѣлу засѣданій,—но если обвиняемые, дѣйствительно, невинны въ томъ тяжкомъ уголовномъ преступленіи, которое взведено на нихъ, то и однократное привлеченіе ихъ къ слѣдствію и суду является для нихъ тяжкимъ и роковымъ несчастіемъ, а вторичное, послѣ отмѣны состоявшагося о нихъ оправдательнаго приговора, „выставленіе ихъ на позорище публичнаго обвиненія передъ судомъ“, съ

принятіемъ противъ этихъ невинныхъ людей разныхъ стѣснительныхъ мѣръ, надлежитъ считать уже несправедливымъ гоненіемъ, какимъ-то непонятнымъ гнѣвомъ судьбы, обрушившимся не только на этихъ уже пострадавшихъ, несчастныхъ и невинныхъ жертвъ челоѳческаго правосудія, но и на близкихъ имъ лицъ. Отмѣна оправдательныхъ приговоровъ въ отношеніи невинныхъ съ новымъ назначеніемъ надъ ними суда указываетъ на нѣчто ненормальное въ судопроизводственныхъ порядкахъ,—тѣмъ болѣе, что и послѣ вторичнаго оправданія такихъ невинныхъ людей можетъ послѣдовать вторичная кассация оправдательнаго приговора и т. д., и судебное преслѣдованіе людей неповинныхъ можетъ, по нашимъ законамъ, продолжаться до безконечности, ибо каждый разъ приговоръ можетъ быть кассированъ вслѣдствіе какого-либо новаго случайнаго нарушенія тѣхъ или иныхъ формъ и обрядовъ судопроизводства или вслѣдствіе новаго неудачнаго *изложенія* приговора въ окончательной формѣ. И наши законы не ставятъ въ этомъ отношеніи никакого предѣла. Но надо же вникнуть въ положеніе такихъ обвиняемыхъ: ихъ оправдываютъ, потому что они невиновны, и объявляютъ свободными отъ суда и отъ содержанія подъ стражею, а послѣ кассации приговора снова заключаютъ подъ стражу и вновь привлекаютъ къ суду, обрекая ихъ на новыя физическія страданія и новыя душевныя волненія, разоряя ихъ семейное гнѣздо и заставляя ихъ по нѣсколько разъ нести вознаградимые расходы на наемъ защитника, безъ котораго невинному опаснѣе иногда, чѣмъ виновному, выступать на судъ... За что же терзаются эти—дѣйствительно *невинные*—многократнымъ привлеченіемъ на судъ?! Очевидно, что они являются жертвою ошибокъ *суда*, допустившаго нарушеніе установленныхъ для него какихъ-либо обрядовъ и формъ судопроизводства или неудачно изложившаго приговоръ въ окончательной формѣ. Но за ошибки суда и слѣдуетъ карать, если это необходимо, не подсудимыхъ, уже оправданныхъ вслѣдствіе ихъ дѣйствительной невиновности, а судей, допустившихъ эти ошибки и нарушившихъ священные для нихъ обряды и формы судопроизводства; неповинныхъ же въ этомъ подсудимыхъ надлежитъ оставить въ покоѣ навсегда. Такъ, казалось бы, гласить примитивное требованіе справедливости.

Но въ нашъ уст. угол. суд., столь справедливый вообще, вкралось по этому предмету какое-то недоразумѣніе,—и за ошибки суда нерѣдко страдаютъ невинные подсудимые...

Допуская кассацию оправдательныхъ приговоровъ и новое привлеченіе оправданныхъ лицъ къ суду за то же дѣяніе, составители Судебныхъ Уставовъ 1864 г., въ увлеченіи новыми обрядами и формами судопроизводства, какъ истинные идеалисты незабвенной эпохи преобразованій, очевидно полагали, что оправдательный приговоръ, состоявшійся съ нарушеніемъ, при разсмотрѣніи дѣла, какихъ-либо формъ и обрядовъ, не можетъ быть и по существу справедливымъ. Но этого никоимъ образомъ сказать нельзя даже при ограниченіи отмѣны приговоровъ тѣми случаями нарушенія безусловно существенныхъ обрядовъ и формъ судопроизводства, которые исчислены въ первоначально предполагавшейся редакціи 912 ст. уст. угол. суд. (журн. 1864 г., № 47, подъ ст. 912 уст. угол. суд., изд. Госуд. Канц.),—и всегда могутъ быть случаи вполне *справедливаго* оправданія и при нарушеніи болѣе или менѣе существенныхъ обрядовъ и формъ судопроизводства,—тѣмъ болѣе, что при человѣческихъ несовершенствахъ едва ли и возможно создать идеально совершенные обряды и формы судопроизводства. Не подлежитъ сомнѣнію, что правильное судопроизводство служить русломъ для правильнаго теченія правосудія. Но и природныя водныя русла имѣютъ такія извилины, которыя препятствуютъ правильному и быстрому теченію воды, отъ чего нерѣдко вода прорываетъ берега и перешейки и, минуя старое русло, по прямому направленію скорѣе и вѣрнѣе, безъ излишнихъ потерь полезной влаги, достигаетъ естественной цѣли теченія. Такъ и въ судѣ справедливость иногда прорывается помимо и независимо отъ точнаго соблюденія формъ и обрядовъ судопроизводства.

Кромѣ того, творцы Судебныхъ Уставовъ 1864 г. были увѣрены, какъ увидимъ дальше, что вторичное привлеченіе къ суду оправданныхъ будетъ явленіемъ чрезвычайно рѣдкимъ и исключительнымъ, и что оправданіе такихъ обвиняемыхъ, по разсмотрѣніи дѣла съ соблюденіемъ обрядовъ и формъ судопроизводства, послужитъ лишь къ вѣщшему прославленію невинныхъ и къ блестящему торжеству правосудія. Но они въ то время, вѣроятно, не имѣли возможности фактически судить о томъ, какими тяжелыми нравственными и матеріальными невзгодами будетъ сопровождаться для подсудимыхъ и ихъ семействъ это повторное привлеченіе къ суду, особенно невинныхъ, и какими жертвами будетъ покупаться лелѣянное идеалистами 60-хъ годовъ это формальное торжество справедливости. „Того, чтоъ выстрадано невиннымъ въ залѣ суда при публичномъ разсмотрѣніи его дѣла“—го-

ворить одинъ изъ юристовъ ¹⁾—„не вычеркнетъ изъ его сердца никакой оправдательный приговоръ“. Между тѣмъ, можетъ случиться, что при вторичномъ разсмотрѣнн дѣла объ оправданномъ въ первый разъ подсудимомъ ошибочно послѣдуетъ обвинительный приговоръ въ отношеніи невиннаго,—и тогда послѣдняя вина кассациі оправдательнаго приговора будетъ горше первой—вторнаго привлеченія къ суду...

Итакъ, въ случаѣ *невинности* однажды оправданныхъ по суду лицъ, кассациа оправдательнаго приговора съ вторичнымъ или многократнымъ разсмотрѣніемъ дѣлъ объ этихъ лицахъ въ судѣ является лишь несправедливою карою этихъ лицъ за ошибки суда и не имѣетъ викакого разумнаго основанія, кромѣ одного торжества обрядовъ и формъ судопроизводства ради этихъ формъ и обрядовъ по давно осужденному принципу: *fiat justitia, pereat mundus!* Но не слѣдуетъ забывать евангельскаго изрѣченія, что не человѣкъ существуетъ для субботы... Не человѣкъ существуетъ для обрядовъ и формъ судопроизводства,—сколь бы ни были они совершенны,—а судопроизводство существуетъ для человѣка. Поэтому, если существующее судопроизводство вредитъ въ чемъ-либо человѣку, надо измѣнить такое судопроизводство, но не ломать, не мучить человѣка ради установленныхъ въ судопроизводствѣ обрядовъ.

Но допустимъ, далѣе, что первымъ судебнымъ приговоромъ, съ нарушеніемъ при разсмотрѣнн дѣла обрядовъ и формъ судопроизводства, оправданы *виновные*. Необходима ли въ этихъ случаяхъ отмѣна оправдательнаго приговора съ новымъ разсмотрѣніемъ дѣла въ судѣ, т. е. съ новымъ привлеченіемъ на судъ лицъ оправданныхъ? Ужели недостаточно, для удовлетворенія правосудія, тѣхъ физическихъ и нравственныхъ мученій, которымъ уже подверглись обвиняемые въ теченіе предварительнаго и судебного слѣдствія? Ужели преступленіе не искуплено тѣми уже понесенными виновнымъ и описанными выше страданіями въ тюрьмѣ, гдѣ онъ томился до суда въ заточеніи болѣе или менѣе продолжительное время, позоромъ обвиненія, оторваніемъ отъ семьи, отъ привычнаго образа жизни, лишеніемъ обычныхъ средствъ къ существованію его и семейства, матеріальными его затратами, иногда полнымъ разореніемъ, горемъ близкихъ ему лицъ и другими не-

¹⁾ А. Марковъ—„О обжалованн подсудимыми оправдательныхъ приговоровъ“. Жур. Гражд. и Угол. Права 1891 г. № 7.

взгодами привлеченія къ уголовной отвѣтственности, при чемъ онъ находился уже между жизнью и смертью подъ мечомъ правосудія, который уже былъ однажды поднятъ надъ подсудимымъ? Не касаясь другихъ выдающихся случаевъ, на томъ же примѣрѣ братьевъ Скитскихъ мы видимъ, что они уже испытали много горя до своего перваго оправданія, были уволены отъ службы и лишились обычныхъ средствъ къ пропитанію себя и семьи, до суда томились въ тюрьмѣ, на судѣ перенесли тяжелую нравственную борьбу и послѣ оправданія еще влчили жалкое существованіе, не успѣвъ никуда пристроиться въ теченіе продолжительнаго времени до кассациі приговора... Ужели государство нуждается еще въ новыхъ искупительныхъ жертвахъ со стороны такихъ обвиняемыхъ, хотя-бы они и были дѣйствительно виновны?

Въ отвѣтъ на поставленный вопросъ слѣдуетъ прежде всего замѣтить, что разъ подсудимые оправданы судомъ—хотя-бы и съ нарушеніемъ при разсмотрѣніи дѣла нѣкоторыхъ формъ и обрядовъ судопроизводства,—виновность ихъ въ томъ преступленіи, по которому они оправданы, уже представляется, во всякомъ случаѣ, лишь предполагаемую, сомнительною, а всякое сомнѣніе должно быть толкуемо въ пользу обвиняемаго. Между тѣмъ, сколько дѣйствительно виновныхъ въ совершеніи тѣхъ или иныхъ, даже весьма тяжкихъ, преступленій бываетъ вовсе не обнаружено, несмотря на принимаемая государствомъ мѣры къ розыску преступниковъ,—и эти необнаруженные преступники, продолжая жить въ обществѣ, не несутъ никакого возмездія даже въ видѣ привлеченія къ слѣдствію, а изъ привлеченныхъ къ слѣдствію преступниковъ многимъ удается освободиться отъ суда за недостаточностію собранныхъ противъ нихъ уликъ. Конечно, это зло, но зло неизбежное, съ которымъ не въ силахъ бороться ни одно современное государство. Поэтому и на оправданіе хотя-бы и виновныхъ, но признанныхъ компетентнымъ судомъ по тѣмъ или инымъ соображеніямъ невинными, слѣдовало бы, по крайней мѣрѣ, смотрѣть, какъ на прекращеніе дѣла по недостаточности уликъ и сомнительности обвиненія. Ошибки возможны и при прекращеніи дѣлъ до суда по недостаточности собранныхъ доказательствъ для преданія обвиняемыхъ суду. Однакоже возобновленіе прекращеннаго въ такомъ порядкѣ уголовного преслѣдованія возможно, на основаніи 542 ст. уст. угол. суд., лишь въ томъ случаѣ, когда откроются новыя по дѣлу доказательства и улики противъ обви-

няемаго. Почему же оправданный судомъ не пользуется хотя-бы подобною гарантіею? Его можно судить, по однимъ и тѣмъ же даннымъ, нѣсколько разъ, до безконечности, если судъ, хотя-бы и по требованію или съ согласія обвинителя, нарушитъ при разсмотрѣніи дѣла какія-либо формы судопроизводства... Подобное безвыходное положеніе оправданныхъ, какъ будто бы для усыпленія ихъ бдительности объявленныхъ „свободными отъ суда“, опасеніе быть подвергнутыми новому и новому преслѣдованію послѣ каждаго оправданія, сопряженнаго какъ съ нравственными и физическими страданіями, такъ и съ матеріальными лишеніями, во многихъ случаяхъ тягостнѣе самаго наказанія, къ которому они могли бы быть присуждены, и во всякомъ случаѣ тягостнѣе положенія тѣхъ сомнительныхъ, какъ и эти оправданные, преступниковъ, преслѣдованіе которыхъ было прекращено до суда за недостаточностью уликъ.

Между тѣмъ, на судѣ оправданный подсудимый подвергался, какъ мы видѣли выше, всестороннему испытанію и перенесъ тяжелую борьбу, послѣ которой объявленъ „свободнымъ отъ суда“. Поэтому и великодушіе, и государственное достоинство, и уголовная политика требуютъ, чтобы государство опустило свой грозный мечъ передъ человѣкомъ, висѣвшимъ на волоскѣ отъ смерти и пощаженымъ по волѣ судьбы, а можетъ быть и высшей справедливости, и чтобы подсудимый, торжественно, устами представителя государственной судебной власти, объявленный, въ силу закона, *свободнымъ отъ суда*, не подвергался новому преслѣдованію и суду по тому же обвиненію. „Non bis in idem“—говоритъ мудрое римское правило....

Но у насъ это правило, выраженное въ 21 и 22 ст. уст. угол. суд., ограничено и въ отношеніи оправданныхъ по судебному приговору лицъ какъ временемъ, такъ и другими обстоятельствами (ст. 23 того же устава), тогда какъ во Франціи, откуда почти цѣликомъ заимствованы нашимъ уставомъ уголовного судопроизводства способы обжалованія приговоровъ, и во многихъ другихъ западно-европейскихъ государствахъ, правило о вторичной несудимости оправданныхъ является безусловнымъ (Code d'instr. crim., art. 360). Такъ, согласно ст. 409 кодекса французскаго уголовного судопроизводства, въ случаѣ оправданія обвиняемаго, прокуратура можетъ домогаться отмѣны или измѣненія приговора только въ интересахъ закона (*dans l'intérêt de la loi*), безъ всякаго вреда или стѣсненія для оправданнаго (*sans préjudicier à la partie*

acquittée). Но замѣчательно, что въ то время, какъ статья 819 нашего уст. угол. суд., о немедленномъ послѣ оправдательнаго вердикта объявленіи подсудимаго свободнымъ отъ суда, является почти буквальнымъ переводомъ статьи 358 французскаго кодекса уголовного судопроизводства, тѣсно связанная съ этой послѣдней (какъ видно даже изъ цитатъ)—409 статья французскаго кодекса о характерѣ и послѣдствіяхъ отмѣны оправдательныхъ приговоровъ оставлена составителями нашихъ Судебныхъ Уставовъ безъ надлежащаго вниманія: идеализируя вновь вводимые въ Россіи обряды и формы судопроизводства и будучи увѣрены, что новые судебные дѣятели будутъ всегда стоять на высотѣ своего призванія, составители Судебныхъ Уставовъ 1864 г., по принципу полной равноправности сторонъ, поставили кассацию обвинительныхъ и оправдательныхъ приговоровъ, въ отношеніи характера и послѣдствій отмѣны того и другаго рода приговоровъ, въ совершенно одинаковыя условія.

Такое одинаковое отношеніе къ отмѣнѣ какъ обвинительныхъ, такъ и оправдательныхъ приговоровъ, такое, повидимому, равнодушіе составителей Судебныхъ Уставовъ 1864 года къ участи вторично „выставляемыхъ на позорище публичнаго обвиненія“, уже разъ оправданныхъ лицъ, по тому же обвиненію, объясняется, по нашему мнѣнію, повторяю, не чѣмъ инымъ, какъ глубокимъ преклоненіемъ предъ вновь вводимыми въ русскій судебный строй идеальными для того времени обрядами и формами судопроизводства. Но при этомъ составители Судебныхъ Уставовъ 1864 г., комментируя 819 и 958 ст. уст. угол. суд. и указывая, что „едва-ли было бы сообразно съ видами человеколюбія отлагать исполненіе оправдательныхъ приговоровъ присяжныхъ, впредь до вступленія ихъ въ законную силу, по одному предположенію о возможной отмѣнѣ ихъ въ порядкѣ кассациі“ и что „такое пріостановленіе оправдательныхъ приговоровъ можетъ только поколебать ту силу и то нравственное значеніе, которыя вообще имѣютъ приговоры присяжныхъ въ глазахъ общества“, полагали, что „случаи кассационныхъ протестовъ по поводу нарушенія существенныхъ формъ и обрядовъ судопроизводства могутъ быть лишь весьма рѣдкимъ или чрезвычайнымъ явленіемъ“, такъ какъ „оправдательные приговоры присяжныхъ могутъ подлежать отмѣнѣ въ кассационномъ порядкѣ только вслѣдствіе протеста прокурора на несоблюденіе существенныхъ формъ и обрядовъ судопроизводства“; между тѣмъ „прокуроръ всѣ замѣчанія свои, относительно порядка судопро-

изводства, обязанъ предъявлять суду, который не можетъ рѣшить ни одного вопроса по этому предмету, не выслушавъ предварительно заключенія прокурора“, такъ что, по мнѣнiю составителей Судебныхъ Уставовъ, для прокуроралишь въ исключительныхъ случаяхъ могутъ представиться поводы къ протесту (Объяснит. зап. 1863 г., подъ ст. 958 уст. угол. суд., изд. Госуд. Канц.). Эти разсужденiя показываютъ, съ какимъ глубокимъ уваженiемъ составители Судебныхъ Уставовъ 1864 г. относились къ приговорамъ присяжныхъ засѣдателей вообще и къ ихъ оправдательнымъ, какъ окончательнымъ, приговорамъ въ частности. Приговоры же особливо присутствiя судебной палаты съ сословными представителями, замѣнившими впоследствии по нѣкоторымъ дѣламъ присяжныхъ засѣдателей (201¹ ст. уст. угол. суд.), стоятъ въ глазахъ законодателя, не только не ниже, но выше приговоровъ присяжныхъ и почитаются также окончательными (ст. 1106² уст. угол. суд.), а потому и къ этимъ приговорамъ всецѣло могутъ быть отнесены вышеприведенныя разсужденiя объ исключительности кассации приговоровъ оправдательныхъ.

Но высоко-гуманныя разсужденiя составителей Судебныхъ Уставовъ 1864 г. по поводу кассации оправдательныхъ приговоровъ не доведены ими до конца,—и оправданные подсудимые не признаны окончательно и навсегда „свободными отъ суда“.... Однакоже, изъ приведенныхъ разсужденiй явствуетъ, что и по нашему закону отмѣна оправдательныхъ приговоровъ путемъ кассации должна быть почитаема явленiемъ *чрезвычайнымъ* и допускается лишь въ исключительныхъ случаяхъ, только вслѣдствiе протеста прокурора на несоблюденiе, *вопреки его заключенiю, существенныхъ* формъ и обрядовъ судопроизводства. Между тѣмъ, практика отступила отъ этого идеальнаго и глубоко справедливаго принципа, указаннаго составителями Судебныхъ Уставовъ 1864 г., и отмѣна окончательныхъ оправдательныхъ приговоровъ превратилась изъ явленiя чрезвычайнаго въ заурядное, при чемъ бывали случаи отмѣны оправдательныхъ приговоровъ по такимъ судопроизводственнымъ нарушенiямъ, которыя при разсмотрѣнiи дѣла судомъ не казались нарушенiями и самому прокурору, а стали *казаться* таковыми по оправданiю подсудимаго...

Вслѣдствiе столь растяжимо трактуемаго понятiя „существенности“ формъ и обрядовъ судопроизводства, кассациа оправдательныхъ приговоровъ поставлена въ зависимость отъ существа дѣла и отъ взгляда судей кассационнаго трибунала на виновность или

невинность оправданнаго подсудимаго на основаніи данныхъ бумажнаго производства, почему и стали возможны кассационные протесты на нарушеніе, напр., 766 ст. уст. угол. суд. и отмѣна оправдательныхъ приговоровъ за непринятіемъ со стороны суда во вниманіе какого-либо свидѣтельскаго показанія... Столь несвойственная кассационному суду роль едва ли можетъ повести къ торжеству правосудія, колебля безъ нужды силу и значеніе окончательныхъ приговоровъ и подрывая уваженіе къ суду, вмѣстѣ съ отягченіемъ участи подсудимаго.

Въ виду изложенныхъ соображеній и принимая во вниманіе, что оправданные окончательнымъ судебнымъ приговоромъ подсудимые,—если бы они и на самомъ дѣлѣ были виновны,—уже отчасти, а иногда и вполне, искупили свою вину, какъ мы видѣли выше, тѣми лишеніями и страданіями, которыя они перенесли до своего оправданія во время предварительнаго и судебного слѣдствія и которыя несомнѣнно отразятся и на всей ихъ послѣдующей жизни,—мы полагаемъ, что „едва ли сообразно съ видами человѣколюбія“, выражаясь словами составителей Судебныхъ Уставовъ, и едва ли справедливо оставлять существующую систему кассационной отмѣны оправдательныхъ приговоровъ, съ безконечнымъ пересмотромъ дѣлъ, даже и въ отношеніи дѣйствительно виновныхъ въ томъ преступленіи, въ которомъ они, по тѣмъ или инымъ мотивамъ, признаны въ окончательномъ приговорѣ виновными. Въ средневѣковыя времена недостаточно было, напр., за убійство теперешней ссылки преступника, а необходимымъ считалось четвертовать убійцу, но нравы смягчились, и искупительныя жертвы измѣнились. Мы полагаемъ, что настало время считать лишенія и страданія подсудимыхъ до суда и на судѣ до оправданія—искупительными жертвами. Вмѣстѣ съ тѣмъ, не слѣдуетъ забывать и того, что дѣйствительно виновные, хотя-бы они и были оправданы судомъ государственнымъ, не уйдутъ отъ суда своей совѣсти, а также не избѣгнутъ осужденія со стороны общественнаго мнѣнія, какъ, напр., знаменитый маіоръ Эстергази, и въ дальнѣйшей жизни понесутъ въ той или иной формѣ заслуженное наказаніе.

Итакъ, не касаясь тѣхъ случаевъ, когда оправдательный приговоръ былъ послѣдствіемъ подлога, подкупа или иного преступленія, каковой приговоръ можетъ быть отмѣненъ во всякое время (23 ст. уст. угол. суд.),—въ остальныхъ случаяхъ окончательные оправдательные приговоры какъ присяжныхъ засѣдателей, такъ

и судебной палаты, по провозглашеніи ихъ, должны бы почитаться вступившими въ окончательную законную силу въ отношеніи подсудимыхъ; кассачія же такихъ приговоровъ можетъ быть допущена лишь въ интересахъ закона и отвѣтственности допустившихъ то или иное нарушеніе судей.

Было время, когда кассачія оправдательныхъ приговоровъ, выносимыхъ присяжными засѣдателями, служила громоотводомъ противъ взрыва негодованія реакціонеровъ на учрежденіе и существованіе ненавистнаго послѣднимъ института присяжныхъ засѣдателей. Но времена эти, кажется, миновали, и теперь институтъ присяжныхъ засѣдателей настолько уже окрѣпъ и приобрѣлъ довѣріе и общества, и правительства, что даже отчаянные реакціонеры не рѣшаются открыто нападать въ принципъ на этотъ институтъ, такъ что въ настоящее время и въ этихъ видахъ не представляется надобности жертвовать спокойствіемъ, здоровьемъ и имуществомъ разъ оправданныхъ и, можетъ быть, дѣйствительно невинныхъ подсудимыхъ и держать ихъ подъ дамокловымъ мечомъ безконечнаго преслѣдованія и многократнаго выставленія на судъ.

Если во Франціи, откуда въ большинствѣ заимствованы наши судебные порядки, уже давнымъ давно, почти цѣлое столѣтіе (съ 1808 года), господствуетъ принципъ полнаго освобожденія отъ суда однажды оправданныхъ и объявленныхъ свободными отъ суда обвиняемыхъ, и если этотъ принципъ заимствованъ изъ Франціи и нѣкоторыми другими западно-европейскими государствами, то намъ ли, русскимъ, искони отличающимся терпимостію, гуманностію и состраданіемъ къ преступникамъ, которые именуются въ народѣ „несчастливыми“, намъ ли, всегда признававшимъ „душевное“ отношеніе къ дѣлу выше формализма, намъ ли, говорю, проявлять суровый, безсердечный и сухой формализмъ тамъ, гдѣ интересы правосудія отъ этого формализма ничтожны или сомнительны и гдѣ причиняются лишь одни страданія несчастнымъ, иногда совершенно невиннымъ людямъ, уже и безъ того подвергшимся тяжелому испытанію, лишеніямъ и страданіямъ! Лежачаго не бьютъ, а битаго не слѣдуетъ добивать... Гораздо лучше поставить его на ноги... Новое привлеченіе къ суду уже разъ оправданнаго, причиненіе ему новой пытки—не въ духѣ русскаго народа, да не въ духѣ и русскихъ Судебныхъ Уставовъ незабвеннаго Царя-Освободителя и гуманнѣйшаго Законодателя. Не только гуманность, но и справедливость требуютъ, чтобы окончательные оправдательные

приговоры подвергались кассационному пересмотру лишь въ интересахъ правильного толкованія и примѣненія закона, но безъ всякаго вреда для оправданныхъ лицъ. Въ этомъ смыслѣ и надлежало бы измѣнить нашъ уставъ уголовного судопроизводства, тѣмъ болѣе, что насталъ благопріятный моментъ такого измѣненія при нынѣшнемъ пересмотрѣ Судебныхъ Уставовъ.

С. Ф. Мальцевъ.

III.

НѢСКОЛЬКО СЛОВЪ ОБЪ ОТЧУЖДЕНІИ КРЕСТЬЯНСКИХЪ УСАДЕБЪ ВЪ ГУБЕРНІЯХЪ ВАРШАВСКАГО СУДЕБНАГО ОКРУГА.

I.

Право собственности—это право пользоваться и распоряжаться безъ всякаго ограниченія.

На движимое имущество, по отношенію къ которому, по закону, владѣніе служитъ правооснованіемъ, право собственности приобрѣтается преимущественно фактической передачею самаго имущества: кто имъ владѣетъ, тотъ его и собственникъ. Право собственности на недвижимое имущество приобрѣтается главнымъ образомъ или на основаніи судебного рѣшенія, признающаго его въ силу наслѣдственныхъ правъ или духовнаго завѣщанія,—или на основаніи нотаріальнаго акта, которымъ оно передается по завѣщанію, даренію или по обязательству.

Для осуществленія права собственности, собственникъ прежде всего долженъ точно и подробно знать содержаніе, размѣры и границы имущества, которымъ онъ можетъ свободно пользоваться и распоряжаться.

Содержаніе и размѣръ движимыхъ вещей очевидны. Содержаніе, размѣры и границы недвижимаго имущества болѣе сложны и, поэтому, требуютъ описанія. Съ этой цѣлью въ ипотечномъ указателѣ существуетъ особенный раздѣлъ. Описаніе неипотекованныхъ недвижимостей помѣщается или въ самомъ правоосновномъ документѣ, или въ приложенной къ нему описи. Кромѣ того, недвижимыя имущества обозначаются на планахъ, которыя существуютъ отдѣльно для каждаго имѣнія и общія для цѣлаго ряда смежныхъ имѣній: для городскихъ—цѣлаго города и для сель-

скихъ—цѣлой деревни или болѣе крупнаго имѣнія, въ составъ котораго они входятъ.

Такимъ образомъ, собственникъ недвижимаго имущества, городского или сельскаго, вполне точно знаетъ его содержаніе, т. е. пространство и границы своей земли, какія на ней воздвигнуты постройки. Въ случаѣ посягательства съ чьей-либо стороны на право собственности на недвижимое имущество или малѣйшую его часть, споръ разрѣшается положительно и опредѣленно на основаніи точныхъ письменныхъ документовъ.

II.

Обращаясь къ надѣльнымъ крестьянскимъ усадьбамъ въ губерніяхъ Варшавскаго судебного округа, мы видимъ, что относящіяся къ нимъ письменные документы не только не опредѣляютъ ихъ точно, но даже очень часто идутъ совершенно въ разрѣзъ съ фактическимъ ихъ положеніемъ, вслѣдствіе чего и осуществленіе правъ собственности крестьянами на ихъ усадьбы основывается не на неоспоримыхъ правоосновныхъ документахъ, а на фактическомъ владѣніи и зависитъ по большей части лишь отъ доброй воли сосѣдей: гдѣ сосѣди живутъ мирно, тамъ каждый изъ нихъ беспрепятственно пользуется и распоряжается своимъ имуществомъ; гдѣ нѣтъ доброй воли между сосѣдами, тамъ никакая власть не въ состояніи возстановить миръ и установить законныя отношенія.

Источникомъ правооснованія для всѣхъ крестьянскихъ усадебъ служатъ ликвидаціонныя табели. Ликвидаціонныя табели, какъ извѣстно, составлялись преимущественно съ цѣлью выдѣлить крестьянскій надѣлъ изъ общаго фольварочнаго пространства. Поэтому, хотя въ нихъ и указано пространство земли, составляющее каждую отдѣльную усадьбу, но на относящихся къ нимъ планахъ точно обозначено лишь общее пространство крестьянскаго надѣла, разграниченіе же его на надворные участки изображено на нихъ, какъ извѣстно, не вполне точно.

Поэтому, комиссары и, вообще, учрежденія по крестьянскимъ дѣламъ, наблюдающія за цѣлостью табельной единицы усадебъ, для возстановленія ея въ случаѣ граничнаго спора не довольствуются ликвидаціонными табелями и планами, а прибѣгаютъ къ свидѣтельскимъ показаніямъ; свидѣтели (допрашиваемые безъ присяги) указываютъ границы, существовавшія во время Высочайшаго надѣла, и, на основаніи сихъ показаній, возстановляется первоначальная, табельная усадьба.

И вотъ, уже для восстановленія границъ самыхъ крупныхъ крестьянскихъ усадебъ, табельныхъ, не подвергшихся еще раздробленію, недостаточны и бессильны письменные правоосновные документы, а споръ рѣшается на основаніи шаткихъ, сомнительной достовѣрности свидѣтельскихъ показаній, и исходъ его зависитъ отъ доброй воли и доброй вѣры свидѣтелей.

При существованіи почти исключительно чрезполосной системы крестьянскихъ усадебъ, граничные споры возникаютъ очень часто, вслѣдствіе чего трудно съ полною увѣренностью сказать, находятся ли въ настоящее время крестьянскія усадьбы въ такихъ границахъ, въ какихъ онѣ находились во время В ы с о ч а й ш а г о надѣла, и владѣютъ ли теперешніе ихъ владѣльцы сполна тѣмъ, что они получили отъ своихъ предшественниковъ?

Наконецъ, въ настоящее время, спустя 35 лѣтъ послѣ надѣла, границы, хоть иногда, восстанавливаются соотвѣтственно первоначальнымъ табельнымъ начертаніямъ, такъ какъ можно еще найти свидѣтелей изъ числа современниковъ В ы с о ч а й ш а г о надѣла. Но вскорѣ не станеть этихъ, такъ сказать, живыхъ правоосновныхъ опредѣлителей крестьянской недвижимости. Въ виду сего пересмотръ крестьянскихъ усадебъ и окончательное установленіе правильныхъ и вѣрныхъ границъ и обозначеніе ихъ на планахъ составляетъ настойчивую потребность въ видахъ предотвращенія споровъ, рѣшеніе которыхъ можетъ оказаться впоследствии невозможнымъ.

III.

Если восстановленіе первоначальныхъ границъ усадебъ, не подвергшихся еще раздробленію, сопряжено съ большими затрудненіями, то обозначеніе раздробленныхъ усадебъ почти невозможно.

Раздробленныя крестьянскія усадьбы отличаются двумя особыми характеристическими чертами: 1) общностью усадебнаго двора и надворныхъ хозяйственныхъ строеній; 2) весьма частымъ противорѣчіемъ между фактическими и правовыми отношеніями совладѣльцевъ отдѣльныхъ частей раздробленной усадьбы.

Надворныя строенія составляютъ: жилой домъ, гумно, хлѣвы, иногда амбаръ, погребъ, курятникъ. Жилой домъ состоитъ изъ одной, двухъ или трехъ комнатъ и сѣней. Въ гумнѣ одинъ или два тока, нѣсколько закомовъ. Хлѣвовъ, по большей части, нѣсколько, разной величины: большіе—конюшни, скотные, меньшіе—овчарни, для свиней и т. д. Стоимость этихъ строеній представляетъ довольно значительную часть стоимости всей усадьбы, по-

чему при обзаведеніи отдѣльными дворами на постройку новыхъ строеній пришлось бы затратить сравнительно большія деньги, сломка же старыхъ строеній и дѣлежъ строительнымъ матеріаломъ невыгодны, ибо строенія эти, представляя собою при сломкѣ незначительную стоимость, могутъ обыкновенно еще довольно продолжительное время служить для хозяйственныхъ потребностей. Кромѣ того, на отдѣльные дворы пришлось бы употребить часть пахатнаго поля или луга, изъ которыхъ выгоднѣе извлекать пользу.

Поэтому, собственники отдѣльныхъ частей раздробляющейся усадьбы, раздѣливъ между собою пахатныя поля, луга и лѣсъ, рѣдко раздѣляютъ дворъ и подвергаютъ сломкѣ надворныя строенія для дѣлежа строительнымъ матеріаломъ, а пользуются дворомъ сообща и дѣлятся отдѣльными помѣщеніями въ общихъ строеніяхъ.

Такое совмѣстное пользованіе дворомъ и общими надворными строеніями представляетъ собою большое неудобство вслѣдствіе того, что надворныя строенія, выстроенныя первоначально для одного семейства и для разныхъ цѣлей одного и того же хозяйства, неудобораздѣлимы на равныя части для нѣсколькихъ отдѣльныхъ семействъ и отдѣльныхъ хозяйствъ. Поэтому, при дѣлежѣ, одному достанется большее помѣщеніе, предназначенное первоначально для лошадей или скота, другому меньшее, въ которомъ раньше помѣщались свиньи или овцы; одинъ получаетъ большую комнату въ жиломъ домѣ, другой значительно меньшую и т. д.

Такимъ образомъ совершается фактическій раздѣлъ раздробляющейся усадьбы, который, какъ увидимъ, не имѣетъ ничего общаго съ раздѣломъ ея правовымъ.

Какъ сказано выше, право собственности пріобрѣтается преимущественно наслѣдованіемъ, по завѣщанію, дареніемъ и въ силу обязательствъ.

Правоспособнымъ документомъ на отдѣльныя части раздробленной усадьбы служить: 1) судебное рѣшеніе, въ случаѣ раздробленія ея между нѣсколькими наслѣдниками по судебному раздѣлу или въ случаѣ перехода права собственности по завѣщанію, 2) нотаріальный актъ, въ случаѣ если наслѣдники сами добровольно раздѣлили наслѣдственное имущество, или же если собственникъ цѣлой усадьбы завѣщаль, подарилъ или продалъ часть ея новопріобрѣтателю.

По статистическимъ даннымъ гминнаго суда за 2 разные пятилѣтія съ 1881 по 1885 и съ 1891 по 1895 гг. (см. сентябрь-

скую книжку Жур. Мин. Юст. 1898 г., стр. 264 и таблицу) изъ 128 дѣлъ о раздѣлѣ наслѣдства, которыя за оба пятилѣтія велись въ судѣ, судебнымъ порядкомъ приведено въ исполненіе только 2. Остальные 126 дѣлъ или оканчивались примиреніемъ, или прекращались по неявѣ сторонъ, или же разрѣшались судебными рѣшеніями, опредѣляющими или продажу наслѣдственнаго имущества съ публичныхъ торговъ и дѣлежъ вырученныхъ отъ продажи денегъ, или раздѣлъ его въ натурѣ на равныя части, но въ исполненіе судебнымъ порядкомъ не приводилось ни одно изъ нихъ, и сторонами даже не получались изъ суда исполнительные листы.

И вотъ, является рѣзкое противорѣчіе между фактическимъ землевладѣльческимъ отношеніемъ сонаслѣдниковъ и правовымъ: по судебному раздѣлу, служащему правооснованіемъ для отдѣльныхъ частей раздробленной усадьбы и хранящемуся вмѣстѣ съ дѣломъ въ архивѣ суда, опредѣлено продать усадьбу съ публичныхъ торговъ и раздѣлить вырученныя отъ продажи деньги между наслѣдниками, на дѣлъ же послѣдніе сами подѣлились усадьбою при чемъ совмѣстно пользуются общимъ дворомъ и отдѣльными помѣщеніями въ общихъ строеніяхъ.

Такое же противорѣчіе существуетъ между содержаніемъ нотаріальныхъ актовъ и фактическимъ владѣніемъ отдѣльными частями раздробленной усадьбы.

Нотаріальные акты вообще составляются по одной и той же редакціи: во вступленіи обозначаются имена, отчества, фамиліи и мѣстожителство контрагентовъ, свидѣтелей и нотаріуса, въ концѣ нотаріальнаго акта констатируется, что актъ въ присутствіи свидѣтелей нотаріусомъ прочитанъ, сторонами принятъ и подписанъ, упоминается о пошлинахъ и сборахъ по составленію нотаріальнаго акта, о выдачѣ копій и т. п. Такъ какъ нотаріальные акты отчужденія крестьянскихъ усадебъ обыкновенно отличаются сжатымъ объемомъ и помѣщаются на 2, 3 страницахъ, то и на серединную часть нотаріальнаго акта, которая имѣетъ своимъ предметомъ изложеніе условій дѣговора, остается не болѣе страницы, значительную часть которой занимаютъ условія уплаты оцѣночной суммы, ибо таковая рѣдко сполна уплачивается при составленіи акта, а по большей части перечисляется къ разносрочной уплатѣ продавцу, его дѣтямъ или кредиторамъ.

Такимъ образомъ на описаніе продаваемой недвижимости отводится въ нотаріальномъ актѣ весьма ограниченное мѣсто, и та

часть нотаріального акта, которую, главнымъ образомъ, передается приобрѣтателю правооснованіе на приобрѣтаемую имъ недвижимость, помѣщается всего въ нѣсколькихъ строкахъ, въ которыхъ продаваемая недвижимость описывается общими словами: „цѣлая усадьба“, „половина“, „часть“ или „цѣлая наслѣдственная доля“, безъ подробнаго исчисленія, изъ чего эта половина, часть или наслѣдственная доля состоитъ. Отступленіе отъ этого общаго шаблона представляетъ величайшую рѣдкость. На увеличеніе объема нотаріального акта иногда вліяетъ сложность уплаты остатка продажной суммы, но почти никогда болѣе подробное описаніе продаваемой усадьбы. Очень рѣдко къ общимъ выраженіямъ: „половина“, „часть“ прибавляется, что часть эта или половина находится съ западной или восточной стороны усадьбы, упоминается объ общемъ дворѣ, о томъ, что приобрѣтателю приобрѣтаемая имъ недвижимость извѣстна. Но прибавки эти мало разясняютъ общія выраженія и не устраняютъ противорѣчій между содержаніемъ акта и фактическимъ владѣніемъ, ибо прибавки эти, какъ „половина“, „съ запада или востока“ и т. п. выраженія, довольно неопредѣленны, особенно при совмѣстномъ пользованіи дворомъ и надворными строеніями, заявленіе же приобрѣтателя о томъ, что ему извѣстна приобрѣтаемая имъ недвижимость, относится къ фактическому положенію дѣла, т. е., ему извѣстны тѣ земли и строенія, которыя онъ получаетъ въ фактическое владѣніе, но правооснованія на послѣднія въ совершаемомъ актѣ онъ не получаетъ, ибо въ немъ говорится о „половинѣ“ или „части“ усадьбы, а не говорится ничего, напр., о той конюшнѣ, комнатѣ и т. д., которыя онъ получаетъ въ фактическое владѣніе.

Хотя иногда получающій при дѣлѣжѣ усадьбы болѣшія помѣщенія изъ общихъ строеній вознаграждаетъ наличными деньгами совладѣльца, получающаго меньшія, но никогда условіе это не помѣщается въ нотаріальномъ актѣ, такъ какъ доплата эта совершается дома, и контрагенты, одинъ изъ которыхъ получилъ въ фактическое владѣніе болѣе помѣщеніе, другой—наличные деньги, считаютъ лишнимъ упоминать о томъ въ нотаріальномъ актѣ, а иногда даже получившій меньшія помѣщенія довольствуется общаніемъ доплаты, въ виду сравнительно небольшой ея суммы и взаимнаго довѣрія, существующаго обыкновенно во время заключенія сдѣлки.

Прямымъ послѣдствіемъ несогласія правоосновныхъ документовъ на отдѣльныя части раздробленной крестьянской усадьбы

какъ судебныхъ рѣшеній, такъ и нотаріальныхъ актовъ съ фактическимъ ихъ владѣніемъ является, съ одной стороны, весьма частое возникновеніе споровъ между совладѣльцами отдѣльныхъ частей усадьбы и невозможность установить между ними законныя правовыя отношенія, съ другой стороны, въ случаѣ открытія наслѣдства послѣ одного изъ сихъ совладѣльцевъ, трудность опредѣлить составъ открывшагося наслѣдства, такъ какъ по правоосновному документу онъ будетъ совершенно иной, нежели по описи того недвижимаго имущества, которое находилось въ фактическомъ владѣніи наслѣдодателя. Напр., по судебному рѣшенію ему слѣдуетъ часть денегъ, вырученныхъ отъ публичной продажи цѣлой усадьбы, на дѣль же онъ владѣеть ея частью и т. п.

Поэтому, какъ сказано выше, и осуществленіе права собственности крестьянами, не основываясь на точныхъ и безспорныхъ письменныхъ документахъ, зависитъ почти исключительно, особенно въ раздробленной усадьбѣ, отъ доброй воли совладѣльцевъ отдѣльныхъ ея частей. Каждый изъ нихъ пользуется безпрепятственно полученной имъ въ фактическое владѣніе частью, пока существуютъ между всѣми такія мирныя отношенія, въ какихъ они находились первоначально при раздробленіи усадьбы.

Но вотъ, одному изъ нихъ покажется, что владѣлецъ другой части имѣетъ лучшей лугъ, полученный имъ меньшій хлѣвъ окажется неудобнымъ, семья увеличится, и хотѣлось бы ему захватить большую комнату въ жиломъ домѣ, или просто баба бабѣ выбросить горшокъ изъ общаго очага, и начинаются безконечныя споры и тяжбы, прекратить которые и установить между совладѣльцами законныя отношенія невозможно въ виду несогласія правоосновныхъ документовъ съ фактическимъ положеніемъ дѣла.

Недоразумѣнія и споры возникаютъ на каждомъ шагу: общее пользованіе дворомъ, колодецъ, проѣздомъ, токомъ въ гумнѣ, очагомъ въ каминѣ, сѣнями въ избѣ, размѣры отдѣльныхъ помѣщеній, обѣщанная доплата и т. п.—все это доставляетъ матеріалъ для споровъ и тяжбъ, рѣшить которые трудно въ виду отсутствія въ правоосновномъ документѣ способа и порядка пользованія общими помѣщеніями и исчисленія отдѣльныхъ, или прямой противоположности содержанія ихъ съ фактическимъ положеніемъ дѣла.

Наконецъ, отсутствіе правильныхъ, законнымъ порядкомъ, вѣрно установленныхъ границъ, при значительномъ протяженіи граничной линіи и существованіи преимущественно чрезполосной системы, способствуетъ возникновенію споровъ граничныхъ. Всѣ

эти гражданскія тяжбы сопровождаются, какъ постоянными спутниками, дѣлами уголовными, вчинаемыми сторонами за всевозможныя обиды. При врожденномъ крестьянину упорствѣ и жадности, при содѣйствіи уличныхъ адвокатовъ, вызывающихъ самыя низкіе инстинкты и заманивающихъ къ сутяжничеству, крестьяне отрываются совершенно отъ труда и на продолжительное время буквально погружаются въ сутяжничество, пока не разорятся до тла.

Каждому суду знакомы такіе случаи, гдѣ обѣ стороны сутяжничаютъ по нѣсколько лѣтъ сряду, пока не обѣднѣютъ совершенно и окончательно не сойдутъ съ усадьбы. Напр., два шурина, которымъ тестъ ихъ отдалъ усадьбу, благодаря несогласію текста нотаріальнаго акта съ фактическимъ положеніемъ дѣла, въ продолженіе 10 лѣтъ, съ 1889 по 1898 годъ, вели въ гминномъ судѣ 60 дѣлъ гражданскихъ и 22 уголовныхъ—итого 82 дѣла. Кромѣ того, изъ представленныхъ сторонами по дѣламъ документовъ видно, что велись ими дѣла и въ окружномъ судѣ, и въ судебной палатѣ, не говоря уже о сѣздѣ, куда они переносили дѣла изъ гминнаго суда по апелляціоннымъ и кассационнымъ жалобамъ.

Интересно прослѣдить содержаніе всѣхъ этихъ дѣлъ: изъ 60 дѣлъ гражданскихъ 14 исковъ было предъявлено о возстановленіи нарушеннаго владѣнія и проѣздѣ, 2 дѣла о правѣ на стѣну въ гумнѣ, 1 дѣло о правѣ на жилой домъ, 2 о выселеніи изъ квартиры, одно о правѣ на движимое имущество, 9 дѣлъ о доходѣ съ дома, строеній или части земли, 24 дѣла о вредѣ и убыткахъ, и 7 дѣлъ о взысканіи долга. Изъ 22 дѣлъ уголовныхъ 8 дѣлъ было вчато о нанесеніи словесныхъ обидъ и о клеветѣ, 2 дѣла объ обидахъ дѣйствіемъ, 6 дѣлъ о самоуправствѣ и насиліи, одно о пастьбѣ скота, 4 дѣла о кражѣ и одно дѣло было вчато войтомъ гмины противъ одного изъ сутяжничавшихъ шурьевъ за оскорбленіе имъ сотскаго при составленіи описи судебнымъ приставомъ.

Не буду утруждать вниманія читателей подробнымъ исчисленіемъ, сколько затрачено сторонами наличныхъ денегъ и труда на судебныя издержки, уплату и угощеніе свидѣтелей, явки и вообще хожденіе по всѣмъ этимъ дѣламъ, такъ какъ общія пифры вполне достаточно изображаютъ окончательный результатъ этого 10 лѣтняго сутяжничества. Именно провѣрено, что одинъ изъ шурьевъ за это время задолжалъ 600 рублей, а другой тысячу. Исходъ же всѣхъ этихъ дѣлъ представляется весьма несущественнымъ, и, какъ извѣстно, законныя правовыя отношенія

между сторонами далеко не установились не только рѣшеніями мировыхъ учреждений, но и общихъ судебныхъ мѣстъ. Окончательный же результатъ таковъ, что, какъ провѣрено, обѣ стороны обѣднѣли совершенно, сошли съ усадебъ и изъ хозяйствъ-земледѣльцевъ превратились въ поценщиковъ-рабочихъ, на усадьбѣ же хозяйничаютъ заставные владѣльцы, которымъ разновременно одинъ цѣликомъ, другой по частямъ отдали ее.

Резюмируя вышеизложенное, становится яснымъ, какой громадный вредъ приносить крестьянскому обществу несогласіе правоосновныхъ документовъ съ фактическимъ владѣніемъ въ настоящее время и въ какой безвыходный хаосъ оно повергнетъ крестьянъ въ недалекомъ будущемъ при дальнѣйшемъ раздробленіи усадебъ, почему и устраненіе этого несогласія неизбежно представляетъ одну изъ важнѣйшихъ потребностей дня, отсрочиваніе же его нагромождаетъ лишь все большія затрудненія.

Вопросъ этотъ, какъ составляющій часть общаго вопроса о нѣкоторой реформѣ гминнаго суда при отправленіи имъ тѣхъ функций, на отправленіе которыхъ къ нему взываетъ все настойчивѣе сама жизнь, будетъ предметомъ отдѣльнаго труда.

Д. Сташевскій.

IV.

О ПРОИЗВОДСТВѢ ДѢЛЪ О НЕСОСТОЯТЕЛЬНОСТИ.

Въ прошеніи, поданномъ окружному суду, *г-жа С.* просила признать *г-на В.* несостоятельнымъ должникомъ, при чемъ представила исполнительный листъ на взысканіе съ *В.* 2000 р. съ % и издержками, съ надписью судебного пристава о томъ, что у *В.* не оказалось движимаго имущества.

На два вызова къ суду должникъ *В.*, не представляя объясненій о средствахъ къ удовлетворенію долга, прислалъ свидѣтельства о болѣзни, наконецъ, явившись по третьему вызову для указанія средствъ, объяснилъ, что на удовлетвореніе претензіи *С.* у него имѣется: 1) право получить съ братьевъ купцовъ *Б.* 3 т. р. вознагражденія за веденіе дѣла по иску ихъ къ *фонъ-Б.* и 2) съ *кр-на Н.* 2800 р. за веденіе дѣла о наслѣдствѣ.

По новому вызову въ судъ должникъ *В.* представилъ вновь свидѣтельство о болѣзни, а явившись въ засѣданіе суда 17 февраля

1898 г. объяснилъ, что несмотря на данное имъ *г-нъ С.* общаніе разсчитаться съ нею, не могъ этого исполнить, такъ какъ отъ *фонъ-В.* не получаетъ денегъ за отказомъ опекуна надъ имуществомъ послѣдняго принять повѣстку объ исполненіи; а отъ братьевъ *В.*—за неполученіемъ послѣдними наслѣдственного капитала изъ банка.

Находя объясненія эти неуважительными, окружный судъ, по просьбѣ взыскательницы, призналъ *В.* несостоятельнымъ должникомъ.

По *апелляціонной* жалобѣ *В.* судебная палата нашла, что по закону всякое взысканіе можетъ быть обращено на платежи, слѣдующіе должнику отъ третьихъ лицъ, и вопросъ сводится къ тому, можетъ ли кредиторъ получить удовлетвореніе, не объявляя своего должника несостоятельнымъ? При такихъ условіяхъ должникъ, защищаясь отъ несостоятельности, обязанъ доказать, что ему дѣйствительно слѣдуютъ платежи отъ третьихъ лицъ и въ какой суммѣ, что срокъ платежа наступилъ и что третьи лица согласны и въ состояніи заплатить. Должникъ *В.* въ окружномъ судѣ и въ *апелляціонной* жалобѣ ссылаясь на такія доказательства, по окружному судѣ, не провѣривъ ихъ, объявилъ *В.* несостоятельнымъ должникомъ. Въ силу ст. 23—25 прил. 4 къ ст. 1400 уст. гражд. суд. окружный судъ, если признаетъ заявленіе кредиторовъ уважительнымъ, то, еще не объявляя несостоятельности, отбираетъ отъ должника установленную закономъ подписку и распоряжается составленіемъ описи и оцѣнки имущества должника и только по разсмотрѣніи общаго счета рѣшаетъ дѣло. Такое категорическое требованіе закона не допускаетъ никакихъ отступленій и всякое рѣшеніе суда безъ повѣрки счета имущества и долговъ будетъ преждевременнымъ. И дѣйствительно *В.* заявляетъ, что ему причитаются безспорные платежи отъ третьихъ лицъ, что у него есть цѣнное домашнее имущество. Не изслѣдовавъ въ порядкѣ, установленномъ законами, нельзя отвергать правильность такого заявленія, и потому заключеніе окружного суда, постановленное въ прямое нарушеніе ст. 23 прил. 4 къ ст. 1400 уст. гражд. суд., является неправильнымъ. Постановила: отмѣнивъ опредѣленіе суда о признаніи *В.* несостоятельнымъ должникомъ, предписать окружному суду предварительно исполнить установленный въ законѣ порядокъ для производства дѣлъ о неторговой несостоятельности.

Изъ означеннаго рѣшенія судебной палаты возникаетъ нѣсколько какъ процессуальныхъ, такъ и по существу дѣла, вопросовъ.

Въ рѣшеніи Гражд. Кассац. Департ. Сената за 1886 г. № 7 (а противоположнаго рѣшенія не было) категорически разъяснено: что судъ, не выходя изъ присутствія, объявляетъ должника несостоятельнымъ и подписываетъ о томъ свое опредѣленіе, каковое опредѣленіе исполняется, *въ тотъ же день*, наложеніемъ ареста на движимое имущество должника въ мѣстѣ его жительства . . . и т. д.; за симъ Сенатъ говоритъ, что моментомъ объявленія должника несостоятельнымъ служить *„время постановленія судомъ опредѣленія о его несостоятельности“*.

Руководствуясь этимъ рѣшеніемъ, окружный судъ, признавъ *В.* несостоятельнымъ, послалъ объявленія въ надлежащія установленія для опубликованія о несостоятельности *В.*, истративъ на это деньги, представленныя кредиторшею. Въ настоящее время возникаетъ вопросъ, какъ быть съ этимъ объявленіемъ въ виду рѣшенія судебной палаты, такъ какъ: во-1), въ законѣ нѣтъ указанія, въ какой формѣ могутъ быть выражены новыя публикаціи для отмѣны уже произведенныхъ, во-2), на чей счетъ такія публикаціи должны производиться и, въ-3), такъ какъ кредиторша *С.* представила уже однажды деньги на публикацію, а судъ истратилъ эти деньги, руководствуясь приведеннымъ выше рѣшеніемъ Сената, то спрашивается, въ случаѣ постановленія новаго опредѣленія о признаніи *В.* несостоятельнымъ, на какомъ основаніи можно требовать съ кредиторши *С.* представленія новой суммы денегъ, когда не по ея винѣ приходится дважды публиковать объ одномъ и томъ-же?

По существу же рѣшенія судебной палаты даннаго дѣла также нельзя согласиться съ мотивами палаты.

Судебная палата указываетъ, что судъ не исполнилъ требованія 23—25 ст. прилож. къ примѣч. къ 1400 ст. уст. гражд. суд.; но правила эти и не подлежатъ примѣненію къ данному случаю, такъ какъ въ 26 ст. тѣхъ же правилъ указано, что если представленная въ судъ сумма недостаточна для удовлетворенія кредиторомъ и должникъ не указываетъ другаго имущества для уплаты долга, то судъ, „не отлая“ указанныхъ въ пунктѣ 2 ст. 23 и 2 ч. ст. 24 и 25 распоряженій для приведенія въ извѣстность имущества, „немедленно“ постановляетъ опредѣленіе объ объявленіи должника несостоятельнымъ. Если же при недостаточности представленныхъ денегъ постановляется опредѣленіе о несостоятельности, безъ примѣненія 23—25 прилож. къ примѣч. къ 1400 ст. уст., то не можетъ быть сомнѣнія въ томъ, что также точно судъ обязанъ поступить и въ томъ случаѣ, когда признаетъ незаслуживающими ува-

женія доводы должника о его средствахъ къ расчету съ кредиторами.

Такъ судъ и поступилъ въ данномъ дѣлѣ, руководствуясь 26 ст., о чемъ и указалъ въ своемъ опредѣленіи; а слѣдовательно и не допустилъ нарушенія 23 ст., какъ на то указывается въ опредѣленіи судебной палаты. Не представлялось надобности и въ повѣркѣ счета имущества и долговъ кредитора, такъ какъ долгъ заявленъ лишь одною г-жею С., и до вызова остальныхъ кредиторовъ чрезъ публикацію не можетъ быть въ виду суда другихъ долговъ, тѣмъ болѣе, что самъ должникъ В. другихъ кредиторовъ не называетъ.

Переходя къ заявленію В. о причитающихся ему суммахъ съ третьихъ лицъ, судебная палата указываетъ, что всякое взысканіе можетъ быть обращено на платежи, слѣдующіе должнику съ третьихъ лицъ, а такъ какъ должникъ В. заявилъ суду о такихъ платежахъ, то судъ долженъ былъ провѣрить это показаніе. Но доводъ этотъ не согласенъ ни съ закономъ, ни съ неоднократными разъясненіями Кассац. Департ. Сената. Въ силу буквального смысла 935 ст. уст. гражд. суд. избраніе способа приведенія рѣшенія въ исполненіе всецѣло предоставляется взыскателю и судъ не только не можетъ, но и не въ правѣ давать указанія кредитору на тотъ или иной способъ удовлетворенія его претензіи, а тѣмъ менѣе на обращеніе взысканія на суммы, причитающіяся должнику отъ третьихъ лицъ, такъ какъ можетъ случиться, что, по тѣмъ или инымъ основаніямъ, кредиторъ не находитъ почему-либо для себя удобнымъ имѣть дѣло не лично со своимъ должникомъ.

Въ рѣшеніи Кассац. Департ. Сената за 1880 г., № 51, разъяснено, что при разрѣшеніи вопроса о несостоятельности 1078 ст. уст. гражд. суд. не обязываетъ вовсе кредитора, при осуществленіи его права, ни ожидать времени наступленія сроковъ по обязательствамъ третьихъ лицъ—кредитору, или „окончательнаго расчета ихъ должника“, ни приступать къ мѣрамъ понудительнымъ вмѣсто самого должника, и что такого рода денежные претензіи, не составляя наличнаго имущества, не могутъ быть причислены къ такому, при отсутствіи удостовѣренія, что платежъ оныхъ послѣдуетъ въ то время, когда для кредитора *открылось право* на полученіе удовлетворенія. Такое время наступило для кредиторши С. еще въ 1894 году, когда она передала исполнительный листъ судебному приставу для взысканія, а г. В. еще и до сихъ поръ ничего не получилъ съ своихъ должниковъ.

То же повторяется и въ рѣшеніи за 1882 г., № 29, съ добавленіемъ еще болѣе яснымъ, что для удовлетворенія кредитора у должника должно быть наличное имущество; право же должника на всякое другое имущество, „не поступившее еще“ въ дѣйствительное его обладаніе, не можетъ служить источникомъ удовлетворенія его долговъ и, слѣдовательно, „не можетъ быть принято въ расчетъ“ при разрѣшеніи вопроса о несостоятельности должника.

Наконецъ, въ рѣшеніи за 1896 г. № 104 говорится, что несостоятельность наступаетъ, когда кто-либо не имѣетъ *наличныхъ денегъ* на удовлетвореніе въ срокъ своихъ долговъ на сумму болѣе 1500 рублей и можно заключить, что долги эти неоплатны.

Приведенныя рѣшенія Сената не оставляютъ сомнѣнія въ томъ, что претензіи должника на третьихъ лицъ не должны быть принимаемы въ соображеніе при разрѣшеніи вопроса о несостоятельности даннаго лица; а такъ какъ кредиторъ В. ни на какое другое, принадлежащее ему имущество не указываетъ, то и рѣшеніе судебной палаты по данному дѣлу предъявляетъ суду требованіе, трудно разрѣшимое, а именно: какую новую брать отъ должника подписку, когда таковая уже отобрана? Какое имущество приводитъ въ извѣстность, когда изъ надписи на исполнительномъ листѣ видно, что у В. никакого движимаго имущества нѣтъ, а на недвижимое имущество, ему принадлежащее, онъ и самъ не указываетъ? Къ чему требовать отъ него доказательствъ, что онъ получить рано или поздно свои долги съ третьихъ лицъ, когда Сенатъ признаетъ, что такого рода претензіи не могутъ вліять на разрѣшеніе вопроса о несостоятельности?

Какой расчетъ можетъ составлять членъ суда по 24 ст. прилож. къ примѣч. къ 1400 ст. уст. гражд. суд., когда никакого имущества у должника В. нѣтъ, а кредиторша единственная? Какъ быть съ произведенной уже публикаціей о несостоятельности В. въ виду отмѣны палатою опредѣленія суда, и, наконецъ, на чей счетъ и въ какой формѣ производить публикацію, отмѣняющую уже однажды произведенную, и на чей счетъ при новомъ признаніи В. несостоятельнымъ должникомъ?

Независимо отъ всего вышеизложеннаго возбуждается вопросъ, въ какомъ порядкѣ должно производиться дѣло въ дальнѣйшемъ ходѣ? На рѣшеніе суда была подана *апелляціонная жалоба* и по закону окончательное рѣшеніе должно быть постановлено судебною палатою, безъ возвращенія въ судъ для постановленія вторичнаго опредѣленія (772 ст. уст. гражд. суд.). Между тѣмъ въ данномъ

случаѣ палата, отмѣнивъ опредѣленіе суда, которое, какъ заканчивающее въ первой стадіи дѣло о несостоятельности, соотвѣтствуетъ „рѣшенію дѣла“,—не постановила сама никакого окончательнаго опредѣленія и слѣдовательно неизвѣстно, долженъ ли судъ, исполнивъ указанія палаты, представлять дѣло въ палату же для постановленія окончательнаго опредѣленія, или судъ самъ долженъ вторично разрѣшить вопросъ о несостоятельности, т. е. по одному и тому же вопросу постановить два опредѣленія?

А. Остроградскій.

V.

О ПРЕПОДАВАНІИ ГРАЖДАНСКАГО ПРАВА ВЪ УНИВЕРСИТЕТАХЪ.

(ЗАМѢТКА ПРАКТИКА).

За послѣдніе два года въ газетахъ не мало говорится относительно преподаванія „мѣстныхъ правъ“ въ университетахъ и, въ особенности, мѣстнаго права, дѣйствующаго въ Прибалтійскихъ губерніяхъ. Думая, что и голосъ судьи-практика по этому предмету не будетъ лишнимъ, позволимъ себѣ сказать нижеслѣдующее.

Прежде всего не можемъ не замѣтить, что преподаваніе „мѣстныхъ правъ“ въ университетахъ не представляетъ собою новости, по крайней мѣрѣ въ недалекомъ прошломъ. Такъ, въ Петербургскомъ университетѣ до второй половины 1882 года кафедре гражданскаго права занималъ извѣстный русскій цивилистъ К. И. Малышевъ; онъ въ своемъ курсѣ излагалъ всѣ дѣйствующіе въ Россіи гражданскіе законы, т. е. совмѣстно съ 1 ч. X т. Свод. зак. онъ излагалъ какъ мѣстныя права, дѣйствующія въ губерніяхъ Прибалтійскихъ, Царства Польскаго, Бессарабской, Черниговской и Полтавской ¹⁾, такъ и въ Финляндіи. При этомъ удѣля-

¹⁾ Дѣйствующіе въ двухъ послѣднихъ губерніяхъ особые гражданскіе законы, заимствованные изъ Литовскаго статута, какъ извѣстно, входятъ въ составъ 1 ч. X т. Свод. зак., гдѣ и помѣщены въ видѣ отдѣльныхъ разрозненныхъ статей.

Нельзя не пожалѣть, что К. И. Малышевъ не напечаталъ своихъ литографированныхъ записокъ по курсу гражданскаго права, вслѣдствіе чего лишилъ русскую учебную литературу по этому предмету полезнаго руководства. Послѣднія такія записки выходили въ 1880/81 академическомъ году. Его же печатный курсъ общаго гражданскаго права Россіи обнимаетъ только начала общей части гражданскаго права (т. I. Спб. 1878 г.).

лось надлежащее мѣсто и обычному прву, и граажданскимъ постановленіямъ, разбросаннымъ въ другихъ томахъ Свод. зак., кромѣ Х-го. Благодаря усвоенной К. И. Малышевымъ системѣ, предъ слушателями его представлялась, хотя и въ сжатомъ изложеніи, довольно полная картина дѣйствующихъ въ Россіи гражданскихъ законовъ, а не одной только 1 части X т. Вотъ, что говорилъ между прочимъ своимъ слушателямъ многоуважаемый профессоръ: „Развитіе общей системы гражданскаго права, которая обняла бы весь разноплеменный и разномѣстный бытъ Россіи, слѣдуетъ считать существеннымъ условіемъ для сосредоточенія государственной жизни, для охраненія и упроченія государственнаго порядка. Эта система есть самая надежная организація дѣлъ торговыхъ, кредитныхъ, поземельныхъ, промышленныхъ и вообще гражданскаго быта; она въ состояніи указать намъ общія формы и принципы права, способные смягчить племенную и мѣстную рознь населенія, принципы, по которымъ можетъ быть направлено естественное, свободное теченіе всего гражданскаго быта“. Изложенныя въ этихъ словахъ соображенія, свидѣтельствуя о высокомъ пониманіи авторомъ ихъ какъ научныхъ, такъ и практическихъ, государственныхъ и общественныхъ задачъ, заслуживаютъ въ настоящее время еще большаго вниманія, чѣмъ 20 лѣтъ тому назадъ.

Не касаясь теоретическихъ основаній, по которымъ сравнительное изученіе разнообразныхъ гражданскихъ законовъ вообще представляется полезнымъ, мы считаемъ своимъ долгомъ сказать, что въ практическомъ отношеніи ознакомленіе студентовъ-юристовъ, какъ будущихъ судебныхъ дѣятелей, со всѣми гражданскими законами, дѣйствующими въ разныхъ мѣстностяхъ Россійской Имперіи, является безусловно необходимымъ ¹⁾. Въ подтвержденіе этого достаточно указать на то, что, вслѣдствіе усиливающагося съ каждымъ годомъ развитія гражданско-правовыхъ отношеній между всѣми мѣстностями Россіи, русскимъ судебнымъ дѣятелямъ приходится нерѣдко по дѣламъ, возникающимъ въ данной мѣстности, примѣнять не только мѣстные законы, но и законы, дѣйствующіе въ другихъ мѣстностяхъ. Такъ, напр., цивилистамъ

¹⁾ Подтвержденіе своимъ взглядамъ мы находимъ въ соображеніяхъ, изложенныхъ у К. Анненкова во введеніи къ его труду—Система русскаго гражданскаго права, т. I, 1894 г., стр. 1—32, и отчасти у проф. Шершеневича въ его брошюрѣ—Наука гражданскаго права въ Россіи. К. 1893 г., стр. 232—243. Ср. также интересную замѣтку—О преподаваніи юридическихъ наукъ во французскихъ университетахъ. Юридич. Газета, 1899 г., № 55.

внутреннихъ и западныхъ губерній приходится руководствоваться не только 1 ч. X т., но и гражданскими законами, дѣйствующими въ губерніяхъ Царства Польскаго и Прибалтійскихъ, а цивилистамъ этихъ послѣднихъ губерній имѣть дѣло не съ одними только мѣстными законами, но и съ 1 ч. X т. и пр. ¹⁾ Бываютъ случаи, когда русскому судѣ нужно примѣнять и финляндскіе гражданскіе законы.

Пишущему настоящія строки приходится, между прочимъ, въ качествѣ члена суда принимать участіе въ экзаменахъ состоящихъ при окружномъ судѣ кандидатовъ и заниматься съ ними по гражданскому праву и судопроизводству, для чего молодымъ людямъ задаются словесные разборы случаевъ изъ судебной практики, а также письменныя работы на темы теоретическо-практическаго характера ²⁾. И вотъ, какъ по личнымъ наблюденіямъ, такъ и по сообщеніямъ другихъ судей, убѣждаемся, что тѣ знанія по русскому дѣйствующему гражданскому праву, съ которыми молодые юристы поступаютъ въ судъ, представляются крайне недостаточными. Объясняется же это, по отзывамъ самихъ молодыхъ людей (окончившихъ курсы въ пяти нашихъ университетахъ), тѣмъ, что они даже по общему дѣйствующему гражданскому праву, т. е. по 1 ч. X т., получаютъ лишь отрывочныя свѣдѣнія.

Въ виду изложеннаго, намъ кажется, невозможно говорить о неумѣстности или несвоевременности преподаванія „мѣстныхъ правъ“ въ университетахъ не только въ настоящее время, но даже и въ будущемъ, такъ какъ вырабатываемому комиссіей гражданскому уложенію, какъ видно изъ объясненій составителей его, не суждено дѣйствовать на всемъ пространствѣ Россійской Имперіи ³⁾.

¹⁾ П. И. Бѣляевъ—Обще-имперскій законъ и мѣстныя остзейскія закононенія. Жур. Мин. Юст., 1898 г., № 9.

²⁾ Какъ при разборѣ случаевъ по матеріальному праву, такъ и въ письменныхъ работахъ принято придерживаться сравнительнаго метода изложенія.

³⁾ По словамъ составителей гражданскаго уложенія „гражданскіе законы губерній Царства Польскаго и Прибалтійскихъ и по изданіи уложенія должны остаться въ силѣ, такъ какъ многочисленныя особенности мѣстнаго права не позволяютъ пока полнаго сліянія его съ общими законами Имперіи. Но, конечно, совершеннаго обособленія и изытія названныхъ губерній отъ дѣйствія общихъ законовъ Имперіи быть не можетъ. Во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда по какому-либо юридическому институту нѣтъ мѣстныхъ законовъ, должны быть примѣняемы законы общіе“. Проектъ гражданскаго уложенія. Кн. V. Обязательства, т. I, стр. XXXVII и сл.

А разъ „мѣстныхъ права“ дѣйствуютъ и будутъ дѣйствовать впредь, то знакомство съ ними на университетской скамьѣ представляется и своевременнымъ, и необходимымъ для будущихъ судебныхъ дѣятелей. Кто же прежде всего можетъ и долженъ дать соотвѣтствующую подготовку въ этомъ отношеніи, какъ не университетъ! Но, высказываясь за безусловную практическую необходимость ознакомленія студентовъ-юристовъ со всѣми мѣстными гражданскими правами, мы не можемъ признать вполне соотвѣтствующимъ цѣли, если каждое изъ мѣстныхъ правъ будетъ читаться въ качествѣ самостоятельнаго и спеціальнаго курса, такъ какъ преподаваніе мѣстныхъ правъ въ такомъ видѣ будетъ вредить единству, стройности и цѣльности преподаванія науки русскаго дѣйствующаго гражданского права и тѣмъ самымъ препятствовать связанному усвоенію слушателями и общихъ началъ ея. Поэтому и вслѣдствіе приведенныхъ выше соображеній для насъ представляется совершенно непонятнымъ введеніе въ университетахъ одного лишь изъ мѣстныхъ гражданскихъ правъ, именно права, дѣйствующаго въ губерніяхъ Прибалтійскихъ. Русское гражданское право, какъ наука прикладная, занимая самостоятельное мѣсто рядомъ съ общей теоріей гражданского права, должно заключать въ себѣ систематическое изложеніе всѣхъ мѣстныхъ правъ ¹⁾, независимо отъ ихъ достоинствъ и недостатковъ до тѣхъ поръ, пока единое право не замѣнитъ ихъ на всемъ пространствѣ нашего обширнаго отечества.

Для достиженія же вышеуказанной цѣли на юридическихъ факультетахъ должно быть расширено преподаваніе гражданского права и обращено серьезное вниманіе на то, чтобы въ связи съ развитіемъ практическихъ занятій преподаваніе особенной части русскаго гражданского права было возможно полнымъ ²⁾ и при-

¹⁾ Нѣкоторые теоретики говорятъ объ этомъ противное. Ср. письмо проф. М. Красножена въ № 233, 1899 г., Московскихъ Вѣдомостей.

²⁾ Число необходимыхъ для этого лекцій, между прочимъ, можетъ быть увеличено за счетъ римскаго права. Нельзя вѣдъ закрывать глаза на то, что, хотя многіе изъ принциповъ римскаго права навсегда останутся однимъ изъ краеугольныхъ камней, какъ въ наукѣ гражданского права, такъ и въ гражданскихъ кодексахъ, жизнь выбиваетъ это право изъ строя юридико-практическихъ наукъ. Теперь римскому праву суждено занимать почетное мѣсто въ ряду наукъ историко-юридическихъ. Сообразно сему и должны преподаваться какъ исторія, такъ и догма римскаго права. Ср. А. М. Гуляевъ—Реформа юридич. образованія въ Германіи. Жур. Мин. Юст., 1897 г., № 10 и М. Я. Пергаментъ—Къ вопросу о задачахъ науки римскаго права. Право, № 44, 1899 г.

Въ отношеніи матеріальнаго уголовного права мы также находимъ не-

томъ по системѣ, усвоенной К. И. Малышевымъ ¹⁾. При такихъ условіяхъ молодые люди, оканчивающіе юридическіе факультеты и посвящающіе себя судебной дѣятельности, не будутъ имѣть права посылать упреки по адресу своей *alma mater* за то, что она лишила ихъ возможности приобрѣсти тѣ знанія, которыя особенно необходимы для избранной ими дѣятельности. Если молодые юристы по поступленіи на службу въ судебныя мѣста или на адвокатское поприще сравнительно быстро осваиваются съ процессомъ, то серьезные недочеты въ познаніяхъ по матеріальному гражданскому праву долго даютъ себя знать. Не даромъ вѣдъ слышатся упреки, что у насъ недостаточно опытныхъ цивилистовъ. Объясняется это не однимъ только существующимъ предпочтеніемъ какъ со стороны служивыхъ юристовъ, такъ и большинства видныхъ представителей адвокатуры уголовной юриспруденціи передъ гражданской, но и результатами самаго порядка преподаванія послѣдней въ университетахъ. По нашему мнѣнію, при преподаваніи русскаго гражданскаго права по системѣ К. И. Малышева—съ одной стороны, сказанные недочеты сведутся до *минимума*, а съ другой стороны, не будетъ забытъ тотъ справедливый завѣтъ проф. Теринга, что „наука права, чтобы стать практической, не должна преслѣдовать узкопрактическихъ цѣлей“.

Въ виду же того, что значительная часть оканчивающихъ юридическіе факультеты избираетъ для себя дѣятельность по финансовому и административному вѣдомствамъ, полезно было бы, какъ

обходимымъ, чтобы преподаваніе особенной части его было возможно полнымъ, а не ограничивалось разсмотрѣніемъ только нѣкоторыхъ преступныхъ дѣяній, какъ это дѣлается въ большинствѣ случаевъ. Кроме того, считаемъ справедливыми указанія Г. Гросса на необходимость учрежденія въ университетахъ каѳедры для вспомогательныхъ наукъ по уголовному праву (Г. Гроссъ—Руководство для судебныхъ слѣдователей. Рус. перев. Дудкина и Зиллера. Смоленскъ. 1895 г. Вып. I, стр. 12). Конечно, все это вызоветъ увеличеніе числа лекцій на юридическихъ факультетахъ и усиленіе занятій какъ со стороны профессоровъ, такъ и студентовъ.

¹⁾ Занявшій послѣ К. И. Малышева каѳедру гражданскаго права въ Петербургскомъ университетѣ почтенный профессоръ Н. Л. Дювернуа не только не нашелъ возможнымъ пойти по пути своего предшественника, но даже повидимому высказывается за положительную невозможность преподаванія русскаго гражданскаго права въ томъ видѣ, какъ это дѣлалось при К. И. Малышевѣ (Дювернуа—Курсъ лекцій по гражданскому праву. 1889 г., стр. 8—9 и 221). Однако практическая судебная дѣятельность убѣждаетъ въ противномъ. Только идя рука объ руку съ изученіемъ дѣйствующаго права, теорія гражданскаго права можетъ принести полную и желательную пользу лицамъ, подготовляющимъ себя къ практической судебной дѣятельности.

въ интересахъ научныхъ, такъ и сообразно указаніямъ и потребностямъ жизни, возстановить раздѣленіе юридическаго факультета на юридическое и административное или камеральное, какъ это было прежде въ нѣкоторыхъ нашихъ университетахъ, напр., въ Петербургскомъ, съ преобладаніемъ на первомъ отдѣленіи чистоюридическихъ наукъ, а на второмъ—экономическихъ и финансовыхъ.

К. Г. Высоцкій.

VI.

КЪ ВОПРОСУ О РЕФОРМѢ СУДЕБНО-МЕЖЕВАГО ПРОЦЕССА.

Въ апрѣльской книжкѣ Журнала Министерства Юстиціи напечатана статья г. Леонтьева „Реформа судебно-межевого процесса“, въ которой упомянутый авторъ подвергаетъ критическому разбору двѣ нижеуказанныя мои статьи по судебно-межевому процессу.

Означенный авторъ расходится со мною въ двухъ положеніяхъ: во-1-хъ, онъ не можетъ согласиться съ пользою частичныхъ измѣненій судебно-межеваго процесса, признанныхъ неудовлетворительными и самимъ правительствомъ, и, во-2-хъ, несогласенъ, чтобы для всѣхъ случаевъ судебного межеванія было возможно и полезно предлагаемое мною сліяніе двухъ стадій процесса въ одну.

По поводу сдѣланныхъ возраженій считаю долгомъ высказать нѣсколько соображеній въ защиту своихъ возрѣній на основную задачу реформы судебно-межеваго процесса, которую я и проводилъ въ своихъ статьяхъ, напечатанныхъ въ Журналѣ Юридическаго Общества за 1897 г., № 10, и 1898 г., № 9, и озаглавленныхъ: „Желательная реформа судебно-межеваго разбирательства“ и „Желательное упрощеніе судебныхъ рѣшеній по дѣламъ судебно-межевымъ“.

Задача эта, по моему мнѣнію, должна заключаться въ дешевизнѣ и упрощеніи процесса. Съ этою цѣлью прежде всего должна быть измѣнена форма процесса, въ настоящее время не соответствующая его содержанію. Въ самомъ дѣлѣ, сущность судебно-межеваго разбирательства по установившемуся въ кассационной практикѣ взгляду характеризуется отсутствіемъ спора о правѣ, а только выясненіемъ фактическихъ недоразумѣній относительно пространства, мѣстности и границъ владѣній. Между тѣмъ иско-

вая форма, въ которую въ наше время облакается судебно-межевой процессъ, къ нему совершенно не примѣнима, какъ по характеру матеріальнаго содержанія (нѣтъ спора о правѣ), такъ и по своимъ излишней строгости формальнымъ требованіямъ. Стороны же участвуютъ въ процессѣ не въ качествѣ истцовъ или отвѣтчиковъ, а для защиты собственныхъ интересовъ; въ виду этого неупоминаніе кого-либо изъ совладѣльцевъ или неврученіе повѣстки тому или иному лицу не можетъ служить тормазомъ къ приостановленію производства, съ другой стороны—подающихъ прошеніе о размежеваніи слѣдуетъ освободить отъ представленія копій съ прошенія и приложений и отъ уплаты судебныхъ пошлинъ и гербового сбора.

Это составляетъ предметъ моей первой статьи и съ этимъ, повидимому, согласенъ и авторъ. Но видя въ этой реформѣ полумѣру, частичныя измѣненія судебно-межевого процесса, г. Леонтьевъ восклицаетъ: „какъ будто въ этихъ отрицательныхъ мѣрахъ можетъ заключаться положительная реформа будущаго судебно-межевого процесса!“¹⁾

Сообразно этому почтенный авторъ предлагаетъ какъ положительную мѣру—изъять судебно-межевой процессъ изъ рукъ коллегіи и передать его въ руки спеціальнаго единоличнаго органа.

Не входя въ детальное разсмотрѣніе проекта г. Леонтьева по означенному предмету, я не могу согласиться съ тѣмъ выводомъ автора, будто измѣненіе одной формы процесса указаніемъ на ея отрицательныя стороны есть только частичное измѣненіе. Я готовъ признать, что въ этихъ отрицательныхъ чертахъ не вполне выяснена положительная сторона реформы. Говорить же о томъ, кто долженъ вѣдать судебно-межевымъ процессомъ, безъ выработки для него особой формы, есть дѣло, хотя и важное, но долженствующее, по моему мнѣнію, стоять на второмъ планѣ. Базисомъ реформы должна служить прежде всего форма процесса, которая бы соотвѣтствовала сущности судебного межеванія у насъ, вела бы къ цѣли размежеванія въ непродолжительное сравнительно время и служила бы населенію доступнымъ средствомъ къ обращенію въ судъ въ интересахъ земельныхъ, землевладѣльческихъ и сельскохозяйственныхъ. Вѣдь, проектируя передать дѣла судебно-межевыя въ вѣдѣніе спеціальныхъ членовъ суда—изъ коллегіи,—авторъ тѣмъ самымъ уже предполагаетъ измѣненной и самую форму

¹⁾ Названная статья, стр. 193.

процесса, ибо въ противномъ случаѣ судебно-межевой процессъ будетъ и въ будущемъ вызывать тѣ же нареканія на ни въ чемъ неповинный судъ. Стало быть, измѣненіе формы процесса, безотносительно къ вопросу о томъ, кто будетъ вѣдать процессомъ,— коллегія или единоличный органъ,—есть уже не частичное, а основное, такъ сказать, коренное измѣненіе современнаго судебно-межеваго процесса.

По измѣненіи основанія процесса, должны быть обсуждаемы и детали его. Ихъ я почти не касался и я согласенъ съ г. Леонтьевымъ, что при коллегіальной системѣ разрѣшенія судебно-межевыхъ дѣлъ имѣются существенные недостатки, какъ, напр., обсужденіе коллегіей незначительныхъ вопросовъ, ради чего вызываются въ судебное засѣданіе стороны, явка которыхъ въ судебное засѣданіе совершенно излишня. Устраненіе этихъ недостатковъ въ высшей степени желательно.

Въ проектируемыхъ мною отрицательныхъ мѣрахъ заключается, однако, и положительная сторона реформы, именно: упрощенная форма процесса. Если откинуть исковыя требованія для дѣлъ судебно-межевыхъ и предоставить каждому заинтересованному лицу хлопотать въ судахъ только для себя, безъ представленія надлежащихъ копій съ прошенія и приложений и безъ уплаты судебныхъ пошлинъ и гербоваго сбора, но лишь съ указаніемъ владѣльцевъ дачи и приложеніемъ сбора по производству дѣла, если притомъ будетъ увеличена самостоятельность судебныхъ органовъ въ дѣлѣ изслѣдованія того или другаго судебно-межеваго вопроса, безъ внесенія маловажныхъ на разрѣшеніе судебной коллегіи, то получится форма процесса, наиболѣе соотвѣтствующая судебно-межевымъ дѣламъ: дешевая и упрощенная! Какъ угодно назовите эту форму, но она не будетъ ни исковой, ни охранительнаго производства: для первой—недостаеь требованій 257 ст. уст. гражд. суд., для второй—излишне присутствіе въ дѣлѣ цѣлаго ряда лицъ съ отдѣльными, быть можетъ диаметрально противоположными, интересами.

Теперь обращаюсь къ разсмотрѣнію втораго пункта критики г. Леонтьева, сводящагося къ нежелательному сліянію двухъ стадій судебно-межеваго процесса въ одну при спеціальномъ судебномъ размежеваніи.

Вопреки мнѣнію названнаго автора я полагаю, что реформѣ должно подлежать, въ виду желательнаго упрощенія судебного рѣшенія, и самое расчлененіе современнаго судебно-межеваго про-

цесса „и о количествѣ земли, и о мѣстности участковъ“ на два отдѣльныхъ процесса съ двумя судебными рѣшеніями по существу, въ смыслѣ сліянія ихъ въ одинъ процессъ съ однимъ судебнымъ рѣшеніемъ по существу, безъ уничтоженія, однако, вопроса и о количествѣ земли, если бы то было признано судомъ или сторонами необходимымъ во время хода судебно-межеваго процесса. Въ ссылкѣ 1-й, на стр. 58, въ статьѣ „Желательное упрощеніе судебныхъ рѣшеній по дѣламъ судебно-межевымъ“ мною указано, что я не отрицаю важности процесса и о количествѣ земли. Такимъ образомъ приписываемое мнѣ г. Леонтьевымъ мнѣніе о полномъ уничтоженіи вопроса о количествѣ земли въ процессѣ есть плодъ чистѣйшаго недоразумѣнія. Я дѣйствительно настаиваю на сліяніи двухъ процессовъ по каждому судебно-межевому дѣлу въ одинъ съ однимъ судебнымъ рѣшеніемъ по существу, ни слова не говоря объ упраздненіи той или другой стадіи современнаго судебно-межеваго процесса; иными словами, я проектирую разрѣшеніе двухъ вопросовъ „о количествѣ земли и о мѣстности участковъ“ въ одномъ судебномъ рѣшеніи. Инициатива возбужденія вопроса о количествѣ земли можетъ принадлежать или суду по силѣ 368 ст. уст. гражд. суд., или же заинтересованнымъ въ дѣлѣ лицамъ.

Неужели справедливо и цѣлесообразно и на будущее время заставлятъ владѣльцевъ, спорящихъ лишь о мѣстности участковъ въ дачѣ, начинать споръ о количествѣ земли, котораго они и въ виду не имѣли, и только потому, что того требуютъ правила современнаго судебно-межеваго производства? Неужели во исполненіе формальнаго раздѣленія единаго судебно-межеваго процесса на два - необходимо заставлятъ владѣльцевъ цѣлыхъ семь мѣсяцевъ дожидаться момента, когда они дѣйствительно могутъ начать судебнымъ порядкомъ споръ о мѣстности участковъ?

Хотя-бы такихъ споровъ, въ которыхъ не возбуждался бы вопросъ о количествѣ земли, было и немного, тѣмъ не менѣ случаи эти должны быть приняты во вниманіе при измѣненіи правилъ судебно-межеваго производства, ибо иначе для этихъ случаевъ, если не будетъ измѣненъ судебно-межевой процессъ въ смыслѣ одного судебного рѣшенія по существу, останется тотъ же порядокъ, какъ и въ настоящее время, и далеко не упрощенный.

Ставя вопросъ съ этой точки зрѣнія, мнѣ и не было надобности упоминать о другихъ видахъ межеванія, въ неразличеніи которыхъ меня упрекаетъ г. Леонтьевъ, какъ то дѣлаетъ онъ, при-

знавая слияніе двухъ стадій процесса въ одинъ для всѣхъ случаевъ межеванія кромѣ спеціальнаго. Автора вводятъ въ смущеніе вопросы объ опредѣленіи правъ на примѣрную землю, на пропорціональный участокъ общаго всѣмъ владѣльцамъ дачи лѣса и проч., которые могутъ быть разрѣшены не иначе, какъ при возбужденіи вопроса о количествѣ земли. Для этого, по моему мнѣнію, нѣтъ надобности прибѣгать къ отдѣльному процессу съ отдѣльнымъ рѣшеніемъ по существу, какъ то дѣлается теперь, такъ какъ оба вопроса „и о количествѣ земли, и о мѣстности участковъ“ логически связаны другъ съ другомъ и не составляютъ двухъ разныхъ предметовъ, какъ то можетъ показаться на первый взглядъ.

Пишу настоящей отвѣтъ съ нѣсколькимъ всесторонняго обсуждения основы предстоящей реформы нашего судебно-межеваго разбирательства.

М. Дурасовъ.

VII.

ИЗЪ ДѢЯТЕЛЬНОСТИ ЮРИДИЧЕСКИХЪ ОБЩЕСТВЪ.

С.-Петербургское Юридическое Общество.

Въ засѣданіи уголовнаго отдѣленія, происходившемъ 6 ноября, подъ предсѣдательствомъ проф. И. Я. Фойницкаго, Е. Н. Тарновскій сдѣлалъ докладъ: „Уголовно-наказуемое нищенство въ Россіи“. По даннымъ 70-хъ годовъ общее число нищихъ въ Россіи доходитъ до 300,000; цифра эта, однако, не можетъ быть названа безусловно точною; она колеблется постоянно, доходя въ неурожайные годы до милліона и болѣе. Перейдя же къ статистическимъ даннымъ о числѣ осужденій за нищенство, мы увидимъ, что число лицъ, подвергшихся наказанію, составляетъ (за пятилѣтіе 1895—99 гг.) въ среднемъ 1,323 ч. ежегодно, т. е. лишь $\frac{1}{300}$ всего количества нищенствующихъ; это отношеніе, впрочемъ, прогрессивно увеличивается: за пятилѣтія, предшествовавшія данному, среднее годовое число было значительно меньше. Настоящимъ гнѣздомъ наказуемаго нищенства является прибалтійскій районъ, съ Петербургскою губерніею во главѣ, а также губерніи подмосковныя и волжско-камскія. Здѣсь цифра осужденныхъ въ 2—3—5 разъ выше средняго уровня. Minimum осужденныхъ даютъ губерніи бѣлорусскія, восточныя малороссійскія, Царство Польское и

Юго-Западный край. Данныя о числѣ осужденныхъ за нищенство въ районѣ губерній, пострадавшихъ отъ неурожая 1891 г., повидимому противорѣчатъ установившемуся взгляду на тѣсную связь неурожая съ развитіемъ нищенства. Объясняется это противорѣчіе, съ одной стороны, болѣе слабой судебной репрессіей, съ другой—значительнымъ отливомъ рабочихъ въ другія, урожайныя мѣстности. Слабое развитіе нищенства въ Польшѣ, Ю.-З. краѣ и въ Бѣлоруссіи станеть понятнымъ, если мы рассмотримъ экономическое положеніе губерній, а также и отношеніе мѣстнаго населенія къ подачѣ милостыни. Въ губерніяхъ центра, въ степномъ районѣ классы зажиточные смотрятъ на подачу послѣдней, какъ на нѣкоторую религіозно-нравственную обязанность. Совершенно иной взглядъ господствуетъ у достаточнаго класса вышеуказанныхъ губерній, въ значительномъ числѣ представляемомъ евреями. Евреи являются здѣсь какъ-бы естественнымъ оплотомъ противъ развитія нищенства въ городахъ. Перейдя затѣмъ къ даннымъ о личности осужденныхъ за прошеніе милостыни, мы увидимъ, что четыре пятыхъ общаго числа составляютъ городскіе нищіе и лишь одну пятую—нищіе сельскіе. Объясняется это тѣмъ, что въ числѣ городскихъ показаны и нищіе, пришедшіе изъ сель и деревень, а также и слабую вообще репрессіей волостныхъ судовъ. Вопросъ о полѣ нищенствующихъ останавливаетъ на себѣ вниманіе криминалиста въ виду того обстоятельства, что женщины оказываются участвующими въ нищенствѣ значительно болѣе, чѣмъ въ преступленіяхъ и проступкахъ вообще. Среди нищихъ преобладаютъ старшіе возрастомъ; лица, имѣющія болѣе пятидесяти лѣтъ, составляютъ почти треть общаго числа. Образованіе осужденныхъ за нищенство, какъ это ни кажется страннымъ, не ниже, а выше, чѣмъ для всѣхъ осужденныхъ вообще. Невольно привлекаетъ къ себѣ вниманіе тотъ фактъ, что въ теченіе пяти лѣтъ (1892—96 гг.), за прошеніе милостыни въ Европейской Россіи осуждено шесть лицъ съ высшимъ образованіемъ и 35 лицъ средняго образованія. Развитіе нищенства по временамъ года представляется по даннымъ статистики довольно своеобразнымъ и постояннымъ. Такъ, минимумъ осужденныхъ выпадаетъ на зиму и весну, особенно на мѣсяцы февраль и мартъ; максимумъ—на іюль и августъ. Въ заключеніе докладчикъ представилъ нѣкоторыя соображенія о мѣрахъ борьбы съ нищенствомъ (*С.-Петербургскія Вѣдомости*).

11 ноября, въ засѣданіи гражданскаго отдѣленія, Н. А. По-летаевъ сдѣлалъ сообщеніе о нѣкоторыхъ особенностяхъ новаго проекта обязательственнаго права, выработаннаго Высочайше утвержденною комиссіею по пересмотру гражданскаго уложенія. Въ общемъ, трудъ комиссіи долженъ быть признанъ весьма удачнымъ, что не исключаетъ, однако, извѣстныхъ въ немъ недочетовъ. Придавая въ сдѣлкахъ особенно важное значеніе началу добросовѣстности, гораздо строже, чѣмъ дѣйствующее право, преслѣдуя обманъ въ нихъ, составители проекта въ нѣкоторыхъ случаяхъ даютъ положенія, практичность которыхъ можетъ быть сильно оспариваема. Такъ, желая оградить должника отъ неосновательныхъ требованій кредитора („вѣрителя“) въ тѣхъ случаяхъ, когда, напримѣръ, вексель переданъ заемщикомъ кредитору, деньги же съ послѣдняго не получены или получена лишь часть ихъ, проектъ даетъ право заемщику оспаривать силу документа указаніемъ на обстоятельства, предшествовавшія или сопутствовавшія выдачѣ заемнаго обязательства. Этимъ колеблется сила обязательственныхъ документовъ, и врядъ ли основательно. Въ случаяхъ, подобныхъ указаннымъ, на сторонѣ должника остается полная возможность найти себѣ удовлетвореніе при помощи суда уголовнаго. Помимо всего, подобные случаи сами по себѣ чрезвычайно рѣдки—уголовная практика ихъ почти не знаетъ. Не можетъ быть признано удачнымъ и принятое проектомъ уподобленіе договора займа договору ссуды. Ссуда отличается отъ займа тѣмъ, что имѣетъ предметомъ вещь строго опредѣленную, приближаясь, такимъ образомъ, къ найму имущества, куда скорѣе и должна быть отнесена. Между тѣмъ заемъ, касаясь вещей замѣнимыхъ, при чемъ возвратъ полученнаго долженъ быть лишь выдачею извѣстнаго эквивалента—будь то трудъ, деньги, товаръ,—завимаетъ особое мѣсто среди прочихъ сдѣлокъ именно по создаваемой имъ широкой оборотливости, по своей приспособленности къ разнообразнымъ отношеніямъ. Устанавливаемый проектомъ терминъ „безденежности“ сдѣлокъ можетъ быть, по мнѣнію докладчика, съ успѣхомъ замѣненъ болѣе точнымъ и яснымъ терминомъ „безвалютности“. Совершенно нецѣлесообразнымъ находить докладчикъ и положеніе 2 ч. ст. 361 проекта, требующее, для устраненія спора о „безденежности“ заемнаго обязательства, удостовѣренія со стороны нотариуса о передачѣ въ его присутствіи занятыхъ денегъ занимающему. Осуществленіе этого правила будетъ имѣть неизбѣжнымъ слѣдствіемъ крайнее усложненіе заключенія многихъ видовъ обя-

зательственныхъ сдѣлокъ. Помимо перечисленныхъ статей, докладчикомъ были рассмотрѣны и подвергнуты критикѣ также и многія другія (Россія).

---

20 ноября, по случаю 35-ти лѣтія Судебныхъ Уставовъ, состоялось торжественное собраніе подъ предсѣдательствомъ сенатора Э. Я. Фукса

Первымъ выступилъ на кафедре В. Д. Спасовичъ, принимавшій непосредственное участіе въ выработкѣ Судебныхъ Уставовъ. Въръчи своей на тему „Прошедшее и будущее Судебныхъ Уставовъ“ онъ мастерски изобразилъ „прошедшее“ Уставовъ, главнѣйшіе моменты, при которыхъ они слагались, и тѣ трудности, съ которыми приходилось встрѣчаться и считаться инициаторамъ этого великаго дѣла. Созданіемъ суда присяжныхъ и Кассационнаго Департамента Сената судебныя реформы были окончены; окончено было дѣло, долженствовавшее измѣнить весь строй русскаго общества и, дѣйствительно, измѣнившее его. Съ этого момента законъ преобразуется, „одухотворяется“, развивается; въ судахъ появляется новая жизнь, и это новое живое вѣяніе чувствуется и воспринимается каждымъ человѣкомъ. Но не все въ Судебныхъ Уставахъ было прекрасно; и въ нихъ были свои промахи и недочеты. Прежде всего крестьянская реформа прошла у насъ по многимъ причинамъ не такъ, какъ то было желательно. Крестьянская и судебная реформы должны были дополнить одна другую; но на дѣлѣ оказалось нѣчто противоположное: судъ присяжныхъ вызвалъ ожесточенную полемику. Нападки были до того ужасны, что одно время, казалось, самое зданіе и всѣ основы этого великаго института колеблются. Но всѣ недостатки Судебныхъ Уставовъ не умаляютъ ихъ значенія. Недостатки эти ничтожны въ сравненіи съ достоинствами. Основные элементы Судебныхъ Уставовъ—судъ присяжныхъ и Кассационный Департаментъ—уже окончательно восторжествовали, и никакія усилія враговъ не сломятъ ихъ. Судебные Уставы въ настоящее время охватили всю территорію и всѣ далекія окраины Россіи. Правда, Уставы урѣзаны, измѣнены въ силу многихъ причинъ, но все-таки нужно надѣяться, что эти Уставы и на окраинахъ будутъ когда-нибудь дѣйствовать во всей своей силѣ.

К. К. Арсеньевъ въ своей рѣчи „Воспоминанія о времени Судебныхъ Уставовъ“ живо охарактеризовалъ знаменитую эпоху. Подъемъ духа въ обществѣ начался съ того самаго момента, какъ только впервые стали раздаваться голоса о предстоящей судебной реформѣ. Подъемъ этотъ росъ необычайно быстро. Въ концѣ 50-хъ годовъ появляется цѣлый рядъ юридическихъ кружковъ, возникаетъ юридическій журналъ, каждый интеллигентный чело-вѣкъ начинаетъ интересоваться юридическими вопросами. Каковъ былъ подъемъ духа въ это время, свидѣтельствуетъ, между прочимъ, тотъ фактъ, что коммисія, занимавшаяся выработкой Судебныхъ Уставовъ, употребила на свой трудъ 4 мѣсяца.

И. Я. Фойницкій сравнилъ дореформенный судъ съ новымъ судомъ. Въ новомъ судѣ выступаетъ новая идея, которой не было въ старомъ судѣ,—это идея свободы личности и свободы слова. Старый судъ не зналъ свободы личности, не зналъ судей, онъ зналъ лишь механическихъ исполнителей закона; судейской со-вѣсти не было: ее замѣнялъ сухой формализмъ и толкованіе буквы. Въ новыхъ судахъ провозглашается новый принципъ: судъ для народа и посредствомъ народа. Эти принципы и идеи дороги намъ, безъ нихъ нѣтъ жизни.

М. И. Свѣшниковъ далъ оцѣнку Судебныхъ Уставовъ съ точки зрѣнія государственно-политической. Новые Судебные Уставы поставили своей задачей примиреніе закона съ жизнію, созданіе государственнаго порядка и объединеніе всѣхъ подданныхъ. Съ этой стороны Судебные Уставы, прекрасно выполнившіе свою за-дачу, являются величайшимъ государственнымъ актомъ. Имена Заруднаго, Ровинскаго и другихъ дѣятелей и созидателей этого великаго акта будутъ вѣчно сіять яркимъ свѣтомъ (*Сверный Курьеръ*).

---

25 ноября состоялось засѣданіе гражданскаго отдѣленія подъ предсѣдательствомъ сенатора А. А. Книрима. Предметомъ обсуж-денія собранія былъ докладъ Н. А. Полетаева, положившій на-чало цѣлому ряду работъ коммисіи, избранной юридическимъ об-ществомъ для критики проекта новаго гражданскаго уложенія Н. А. Полетаевъ остановился на одной изъ самыхъ важныхъ и инте-

ресныхъ частей гражд. улож.—на обязательствахъ (мнимыя и притворныя сдѣлки, безденежность, *causa obligationis*). Основная мысль докладчика при трактованіи этихъ вопросовъ—расширить рамки абстрактныхъ договоровъ и не разыскивать далѣе вылившейся воли сторонъ; мысли лица обсуждаются и оцѣниваются не сами по себѣ, а лишь по тѣмъ внѣшнимъ дѣйствіямъ, съ которыми эти мысли находятся въ непосредственной связи. Поэтому г. Полетаевъ въ противоположность новому проекту считаетъ, напр., что опроверженіе мнимыхъ и притворныхъ сдѣлокъ можетъ имѣть мѣсто лишь на основаніи письменныхъ доказательствъ. Обязательства, предшествовавшія выдачѣ заемнаго обязательства и послужившія побудительной причиной къ выдачѣ его, должны считаться безразличными и не лишать обязательства его силы. Свидѣтельскія показанія не должны быть допускаемы въ опроверженіе ясныхъ письменныхъ документовъ. Они могутъ быть допущены лишь для разъясненія смысла неяснаго договора. Далѣе докладчикъ указывалъ на то, что проектъ придерживается ученія о *caus'ф*,—основы коего находятся во франц. гражд. улож. По его мнѣнію, *causa* должна быть признана неимѣющимъ почвы отвлеченіемъ. Дѣеспособность договаривающихся, предметъ договора и непринужденное согласіе вполне исчерпываютъ необходимыя условія дѣйствительнаго договора. Поэтому нѣкоторыя статьи проекта слѣдовало бы измѣнить. Центромъ опроверженной доклада Н. А. Полетаева явились его положенія о *caus'ф*. Г. Винаверъ считаетъ неправильнымъ мнѣніе докладчика, что ученіе о *caus'ф* развилось во Франціи и есть результатъ французскаго инквизиціоннаго суда; ученіе о *caus'ф* идетъ изъ Рима, его пришлось Франціи даже урѣзывать и тамъ существуетъ только отрывокъ всего ученія. Если признать, что гражданское право имѣетъ свою цѣлью устройство разумнаго хозяйственнаго строя, то ученіе о *caus'ф* необходимо. Основнымъ тономъ гражданскихъ правоотношеній будетъ невозможность допущенія договоровъ съ абсолютнымъ отсутствіемъ основанія. Во всемъ гражданскомъ правѣ не должно существовать произвольно волевыхъ актовъ; нѣкоторыя исключенія можно допустить только въ извѣстныхъ частяхъ, напр. дареніи. Собственно прямой ст. о *caus'ф* въ проектѣ нѣтъ. Относительно ея онъ проводитъ тотъ же самый принципъ, какой и германское право, помѣщающее ее въ отдѣлѣ незаконнаго обогащенія. І. И. Карницкій, съ своей стороны, считаетъ *caus'ф* необходимой даже и въ вопросахъ даренія; понятіе о *caus'ф*, хотя иногда и въ скрытомъ видѣ, но находится во всѣхъ

законодательствахъ. Что касается мнимыхъ и притворныхъ сдѣлокъ, то устранять въ нихъ всѣ дѣйствительныя намѣренія онъ считаетъ способомъ покровительствовать мошенничествамъ. Поскольку допускаются, говорить г. Винаверъ въ опроверженіе докладчика, словесные договоры, постольку надо допустить притворныя сдѣлки. Трудъ, услуги—это тоже притворныя сдѣлки, и ст. 350 проекта, воспроизводящая ст. 2017 X т., имѣетъ въ виду оградить подобныя сдѣлки. Недопущеніе свидѣтельскихъ показаній при сдѣлкахъ невозможно и мыслимо только въ очень предупредѣленныхъ формахъ договоровъ (*Новое Время*).

---

4 декабря состоялось торжественное засѣданіе административнаго отдѣленія общества, посвященное памяти М. Н. Капустина и А. Д. Градовскаго, со дня смерти котораго исполнилось недавно десятилѣтіе. Усопшимъ дѣятелямъ посвятили свои рѣчи: В. М. Устиновъ, А. О. Кони, Н. М. Коркуновъ, М. И. Свѣшниковъ и В. М. Гессенъ.

В. М. Устиновъ коснулся одной стороны М. Н. Капустина—его политическихъ, государственныхъ воззрѣній. Являясь послѣдователемъ и защитникомъ стараго идеализма естественнаго права, М. Н. Капустинъ всегда относился крайне отрицательно къ теоріи, отождествлявшей силу съ правомъ; онъ училъ, что право не только не тождественно съ силой, но прямо ей противоположно, какъ созданное именно для защиты слабыхъ противъ сильныхъ. Отсюда неизбѣжно опредѣляется и отношеніе его къ вопросу „націонализма“. Важнѣйшей задачей государственной политики является, по мнѣнію покойнаго профессора, примиреніе различныхъ національностей, входящихъ въ составъ государства, примиреніе путемъ предоставленія свободы и равенства, а не построенное на насиліи надъ личностью. Эти принципы М. Н. умѣлъ примѣнять и защищать. Отношеніе къ нему населенія остзейскаго края, гдѣ онъ былъ попечителемъ учебнаго округа, сожалѣніе всего края объ отозваніи М. Н. лучше всего говорятъ за стойкость его принциповъ.

А. О. Кони, отмѣтивъ во вступленіи къ свей рѣчи тотъ фактъ, что судьбѣ угодно было соединить десятилѣтнюю годовщину смерти одного изъ видныхъ русскихъ дѣятелей и событіе смерти другаго, братски похороненныхъ въ одной и той же оградѣ, предложилъ соединить и воспоминаніе о нихъ во-едино. Время всесторонней

оцѣнки М. Н. Капустина, какъ государственнаго дѣятеля, не наступило. Теперь возможно обрисовать личность покойнаго, не какъ государственнаго дѣятеля, не попечителя учебнаго округа, а какъ профессора московскаго университета 60-хъ гг. Это были лучшіе годы университетской жизни. Явилась цѣлая плеяда молодыхъ профессоровъ. Къ нимъ примкнули лучшіе изъ старыхъ; объединеніемъ служилъ духъ университетской корпораціи, новый уставъ. Установился вѣрный взглядъ на науку: наука должна была отпнѣтъ посить на себѣ отраженіе жизни, не въ смыслѣ только отголосковъ послѣдней, но въ смыслѣ согласованія съ запросами жизни, съ ея большими мѣстами. М. Н. Капустинъ находился въ числѣ этой плеяды молодыхъ профессоровъ. Строго слѣдуя указанному выше опредѣленію науки, онъ стремился и изъ слушателей своихъ создать не простыхъ законниковъ, но образованныхъ юристовъ; стремился дать имъ то, что могло бы служить какъ-бы внутреннимъ компасомъ въ теченіе всей ихъ жизни. Кромѣ энциклопедіи законовѣдѣнія, М. Н. читалъ также и международное право, и чтенія его, тѣсно связанныя со всѣмъ, что происходило тогда въ Европѣ и Америкѣ, отражали на себѣ дѣйствительную жизнь, выясняя значеніе возникающихъ и умиравшихъ правоотношеній въ области международной политики. М. Н. былъ первымъ редакторомъ „Московскихъ Университетскихъ Извѣстій“, куда сумѣлъ привлечь лучшія русскія юридическія силы.—Лучшей характеристикой А. Д. Градовскаго служатъ его сочиненія. Въ нихъ господствуетъ одна мысль—начало права должно быть поставлено на первое мѣсто въ жизни государства. Отправной точкой ученія о государствѣ должна быть личность, и всѣ способы и приемы управленія, независимо отъ формы правленія, должны быть проникнуты уваженіемъ къ личности, уваженіемъ, простирающимся на всю личность, безъ какихъ-либо ограниченій, на совокупность ея духовнаго и матеріальнаго „я“. Градовскій проповѣдывалъ вѣротерпимость, боролся за свободу печатнаго слова. Тѣмъ болѣе странными кажутся обвиненія его въ узкомъ націонализмѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ въ отсутствіи истиннаго національнаго чувства. Эти обвиненія должны отпасть какъ совершенно необоснованныя. Градовскій училъ и съ профессорской кафедрой и съ журнальной трибуны. Какъ преподавателю, А. Д. Градовскому дѣлаютъ часто упрекъ въ томъ, что онъ былъ строгъ на экзаменахъ, рѣзалъ экзаменующихся вслѣдствіе болѣзненнаго состоянія своего организма. Это—ложь, это—неправда. А. Д. Градовскій былъ строгъ потому, что созна-

валъ свою великую обязанность наставника учащейся молодежи. Онъ стоялъ какъ-бы на шлюзѣ изъ университета въ море общественной жизни, пропуская чрезъ него лишь лицъ, могущихъ выдержать плаваніе по этому морю. Проповѣдь съ журнальной трибуны должна была прекратиться независимо отъ воли Градовскаго. Онъ перешелъ на трибуну науки. Но это ограниченіе глубоко отразилось на немъ. Силы, не находившія себѣ примиренія во внѣ, обращались во внутрь и жгли его. Жизнь Градовскаго можно представить себѣ какъ большой корабль, плывущій, вмѣстѣ съ сотнями лодочекъ и корабликовъ, по широкой, многоводной рѣкѣ. Но вдругъ рѣка обмелѣла, раздѣлилась на рукава, обратилась въ рѣчки, ручьи. Маленькія лодочки пошли и по ручьямъ, по рѣчкамъ, но большой корабль не могъ пойти, для него не было фарватера, и онъ погибъ.

В. М. Гессенъ (отъ имени проф. Ивановскаго) прочелъ рѣчь, посвященную также Градовскому. Отмѣтивъ въ ней значеніе А. Д. какъ ученаго, занимающаго одно изъ почетнѣйшихъ мѣстъ не только среди русскихъ, но и иностранныхъ правовѣдовъ, ораторъ указалъ и на значеніе для русскаго общества научныхъ трудовъ А. Д.: они открыли ему возможность осмысленнаго изученія различныхъ сторонъ государственной жизни Россіи и Европы.

М. И. Свѣшниковъ отмѣтилъ громадныя заслуги А. Д. Градовскаго, какъ воспитателя русской молодежи: онъ явился истиннымъ ея учителемъ, а не только „безстрастнымъ жрецомъ науки“. Онъ не льстилъ молодежи, доказательствомъ чего служить его статья: „Задачи русской молодежи“, но всегда училъ ее лишь тому, во что вѣрилъ и чѣмъ жилъ самъ.

Нѣсколько прочувственныхъ словъ посвятилъ А. Д. Градовскому также проф. Н. М. Кэркуновъ (*С.-Петербургскія Вѣдомости*).

Казанское Юридическое Общество.

30 октября состоялось засѣданіе общества, посвященное 1) рѣшенію вопроса о допущеніи развода вслѣдствіе душевной болѣзни одного изъ супруговъ и 2) рассмотрѣнію проекта гражданскаго уложенія.

Еще весной В. В. Сергіевскимъ былъ прочтенъ рефератъ о душевной болѣзни, какъ поводъ къ разводу. Тогда же выставлен-

ное референтомъ положеніе вызвало горячіе споры. Затѣмъ юридическое общество было приглашено на пироговскій съѣздъ въ Казани, гдѣ члены принимали обсужденіе въ этомъ вопросѣ, поставленномъ докторомъ Штейнбергомъ. Въ настоящемъ засѣданіи приходилось постановить рѣшеніе. Большинствомъ голосовъ, правда довольно незначительнымъ, вопросъ разрѣшенъ былъ въ утвердительномъ смыслѣ. Высказавшись принципиально въ пользу развода, общество затруднялось формулировкой положенія. На выборъ предложены были редакціи референта, пироговскаго съѣзда и германскаго уложенія. Принята была редакція пироговскаго съѣзда врачей.

Затѣмъ приступлено было къ дальнѣйшему разсмотрѣнію проекта гражданскаго уложенія.

Докладчикъ, Г. Ф. Шершеневичъ, выразилъ недоумѣніе, почему положенія объ условіяхъ, равно какъ и о принужденіи, ошибкѣ и обманѣ помѣщены въ V книгѣ, тогда какъ предполагается общая часть. Правила объ условіяхъ соотвѣтствуютъ общепринятымъ. Однако онъ призналъ лишними ст. 36, какъ перефразу ст. 35, затѣмъ ст. 37, въ виду ст. 21, и наконецъ ст. 42, въ виду ст. 35, дающей опредѣленіе того, что слѣдуетъ понимать подъ выраженіемъ условіе. Кромѣ того, положеніе ст. 36 п. 1, что договоръ, заключенный подъ отлагательнымъ условіемъ, вступаетъ въ силу лишь со времени наступленія условія, логически не соотвѣтствуетъ ст. 39, по которой такія отношенія переходятъ по наслѣдству, и ст. 40 п. 1, по которой условно обязанный не долженъ нарушать зависящее отъ условія право. А. В. Завадскій находилъ, что ст. 40 п. 1 получить значеніе, если отбросить ст. 36 п. 1. В. В. Сергіевскій также нашелъ ст. 36 и лишнюю, и неправильную.

Относительно ст. 45—48, посвященныхъ договорамъ въ пользу третьихъ лицъ, докладчикъ высказалъ слѣдующее. Ст. 45 п. 2 представляется совершенно лишнею въ виду ст. 44, особенно если принять въ соображеніе соотношеніе между ст. 45 и 43. Проектъ признаетъ за третьимъ лицомъ право съ момента извѣявленнаго имъ согласія (ст. 46), но въ концѣ статьи содержится добавленіе, которое нельзя признать правильнымъ: „если не сохранили за собою такого права въ самомъ договорѣ“. Если третье лицо приобрѣло право, то контрагентамъ нельзя предоставить право измѣнять или отмѣнять договоръ. Странно, что составители обосновываютъ это положеніе на рѣшеніи Сената, гдѣ, наоборотъ, проводится начало, не допускающее подобнаго измѣненія. Еще болѣе

странно, что объяснительная записка формулирует ст. 46 иначе, чѣмъ самый проектъ (т. I, стр. 119),—тамъ указанныхъ словъ нѣтъ. Затѣмъ, докладчикъ высказался по поводу ст. 47, что общимъ правиломъ должно быть то, что въ ней показано исключеніемъ, и наоборотъ, т. е. въ случаѣ отказа третьяго лица отъ предоставленнаго ему права, сторона, выговорившая это право, не можетъ сама воспользоваться имъ, если ей это не предоставлено явно по договору. Н. П. Тушновъ призналъ также неправильнымъ положеніе, выраженное въ ст. 46. А. В. Завадскій защищалъ ст. 45 п. 2, считая ее великою въ виду довольно распространенныхъ сомнѣній и въ теоріи. Онъ же признавалъ правильность принципа, выраженнаго въ ст. 47. За послѣднюю статью высказался и Н. Н. Галкинъ-Врасской. Напротивъ, Н. К. Моисеенко присоединился къ докладчику, признавъ, что съ практической стороны ст. 47 можетъ нерѣдко создавать неожиданности.

По поводу ст. 49—63, посвященныхъ задатку, отступному и неустойкѣ, докладчикъ представилъ такія соображенія. Задатокъ долженъ считаться только средствомъ обезпеченія, а не доказательствомъ, потому что выводы могутъ получиться разные. Поэтому, онъ полагалъ выкинуть изъ ст. 49 слова „въ доказательство заключенія договора“. Докладчикъ высказался противъ тѣхъ послѣдствій задатка, какія указаны въ ст. 50. Къ чему обязательство возвращать задатокъ вдвойнѣ? Залогъ, поручительство, неустойка обезпечиваютъ одну сторону, почему задатокъ долженъ обезпечивать обѣ? И развѣ обязанность уплаты суммы, равной получаемому задатку, есть задатокъ? Это—законная неустойка. Считая опредѣленіе неустойки, данное въ ст. 57, правильнымъ, докладчикъ выразилъ сожалѣніе, что оно не проведено въ дальнѣйшихъ постановленіяхъ. Сравнивая постановленія проекта о неустойкѣ съ постановленіями, предложенными М. Пергаментомъ въ его диссертации, докладчикъ призналъ превосходство послѣднихъ въ виду ихъ стройности и краткости. Наконецъ, относительно ст. 63, предоставляющей суду право уменьшать размѣръ неустойки, докладчикъ выразилъ свое сочувствіе такой возможности останавливать не въ мѣру разыгравшіеся аппетиты кредиторовъ, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, высказалъ пожеланіе, чтобы суды не злоупотребляли этимъ правомъ, такъ какъ можетъ развиваться легкомысленное отношеніе къ своимъ обязательствамъ. В. В. Сергіевскій находилъ, что такое опасеніе едва-ли основательно, а ст. 63 даетъ, наконецъ, суду выходъ изъ тѣхъ трудныхъ положеній, въ которыя онъ ставится

часто теперь. Н. П. Тушновъ находилъ, что отступное (ст. 52) и неустойка (ст. 57) недостаточно отличаются. Докладчикъ указалъ, что въ первомъ случаѣ право выбора принадлежитъ должнику, во второмъ—кредитору. Однако Н. П. Тушновъ настаивалъ, что едва-ли практика легко разберется въ этомъ дѣлѣ, особенно если принять въ соображеніе, что понятіе объ отступномъ вводится вновь.

Ст. 65—70, содержащія въ себѣ правила толкованія договоровъ, дали поводъ докладчику привѣтствовать переходъ отъ толкованія по буквальному смыслу къ толкованію по намѣренію сторонъ. Однако, онъ считалъ совершенно излишними ст. 66—69, преподающія суду руководящія начала толкованія. Такія начала даются только логикою. Ст. 66—69 безсодержательны и не будутъ имѣть практическаго значенія, какъ не имѣютъ они и на родинѣ своей. Французскіе юристы давно отрещиваются отъ нихъ, и такіе знатоки какъ Нус или Р. Gide упрекали итальянцевъ за перенесеніе этихъ правилъ въ уложеніе 1865 года. Ст. 70 докладчикъ призвалъ не только лишнюю, но и прямо вредною въ социальномъ отношеніи. Юристы какъ будто не замѣчаютъ происходящихъ экономическихъ измѣненій. Толковать договоръ, въ случаѣ сомнѣнія, въ пользу должника имѣло смыслъ въ доброе старое время, когда кредиторъ былъ всемогущъ, а должникъ бѣденъ. Это правило оказывало помощь слабому противъ сильнаго. Но теперь отношенія измѣнились. Весьма часто должникъ гораздо сильнѣе кредитора, и не должникъ въ рукахъ кредитора, а наоборотъ. Современный должникъ—это крупныя предпріятія, желѣзныя дороги, страховыя общества, банкирскія конторы и т. п. Эти должники выработали себѣ технику, при которой не будетъ пропущено что-либо имъ выгодное. А лицомъ къ лицу съ такими должниками стоятъ неопытные кредиторы, страхователи, вкладчики, грузоотправители. Почему договоръ слѣдуетъ толковать противъ нихъ? Докладчикъ настаивалъ на исключеніи ст. 70, чѣмъ суду будетъ предоставлено самому толковать договоръ по всей совокупности обстоятельствъ и по доброй совѣсти. Къ этому А. В. Завадскій присоединилъ, что ст. 66, рекомендующая связывать смыслъ договора съ опредѣленнымъ мѣстомъ, представляется опасною. Н. П. Тушновъ выразилъ сомнѣніе, въ какомъ соотношеніи находятся „точный смыслъ“ и „намѣреніе сторонъ“, указанные въ ст. 65 безъ обозначенія порядка.

Ст. 71 докладчикъ считаетъ весьма важнымъ нововведеніемъ, разрѣшающимъ многочисленныя сомнѣнія въ нашей практикѣ. (*Право*).

13 ноября, состоялось засѣданіе общества, въ которомъ приватъ-доцентъ Казанскаго университета А. И. Елистратовъ прочелъ рефератъ „О воззрѣніяхъ Л. Гумпловича на государство и право“ (Gumplowicz, Allgemeines Staatsrecht, 1897). Главное вниманіе референтъ обратилъ на методологическую сторону взглядовъ австрійскаго ученаго. Защищая мнѣніе послѣдняго, что сущность государства можетъ быть уяснена не путемъ юридическихъ конструкцій, но только социологически, референтъ отвергъ научный характеръ за догматикою. Исходя изъ того, что двухъ понятій о наукѣ быть не можетъ и что естествознаніе понимаетъ науку, какъ изученіе законовъ явленій, А. И. Елистратовъ призналъ, что догматика подъ это требованіе не подходитъ. Однако, отрицая за нею научный характеръ, референтъ не отвергаетъ ея права на существованіе. Это не наука, а техника, которая не наблюдаетъ, а создаетъ правила. Представленіе Гумпловича о томъ, что возникновеніе и развитіе государства опредѣляется борьбою социальныхъ группъ, должно быть признано по существу правильнымъ. Точно также заслуживаетъ вниманія взглядъ Гумпловича на право какъ на социально-психическое образованіе. Наконецъ референтъ оспаривалъ воззрѣніе, будто Гумпловичъ отрицаетъ въ социальной жизни всякій прогрессъ (*Право*).

Въ засѣданіи 27 ноября выслушана была рѣчь г. Елистратова, посвященная памяти скончавшагося наканунѣ члена общества Леовида Петровича Мамушина. Сынъ незначительнаго чиновника въ одномъ изъ уѣздныхъ городовъ Казанской губер., Л. П. уже въ гимназіи обнаружилъ свои способности и любовь къ занятіямъ, результатомъ чего явилась полученная имъ при окончаніи курса золотая медаль. Жизнь его въ университетѣ сложилась очень неблагоприятно: непрерывное недоѣданіе, каморка—вмѣсто квартиры—вотъ тѣ условія, при которыхъ приходилось работать покойному. Но все это не сломило его энергіи, и онъ весь отдался наукѣ. Заинтересовавшись особенно финансовымъ правомъ, онъ посвятилъ одному изъ его вопросовъ спеціальное изслѣдованіе, за которое былъ награжденъ золотой медалью. Но уже въ университетѣ его здоровье пошатнулось и окончательно сломилось въ послѣдовавшей по окончаніи курса военной службѣ. Вступивъ въ число кандидатовъ на судебныя должности сперва при казанской палатѣ, затѣмъ омской, онъ съ присущимъ ему рвеніемъ посвя-

тиль себя исполненію новыхъ своихъ обязанностей. Но не долго ему пришлось ихъ нести: роковой недугъ—чахотка свель его въ могилу въ томъ возрастѣ, когда люди вступаютъ только въ жизнь. Онъ умеръ, не достигнувъ 30 лѣтъ. Собраніе почтило память покойнаго вставаніемъ.—Затѣмъ г. Шершеневичъ докончилъ разборъ статей по общей части обязательственнаго права проекта новаго гражданскаго уложенія. Въ преніяхъ принимали участіе г.г. Завадскій, Сергіевскій и др. (*Волжскій Вѣстникъ*).

Кіевское Юридическое Общество.

Въ засѣданіи общества, 13 ноября, К. Н. Масловымъ былъ прочитанъ докладъ: „Договоръ продажи въ проектѣ гражданскаго уложенія“.

Докладчикъ указалъ на разницу понятій и законоположеній относительно купли-продажи, которая существуетъ въ римскомъ правѣ, кодексѣ Наполеона и русскомъ правѣ. Купля-продажа, по самому существу, есть сдѣлка объ отчужденіи и приобрѣтеніи. Если сдѣлка совершена правильно, т. е., если продавецъ имѣлъ право продать, а покупательъ купить, то, конечно, договоръ купли-продажи считается дѣйствительнымъ; если-же продавецъ продаетъ одну и ту-жь вещь нѣсколько разъ то, по выясненіи этого незаконнаго дѣянія, онъ обязанъ возмѣстить убытки своимъ контрагентамъ, и, въ силу этого, договоръ съ послѣдними считается недѣйствительнымъ. Для дѣйствительности договора необходимо, чтобы каждая изъ сторонъ имѣла возможность юридически добиваться своихъ правъ. Продавецъ долженъ имѣть право требовать денегъ, а покупательъ купленную вещь. Но, если вещь, которую приобрѣтаетъ покупатель, украдена или уже продана, то по римскому праву вещь у покупателя отбирается; если-же покупательъ не зналъ, что онъ покупаетъ чужую вещь, то онъ можетъ възыскать съ продавца вознагражденіе. По всѣмъ же вообще законодательствамъ продажа чужой вещи считается недѣйствительной.

Переходя затѣмъ къ вопросу о томъ, какія лица могутъ продавать и покупать, докладчикъ указалъ, что вообще нѣтъ никакихъ данныхъ для выясненія этого вопроса. Совершать подобныя сдѣлки могутъ вообще лица дѣеспособныя, но такъ какъ бываютъ частныя ограниченія дѣеспособности, то цѣлесообразнѣе было бы

вести общія постановленія, по которымъ продать можетъ всякій, имѣющій право отчуждать.

Докладчикъ много говорилъ о „pretium justum“. Цѣна, представляющая необходимый элементъ торговой сдѣлки, имѣетъ, конечно, важное значеніе для дѣйствительности договора. Но что такое „pretium justum“,—это вопросъ спорный. Законъ вообще требуетъ равновѣсія между предлагаемой цѣной и дѣйствительной стоимостью вещи; по кодексу Наполеона, убыточность сдѣлки не можетъ служить причиной уничтоженія договора; по Австрійскому же праву, если цѣна, упомянутая въ договорѣ превышаетъ нормированную таксу, то покупатель можетъ уничтожить договоръ. Желательно было бы внести въ проектъ положеніе о томъ, что между покупной цѣной и дѣйствительной стоимостью вещи должно быть равновѣсіе, въ противномъ случаѣ, договоръ можетъ быть уничтоженъ; и штрафъ въ размѣрѣ излишка покупной цѣны противъ дѣйствительной долженъ быть приговоренъ въ пользу пострадавшаго.

Затѣмъ докладчикъ выразилъ желаніе, чтобы было установлено поручительство при передачѣ вещи. Такъ какъ сдѣлка о продажѣ чужой вещи считается недѣйствительной, и покупщику необходима какая-нибудь гарантія въ томъ, что онъ можетъ спокойно владѣть вещью, то, по мнѣнію докладчика, необходимо покупщику дать право взыскивать всѣ убытки, происшедшіе вслѣдствіе отнятія купленной вещи. Существуетъ положеніе, по которому отъ добросовѣстнаго покупщика вещь не можетъ быть отнята, хотя-бы вещь, которую онъ купилъ, была и чужая. Но здѣсь, съ одной стороны, стоитъ истинный владѣлецъ вещи, съ другой,—добросовѣстный покупщикъ, который заплатитъ за вещь pretium justum; значитъ, вещь нужно отнять, отсюда возникаетъ разногласіе; поэтому слѣдуетъ ст. 228-ю исключить изъ проекта. (*Жизнь и Искусство*).

27 ноября въ засѣданіи общества проф. І. А. Покровскимъ былъ прочитанъ докладъ: „Обязательства изъ деликтовъ въ проектѣ нашего гражданского уложенія“.

Докладъ проф. Покровскаго является однимъ изъ цѣлой серіи сообщеній, посвященныхъ обзорѣнію проекта нашего новаго гражданского уложенія, вышедшаго недавно въ свѣтъ. Для неспеціалистовъ необходимо объясненіе, что обязательствами изъ деликтовъ въ юридической терминологіи называется гражданская отвѣтствен-

ность, которая, независимо отъ уголовного наказанія, лежитъ на на лицѣ, совершившемъ преступленіе передъ потерпѣвшимъ. Иначе, матеріальный вредъ и убытки должны быть возмѣщены потерпѣвшему. По новому уложенію для возникновенія отвѣтственности за вредъ и убытки необходимы слѣдующія условія: 1) наличность вреда, 2) недозволенное дѣяніе, 3) причинная связь между дѣяніемъ и вредомъ и, наконецъ, 4) вина, т. е. умыселъ или неосторожность лица, причинившаго вредъ.

Проектъ намѣчаетъ условія, при которыхъ дѣяніе, причинившее вредъ теряетъ характеръ неправомерности. Такими условіями является: *во первыхъ, осуществленіе своего права— „необходимая оборона“ и „состояніе крайней необходимости“.*

Докладчикъ приходитъ къ выводу, что причинившій вредъ въ состояніи крайней необходимости *вообще* обязанъ вознаграждать невинно потерпѣвшаго, если не освобождается отъ отвѣтственности въ случаяхъ, указанныхъ въ видѣ изъятій. Вторая часть доклада была посвящена разбору требованія проекта для возникновенія отвѣтственности за вредъ умысла или неосторожности составителя проекта; онъ находитъ, что „дѣйствіе, совершенное безъ присутствія воли, не есть дѣяніе въ юридическомъ значеніи этого слова“.

Взглядъ этотъ, по мнѣнію докладчика, не выдержанъ по отношенію къ безумнымъ и малолѣтнимъ; въ ст. 1071 проектъ устанавливаетъ безответственность подобныхъ лицъ, между тѣмъ какъ тутъ же въ ст. 1073 предлагаетъ возмѣщать убытки, причиненные дѣятелемъ такого лица, изъ *его* имущества, если ихъ нельзя взыскать съ лица, попеченіямъ коего оно было ввѣрено.

Далѣе проф. І. А. Покровскій остановился на требованіи проекта къ истцу въ качествѣ необходимаго условія для возникновенія обязательства *доказательства виновности ответчика*, хотя тотъ же проектъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ прямо устанавливаетъ предположеніе виновности въ пользу потерпѣвшаго. Такъ, собственники зданія обязаны вознаградить за вредъ, происшедшій отъ зданія, вслѣдствіе неисправнаго его содержанія или недостатковъ въ постройкѣ; владѣльцы желѣзныхъ дорогъ, пароходовъ, если владѣльцы ихъ не докажутъ, что несчастіе произошло либо по винѣ самого потерпѣвшаго, либо вслѣдствіе непреодолимой силы и т. п.

Однако, проектъ возбуждаетъ опять-таки массу сомнѣній. Такъ, не установлено, напр., спорное понятіе „непреодолимой силы?“ По-

этому собственники желѣзныхъ дорогъ освобождаются отъ отвѣтственности, если дѣйствіе произошло влѣдствіе неотвратимаго дѣянія лицъ, не принадлежащихъ къ составу служащихъ дороги. Положимъ, что злоумышленниками положена была на рельсы шпала и произошло крушеніе. Развѣ можно считать такое явленіе стихійной или непреодолимой силой? Наоборотъ, дорогѣ стоило только усилить надзоръ за полотнами и несчастія бы не было. Безотвѣтственность ихъ въ данномъ случаѣ является совершенно несвоевременною. Третья часть доклада была посвящена вопросу о томъ, что понимаетъ нашъ проектъ подъ словомъ „вредъ“. Ст. 1077 изясняетъ, что подъ вредомъ понимаются всякіе убытки *имущественнаго* характера. Спрашивается, подлежитъ ли возмѣщенію по нашему проекту и *нравственный* вредъ? Объяснительная записка къ ст. 1092 отвѣчаетъ утвердительно на этотъ вопросъ, при чемъ смотреть на вознагражденіе за нравственный вредъ именно, какъ на *вознагражденіе*, а не наказаніе виновнаго, предоставляя каждый разъ свободному усмотрѣнію суда опредѣлять его размѣры. Докладчикъ рекомендовалъ составителямъ проекта расширить правило возмѣщенія нравственнаго вреда на всю область деликтовъ безъ всякихъ ограниченій.

Докладчикъ закончилъ свое сообщеніе критической оцѣнкой мнѣній составителей проекта по вопросу о размѣрѣ вознагражденія за вредъ вообще. Его количество опредѣляется по усмотрѣнію суда сообразно съ степенью вины причинившаго вредъ и другими обстоятельствами. Заключительныя строки доклада рекомендуютъ составителямъ проекта, возвратившись къ началамъ, проведеннымъ въ послѣднемъ изъ гражданскихъ кодексовъ, — новому германскому уложенію, тщательно пересмотрѣть еще соответственный отдѣлъ нашего уложенія. (*Жизнь и Искусство*).

Екатеринославское Юридическое Общество.

25 ноябрю происходило засѣданіе общаго собранія. Правленіе совѣта предложило членамъ подѣлиться на 2 секціи: гражданскую и уголовную, къ послѣдней отнести судебную медицину. Предложеніе совѣта принято, при чемъ каждый изъ членовъ общества можетъ записаться въ обѣ секціи.

По случаю исполнявшагося 20 ноябрю сего года тридцатипятилѣтія со дня учрежденія Уставовъ Императора Александра II,

членомъ общества А. Э. Бардзкимъ была сказана рѣчь, въ коей онъ сравнилъ Судебные Уставы съ роскошнымъ архитектурнымъ зданіемъ въ русскомъ стилѣ. Зданіе это о трехъ этажахъ и украшено вывѣской: „Правда и милость да царствуетъ надъ зданіемъ суда“. I-ый этажъ—мировой и окружный судъ, во II-мъ этажѣ окончательно рѣшаются дѣла и исправляются ошибки апелляціонной инстанціей. III-ій этажъ—судъ-учитель, истолкователь—Сенатъ. Въмѣсто прежняго трехъэтажнаго зданія, благодаря закону 9 мая 1887 г., коимъ были открыты присутствія особыхъ палатъ съ сословными представителями, и закону 12 іюля 1889 года, воздвиглось пятиэтажное зданіе со многими пристройками. Закончилъ свою рѣчь А. Э. Бардзкій пожеланіемъ, чтобы Уставы 1864 г. были возстановлены въ полномъ объемѣ. Рѣчь вызвала дружные аплодисменты присутствовавшихъ.

Засимъ доложенъ рефератъ тов. прок. окр. суда А. А. Воронова на тему: „Бѣлые, сизые и пестрые голуби или новое движеніе среди скопцовъ“. Референтъ, въ бытность свою въ сѣверо-восточной Россіи, въ Зауральѣ, въ теченіе двухъ лѣтъ изучалъ на мѣстѣ жизнь сектантовъ и въ своемъ рефератѣ познакомилъ слушателей съ возникновеніемъ и историческимъ развитіемъ скопчества и современнымъ состояніемъ этой секты. (*Право*).

Ярославское Юридическое Общество.

6 ноября состоялось засѣданіе общества, въ которомъ были заслушаны докладъ А. И. Штейнберга—„О правѣ прибрежныхъ городовъ защищаться посессорнымъ искомъ противъ захвата городской пристани пароходовладѣльцемъ“. Вопросъ этотъ, стоящій на рубежѣ частнаго и публичнаго права, докладчикомъ былъ рѣшенъ въ положительномъ смыслѣ, хотя въ докладѣ и въ его заключительныхъ положеніяхъ очень выпукло выступали всѣ публично-правовые моменты въ правѣ владѣнія городовъ частію бечевника, предоставляемаго, по общему правилу, для надобностей судоходства въ общее пользованіе. Сущность доклада свелась, въ концѣ концовъ, къ слѣдующимъ выводамъ: 1) города обязаны сдавать въ аренду подъ пароходныя пристани отведенныя для того въ установленномъ порядкѣ береговые участки; 2) участки эти сдаются

ими съ торговъ за наивыше предложенную сумму, или же по аренднымъ договорамъ за плату, не свыше утвержденной по соглашенію трехъ министерствъ: внутреннихъ дѣлъ, финансовъ и путей сообщенія, и 3) постановленіе городской думы о неспадчѣ участковъ подъ пароходныя пристани можетъ быть обжаловано заинтересованными лицами въ административномъ порядкѣ, но въ то же время самовольный захватъ пароходовладѣльцемъ отведеннаго подъ пристань участка рождаетъ для города право судебной защиты путемъ владѣльческаго иска. (*Съверный Край*).

КЪ ВОПРОСУ О СОХРАНЕНИИ ВОДНЫХЪ БОГАТСТВЪ.

I.

Отношеніе населенія Московской, Тульской и Орловской губерній къ вопросу о законодательной охранѣ водныхъ богатствъ.

Вопросъ объ упрядоченіи нашего воднаго хозяйства въ теченіе уже нѣсколькихъ лѣтъ занимаетъ Министерство Земледѣлія. Въ 1894 году при немъ была образована особая экспедиція для изслѣдованія истоковъ главнѣйшихъ рѣкъ Европейской Россіи, находящаяся подъ начальствомъ генералъ-лейтенанта А. А. Тилло.

Считая, что успѣхъ задачи экспедиціи въ значительной мѣрѣ зависитъ отъ возможно полнаго согласованія мѣропріятій, проектируемыхъ ею, съ данными, почерпнутыми изъ юридическихъ отношеній, установившихся въ разныхъ мѣстностяхъ Россіи, А. А. Тилло командировалъ меня, съ разрѣшенія г. Министра Земледѣлія и Государственныхъ Имуществъ, въ мартѣ 1898 г. въ Москву, Тулу, Орелъ и Елецъ для собиранія въ мѣстныхъ учрежденіяхъ Министерства Юстиціи свѣдѣній о видахъ споровъ и исковъ о владѣніи и пользованіи водами, въ качествѣ юриста, уже принимавшаго участіе въ занятіяхъ экспедиціи.

Одновременно съ порученіемъ просить предсѣдателей мѣстныхъ окружныхъ судовъ доставить копіи съ наиболѣе типичныхъ рѣшеній по вопросамъ, интересующимъ экспедицію, начальникъ ея поручилъ мнѣ попутно собрать мнѣнія представителей мѣстной губернской администраціи и земства: а) относительно способа приведенія въ исполненіе нѣкоторыхъ мѣръ ограниченія частныхъ

правъ пользованія землею, неразрывно связанныхъ съ охраною водъ ¹⁾, и б) относительно постоянного надзора за истоками рѣкъ ²⁾.

Города Тула, Орелъ и Елецъ были избраны г. начальникомъ экспедиціи въ виду того, что лѣсослѣдственныя гидрогеологическія и иныя изслѣдованія экспедиціи производились за послѣдніе годы въ Тульской и Орловской губерніяхъ въ значительномъ масштабѣ. Современемъ предполагалось произвести по вышеизъясненнымъ предметамъ опросъ администраціи и земскихъ дѣятелей въ Тамбовской, Пензенской, Саратовской и Симбирской губерніяхъ, въ которыхъ водныя богатства тоже подвергаются постепенному истощенію.

Тула.

Заручившись обѣщаніемъ предсѣдателя Тульскаго окружнаго суда доставить экспедиціи интересующія ее свѣдѣнія, я явился къ г. Тульскому губернатору, который заявилъ мнѣ, что хотя въ нѣкоторыхъ частяхъ губерніи и замѣчается недостатокъ въ водѣ, но что особое вниманіе слѣдуетъ прежде всего обратить на овраги, образующіеся въ нѣкоторыхъ мѣстахъ съ ужасающею быстротою. По мнѣнію г. губернатора, въ Тульской губерніи примѣнимы оба способа закрѣпленія овраговъ: путемъ сооруженія каменныхъ оградъ или деревянныхъ плетней и путемъ обсаживанія склоновъ овраговъ деревьями; послѣдній способъ болѣе цѣлесообразенъ, такъ какъ даетъ владѣльцу оврага возможность современемъ пользоваться выросшимъ на немъ лѣсомъ, но такое засаживаніе представляется труднымъ въ виду полного неуваженія мѣстныхъ жителей къ растущему дереву. Съ послѣднимъ обстоятельствомъ бороться особенно трудно, но нужно при этомъ помнить, что изъ массы посаженныхъ деревьевъ часть все же уцѣлѣетъ и что, обсаживая оврагъ въ теченіе многихъ лѣтъ, въ концѣ концовъ получится желанный результатъ: „лишь бы у насъ была послѣдовательность и терпѣніе, время же дастъ свое“.

---

¹⁾ Обязанность допускать разведеніе лѣсовъ, хотя-бы правительствомъ, на нѣкоторыхъ пашняхъ, особенно у лоцинь; запретъ пасти скотъ на вырубкахъ; запретъ пахать на склонахъ, смываемыхъ легкими струями воды; запретъ подпахивать къ самой бровѣ растущаго оврага и запретъ распахивать крутые склоны.

²⁾ Выпрямленіе и расчистка рѣчныхъ русель; устройство запрудъ и плотинъ; расчистка ключей; устройство копаней для мочки конопли и льна; поддержаніе торфяниковъ; борьба съ дѣйствующими оврагами и лѣсоразведеніе.

Предсѣдатель Тульской губернской земской управы, И. В. Тулувьевъ, высказалъ мнѣніе, что земство, столь близко знакомое съ экономической несостоятельностью и крайнею нуждою крестьянъ Тульской губерніи, врядъ-ли представить собою удовлетворительный органъ охраны мѣстныхъ водныхъ богатствъ, тѣмъ болѣе, что такая охрана можетъ быть осуществлена почти исключительно путемъ примѣненія мѣръ, стѣснительныхъ для крестьянскаго землевладѣнія. Такія стѣсненія въ значительной степени уже испытываются тамъ, гдѣ разводятся защитные лѣса, которые принесутъ мѣстному населенію пользу лишь въ далекомъ будущемъ. „Какъ намъ думать объ ограниченіи пользованія крестьянами землею“, — сказалъ предсѣдатель управы — „когда крестьянамъ, вслѣдствіе малоземелья, да и другихъ причинъ, положительно ѣсть нечего“.

Въ лицѣ И. В. Тулувьева я познакомился съ помѣщикомъ Тульской губерніи, прекрасно знакомымъ съ мѣстными нуждами и живо заинтересовавшимся изысканіями экспедиціи. „Изъ вашихъ словъ“ — сказалъ мнѣ И. В. — „я вижу, что Министерство Земледѣлія признало своевременнымъ заняться вопросомъ объ установленіи борьбы съ оврагами законодательнымъ путемъ. Читая о громадныхъ ассигнованіяхъ по Министерству Путей Сообщенія на расчистку судоходныхъ рѣчныхъ русель, намъ, жителямъ провинціи, близко знакомымъ съ мѣстными условіями, приходится лишь горько улыбаться, видя, что затрачиваются большія средства на борьбу съ послѣдствіями, при чемъ объ одной изъ главныхъ причинъ обмелѣнія рѣкъ какъ-бы совершенно забывается. Для насъ провалъ трехъаршиннаго моста вслѣдствіе напора весеннихъ водъ и образование на томъ мѣстѣ, гдѣ находился мостъ, десятисаженнаго оврага — явленіе обыденное. Спрашивается, куда же идутъ эти милліоны кубовъ земли, глины и песку, какъ не въ рѣки, загрязняя по пути мелкіе ихъ притоки и совершенно засоряя родники, ключи и всякіе водные источники.“

Лучшимъ способомъ борьбы съ оврагами является обсаживаніе ихъ лѣсомъ, но эту мѣру будетъ особенно трудно ввести въ Тульской губерніи, такъ какъ крестьянамъ приходится пользоваться оврагами часто какъ единственными мѣстами для выгона скота. На крестьянскихъ надѣлахъ сѣнокосовъ нѣтъ вовсе, и крестьянамъ приходится ихъ арендовать за 10—15 верстъ отъ деревни. Недостатокъ пастбищъ заставляетъ крестьянъ, въ ущербъ урожайности ихъ пахоты, оставлять поля подъ паромъ до Петрова дня, равнымъ образомъ крестьяне торопятся косить траву въ оврагахъ

съ тѣмъ, чтобы выгонять туда свой скотъ. При такихъ условіяхъ представляется весьма затруднительнымъ обсаживаніе склоновъ овраговъ лѣсомъ, такъ какъ его никакъ не уберечь отъ погравъ.

Вопросъ объ укрѣпленіи овраговъ значительно упростился бы, если бы было найдено растеніе, которое, имѣя свойство закрѣплять своими корнями почву, одновременно могло бы служить кормомъ для скота: такое растеніе получило бы быстрое распространеніе не только среди помѣщиковъ, но и среди крестьянъ. Лѣсъ, разведенный на склонахъ овраговъ, обыкновенно совершенно оголенныхъ и сухихъ, росъ бы очень медленно, да и выросши, могъ бы принести крестьянамъ ничтожную прямую выгоду. Тѣснимый нуждою въ настоящемъ, крестьянинъ не можетъ прибѣгать къ затратамъ, обещающимъ ему выгоду въ далекомъ будущемъ. Обязать же земство закрѣплять овраги, лежащіе близъ полотна дорогъ, находящихся въ вѣдѣніи земства, представляется вполне возможнымъ и своевременнымъ. Запретить пахоту на склонахъ, смываемыхъ легкими струями воды, въ Тульской губерніи вообще, а въ особенности въ Тульскомъ уѣздѣ, врядъ ли возможно, такъ какъ поверхность земли, по преимуществу, волнистая: пришлось бы изъять изъ пользованія крестьянъ слишкомъ большое количество пахотной земли, каждую пядью коей, въ виду меньшаго земельного надѣла (въ среднемъ въ $2\frac{1}{2}$ дес. на душу и $2\frac{3}{4}$ вмѣстѣ съ усадьбою землею), крестьяне чрезвычайно доживаютъ.

Запретъ подпашки къ самой бровкѣ растущаго оврага представлялся бы для Тульской губерніи особенно неудобовыполнимымъ, такъ какъ при волнистой мѣстности и неправильности уклоновъ нельзя было бы установить границы, переступать которыя запрещено.

Въ губерніи дѣйствуетъ лѣсоохранительный комитетъ, но, по мнѣнію И. В. Тулузьева, нельзя согласиться съ тѣмъ, чтобы его распоряженія были цѣлесообразны. Вмѣсто запрета рубить мелкіе лѣсные участки, находящіеся въ частномъ владѣніи, комитету слѣдовало бы энергичнѣе преслѣдовать вспашку участковъ изъ-подъ вырубленнаго лѣса и выгонъ на нихъ скота, возложивъ на владѣльцевъ вырубленныхъ мелкихъ участковъ обязанность развести на этихъ участкахъ молодой лѣсъ. Законъ же, запрещающій выгонять скотъ на вырубкахъ, вовсе не соблюдается.

Замѣнить полосы земли, находящіяся вдоль дѣйствующихъ овраговъ, землею, остающеюся отъ переселенцевъ, тоже невоз-

можно, такъ какъ въ Тульской губерніи переселеніе пока еще очень незначительно ¹⁾, и часто слышатся замѣчанія крестьянъ, что они не хотятъ покидать своей земли и что, хотя имъ и тѣсно, но на своей землѣ „каждый кустикъ имъ улыбается“.

Во всякомъ случаѣ, вопросъ объ упорядоченіи воднаго хозяйства для Тульской губерніи—вопросъ жгучій: вода въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ губерніи настолько дорога, что нерѣдко встрѣчаются помѣщики, которые за пользованіе водою облагаютъ крестьянъ натуральною повинностью: за водопой приходится крестьянамъ работать на помѣщиковъ въ полѣ, а за стирку бѣлья въ помѣщичьей водѣ бабы работаютъ въ господскихъ огородахъ. А между тѣмъ мѣстные крестьяне не сознаютъ необходимости беречь имѣющіеся на ихъ землѣ источники и ключи!

Подробное объясненіе причинъ такого равнодушія къ собственной своей выгодѣ далъ мнѣ Тульскій губернский агрономъ, Д. Д. Кузнецовъ. Владѣя землею на общинныхъ началахъ, крестьяне, видя, что ихъ надѣлъ „уплываетъ“ вмѣстѣ съ полосой, расположенной у бровки дѣйствующаго оврага, утѣшаются тѣмъ, что настанетъ передѣлъ, и что тогда, при измѣреніи наличной земли, будетъ принято во вниманіе, что часть ея унесена весенними водами. Крестьянинъ начинаетъ укрѣплять оврагъ жердями и подпорками, а то и просто навозомъ, лишь тогда, когда оврагъ угрожаетъ устойчивости его хаты или огорода. Безпечность крестьянъ такъ велика, что они не сооружаютъ хотя-бы самыхъ недорого стоящихъ запрудъ даже въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ совершенно нѣтъ естественныхъ водоемовъ: часто приходится видѣть, какъ крестьянскій скотъ вмѣсто воды впитываетъ въ себя жидкую грязь. По мнѣнію Д. Д. Кузнецова, назначеніе небольшихъ денежныхъ премій за успѣшную борьбу съ оврагами оказалось бы вполне цѣлесообразнымъ, особенно, если бы эти преміи выдавались не отдѣльнымъ домохозяевамъ, а цѣлымъ крестьянскимъ обществамъ съ отчисленіемъ нѣкотораго процента въ пользу сельскихъ выборныхъ должностныхъ лицъ. Эти преміи могли бы быть обращаемы на покрытіе части общественныхъ недоимокъ, что нѣсколько облегчило бы ихъ сборъ.

Въ нѣкоторыхъ уѣздахъ (Тульскомъ, Епифанскомъ и Новосильскомъ) были произведены земствомъ опыты закрѣпленія овра-

¹⁾ Въ Тульскомъ уѣздѣ переселенія еще вовсе нѣтъ, вѣроятно въ виду того, что на мѣстѣ имѣются каменоломни, дающія населенію значительный заработокъ, равно какъ лѣсные и кустарные промыслы.

говъ преимущественно въ видахъ противодѣйствія размыванію дорожнаго полотна, частные же землевладѣльцы, насколько Д. Д. Кузнецову извѣстно, такихъ работъ не производили.

Въ виду отсутствія заработковъ на мѣстѣ, въ Елифанскомъ уѣздѣ подымается вопросъ о переселеніи, по земли, которыя окажутся свободными послѣ переселенія нѣсколькихъ семей, представлять собою ничтожное пространство, которое врядъ-ли окажетъ какое-либо вліяніе на экономическое состояніе населенія.

Я имѣлъ случай познакомиться въ Тулѣ еще съ завѣдывающимъ губернской чертежною, мѣстнымъ помѣщикомъ А. И. Смирновымъ. Г. Смирновъ, служащій въ губерніи уже болѣе 30 лѣтъ, объяснилъ, что, при размежеваніи помѣщичьихъ и крестьянскихъ земель, воды приравняются къ неудобнымъ землямъ, почему въ расчетъ не принимаются. Иски о пользованіи или владѣніи водою въ губерніи предъявляются очень рѣдко, и лишь иногда возникаютъ дѣла по спорамъ о принадлежности земли изъ-подъ высохшихъ прудовъ. Пруды часто оставались за помѣщиками, хотя и находились среди крестьянскаго надѣла. Помѣщики обыкновенно предоставляли крестьянамъ право поить въ прудѣ скотъ, вслѣдствіе чего у крестьянъ складывалось убѣжденіе въ томъ, что прудъ—ихъ и что земля, оставшаяся послѣ высохшаго пруда, принадлежитъ имъ, а не помѣщику. Отсюда всякія недоразумѣнія, споры и иски. Для урегулированія пользованія водою какъ крестьянами, такъ и мѣстными помѣщиками, по мнѣнію г. Смирнова, время еще не настало, борьба же съ оврагами представляется для всѣхъ мѣрой, не терпящей отлагательства. Конечно, не всѣ овраги приносятъ вредъ землѣлю; овраги съ незначительнымъ уклономъ, съ плотнымъ глинисто-черноземнымъ слоемъ могутъ быть вспахиваемы безъ вреда, по песчаные и глинистые овраги должны быть непременно укрѣпляемы путемъ обсаживанія ихъ деревьями или же путемъ устройства на склонахъ овраговъ какъ деревянныхъ, такъ и каменныхъ плетней; это должно быть возложено на помѣщиковъ и на крестьянъ въ видѣ натуральной повинности. Такая мѣра прежде всего необходима въ интересахъ охраны крестьянскаго земельного надѣла, и безъ того уже въ Тульской губерніи весьма неудовлетворительнаго.

Орель.

Задачи, преслѣдуемыя экспедиціей, очень заинтересовали председателя Орловскаго окружнаго суда. Подтвердивъ полное отсут-

ствіе воды въ нѣкоторыхъ частяхъ губерніи, предсѣдатель однако замѣтилъ, что суду приходится разсматривать почти исключительно дѣла о подтопахъ, которые чрезвычайно однообразны и особаго интереса не представляютъ. Да и въ этихъ дѣлахъ стороны часто не выкладываютъ передъ судомъ всего своего юридическаго багажа, приберегая его для представленія въ судебную палату, куда дѣла восходятъ по апелляціоннымъ жалобамъ.

Весьма продолжительную, живую и интересную бесѣду я имѣлъ съ секретаремъ Орловской уѣздной земской управы, В. И. Ломакинымъ, состоящимъ секретаремъ управы болѣе 12 лѣтъ и близко знакомымъ съ бытомъ мѣстныхъ помѣщиковъ и крестьянъ. Не только крестьяне, но и не мало мѣстныхъ помѣщиковъ, по отзыву В. И., совершенно не сознаютъ необходимости бережно обращаться съ имѣющейся у нихъ подъ рукою водою и тщательно оберегать лѣса отъ потравъ. Ранѣе всего слѣдовало бы научить крестьянъ уважать растущее дерево. Такъ называемыя Екатерининскія дороги были когда-то всѣ обсажены ракетами и березами и за порчу деревьевъ на крестьянъ налагались строгія взысканія. Но за послѣднія 30 лѣтъ Министерство Путей Сообщенія стало относиться къ этимъ деревьямъ равнодушно, вслѣдствіе чего они стали постепенно исчезать. Въ виду дороговизны желѣза шкворни крестьянскихъ телѣгъ еще часто бывають деревянными; сломайся шкворень на пути, крестьянинъ дѣлаетъ временной шкворень изъ дерева, посаженнаго по сторонамъ дороги; то же самое и въ томъ случаѣ, если потеряется щеколда.

Затѣмъ далѣе: мировые судьи, принимавшіе, въ большинствѣ случаевъ, мѣстные интересы близко къ сердцу, охотно налагали денежные взысканія за порчу посаженныхъ деревьевъ и кустарниковъ, земскіе же начальники относятся къ такимъ потравамъ обыкновенно совершенно равнодушно. Пріучать крестьянъ уважать посаженное дерево можно нѣсколькими способами: большую пользу можетъ принести возложеніе закономъ на крестьянъ обязанности обсаживать ихъ дома деревьями въ противопожарныхъ видахъ: желательно также распространеніе среди крестьянъ популярно изложенныхъ брошюръ о значеніи деревьевъ въ климатическомъ и иныхъ отношеніяхъ; наконецъ, заслуживаетъ полнаго вниманія обычай, соблюдаемый въ народныхъ школахъ Германіи и заключающійся въ томъ, что каждый ученикъ сажаетъ ежегодно 3 деревца подъ руководствомъ школьнаго учителя. При такихъ условіяхъ было бы значительно облегчено дѣло обсаживанія деревьями овраговъ.

Полезныя мѣропріятія, касающіяся благосостоянія крестьянъ, слѣдуетъ приводить въ исполненіе, не спрашивая ихъ мнѣнія и согласія. Натуральную повинность по подвозкѣ камня и земли и посадкѣ деревьевъ по склонамъ овраговъ необходимо возложить на крестьянъ путемъ законодательнымъ, но при этомъ нужно быть очень осторожнымъ въ видахъ соблюденія принципа справедливости. Если, напр., возложить такую обязанность исключительно на крестьянъ, на землѣ коихъ уже образовался оврагъ, то можетъ легко случиться, что вся тяжесть производства работъ ляжетъ на крестьянъ одной деревни, между тѣмъ какъ результатами воспользуются крестьяне выше лежащей деревни, до земли которыхъ оврагъ, не будучи закрѣпленъ, дошелъ бы непременно (сказанное необходимо имѣть въ виду въ случаѣ производства работъ по закрѣпленію оврага при д. Лодыревѣ, Орлов. уѣзда).

По мнѣнію В. И. Ломакина, при рѣшеніи вопроса объ охранѣ водъ слѣдовало бы обратить вниманіе на слѣдующіе вопросы: объ освобожденіи отъ поземельнаго налога полосъ земли крестьянскаго надѣла, изъятыхъ изъ крестьянскаго пользованія въ видахъ охраны воды, о взятіи государствомъ нѣкоторыхъ изъ названныхъ полосъ крестьянскихъ земель въ долгосрочную аренду, о замѣнѣ, въ крайнихъ случаяхъ, этихъ полосъ землею, приобрѣтенною у сосѣднихъ помѣщиковъ, о возложеніи надзора за водами на губернскаго земскаго агронома, содержимаго на счетъ государства, подобно губернскимъ архитекторамъ и инженерамъ, а въ случаѣ недостатка средствъ, о возложеніи этого завѣдыванія на дорожные отдѣлы губернскихъ управъ, имѣющіе свои дорожные капиталы и своихъ техниковъ, а также сторожей, присматривающихъ за дорогами, и, наконецъ,—вопросъ о передачѣ лѣсонасажденій овраговъ подъ охрану сельскихъ старостъ.

Въ заключеніе г. Ломакинъ сообщилъ мнѣ о слѣдующемъ случаѣ, могущемъ служить иллюстраціею явленій, часто повторяющихся въ разныхъ уѣздахъ Орловской губерніи. Близъ деревни Каменьки, Богородской волости, Орловскаго уѣзда, провалилась во время весеннихъ водъ земля (слой торфа въ 3 арш. съ песчаною подпочвою), на которой былъ разбитъ садъ. Въ образовавшейся оврагъ провалилась часть усадьбы и много деревьевъ и кустовъ, въ томъ числѣ и ракиты. По истеченіи нѣкотораго времени ракиты были подобраны въ 17-ти верстахъ отъ деревни Каменьки мѣстными крестьянами, выловившими ихъ у берега протекающей мимо рѣки, куда онѣ были унесены вмѣстѣ съ торфомъ и разнымъ

мусоромъ. Этотъ случай сталъ всеѣмъ извѣстенъ благодаря тому, что владѣлецъ провалившейся усадьбы привлекъ крестьянъ, подобравшихъ принадлежавшія ему ракиты, къ судебной отвѣтственности за присвоеніе чужаго имущества.

Н. Е. Савенковъ, губернской инженеръ, завѣдывающій дорожнымъ отдѣломъ губернской управы, сообщилъ, что тамъ, гдѣ нѣсколько лѣтъ тому назадъ на протяженіи 25 верстъ былъ всего одинъ мостъ черезъ оврагъ, ихъ въ настоящее время четыре и притомъ иногда такіе, постройка которыхъ обходится въ нѣсколько тысячъ рублей. Земство ассигнуетъ значительныя средства на закрѣпленіе овраговъ, разрушающихъ полотно дорогъ, находящихся въ его вѣдѣніи; такъ, напр., Сѣвское уѣздное земство ассигновало на закрѣпленіе оврага у слободы Ново-Ямской 38 тыс. руб. Закрѣпленіе овраговъ, лежащихъ близъ земскихъ дорогъ, входитъ въ число обязанностей дорожныхъ отдѣловъ, располагающихъ дорожными капиталами. Во главѣ отдѣла находится губернской инженеръ, и на него можно было бы возложить наблюденіе за закрѣпленіемъ овраговъ, имѣющихъ вліяніе на обмелѣніе рѣкъ. Въ такомъ случаѣ представилось бы необходимымъ предоставить ему нѣкоторыя права, которыми онъ въ настоящее время не пользуется. Такъ, напр., при закрѣпленіи даже овраговъ, лежащихъ близъ дорогъ, губернскому инженеру нельзя производить работы по закрѣпленію оврага, переступивъ полосу, отведенную для дороги. По мнѣнію г. Савенкова, весьма желательно выработать вопросникъ касательно способовъ упорядоченія воднаго хозяйства и предложить земствамъ высказаться по нему. Въ этомъ вопросникѣ не слѣдуетъ забыть упомянуть и о мѣрахъ взысканія за поврежденіе овражныхъ и иныхъ насажденій.

Елецъ.

Предсѣдатель Елецкаго окружнаго суда отнесся къ желаніямъ экспедиціи очень внимательно и обѣщаль пересмотрѣть архивъ суда за послѣднія 10 лѣтъ съ тѣмъ, чтобы сообщить экспедиціи все типичныя, интересующія ее рѣшенія. При этомъ предсѣдатель, однако, замѣтилъ, что въ его судѣ особенно любопытныхъ дѣлъ о владѣніи и пользованіи водою не было и что въ громадномъ большинствѣ случаевъ иски возникаютъ вслѣдствіе подтопа земель, находящихся вблизи мельницъ.

Пресѣдатель Елецкой земской управы заявилъ мнѣ, что овраги въ уѣздѣ повсемѣстно растутъ съ неимоверною быстротою, но

что, по его мнѣнію, рациональная борьба съ ними невозможна. Борьба эта привела бы, прежде всего, къ запрету подпашки къ самой бровкѣ растущаго оврага, „но какъ ограничивать крестьянина въ пользованіи своею землею“, — сказалъ предсѣдатель управы — „когда ему и такъ земли не хватаетъ на прокормленіе себя и семьи своей!“

Секретарь Елецкой уѣздной земской управы, Д. И. Опрятковъ, состоящій секретаремъ управы въ теченіе 26 лѣтъ, сообщилъ мнѣ, что онъ еще помнитъ время, когда крестьяне на своихъ задворкахъ ежегодно сажали осины, которыя вырубали, только находясь въ крайней нуждѣ; отсюда мѣстное народное выраженіе: „осинами свадьбу справлять“. Елецкая уѣздная земская управа въ теченіе многихъ лѣтъ старается развить среди крестьянъ уваженіе къ растущимъ деревьямъ; такъ, въ 70-хъ годахъ управа обратилась въ волостныя правленія съ предложеніемъ запретить крестьянамъ рубку молодыхъ березъ въ Троицынъ день. Волостныя правленія приняли это предложеніе за приказаніе и запретили рубить березы, которыя вслѣдствіе сего и въ настоящее время поступаютъ на рынокъ въ Троицынъ день въ весьма небольшомъ количествѣ. Въ Елецкомъ уѣздѣ лѣсовъ очень мало, у крестьянъ топлива нѣтъ вовсе, вслѣдствіе чего совершаются постоянныя кражи заборовъ, перилъ мостовъ и даже самыхъ молодыхъ деревцевъ. Крестьяне станутъ относиться съ уваженіемъ къ растущему дереву лишь тогда, когда увидятъ, что мѣстныя административныя власти дѣйствительно интересуются сохраненіемъ посадокъ и убѣдятся въ томъ, что порча всякихъ насажденій непременно влечетъ за собою наказаніе. Въ 1897 г. земство укрѣпило оврагъ, возведя каменную стѣну, обошедшуюся ему въ 3¹/₂ тысячи рублей.

Членъ Елецкой уѣздной земской управы, М. В. Красовскій, инженеръ и мѣстный помѣщикъ, завѣдывающій дорожнымъ отдѣломъ управы, оказался хорошо освѣдомленнымъ о работахъ экспедиціи, вызывающихъ, по его заявленію, его полное сочувствіе. Г. Красовскій признаетъ вполне своевременнымъ установить законодательнымъ путемъ борьбу съ оврагами, встрѣчающимися въ Елецкомъ уѣздѣ въ огромномъ количествѣ. Многіе изъ этихъ овраговъ имѣютъ такіе крутые склоны, что для ихъ закрѣпленія плетни недостаточны. Во многихъ мѣстахъ для закрѣпленія овраговъ пришлось бы произвести земляныя работы по сносу береговъ оврага для образованія менѣе крутыхъ уклоновъ. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ бываетъ даже недостаточнымъ укрѣплять голову оврага

путемъ возведенія на его бровкѣ каменной стѣны, такъ какъ этимъ боковой ростъ оврага часто не прекращается. Единственный правильный способъ закрѣпленія оврага заключается въ засаженіи его склона деревьями, но эта засадка обходится иногда очень дорого, такъ какъ приходится сажать деревья не на ровной мѣстности, прибѣгая ко всякаго рода закрѣпленіямъ и подпоркамъ; вотъ почему выдача премій за засаженіе овраговъ представляетъ собою мѣру, которую слѣдовало бы привѣтствовать. Въ 1897 г. посажено 40 тыс. корней по оврагу между гор. Ельцомъ и близъ лежащей слободой, но нельзя было ограничиться посадкой деревьевъ, а пришлось нанять особаго сторожа для охраны ихъ отъ поправки. Такая мѣра возможна, конечно, только въ видѣ исключенія и не распространяема на обсаженные овраги, находящіеся вдали отъ населенныхъ мѣстъ. Овраги растутъ въ Елецкомъ уѣздѣ съ немовѣрной быстротой, часто уничтожая цѣлыя полосы пахотной земли, и несмотря на это крестьяне относятся къ нимъ безучастно: одно лишь требованіе закона заставитъ ихъ приняться за укрѣпленіе овраговъ. Елецкій уѣздъ представляетъ собою любопытный примѣръ тому, какую пользу можетъ принести мѣстному населенію энергичное исполненіе своихъ обязанностей мѣстными властями. Такъ, напр., пастьба скота на вырубкахъ, практиковавшаяся въ уѣздѣ съ незапамятныхъ временъ, совершенно прекратилась благодаря частымъ личнымъ лѣснымъ объѣздамъ мѣстнаго лѣсничаго.

Въ Ельцѣ же мнѣ было сообщено, что опытъ земства показалъ, какіе результаты достигаются путемъ распространенія среди народа полезныхъ свѣдѣній при помощи печатнаго слова. Такъ, напр., въ Можайскомъ уѣздѣ крестьяне стали засѣвать свои поля травами только благодаря вліянію брошюръ, раздаваемыхъ въ мѣстныхъ школахъ.

Москва.

По словамъ Д. Н. Шипова, предсѣдателя Московской губернской земской управы, вопросы о правильномъ водоснабженіи населенія и о разумномъ израсходованіи воды уже давно занимаютъ нѣкоторыхъ гласныхъ Московской губерніи, которые охотно образуютъ комиссію для разсмотрѣнія вопроса объ упрядоченіи воднаго хозяйства и для ознакомленія съ проектомъ воднаго устава, выработаннымъ для всей Россіи или хотя-бы для губерній, въ которыхъ введено земское положеніе. Въ подтвержденіе же того, что и мѣстные крестьяне на-

чинаютъ сознавать необходимость борьбы съ оврагами, предсѣдатель Московской уѣздной земской управы Н. Ф. Рихтеръ указалъ мнѣ на крестьянъ слободы Садовой, обратившихся въ Московскую уѣздную земскую управу съ просьбой объ оказаніи имъ содѣйствія по закрѣпленію оврага, находящагося близъ ихъ слободы, каковая просьба была земствомъ исполнена.

Для распространенія среди населенія губерніи убѣжденія въ пользѣ общей охраны водныхъ богатствъ, по мнѣнію предсѣдателя Московской губернской земской управы, слѣдовало бы Министерству Земледѣлія и Государственныхъ Имуществъ произвести хотя-бы въ двухъ мѣстахъ губерніи пробныя работы по расчисткѣ ключей и выправленію рѣчнаго русла. Если такія работы увѣнчаются успѣхомъ, то онѣ послужатъ лучшей пропагандой въ пользу необходимости неотложнаго упорядоченія воднаго хозяйства, и земскимъ дѣятелямъ, понимающимъ значеніе воды и влаги для урожайности земли, представится возможнымъ сослаться на результаты, полученные отъ производства помянутыхъ опытовъ. Во всякомъ случаѣ необходимъ законъ, охраняющій воды и устанавливающій обязательную борьбу съ оврагами.

Представители вѣдомства Министерства Юстиціи и земскіе дѣятели Московской губерніи дали мнѣ по интересующимъ экспедицію вопросамъ отвѣты, оказавшіеся тождественными съ отвѣтами, полученными мною въ Тульской и Орловской губерніяхъ, въ виду чего мнѣ не приходится упоминать о нихъ особо.

Я полагаю, что изъ данныхъ и соображеній, сообщенныхъ мнѣ въ Москвѣ, Тулѣ, Орлѣ и Ельцѣ 23 представителями разныхъ учреждений и вѣдомствъ ¹⁾ и большимъ числомъ мѣстныхъ землевладѣльцевъ, можно сдѣлать слѣдующіе выводы.

Нѣкоторые мѣстные помѣщики и передовые земскіе дѣятели вполне признаютъ необходимость всесторонняго законодательнаго

¹⁾ 1 губернаторомъ, 5 предсѣдателями земск. управъ, 3 секретарями земск. управъ, 1 членомъ управы, 2 инжен., завѣдыв. дорожн. отдѣл. земск. управъ, 1 губ. агрон., 3 предсѣд. окружн. судовъ, 2 товарищ. предсѣд. окружн. суд., 1 предсѣд. уѣздн. сѣзда, 1 уѣзднымъ член. окр. суд., 1 завѣдыв. губ. чертежн., 1 завѣд. помологич. разсадн. вѣдом. Мин. Земл. и Гос. Имущ. и 1 земск. нач. Большинство изъ названныхъ лицъ изъявило полную готовность доставлять всѣ свѣдѣнія, необходимыя для законодательнаго упорядоченія воднаго хозяйства, тому учрежденію, которое будетъ призванъ составить проектъ такого воднаго закона.

упорядоченія воднаго хозяйства. Крестьяне же и вмѣстѣ съ ними *большинство* помѣщиковъ не придаютъ никакого значенія мѣстнымъ воднымъ богатствамъ и по большей части расходуютъ ихъ совершенно непроизводительнымъ образомъ.

Входить въ разсмотрѣнiе плана общаго упорядоченія воднаго хозяйства мѣстные дѣятели признаютъ особенно затруднительнымъ, такъ какъ такое упорядоченiе повлечетъ за собою значительное стѣсненiе пользованiя крестьянами своими пахотными землями. Допустить такое стѣсненiе весьма трудно, въ виду недостаточности въ нѣкоторыхъ губернiяхъ крестьянскаго земельного надѣла и въ виду экстенсивнаго способа обработки крестьянами земли. Съ другой же стороны, ждать, пока крестьяне измѣнятъ самый способъ культуры ихъ земель, нѣтъ, конечно, никакой возможности, такъ какъ водныя богатства подвергаются быстрому повсемѣстному и притомъ безвозвратному уничтоженiю.

Въ виду необходимости законодательной нормировки воднаго хозяйства и трудностей, связанныхъ съ такой нормировкой, предлагаютъ, предварительнаго составленiя проекта воднаго устава, разослать земствамъ вопросникъ о способахъ охраны водныхъ богатствъ съ указанiемъ нѣкоторыхъ руководящихъ началъ такой охраны. Вопросникъ могъ бы быть подвергнутъ обсужденiю земскими гласными и мѣстными помѣщиками. Одновременно съ этимъ признаютъ крайне полезнымъ произвести въ нѣкоторыхъ губернiяхъ опытные работы по расчисткѣ ключей и по выправленiю русла рѣкъ. Если такiя работы, произведенныя хотя-бы въ самомъ маломъ масштабѣ, увѣнчаются успѣхомъ, то онѣ убѣдятъ въ пользѣ охраны водъ тѣхъ мѣстныхъ жителей, которые въ настоящее время относятся къ этой охранѣ совершенно равнодушно или даже отрицательно.

Далѣе указываютъ на то, что при законодательной нормировкѣ обязанностей помѣщиковъ и крестьянъ по охранѣ водъ и борьбѣ съ оврагами необходимо обратить особое вниманiе на равномерное распредѣленiе этихъ обязанностей на всѣхъ заинтересованныхъ землевладѣльцевъ, а не только на тѣхъ, на земляхъ коихъ находятся воды или овраги.

Даже и тѣ лица, которыя особенно энергично настаивали на томъ, что мѣры, направленныя къ упорядоченiю воднаго хозяйства, причинятъ крестьянамъ большiя стѣсненiя, соглашаются съ тѣмъ, что только одинъ строгiй, запретительный законъ заставитъ какъ крестьянъ, такъ и помѣщиковъ обратить вниманiе на зна-

ченіе и пользу водныхъ богатствъ. Такимъ образомъ, признавая необходимость законодательнаго упорядоченія воднаго хозяйства, мѣстные дѣятели расходятся лишь въ одномъ: одни полагаютъ, что необходимо теперь же издать водный уставъ, обнимающій всѣ виды этого хозяйства, другіе же признаютъ возможнымъ въ настоящее время узаконить лишь одинъ видъ изъ разныхъ способовъ охраны водъ, а именно борьбу съ оврагами. Убѣдить крестьянъ въ пользѣ закрѣпленія овраговъ возможно, слѣдуетъ лишь изыскать способъ понятно и убѣдительно объяснить имъ, что овраги съѣдаютъ ихъ пахотныя земли, уменьшая такимъ образомъ ихъ земельный надѣлъ. Изъ всѣхъ способовъ закрѣпленія овраговъ лучшимъ повсемѣстно признается обсаживаніе склоновъ оврага деревьями, на что уже давно указывали Е. С. Писаревъ и Э. Э. Кернъ въ ихъ трудахъ о лѣсонасажденіи и о закрѣпленіи овраговъ. Но тутъ приходится сталкиваться съ полнымъ неуваженіемъ населенія ко всякой чужой собственности, а въ особенности къ растущему дереву. Для того, чтобы крестьяне убѣдились въ необходимости оберегать отъ порчи посаженное дерево, предлагаютъ распространять среди крестьянъ, въ видѣ отдѣльныхъ брошюръ или статей въ Сельскомъ Вѣстникѣ, свѣдѣнія о пользѣ растущихъ деревьевъ и о ихъ вліяніи на закрѣпленіе овраговъ. На ряду съ этимъ, весьма желательно изданіе новаго закона, по которому деревенское населеніе было бы обязано обсаживать свои дома деревьями. Рекомендуютъ, равнымъ образомъ, мѣру, распространенную по всей Германіи, согласно которой каждый ученикъ народной школы долженъ посадить въ теченіе года три деревца подъ руководствомъ школьнаго учителя.

Общее руководство работами по закрѣпленію овраговъ признаютъ возможнымъ возложить на дорожные отдѣлы земскихъ управъ. Закрѣпленіе овраговъ, находящихся близъ земскихъ дорогъ, должно бы производиться, за счетъ дорожнаго капитала, инженерами, завѣдывающими дорожными отдѣлами, и состоящими при нихъ техниками. Тѣхъ же самыхъ лицъ слѣдовало бы обязать руководить работами по закрѣпленію овраговъ, находящихся на помѣщичьихъ и крестьянскихъ земляхъ. Помѣщикамъ надлежало бы выдавать меліоративный кредитъ на работы по закрѣпленію овраговъ, а вообще на населеніе возложить натуральную или денежную повинности на производство такихъ работъ; при этомъ было бы вполне цѣлесообразно выдавать какъ тѣмъ, такъ и другимъ небольшія денежные преміи за хорошо произведенныя работы.

Спрошенныя лица обыкновенно уклонялись от обсуждения вопроса о самой организаціи надзора за водами, но повидимому большинство было бы удовлетворено такою организаціею этого надзора: въ каждомъ уѣздѣ (рѣчь идетъ только о губерніяхъ, въ которыхъ введены земскія учрежденія) слѣдовало бы учредить комитетъ, въ составъ котораго вошли бы 3 земскихъ выборныхъ, уполномоченныхъ, по силѣ самаго закона, слѣдить за повсемѣстнымъ исполненіемъ постановленій воднаго устава, завѣдывающій мѣстнымъ управленіемъ Министерства Земледѣлія и Государственныхъ имуществъ (въ качествѣ непремѣннаго члена комитета), представитель Министерства Путей Сообщенія, инженеръ, завѣдывающій дорожнымъ отдѣломъ управы, и земскій агрономъ или мѣстный помѣщикъ, обладающій необходимыми техническими знаніями. Къ сему слѣдуетъ однако присовокупить, что нѣкоторыя земства, напр. Рязанское и Черниговское, упорно отказываются пригласить инженера, могущаго завѣдывать дорожнымъ отдѣломъ, а въ Псковской губерніи завѣдываніе дорожною частью находится въ столь неудовлетворительномъ видѣ, что постройка шоссе на протяженіи двухъ верстъ, благодаря неподготовленности руководителей работъ, обошлась земству въ 24 тыс. рублей. Наконецъ нужно замѣтить, что завѣдываніе дорожнымъ капиталомъ, къ которому пришлось бы прибѣгнуть для производства работъ по закрѣпленію овраговъ, поставлено правильно не во всѣхъ земствахъ. Въмѣсто того, чтобы выработать, подобно Московскому губернскому земству, строго обдуманную программу постройки новыхъ дорогъ и полнаго ремонта старыхъ, сообразно ихъ значенію для населенія всей губерніи, многія земства распредѣлили дорожный капиталъ на число уѣздовъ, поручивъ ихъ завѣдываніе уѣзднымъ земскимъ управамъ. Уѣздныя управы, получивъ въ свое распоряженіе часть дорожнаго капитала, всего нѣсколько тысячъ рублей, съ одной стороны, не могутъ удѣлить изъ этихъ денегъ сумму, достаточную для содержанія инженера, а съ другой—расходуютъ полученныя деньги на устройство дорогъ, часто имѣющихъ исключительно мѣстное значеніе.

Надзоръ за деревьями, посаженными на склонахъ овраговъ, могли бы съ успѣхомъ принять на себя, по мнѣнію нѣкоторыхъ мѣстныхъ дѣятелей, учителя земскихъ и церковно-приходскихъ школъ, которые, путемъ постоянныхъ разъясненій, вселили бы крестьянамъ чувство уваженія къ растущему дереву. Развитію такого чувства могли бы въ значительной мѣрѣ содѣйствовать народныя

чтенія (сопровождаемыя демонстрированіемъ картинъ при помощи проекціоннаго фонаря) о способахъ борьбы съ оврагами путемъ обсаживанія ихъ деревьями ¹⁾. Въ видахъ достиженія той же цѣли охраны растущаго дерева самимъ населеніемъ пельза не привѣтствовать энергичныя начинанія Министерства Земледѣлія и Государственныхъ Имуществъ по надѣленію школъ землею для разведенія на ней учебныхъ садовъ.

Вполнѣ соглашаясь съ мѣстными жителями, что овраги составляютъ бѣдствіе, требующее упорной, энергичной борьбы, слѣдуетъ однако замѣтить, что вліяніе овраговъ на обмелѣніе рѣкъ иногда едва-ли не преувеличивается. Дѣйствующіе овраги безспорно забиваютъ ключи и источники и вліяютъ на обмелѣніе верховьевъ рѣкъ, загрязненіе же рѣчнаго русла, какъ извѣстно, происходитъ по еще многимъ инымъ причинамъ. Во главѣ этихъ причинъ стоитъ быстрое уменьшеніе общей площади лѣсовъ въ странѣ и, въ особенности, по берегамъ всякихъ рѣкъ.

Основываясь на разспросѣ представителей мѣстной администраціи и земства о способѣ организаціи надзора за исполненіемъ требованій ожидаемаго воднаго устава, слѣдуетъ прийти къ заключенію, что успѣхъ такого надзора, въ виду множества мѣстныхъ экономическихъ интересовъ, съ которыми придется ему считаться, получится только въ томъ случаѣ, если произойдетъ полное единеніе правительственныхъ и земскихъ мѣстныхъ органовъ и если земство будетъ привлечено къ участію въ работахъ по составленію воднаго закона. Охрана же водъ со стороны закона врядъ-ли окажется у насъ дѣйствительною, если въ ней не примутъ самое дѣятельное участіе и не выкажутъ ей полное сочувствіе земскіе начальники и низшіе органы мѣстной полиціи. Но, казалось бы, что участіе сихъ послѣднихъ органовъ должно было бы, на первое время, выразиться въ одномъ лишь привлеченіи къ *судебной* отвѣтственности разорителей лѣсонасажденій, особенно по оврагамъ.

---

¹⁾ Небольшой кружокъ лицъ въ Петербургѣ, поставившихъ себѣ задачею распространять среди народа полезныя знанія, заявилъ мнѣ о своей готовности содѣйствовать составленію текста для чтеній о борьбѣ съ оврагами и изготовленію картинъ для проекціоннаго фонаря.

II.

Матеріалы для составленія проекта воднаго устава.

При обзорѣннй работъ сотрудниковъ экспедиціи для изслѣдованія источниковъ главнѣйшихъ рѣкъ Европейской Россіи ¹⁾ нельзя не прійти къ тому заключенію, что они въ одинъ голосъ удостовѣряютъ о крайне небрежной въ жизни и совершенно недостаточной со стороны закона охранѣ нашихъ водныхъ богатствъ и о необходимости выработки спеціального воднаго закона.

Созданію такого закона долженъ предшествовать рядъ лѣтъ, посвященныхъ трудамъ, идущимъ въ двоякомъ направленіи: одно направленіе состоитъ въ систематическомъ изученіи водныхъ богатствъ и въ собираніи данныхъ о водномъ хозяйствѣ въ разныхъ частяхъ Европейской Россіи, а другое направленіе состоитъ въ обсужденіи, совмѣстно со всѣми заинтересованными учрежденіями, основаній и частныхъ будущаго воднаго закона. Предварительно же составленія первоначальнаго проекта такого закона, необходимо приступить къ систематическому собиранію законодательнаго матеріала, а также войти въ соглашеніе съ лицами, по своему служебному положенію или по собственной инициативѣ занимающимися разработкой вопросовъ, касающихся упорядоченія воднаго хозяйства.

Съ этою цѣлью начальникъ экспедиціи, генералъ-лейтенантъ А. А. Тилло, поручилъ мнѣ собрать свѣдѣнія объ этомъ матеріалѣ, а также ознакомиться: во-1-хъ, съ тою частью трудовъ Высочайше учрежденной комисіи по составленію проекта гражданскаго уложенія, которая касается водныхъ законовъ, во-2-хъ, съ работами особой комисіи, состоящей подъ предсѣдательствомъ члена совѣта Министерства Земледѣлія и Государственныхъ Имуществъ, д. с. с. М. Л. Бортникера, и, въ-3-хъ, выяснить вопросъ, насколько мѣстные дѣятели въ районѣ центральныхъ губерній Европейской Россіи (чины судебного вѣдомства, административные органы, земскія учрежденія и мѣстные землевладѣльцы) сознаютъ потребность изданія общаго воднаго закона и могутъ содѣйствовать успѣшному ходу работъ по составленію предварительнаго проекта воднаго устава.

¹⁾ Списокъ изданій экспедиціи (22 выпуска) помѣщенъ въ выпускѣ 1898 г.— „Главнѣе результаты четырехлѣтнихъ трудовъ экспедиціи“ и въ „Краткомъ отчетѣ“, изданномъ въ 1899 г.

Коммисією по составленію проекта гражданскаго уложенія былъ переданъ экспедиціи рядъ ея „выпусковъ“, въ которыхъ встрѣчаются статьи, имѣющія въ виду преимущественно урегулированіе *владѣнія и пользованія* водою. При этомъ оказалось, что составленіе воднаго закона, обнимающаго всѣ отрасли воднаго хозяйства, вовсе не входитъ въ задачу коммисіи. Предсѣдатель коммисіи по составленію проекта правилъ объ отводѣ воды и о проведеніи канавъ черезъ чужія владѣнія для осушительныхъ и оросительныхъ цѣлей предоставилъ экспедиціи собранный по его распоряженію матеріалъ, имѣющій отношеніе къ проекту воднаго закона для цѣлей осушенія и орошенія земель, и заявилъ, что коммисіи, работающей подъ его предсѣдательствомъ, поручено выработать лишь проектъ вышеизложенныхъ правилъ, между тѣмъ какъ отъ экспедиціи, работающей подъ начальствомъ А. А. Тилло, можно ожидать данныхъ, необходимыхъ для выработки общаго воднаго закона. Какой способъ былъ избранъ начальникомъ экспедиціи для выясненія вопроса, насколько заинтересованныя въ томъ лица сознаютъ необходимость изданія воднаго закона, видно изъ первой части настоящей статьи.

Матеріалъ, который долженъ подвергнуться изученію предварительно составленія проекта общаго воднаго устава, можетъ быть раздѣленъ на четыре группы.

I. Дѣйствующіе законы какъ въ Россіи, такъ и въ Западной Европѣ, имѣющіе отношеніе къ упорядоченію воднаго хозяйства, судебная практика и разъясненія Гражданскаго Кассационнаго Департамента Сената.

II. Составленные въ Россіи и за границей законопроектъ относительно установленія права владѣнія и пользованія водою и относительно упорядоченія воднаго хозяйства.

III. Труды экспедиціи по изслѣдованію источниковъ главнѣйшихъ рѣкъ Европейской Россіи.

IV. Литература о водахъ и о водномъ законодательствѣ.

Въ первую группу должны войти между прочимъ: составленный по распоряженію М. Л. Бортникера сборникъ, дѣйствующихъ въ Россіи законовъ, имѣющихъ отношеніе къ проекту воднаго закона для цѣлей осушенія и орошенія земель; весьма цѣнный сборникъ, представляющій, вмѣстѣ съ нынѣ дѣйствующимъ уставомъ путей сообщенія, ясную картину той неполноты, которая господствуетъ у насъ во всѣхъ правовыхъ отношеніяхъ, вытекающихъ изъ владѣнія и пользованія водою, за исключеніемъ

лишь нѣкоторыхъ немногихъ мѣстностей, гдѣ дѣйствуютъ особыя, сравнительно новыя, водныя законы. Въ ту же группу должны войти водныя законы Франціи, Галиціи, Пруссіи и Бадена. Сюда же долженъ быть отнесенъ матеріалъ, имѣющійся въ окружныхъ судахъ и судебныхъ палатахъ, о спорахъ и искахъ о правѣ владѣнія и пользованія водами, а также и разъясненія по сему предмету Гражданскаго Кассационнаго Департамента Сената.

Вторая группа, по числу могущаго войти въ нее матеріала, можетъ явиться самою разнообразною и богатою. Въ нее должны войти разные проекты, посвященные упорядоченію воднаго права. Изъ нихъ проектъ гражданскаго уложенія, проектъ устава путей сообщенія, составленный въ апрѣлѣ мѣсяцѣ 1898 года, проектъ правилъ объ отводѣ воды и о проведеніи канавъ чрезъ чужія владѣнія для осушительныхъ и оросительныхъ цѣлей и проектъ прусскаго воднаго устава, составленный въ Берлинѣ, снабжены обширными объяснительными записками, дающими возможность точно опредѣлить, какой матеріалъ послужилъ основаніемъ къ ихъ составленію.

Труды экспедиціи по изслѣдованію источниковъ главнѣйшихъ рѣкъ Европейской Россіи могутъ образовать третью группу матеріала. Они должны быть подвергнуты особому изученію, въ виду того, что они содержатъ многочисленныя указанія на неустройство нашего воднаго хозяйства и на способы его упорядоченія.

Къ литературѣ о водахъ и о водномъ законодательствѣ, образующей четвертую группу матеріала, должны быть прежде всего отнесены курсы гражданскаго права, представляющіе собою необходимое подспорье при всякой законодательной работѣ.

Особенно цѣнныя разсужденія относительно необходимости упорядоченія нашего воднаго права мы встрѣчаемъ у К. П. Побѣдоносцева. Въ первой части своего курса гражданскаго права (Вотчинныя права, изд. 1896 г., стр. 461) авторъ замѣчаетъ, что у насъ въ Россіи законодательство едва коснулось отношеній, вытекающихъ изъ воднаго права, столь важнаго въ хозяйственномъ отношеніи, и что „всякому извѣстно, что неопредѣленность этихъ отношеній и крайняя медленность и неясность въ разрѣшеніи споровъ по этимъ предметамъ составляютъ одно изъ *бѣдствій, угрожающихъ сельскому хозяйству въ Россіи*“.

Нельзя не обратить серьезнаго вниманія и на журнальныя статьи, которыя могутъ быть помѣщены въ четвертую группу матеріала. Нѣкоторыя изъ нихъ трактуютъ объ общихъ положеніяхъ

воднаго законодательства, другія же разбираютъ частныя мѣропріятія, могущія оказать большую услугу нашему водному хозяйству. Наконецъ, въ ту же группу матеріала могутъ войти разные указатели и справочныя изданія, имѣющіе прямое или косвенное значеніе для общаго воднаго закона. Чтобы убѣдиться въ томъ, насколько изданія этой категоріи могутъ способствовать ознакомленію съ отношеніемъ нашего законодательства, напр., къ вопросамъ, вытекающимъ изъ владѣнія и пользованія крестьянами водою, стоитъ лишь просмотрѣть изданный въ 1897 году земскимъ отдѣломъ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ указатель узаконеній, относящихся къ устройству сельскаго состоянія съ 1858 по 1896 годъ. Въ этомъ оффиціальномъ указателѣ за 40-лѣтній періодъ времени помѣщено лишь 7 статей, имѣющихъ прямое или косвенное отношеніе къ владѣнію или пользованію крестьянъ водными богатствами.

Собравъ перечисленный матеріалъ, юридическая часть экспедиціи могла бы распредѣлить свои занятія слѣдующимъ образомъ.

Имѣющіяся въ нашемъ законодательствѣ весьма неполныя положенія о владѣніи и пользованіи водою въ видахъ удовлетворенія нуждъ сельскаго хозяйства, промышленности и судоходства не сгруппированы ни въ нашемъ законодательствѣ, ни въ нашей юридической литературѣ. Въ виду этого пришлось бы прежде всего собрать общія положенія, которыя должны лечь въ основаніе будущаго воднаго закона, и привести ихъ въ систему, при чемъ въ этомъ отношеніи могъ бы принести большую пользу новѣйшій проектъ прусскаго воднаго устава, составленный комиссіею специалистовъ. Помѣщенные въ этомъ проектѣ статьи приведены въ стройную и вполне ясную систему, которая могла бы послужить, конечно не матеріальнымъ, но формальнымъ основаніемъ нашему проекту.

Установивъ общія начала предварительнаго проекта воднаго устава, слѣдовало бы перейти къ обсужденію его частныхъ, при чемъ весьма полезно было бы воспользоваться указаніями мѣстныхъ „корреспондентовъ“ экспедиціи, о которыхъ было сказано въ первой части настоящей статьи. Выработанныя же особою комиссіею правила объ отводѣ воды и о проведеніи канавъ черезъ чужія владѣнія для осушительныхъ и оросительныхъ цѣлей вошли бы цѣликомъ въ проектъ въ качествѣ самостоятельной его главы. Наконецъ, необходимо было бы изучить статьи о правѣ собственности проекта комисіи по составленію гражданскаго уложенія. Эти статьи ка-

саются вопросы: о правѣ на воды, находящіяся въ предѣлахъ одного и того же имѣнія; о пользованіи рѣкою, берега которой принадлежатъ одному или разнымъ лицамъ; о правѣ собственности на оставленное пограничною рѣкою русло; о примывѣ; о правѣ на вновь появившійся островъ, образовавшійся отъ раздѣленія пограничной рѣки на рукава; о землѣ, оторванной отъ берега (ст. 11—20); объ обязанностяхъ собственника въ отношеніи водныхъ путей общаго пользованія; объ условіяхъ признанія рѣкъ и озеръ таковыми путями; о правѣ бечевника и предоставленіи пространства земли вдоль берега рѣкъ и озеръ для надобностей рыбной ловли (ст. 26—29).

Какъ видно, нѣкоторыя изъ приведенныхъ статей имѣютъ лишь косвенное отношеніе къ водному праву, тѣмъ не менѣе всѣ перечисленныя положенія проекта гражданскаго уложенія должны быть постоянно принимаемы во вниманіе при составленіи проекта закона объ упорядоченіи нашего воднаго хозяйства.

Независимо отъ сего, знакомство съ правовыми обычаями по владѣнію и пользованію водою, установившимися въ центральной полосѣ Европейской Россіи, можетъ принести работамъ по составленію проекта этого закона значительную пользу; въ виду этого представлялось бы желательнымъ поручить членамъ экспедиціи по изслѣдованію источниковъ главнѣйшихъ рѣкъ Европейской Россіи заняться собираніемъ такихъ обычаевъ попутно съ производствомъ на мѣстахъ техническихъ изслѣдованій и работъ.

Какъ уже сказано выше, залогомъ успѣшнаго хода работъ по собиранію и обработкѣ матеріала, необходимаго для составленія предварительнаго проекта воднаго закона, является широкое участіе въ этой работѣ нашихъ земствъ. Проектъ долженъ коснуться множества мѣстныхъ экономическихъ интересовъ, о способѣ охраны коихъ лучше всего могутъ судить сами заинтересованные въ этомъ мѣстные дѣятели. Для разъясненія такихъ вопросовъ, равно какъ и способа организаціи надзора за исполненіемъ требованій проектируемаго закона, слѣдовало бы обратиться къ земствамъ съ вопросникомъ, на разсмотрѣніе котораго нѣкоторыя земства уже изъявили (частнымъ образомъ) свою полную готовность.

Такимъ образомъ, первымъ шагомъ экспедиціи на пути къ выясненію *общихъ* интересовъ, охрана которыхъ должна лечь въ основу проекта воднаго устава, является выработка обращеннаго къ земствамъ и другимъ компетентнымъ мѣстнымъ учрежденіямъ и лицамъ вопросника, къ которому для поясненія слѣдовало бы при-

общить основные выводы, полученные экспедиціею благодаря пятилѣтнимъ изслѣдованіямъ.

III.

Опытъ группировки матеріаловъ, касающихся упорядоченія воднаго хозяйства.

I. Дѣйствующіе законы Россіи и Западной Европы, имѣющіе отношеніе къ проекту воднаго устава, судебная практика и разъясненія Гражданскаго Кассационнаго Департамента Сената.

— Code des cours d'eau non navigables ni flottables. Petite Encyclopedie juridique. Paris, 1893.

— Переводъ воднаго устава, изданнаго для Галиціи въ Австро-Венгріи (съ объяснительнымъ къ нему предисловіемъ объ исправленіи и содержаніи рѣкъ). Варшава, 1895 г.

— Законы Королевства Прусскаго и Великаго Герцогства Баденскаго, относящіеся къ пользованію водами для цѣлей орошенія и осушенія земель.

— Переводъ съ нѣмецкаго М. А. Унковскаго. Изданіе Отдѣла Земельныхъ Улучшеній Министерства Земледѣлія и Государственныхъ Имуществъ. С.-Петербургъ, 1897 г.

— Дѣйствующіе въ Россіи общіе, особые и мѣстные законы, имѣющіе отношеніе къ проекту общаго воднаго закона для цѣлей осушенія и орошенія земель (собраны въ 1897 г. по распоряженію М. Л. Бортникера).

— Уставъ Путей Сообщенія (съ объясненіями помощи. прис. пов. А. М. Нюрнберга). Москва, 1897 г.

— Рѣшенія Окружныхъ Судовъ и Судебныхъ Палатъ по искамъ и спорамъ о владѣніи и пользованіи водою.

— Д. Флексоръ. Право на воды по разъясненіямъ Гражданскаго Кассационнаго Департамента Правительствующаго Сената.

— Изданіе Отдѣла Земельныхъ Улучшеній Министерства Земледѣлія и Государственныхъ Имуществъ. С.-Петербургъ, 1897 г.

— Обязательное постановленіе по охраненію правильнаго пользованія и содержанія водъ въ Ставропольской губерніи 15 іюля 1893 г.

II. Составленные въ Россіи и за границей законопроекты, имѣющіе своимъ предметомъ установленіе права владѣнія и пользованія водою и упорядоченіе воднаго хозяйства.

— Проектъ Прусскаго воднаго устава (составленный въ 1893 г.).

— Переводъ съ нѣмецкаго М. М. Рейнке. Изданіе Экспедиціи по изслѣдованію источниковъ главнѣйшихъ рѣкъ Европейской Россіи. С.-Петербургъ, 1898 г.

— Begründung zum Entwurfe eines preussischen Wassergesetzes. Berlin, 1894.

- Первоначальный проект статей о правѣ собственности.
Коммисія по составленію Гражданскаго Уложенія. С.-Петербургъ, 1896 г.
- Первоначальный проект статей о правѣ общей собственности.
Коммисія Гражданскаго Уложенія. С.-Петербургъ, 1897 года.
- К. П. Змировъ. Проектъ статей объ ограниченіи права собственности въ интересахъ сосѣдей.
Составлено по порученію коммисіи Гражданскаго Уложенія. С.-Петербургъ 1896 г.
- Проектъ статей о правѣ наследственнаго оброчнаго владѣнія.
Коммисія Гражданскаго Уложенія. С.-Петербургъ, 1896 г.
- Первоначальный проектъ статей о вещественныхъ искахъ.
Коммисія Гражданскаго Уложенія. С.-Петербургъ, 1897 г.
- Первоначальный проектъ общихъ положеній о внесенныхъ въ вотчинныя книги правахъ на недвижимыя имѣнія.
Коммисія Гражданскаго Уложенія. С.-Петербургъ, 1897 г.
- Проектъ правилъ объ отводѣ воды и о проведеніи канавъ черезъ чужія владѣнія для осушительныхъ и оросительныхъ дѣлей коммисіи, состоящей при Министерствѣ Земледѣлія и Государственныхъ Имуществъ. С.-Петербургъ, 1897 года.
- Журналъ частнаго совѣщанія, образованнаго при Сельскохозяйственномъ Совѣтѣ изъ г.г. представителей сельскаго хозяйства (засѣданія 22 ноября по 1 декабря 1897 г.), заключающій въ себѣ обсужденіе вышеназваннаго проекта.
- Протоколъ 2-го засѣданія третьей сессіи Сельско-хозяйственнаго Совѣта 2 декабря 1897 года, заключающій въ себѣ обсужденіе того же проекта.
- Проектъ Устава Путей Сообщенія. С.-Петербургъ, 1898 г.
- Проектъ новаго изложенія узаконеній, содержащихся въ главѣ первой и въ 1—6 отдѣленіяхъ главы второй разряда II Устава Путей Сообщенія. С.-Петербургъ, 1898 г.
- Обзоръ статей главы первой и 1—6 отдѣленій главы второй раздѣла II Устава Путей Сообщенія 1898 г., подлежащихъ отмѣнѣ по утвержденію проекта новаго изложенія, содержащихся въ нихъ указаній.

III. Труды экспедиціи по изслѣдованію источниковъ главнѣйшихъ рѣкъ Европейской Россіи. 22 выпуска. С.-Петербургъ 1894—99 г.

Изслѣдованія Лѣсоводственнаго Отдѣла, экспедиціи М. К. Турскаго (бассейны рѣкъ: Оки и Днѣпра); изслѣдованія Гидротехническаго Отдѣла, С. Н. Никитина и Н. А. Богословскаго (бассейны рѣки: Оки, Днѣпра, Волги и Сызрана); изслѣдованія Гидротехническаго Отдѣла, Ѳ. Г. Зброжека (бассейны рѣкъ: Днѣпра, Волги, Дона и Сызрана); отчеты по геодезической части А. А. Фока; гео-ботаническія изслѣдованія Н. И. Кузнецова; Верхневолжскія озера и верховья Западной Двины Д. Н. Алучина; матеріалы по орографіи Европейской Россіи; болота Европейской Россіи А. В. Ѳомина; атласъ распредѣленія атмосферныхъ

осадковъ на рѣчныхъ бассейнахъ Европейской Россіи А. А. Тилло; объ осадкахъ, количествѣ снѣга и объ испареніи на рѣчныхъ бассейнахъ Европейской Россіи Е. А. Гейнца; краткіе предварительные отчеты начальника экспедиціи за время съ 1894 по 1898 г.; инструкціи и программы.

IV. Литература о водахъ и о водномъ законодательствѣ.

— К. П. Побѣдоносцевъ. Курсъ Гражданскаго права. Вѣщныя права. С.-Петербургъ. 1896 г.

— Д. И. Мейеръ. Русское Гражданское право. С.-Петербургъ, 1868 г.

— Chardon. Traité du droit d'alluvion. Paris, 1840.

— Schulz. Der Verwaltungsdienst der könig. preuss. Kreis und Wasser-Bauinspektoren. Berlin, 1866.

— F. Frank. A. Nieberding's Wasserrecht und Wasserpolizei im preussischen Staate. Berlin, 1889.

— Dr. C. A. Vogler. Grundlehren der Kulturtechnik. Berlin, 1899.

— Н. Рейнке. Наши законы о примывѣ и выправленіи рѣкъ (Журн. Гражд. и Угол. права, кн. II 1894 г.).

— И. Миклашевскій. Водное законодательство и право въ Россіи. „Русская Мысль“. Августъ и Сентябрь 1895 г.

— В. Юшкевичъ. Ученія пандектъ о намывѣ, юридической природѣ русла публичныхъ рѣкъ, объ островахъ, въ публичныхъ рѣкахъ возникающихъ, и сочиненія римскихъ землемѣровъ (вып. II). Ярославль. 1897 г.

— Бар. Н. Э. Таубе. Замѣтки о необходимости регулированія разныхъ сельско-хозяйственныхъ интересовъ, возникающихъ изъ отношеній смежности земельныхъ владѣній (въ томъ числѣ и рабочей силы воды), путемъ введенія сервитутовъ (Журналъ Министерства Юстиціи. Мартъ 1896 г.).

— Закавказскій водный законъ.— Десятилѣтіе поземельнаго устройства Туркестана.— Изъ-за Каспія.— „Русскій Трудъ“ 1898 г. № 11, 12, 19, 20, 21, 27.

— Указатель узаконеній, относящихся къ устройству сельскаго состоянія съ 1858—96 г.

Изданіе Земскаго Отдѣла Министерства Внутреннихъ Дѣлъ. С.-Петербургъ, 1897 г.

— Труды перваго съѣзда сельскихъ хозяевъ Тульской губерніи. Тула, 1895 г.

— Докладъ 1897 г. Московской губернской Земской Управы: о ходѣ работъ по производству пробныхъ буреній въ Дмитровско-Клинскомъ прудовомъ районѣ и объ утвержденіи правилъ по выдачѣ ссудъ на сооруженіе водохранилищъ.

— Докладъ Московской Губернской Земской Управы: объ обезпеченіи питьевою водою Дмитровско-Клинскаго прудоваго района и о ближайшей постановкѣ улучшенія водоснабженія вообще въ губерніи. Журналы XXXII очереднаго Московскаго Губернскаго Земскаго Собранія 1897 г.

— Докладъ Московской Губернской Земской Управы: о ходатайствахъ Уѣздныхъ Земствъ и о содѣйствіи Губернскаго Земства въ улучшеніи водоснабженія.

— Стенографическій отчетъ о совѣщаніяхъ по общественнымъ работамъ по обводненію Юго-Восточной части Россіи, произведенныхъ въ 1892 г. генераломъ М. Н. Анненковымъ. Изданіе Императорскаго Московскаго Общества Сельскаго Хозяйства. Москва, 1893 г.

— М. Н. Анненковъ. Къ вопросу о водномъ хозяйствѣ. Записка. С.-Петербургъ. 1878 г.

— Д. Ф. Самаринъ. Какія возможны мѣры противъ періодическихъ голодovie. „Новое Время“ 1899 г. №№ 8213, 8214, 8216, 8221, 8230, 8235 и 8238.

— Описанія отдѣльныхъ русскихъ хозяйствъ: Тульской, Рязанской, Тамбовской и др. губерній.

Изданіе Департамента Земледѣлія. С.-Петербургъ. 1897 г. и слѣд. г.г.

— Б. В. Понсетъ-де-Сандонъ. Круговоротъ воды въ природѣ и водное хозяйство. Митава, 1899 г.

Михаилъ Рейнке.

ИСТОРИЧЕСКІЕ МАТЕРІАЛЫ.

Домъ практическаго правовѣдѣнія.

Сообщилъ Г. Н. Рѣпинскій.

Желаніе быть стряпчимъ безъ приготовления себя на сей общественный подвигъ, побужденіемъ себя въ себѣ самою, или возвышеніемъ себя надъ собою, есть дѣло невѣжества, непростительной дерзости и возбуждающее общее презрѣніе. *Изъ Наумовъ: Журналъ Дома практ. прав., II, 119.*

31 іюля 1811 года проживавшій въ Москвѣ и бывшій тамъ за нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ губернскимъ стряпчимъ казенныхъ дѣлъ надворный совѣтникъ Иванъ Мокеевичъ Наумовъ, препровождая къ министру народнаго просвѣщенія графу А. К. Разумовскому свои сочиненія: „Практическое правовѣдѣніе для гражданъ“ ¹⁾ и „Свѣдѣнія для повѣренныхъ при внутреннемъ размежеваніи земель“, заявилъ, что „по соображеніи своихъ способностей и обстоятельствъ онъ рѣшился принять на себя служеніе Государю Императору пожертвованіемъ трудовъ своихъ безденежно въ образованіи стряпчества, въ обществѣ весьма нужнаго. Преподается российское законодательство въ одномъ благородномъ пансіонѣ при Московскомъ университетѣ, въ который не поступаютъ дѣти бѣдныхъ чиновниковъ и мѣщанъ и воспитанники котораго поступаютъ въ службу, а потому преподаваніе практическаго законо-

---

¹⁾ Москва, 1808 г.

искусства въ пансіонѣ не можетъ имѣть вліянія на образованіе стряпчаства. Духъ же тяжбы усилился—суды наполнены дѣлами; исправляютъ должность стряпчихъ большею частью господскіе люди, купцы, мѣщане, цеховые и выкинутые приказные, безъ познанія разума законовъ, безъ дара изъясненія, безъ свѣдѣнія о правилахъ русскаго языка, съ душою, привыкшею превратно толковать законъ и дѣлать ложныя заключенія о правости дѣла“. Поэтому Наумовъ просилъ разрѣшить ему открыть заведеніе для образованія стряпчихъ на слѣдующихъ основаніяхъ:

1) Дозволить ему принимать для образованія въ практическомъ правовѣдѣніи всякаго, кто изъ свободнаго состоянія стряпчествомъ заняться пожелаетъ, ежели имѣетъ о своемъ поведеніи надлежащее свидѣтельство. Качества принимаемаго должны быть: природный умъ, склонность къ стряпчеству, твердая память, скромность и терпѣніе въ трудахъ, безкорыстіе, привязанность къ честности и вообще воздержное поведеніе.

2) Домъ, въ которомъ производимо будетъ обученіе практическому правовѣдѣнію, имѣлъ бы названіе: Домъ практическаго правовѣдѣнія.

3) Ежегодно быть экзаменамъ въ присутствіи губернатора, губернскаго предводителя дворянства и градскаго главы.

4) Предметы ученія состоятъ будутъ: а) въ познаніи исторіи отечественныхъ законовъ; б) въ познаніи судебной власти и правъ судебныхъ мѣстъ; в) въ познаніи производства дѣлъ всякаго рода и судебныхъ обрядовъ на самой практикѣ.

5) Отличившихся, во время экзамена, для поощренія ихъ къ дальнѣйшему прилежанію, удостоивать приличной похвалы.

6) Тѣмъ изъ обучающихся, которые твердо познаютъ практическое правовѣдѣніе и содѣлаются способными отправлять стряпческую должность, по испытаніи ихъ въ томъ на экзаменѣ, давать на публичное отправленіе стряпческой должности свидѣтельства, за подписомъ и печатами помянутыхъ лицъ, присутствіе экзамена составляющихъ.

и 7) Ежегодно подавать отчетъ объ упражненіи обучающихся гражданскому губернатору, для донесенія главнокомандующему, дабы видно было направленіе обучающихся къ полезной цѣли для общества, или какъ оное учредить министерство просвѣщенія, по уваженію отношенія сей части къ юстиціи.

Графъ Разумовскій, находя, что ходатайство Наумова относится къ предметамъ вѣдомства министерства юстиціи, препроводилъ

заявленіе Наумова на разсмотрѣніе министра юстиціи И. И. Дмитріева, но послѣдній отказался „входить въ какое-либо по сему случаю распоряженіе“, такъ какъ „весь предметъ желанія Наумова состоитъ въ дозволеніи ему завести училище для преподаванія практическаго правовѣдѣнія и въ самомъ проектѣ его изъяснено, что составъ экзамена учениковъ его и учрежденіе годовыхъ отчетовъ предоставляетъ оцѣ благоусмотрѣнію министерства просвѣщенія“. Затѣмъ на новый запросъ гр. Разумовскаго Дмитріевъ отозвался, что предположеннаго Наумовымъ заведенія нельзя не признать полезнымъ, „если оно учреждено будетъ на правилахъ, сообразныхъ его цѣли, ибо симъ образомъ можемъ мы имѣть гораздо болѣе искусныхъ стряпчихъ, коихъ недостатокъ весьма ощутителенъ“.

По полученіи этихъ отзывовъ, гр. Разумовскій, оставаясь при мнѣніи, что проектъ Наумова относится къ вѣдомству министерства юстиціи, возвратилъ его Наумову, который и обратился тогда съ своею просьбою къ Дмитріеву, но получилъ отъ него слѣдующій отвѣтъ: „Намѣреніе ваше весьма похвально, и я отдаю всю должную справедливость вашему усердію къ общей пользѣ. Чтожъ касается до содѣйствія въ исполненіи вашего проекта, то я ничѣмъ, кромѣ моего одобренія, не могу способствовать оному ибо всѣ училищныя заведенія должны непосредственно зависѣть отъ министерства просвѣщенія“.

Въ виду этого Наумовъ снова просилъ гр. Разумовскаго дать ходъ его проекту, что тотъ и исполнилъ, испросивъ 12 января 1812 г. Высочайшее соизволеніе на дозволеніе Наумову открыть означенное заведеніе на предположенныхъ имъ основаніяхъ ¹⁾.

Получивъ это разрѣшеніе, Наумовъ 11 іюня того же года напечаталъ въ особомъ прибавленіи къ С.-Петербургскимъ Вѣдомостямъ пространное объявленіе: „о приглашеніи желающихъ образовывать себя въ стряпчествѣ“. Указывая велерѣчиво, что „въ гражданствѣ необходимо познаніе законовъ и судопроизводства, что одно свѣдѣніе о нихъ, безъ опытности, недостаточно для защищенія правъ въ судѣ и что стряпчество въ рукахъ челоуѣка безъ потребныхъ для онаго дарованій болѣе вредно, нежели полезно“, онъ объявлялъ, что „наука о практическомъ правовѣдѣніи будетъ преподаваема безденежно въ учрежденномъ имъ Домѣ практическаго правовѣдѣнія и приготовленіе къ образованію стряпчества будетъ заключаться: 1) въ чтеніи естественнаго права; 2) въ чтеніи исторіи

¹⁾ Дѣло министерства народнаго просвѣщенія 1811 г. № 9146.

законовъ; 3) въ изложеніи юридическихъ предметовъ; 4) въ раздѣленіи дѣлъ на ихъ роды; 5) въ описаніи судебныхъ мѣстъ, ихъ власти и ихъ права и отношеній къ верховному правительству; 6) въ описаніи канцелярскихъ обязанностей. Когда все сіе будетъ объяснено, начнется: 1) чтеніе законовъ о каждомъ родѣ дѣлъ, по порядку ихъ изданія, съ замѣчаніями, когда чѣмъ какой законъ пополненъ или отмѣненъ, дабы такимъ образомъ объяснить точный разумъ законовъ; 2) чтеніе примѣрныхъ дѣлъ съ замѣчаніями; 3) изложеніе вообще образа судопроизводства со всѣми формами; 4) предложенія юридическихъ задачъ съ рѣшеніями. По впечатлѣніи всего онаго въ память, будетъ обращено приобрѣтенное познаніе на практическое употребленіе“.

„Стряпчество“—восклидалъ въ заключеніе Наумовъ— „имѣть свое достоинство по его пользѣ въ обществѣ. Правосудіе и законы покровительствуютъ притѣсненному—стряпчій объясняетъ его голосъ предъ правительствомъ. Такимъ образомъ защищается невинность и правосудіе въ законахъ торжествуетъ! Пріятно помогать ближнему; лестно общее одобреніе и вниманіе правительства!“

На бѣду Наумова, предположенное имъ заведеніе если и открылось, то просуществовало въ Москвѣ очень недолго: съ нашествіемъ французовъ, онъ бѣжалъ въ Нижній Новгородъ, а затѣмъ переселился въ Петербургъ, гдѣ и началъ дѣйствовать; но при этомъ вскорѣ обнаружилось, что настоящею задачею Дома практическаго правовѣдѣнія было не научное образованіе желавшихъ посвятить себя адвокатурѣ, а преслѣдованіе учредителемъ Дома болѣе практическихъ для него цѣлей, и что всѣ громкія фразы его должны были служить лишь прикрытіемъ такихъ дѣйствій, которыя не могли быть терпимы.

Въ іюлѣ 1813 г. вятскій губернаторъ получилъ слѣдующее отношеніе „Дома практическаго правовѣдѣнія“ отъ 15 іюля за № 80: „Города Глазова бывшій 2-й гильдіи купецъ Данила Дмитріевъ Саврасовъ отнесся въ Домъ практ. правов., всемилостивѣйше Его Императорскимъ Величествомъ мнѣ ввѣренный, что онъ страждетъ невинно въ лишеніи его добраго имени и всего его состоянія, по однимъ несправедливымъ искамъ купца Жилкина, который своими настояніями довелъ его до такого несчастія. Онъ уполномочилъ Домъ практ. правов. въ своемъ дѣлѣ на совѣстное его посредство. Домъ практ. правов. признаетъ своею обязанностию просить ваше превосходительство, по совѣсти же, разсмотрѣть дѣло Саврасова съ Жилкинымъ и о вашемъ совѣстномъ заключеніи сей Домъ

увѣдомить. Личное ихъ предъ вашимъ превосходительствомъ объясненіе откроетъ вамъ истину, не смотря на то, что были судебныя опредѣленія въ противную сторону. Вашему превосходительству извѣстно, что на покровительство невинности простирается священная воля Государя Императора, которой препятствовать не можетъ никакая форма. *Иванъ Наумовъ*“.

Получивъ такое отношеніе, губернаторъ потребовалъ изъ губернскаго правленія нужныя справки, а отъ господина Наумова свѣдѣнія о томъ, что такое Домъ практ. правов., и въ отвѣтъ на этотъ запросъ Наумовъ прежде всего сообщилъ, что Домъ тотъ признаетъ себя въ обязанности изъяснить его превосходительству чувстваванія благодарности за вниманіе его за (*sic*) такое дѣло, которое относится къ милосердію Государя Императора. Собираемыя имъ, губернаторомъ, справки есть доказательство того, что его превосходительство имѣетъ чувство сострадательности. Когда справки соберутся, тогда онъ, по своей совѣсти, можетъ отозваться въ Домъ практ. правов. о правотѣ дѣла Саврасова. Другіе гг. губернаторы также, по отношеніямъ къ нимъ сего Дома, руководствуясь убѣжденіями своей совѣсти, кончили трудныя дѣла совѣстнымъ же образомъ, къ славлѣ царствованія Августѣйшаго Монарха.

Что же касается до того, что его превосходительству угодно было знать о существованіи Дома практ. правов., то Наумовъ объяснилъ слѣдующее:

1) Домъ практ. правов. получилъ свое существованіе по особенному Высочайшему соизволенію Его Императорскаго Величества, какъ извѣстно изъ вѣдомостей обѣихъ столицъ.

2) Домъ практ. правов. не есть судилище, но есть мѣсто открытаго адвокатства.

3) Домъ практ. правов. руководствуется совѣстію и законами государственными по отношеніямъ такихъ, которые требуютъ отъ него пособія и довѣряютъ ему въ дѣлахъ своихъ совѣстное посредство.

4) Домъ практ. правов. отъ совѣстнаго посредства, по общимъ государственнымъ законамъ, не вправе отказываться.

Къ этому Наумовъ присовокупилъ, что не прежде Домъ практ. правов. можетъ входить съ своими представленіями къ высшему начальству, какъ по разсмотрѣніи уже существа дѣла, достойно ли оно того по его правотѣ. Сношенія же Дома съ мѣстными начальствами инаго въ себѣ не заключаютъ, кромѣ просьбы его объ открытіи по совѣсти страждущей стороны отъ неправоты, противной законамъ и священной волѣ Государя Императора.

„Не имѣя по такому случаю никакого начальственнаго предписанія“ и опасаясь приступить къ исполненію предложенія Наумова, губернаторъ обратился къ министру юстиціи съ представленіемъ о разрѣшеніи его недоумѣнія.

Повидимому, свѣдѣнія, имѣвшіяся тогда въ министерствѣ юстиціи о Домѣ практ. правов., заключались лишь въ томъ, что Домъ этотъ былъ учрежденъ по докладу министра народнаго просвѣщенія гр. А. К. Разумовскаго и состоялъ въ вѣдѣніи этого министерства, такъ какъ вслѣдъ за поступленіемъ приведеннаго представленія губернатора управлявшій министерствомъ юстиціи А. У. Болотниковъ отнесся къ гр. Разумовскому съ просьбою объ увѣдомленіи: на какомъ основаніи учрежденъ помянутый Домъ и дано ли ему право брать на себя дѣла частныхъ людей, въ судебныхъ мѣстахъ производившіяся, входить по онымъ въ сношенія съ начальниками губерній и такимъ образомъ дѣйствовать въ качествѣ нѣкотораго судилища. Получивъ же копию Высочайше одобренной 12 января 1812 г. записки о дозволеніи Наумову учредить названный Домъ и усмотрѣвъ изъ нея, что Наумову было дано право „на одно только заведеніе учебнаго мѣста, для приготовленія стряпчихъ къ употребленію частными людьми по своимъ дѣламъ, чѣмъ онъ и долженъ былъ ограничить свои дѣйствія“, Болотниковъ вознегодовалъ. „Надворный совѣтникъ Наумовъ“ — писалъ онъ гр. Разумовскому — „поступилъ въ противность установленныхъ правилъ въ томъ: 1) принявъ на себя частное хозатайство, обратился къ управляющему губерніею съ требованіемъ, противнымъ общему порядку, тѣмъ самымъ напрасно обременилъ губернатора среди многотрудныхъ занятій, соединенныхъ съ симъ постомъ; 2) посягнувъ на присвоеніе себѣ не принадлежащей власти, приписалъ своимъ личнымъ бумагамъ титулъ, предоставленный Дому практическаго правовѣдѣнія; 3) вмѣсто училищнаго заведенія, которое позволено ему содержать, онъ представилъ себя подъ именемъ онаго въ видѣ нѣкотораго судилища, употребляя въ сношеніяхъ своихъ увѣренія, будто онъ можетъ входить съ представленіями къ высшему начальству по дѣламъ, кои будутъ имъ разсмотрѣны; 4) а какъ его требованія относятся до рѣшенныхъ дѣлъ, то весьма явно, что подъ видомъ разсмотрѣнія оныхъ разумѣется ревизія сверхъ всѣхъ установленныхъ судныхъ инстанцій. Наконецъ 5) полученныя бумаги доказываютъ, что онъ входилъ въ таковыя сношенія не только съ вятскимъ, но и съ другими губернаторами“. Поэтому, „изъ особеннаго уваженія, по

состоянію сего чиновника съ училищнымъ его заведеніемъ въ вѣдомствѣ министерства народнаго просвѣщенія“, Болотниковъ просилъ гр. Разумовскаго „дать Наумову приказаніе не выходить изъ границъ, ему назначенныхъ, ибо въ противномъ случаѣ онъ можетъ подвергнуть себя строгой по законамъ отвѣтственности“.

Но гр. Разумовскій отказался исполнить это требованіе и предложилъ „о противозаконныхъ дѣяніяхъ Наумова сдѣлать ему замѣчаніе посредствомъ министерства полиціи“. По его словамъ, онъ докладывалъ Государю о проектѣ Наумова потому единственно, что министр юстиціи не принялъ на себя сдѣлать о томъ докладъ, полагая Домъ практ. правов. въ видѣ учебнаго заведенія. „Впрочемъ“—писалъ гр. Разумовскій,—„какъ г. Наумовъ ни отчетовъ, ни донесеній никакихъ мнѣ не дѣлаетъ, я не считаю ни его самого, ни заведеніе его въ вѣдомствѣ министерства просвѣщенія“.

Вслѣдствіе такого отзыва сдѣлано было сношеніе съ С. К. Вязьмитиновымъ, въ управленіи котораго было министерство полиціи, и 24 января 1814 г. полученъ отъ него отвѣтъ, „что всѣ мѣры приняты къ воздержанію впредь Наумова отъ сношеній съ начальниками губерній и о прекращеніи всѣхъ его по сему предмету покушеній“¹⁾.

Но прежде, чѣмъ эти мѣры были приняты, Домъ практ. правов. обратился и къ смоленскому губернатору съ требованіемъ предложить вдовѣ поручика Малышева, имѣвшей въ мѣстныхъ судебныхъ мѣстахъ дѣло съ надв. сов. Каховскимъ объ имѣннѣи, кончить это дѣло совѣстнымъ образомъ, при чемъ, ссылаясь на то, „что Домъ практ. правов., по подобнымъ къ нему отношеніямъ, уже удовлетворяется сношеніями отъ прочихъ губернаторовъ и главнокомандующаго въ Москвѣ“, Наумовъ высказалъ мнѣніе, что Домъ тотъ, „по представленнымъ ему видамъ, находитъ явное присвоеніе Малышевымъ собственности Каховскаго“.

Когда же Малышева, выигравшая дѣло въ обѣихъ инстанціяхъ, отказалась принять предложеніе, то Наумовъ просилъ губернатора передать дѣло на разсмотрѣніе предводителя дворянства, „потому болѣе, что прочіе губернаторы дѣла сего рода предоставляютъ разсмотрѣнію дворянства“, и увѣдомить „о мысляхъ дворянства, которому извѣстнѣе образъ жизни и правила обѣихъ тяжущихся сторонъ, потому что въ своемъ всеподданнѣйшемъ отчетѣ Его

¹⁾ Дѣло мин. юст. 1813 г., № 2706.

Императорскому Величеству Дому практ. правов. нужно объяснить по истинѣ о существѣ дѣла¹⁾. Что же касается до отказа Малышевой отъ совѣстнаго разбирательства, то,—по мнѣнію Наумова,—„нельзя ее самую въ семъ случаѣ подозрѣвать, потому что отреченіе отъ совѣсти, по законамъ, не дѣлаетъ чести, и слѣдовательно, она подписала свой отзывъ не по своему чувствованію, а конечно по внушенію такихъ людей, которые увѣрили ее, что совѣстное посредство не сильно при юридическомъ посредствѣ ея права“¹⁾.

Впрочемъ, если распоряженіе Вязьмитинова объ обузданіи Наумова и лишило его возможности обращаться къ губернаторамъ съ подобными изложеннымъ требованіями, то оно не только не образумило Наумова, но и дало ему поводъ перемѣнить тактику. Оставивъ въ покоѣ губернаторовъ, онъ обрушился съ своимъ Домомъ на министерство юстиціи и сталъ отсылать въ него обращавшихся къ нему лицъ съ ихъ незаконными и неосновательными ходатайствами²⁾, или посылалъ министру ихъ прошенія,—по всей вѣроятности, имъ же самимъ писанныя,—при формальныхъ отношеніяхъ Дома практ. правов.³⁾ Выведенный изъ терпѣнія такою назойливостію и безцеремонностію Наумова, Д. П. Троцинскій положилъ слѣдующую резолюцію по поводу обращенной къ нему просьбы по дѣлу Матюнина: „Несносный для меня домъ правосдѣднннй мѣшается не въ свои дѣла и насылаетъ на меня просителей. О семъ нужно изготовить записку для поднесенія Государю, ибо я считаю, что учить стряпчихъ одно, и входить разсмотрѣніемъ рѣшенныхъ высшимъ присутственнымъ мѣстомъ дѣлъ—другое и вовсе не дозволенное“.

Въ составленной вслѣдствіе этого и внесенной 20 августа 1815 г. въ комитетъ министровъ запискѣ, послѣ изложенія обстоятельствъ, сопровождавшихъ учрежденіе Дома практ. правов., и существа переписки, возбужденной дѣйствіями Наумова, было указано, что 19 августа 1814 г., по Высочайшему повелѣнію, гр. Аракчеевъ препроводилъ къ предмѣстнику Троцинскаго, И. И. Дмитріеву, всеподданнѣйшій отчетъ названнаго Дома за 1813 г., поднесенный Наумовымъ 9 января 1814 года⁴⁾, вмѣстѣ съ проектомъ учреж-

¹⁾ Дѣло мин. юст. 1814 г. № 2850.

²⁾ Ibidem. № 2571 и 2808.

³⁾ Ibidem. № 2098.

⁴⁾ Въ отчетъ включены были свѣдѣнія о 54 дѣлахъ, бывшихъ въ разсмотрѣніи Дома, и о дѣйствіяхъ по нимъ послѣдняго, и изъ него видно, что Домъ входилъ въ сношенія съ 17-ю губернаторами.

денія особаго надъ Домомъ совѣта изъ лицъ, „къ Высочайшей особѣ приверженныхъ“; что 20 сентября 1814 г. Наумовъ прислалъ Трощинскому просьбу о разрѣшеніи доставить записки о существѣ дѣлъ, указанныхъ въ томъ отчетѣ, и что „Наумовъ, привлекающій къ себѣ многихъ просителей, не смотря на производство дѣлъ по присутственнымъ мѣстамъ, обращаетъ ихъ къ Трощинскому съ новыми просьбами и такими требованіями, которыхъ и удовлетворить нельзя безъ нарушенія установленнаго на производство дѣлъ порядка и существующихъ законовъ, а между тѣмъ однихъ снабждаетъ формальными отношеніями, другихъ ласкаетъ тѣмъ, что статья о дѣлѣ его помѣщена во всеподданнѣйшемъ отчетѣ Дома“.

Приведа затѣмъ, „дабы сообщить нѣкоторое свѣдѣніе, какимъ образомъ Домъ прак. прав., или подъ его именемъ Наумовъ, руководствуетъ въ дѣлахъ своихъ просителей“, исторію дѣла Матюнина, вызвавшаго упомянутую выше резолюцію, и сославшись на присланное 4 декабря 1814 г. отъ Государя прошеніе Наумова о повелѣніи министру юстиціи разсмотрѣть отчетъ Дома и истребовать отъ него, Наумова, „не только объясненія о существѣ указанныхъ въ отчетѣ дѣлъ, но и заключенія его по совѣсти и закону“, Трощинскій высказалъ въ запискѣ слѣдующее мнѣніе о дѣйствіяхъ Наумова: „чиновникъ сей, удостоясь испросить высокомонаршую волю на заведеніе училища, въ которомъ бы можно было готовить молодыхъ людей къ стряпчеству, вмѣсто выполненія принятой имъ на себя обязанности, осмѣлился присвоить себѣ не принадлежащую власть и подъ именемъ Дома прак. прав. представлять самого себя въ видѣ нѣкотораго судилища, имѣющаго Высочайшую довѣренность разрѣшать тяжбы своимъ посредствомъ, какъ производящіяся по присутственнымъ мѣстамъ, такъ и получившія въ оныхъ окончаніе свое на основаніи законовъ. Употребляемый имъ при семъ случай способъ изъясненія, обращеніе въ частныхъ его сношеніяхъ къ августѣйшей особѣ Государя Императора, самое даже увѣреніе, имъ дѣлаемое просителямъ, что онъ можетъ входить съ представленіями своими къ высшему начальству по тѣмъ дѣламъ, кои поступаютъ къ нему на разсмотрѣніе, удобно могутъ обольщать незнающихъ людей и привлекать ихъ къ нему въ такомъ чаяніи, что онъ власть имѣетъ верховнымъ образомъ совершать судъ и расправу, гдѣ бы дѣла ихъ ни производились и гдѣ бы оныя ни были кончены; отъ чего нельзя ожидать полезныхъ слѣдствій ни въ частномъ состояніи, ни въ

отношеніи къ судопроизводству. Особенное заслуживаютъ примѣчаніе сношенія его съ начальниками губерній, отъ которыхъ онъ требовалъ, по дѣламъ и конченнымъ, и производящимся, или собственнаго ихъ мнѣнія по совѣсти, или, посредствомъ ихъ, таковаго же мнѣнія отъ дворянства, между тѣмъ, какъ по Высочайшимъ о губерніяхъ учрежденіямъ губернаторъ не есть судья, ниже дворянское собраніе не есть судилище, отъ коего можно было бы формально требовать разсужденія каковаго либо дѣла. Если же иногда мнѣніе по дѣлу и можетъ быть требуемо отъ присутственныхъ мѣстъ, то не другимъ кѣмъ либо, какъ только начальствомъ, или высшимъ присутствіемъ, да и въ семь случаѣ должна быть сохраняема законная форма, безъ которой никакой актъ не можетъ имѣть свойственнаго ему достоинства, ниже дѣйствія. Напротивъ того, надв. сов. Наумовъ, совѣтъ не находясь въ коронной службѣ и не имѣя въ ней, по званію своему, никакого участія, простираясь къ губернаторамъ и дворянскимъ собраніямъ такіа требованія, каковыхъ не въ правѣ производить и само начальство. Таковыя дѣйствія свидѣтельствуютъ о чрезвычайной дерзости сего чиновника, сопряженной съ нарушеніемъ общаго порядка: ибо не только человѣку въ его званіи, но и никакому частному лицу не позволительно вступаться въ то, на что не дано ему власти, а тѣмъ менѣе въ судебныхъ дѣлахъ и до правительства относящихся учреждаться въ своихъ мысляхъ. Хотяжъ всякій частный человѣкъ имѣетъ возможность принимать на себя посредство къ прекращенію между гражданами домашнимъ образомъ тяжбныхъ дѣлъ и разныхъ споровъ, но извѣстно, что на сіе должно быть взаимному согласію сторонъ, а не одного какого нибудь участвующаго лица. Къ тому же совѣстное разбирательство, производимое съ помощію переписки не домашнимъ образомъ, имѣетъ законами предписанный порядокъ, гдѣ стороны должны обращаться или къ третьимъ, или въ учрежденные по губерніямъ совѣстные суды, коихъ власть никѣмъ не можетъ быть своевольно присвоена. Существуютъ особенные случаи, касающіеся до преступленія малолѣтныхъ и тому подобные, гдѣ управляющіе губерніями имѣютъ право входить въ дѣла помянутыхъ судовъ, но чтобы можно было формально требовать отъ нихъ подобнаго тому совѣстнаго разбирательства по желанію всякаго человѣка, да еще въ конченныхъ дѣлахъ, на сіе нѣтъ ни правилъ, ни законовъ, а вмѣсто того строжайше возбраняется имъ присвоить себѣ судную власть по процессамъ, до присутственныхъ мѣстъ относящимся. Надв. сов.

Наумовъ, сколько по прежней службѣ своей, столько и по принятой имъ на себя обязанности, долженъ все сіе знать, какъ существенную часть практическаго правовѣдѣнія. При всемъ томъ онъ рѣшился выступить не только изъ границъ, ему назначенныхъ, но и дѣйствовать въ противность учрежденнаго порядка, будучи столько предприимчивъ, что дерзнулъ обременять Высочайшую особу Его Императорскаго Величества представленіемъ отчета своего и проекта новому совѣту надъ Домомъ практ. прав., наполняя сіи бумаги такими понятіями, кои не сообразны ни съ общими правилами, ни съ установленнымъ порядкомъ, ни съ существующими узаконеніями, ниже съ образомъ управленія. Къ тому же онъ отчетомъ своимъ и представленіями своими осмѣлился утруждать Государя Императора въ настоящее время, когда Его Императорское Величество, какъ цѣлому свѣту извѣстно, обремененъ чрезвычайными дѣлами о судьбѣ премногихъ государствъ, не имѣя на представленіе подобныхъ бумагъ Его Императорскому Величеству ни права, ни дозволенія“.

Въ виду всего этого, Трощинскій полагалъ, что Наумовъ, „за противозаконныя свои дѣйствія, основанныя на присвоеніи имъ себѣ не принадлежащей власти, хотя подлежалъ бы строгому сужденію по законамъ, но, по силѣ всемилостивѣйшаго манифеста 30 августа 1814 г., можетъ воспользоваться всемилостивѣйшимъ прощеніемъ, а впредь слѣдуетъ ограничить кругъ его дѣйствій однимъ дозволеніемъ содержать училище для приготовленія молодыхъ людей къ стряпчеству, буде онъ продолжать сіе пожелаетъ, сообразно съ Высочайше апробованною о томъ запискою, запретивъ ему всякое сношеніе съ губернскими начальствами по просительскимъ дѣламъ“.

Въ заключеніе же Трощинскій присовокупилъ, что „онъ долгомъ справедливости побуждается сказать, что если бы г. Наумовъ, оставивъ свои ни съ чѣмъ несообразныя предположенія, такъ называемаго имъ открытаго адвокатства, рѣшился подчинить себя правиламъ службы, то, судя по его способностямъ, онъ могъ бы быть весьма полезнымъ чиновникомъ“.

Выслушавъ эту записку 20 ноября 1815 г., Комитетъ пошелъ дальше, чѣмъ предполагалъ министръ юстиціи, и именно: ставя въ вину Наумову, что онъ: 1) не подавалъ отчета о упражненіи обучающихся гражданскому губернатору для донесенія главнокомандующему, дабы видно было направленіе обучающихся къ полезной цѣли для общества; 2) осмѣлился даже выдавать просителямъ

свидѣтельства, что они и за отказомъ комисіи прошеній могутъ подавать жалобы Его Императорскому Величеству, не взирая, что 2-мъ пунктомъ 90 § манифеста объ образованіи Государственнаго Совѣта пріемъ просьбъ этого рода вовсе воспрещенъ, и 3) что всего важнѣе, обременилъ Государя Императора прямо отъ себя отчетами и донесеніями, наполненными неприличными и дерзкими разсужденіями, Комитетъ „убѣждался мыслить, что Наумову никакъ нельзя дозволить, и на первоначальномъ основаніи, подъ руководствомъ своимъ обучать стряпчеству, и положилъ возложить на главнокомандующаго въ С.-Петербургѣ обязать Наумова подпискою, дабы онъ не только ни отъ кого никакихъ просьбъ не принималъ и никакого бы дѣйствія по онымъ не производилъ, по что воспрещается ему пользоваться и дарованнымъ правомъ обучать желающихъ стряпчеству, и вмѣстѣ съ симъ уничтожается самый Домъ практ. прав., о чемъ, для всеобщаго свѣдѣнія, припечатать въ вѣдомостяхъ обѣихъ столицъ“.

Предположеніе это однако не прошло: 8 февраля 1816 г. гр. Аракчеевъ объявилъ Комитету, что Государь утвердилъ мнѣніе министра юстиціи и повелѣлъ: въ Москвѣ имѣть надзоръ одному оберъ-прокурору Правительствующаго Сената, дабы кромѣ обученія молодыхъ людей стряпчеству не происходило у Наумова никакихъ сношеній по дѣламъ, какъ до сего онъ дѣлалъ, и чтобы онъ никакихъ просьбъ не принималъ, для чего и обязать его въ томъ подпискою.

Во исполненіе этого повелѣнія 26 февраля 1816 г. отъ Наумова была отобрана надлежащая подписка, а наблюденіе за нимъ министр юстиціи возложилъ на оберъ-прокурора графа Кутайсова, препроводивъ къ нему и копію внесенной въ Комитетъ министровъ записки ¹⁾).

Дальнѣйшая судьба Дома практическаго правовѣдѣнія и черезчуръ практическаго учредителя его намъ неизвѣстна; по всей вѣроятности, дѣятельность Дома должна была прекратиться, такъ какъ хотя въ прошеніи, поданномъ 5 марта 1816 г. министру юстиціи, Наумовъ и просилъ о причисленіи Дома, по роду его занятій, къ вѣдомству министерства юстиціи и о разъясненіи: можно ли въ немъ, по желанію просителей, сочинять отъ ихъ имени „справедливыя просьбы въ присутственныя мѣста, подъ общею отвѣтственностію, за сочиненія, по законамъ государственнымъ, такъ

¹⁾ Дѣло мин. юст. 1814 г. № 2808.

какъ переписка такихъ сочиненій въ Домѣ практическаго правовѣдѣнія, превращаясь въ навыкъ, будетъ усовершенствовать теорію практикою въ стряпчествѣ, одна же теорія, безъ практики, недостаточна для образованія стряпчества и не удовлетворитъ цѣли существованія Дома практическаго правовѣдѣнія по самому его наименованію“, но никакого отвѣта на это прошеніе дано не было ¹⁾.

Приложенія.

I.

Существенное право Дома практическаго правовѣдѣнія.

Домъ практическаго правовѣдѣнія, будучи главнымъ мѣстомъ по предмету открытаго адвокатства, обязывается, цѣлю своего существованія, остерегаться отъ принятія на себя неправильныхъ тяжбъ, и потому необходимы для него предварительныя свѣдѣнія о существѣ дѣлъ; изъ чего само по себѣ слѣдуетъ, что сношенія Дома практическаго правовѣдѣнія съ г.г. губернаторами содержатъ въ себѣ одно качество просьбъ его.

Домъ практическаго правовѣдѣнія принимаетъ на себя токмо одни тяжбы между частными людьми, и когда онъ не успѣетъ примирить тяжущихся, въ такомъ случаѣ беретъ правую сторону въ свою защиту на основаніи законовъ, съ соблюденіемъ всей формы судопроизводства. И такъ, дѣйствія Дома практическаго правовѣдѣнія не имѣютъ ни малѣйшаго вліянія на измѣненіе общаго порядка.

Но какъ существованіе сего Дома, завися отъ довѣренности публики, требуетъ и благонамѣренныхъ сотрудниковъ, то Домъ и имѣетъ уже ихъ подъ именемъ своихъ членовъ, или корреспондентовъ, которые трудами своими безъинтересно принимаютъ на себя обязанность помогать правой, но бѣдной сторонѣ, не имѣющей средства ни лично защищать свое дѣло по невѣдѣнію судопроизводства, ни нанимать стряпчихъ.

Вдовство и сиротство, остающіяся послѣ убитыхъ на сраженіяхъ, пользуются пособіемъ сихъ сотрудниковъ Дома, которые находятся въ разныхъ городахъ.

Государыня Императрица Екатерина II, предпологая въ мудромъ своемъ законодательствѣ сего рода помощь вдовамъ, въ 215

¹⁾ Дѣло мин. юст. 1816 г. № 4800.

статьѣ высочайшаго своего учрежденія о губерніяхъ начертала, чтобъ опеки давали вдовамъ стряпчихъ безденежно. Но такихъ стряпчихъ, до утвержденія Вашимъ Императорскимъ Величествомъ Дома практическаго правовѣдѣнія, по нынѣ, почти чрезъ 40 лѣтъ изданія того учрежденія о губерніяхъ, не было.

Теперь же корреспонденты, или члены Дома практическаго правовѣдѣнія, своими трудами восполняютъ тотъ законъ Государыни Императрицы Екатерины II и священную Вашу волю, при восшествіи на престолъ торжественно Россіи возвѣщенную, о Вашемъ благотвореніи по закону и сердцу Екатерины свыше вѣренному Вамъ народу.

Отчетъ Дома практическаго правовѣдѣнія, къ стопамъ Вашего Императорскаго Величества повергаемый, есть доказательство той приверженности къ особѣ Вашей, къ какой обязываетъ вѣрноподанническая Вашему Императорскому Величеству присяга.

Управляющій Домомъ практическаго правовѣдѣнія надв. сов. Иванъ Наумовъ.

Правитель дѣлъ Дома практическаго правовѣдѣнія тит. сов. Федоръ Пафомовъ.

II.

Всемиловѣйшій Государь!

Вашему Императорскому Величеству благоугодно было высочайше утвердить всеподданѣйшій проектъ мой о существованіи въ Россіи Дома практическаго правовѣдѣнія, поднесенный Вашему Величеству министромъ просвѣщенія, по засвидѣтельствованію о пользѣ оного министромъ юстиціи, и изъявить всемиловѣйшую волю Вашу на приведеніе въ дѣйствіе моихъ предположеній по сему предмету. О семъ высочайшее Ваше повелѣніе объявлено министромъ просвѣщенія 31 января 1812 г. бывшему въ Москвѣ главнокомандующему, генераль-фельдмаршалу графу Ивану Васильевичу Гудовичу, по предписанію котораго тамошней управѣ благочинія взята съ меня оное подписка въ исполненіи мною высочайшей Вашей воли. Вслѣдствіе сего о существованіи Дома практическаго правовѣдѣнія правительствомъ припечатано въ вѣдомостяхъ обѣихъ столицъ.

Домъ практическаго правовѣдѣнія не есть судилище, но есть мѣсто *открытаго адвокатства*, и въ дѣйствіяхъ своихъ зависитъ отъ свободной къ нему довѣренности частныхъ гражданъ. Онъ имѣетъ обязанность: образовывать стряпчихъ и самъ обрабатывать

дѣла, ему поручаемыя съ довѣренностію прекращать тяжбы при-
мирениемъ.

Домъ практическаго правовѣдѣнія, сдѣлавшись, по объявленіямъ
о немъ отъ правительства въ публичныхъ вѣдомостяхъ, глас-
нымъ въ имперіи, обратилъ на себя общее вниманіе. Тѣ, которые
чувствуютъ правоту своего дѣла, но не имѣютъ возможности
защищать сами собою въ судахъ права своего, обратились съ
довѣренностями къ сему Дому. Въ Москвѣ, до нашествія непрія-
теля, довольно чиновниковъ, окончившихъ въ университетахъ
обыкновенныя науки, изъявили желаніе образоваться въ пуб-
личномъ адвокатствѣ, но тогдашнее положеніе дѣлъ государства
отозвало ихъ на поле брани.

Домъ практическаго правовѣдѣнія имѣетъ такое основаніе, чтобъ
не требовать отъ казны никакихъ на содержаніе свое издержекъ.
Цѣль сего Дома заключается, какъ въ проектѣ объяснено, въ
уменьшеніи тяжбъ и истребленіи ябеды, умножающей дѣла въ
присутственныхъ мѣстахъ и вмѣстѣ съ оными чиновниковъ, и
расходы на нихъ государственныя.

Приводя въ дѣйствіе Высочайшую волю Вашего Император-
скаго Величества въ образованіи сего Дома, я удалился, предъ
нашествіемъ непріятели на Москву, въ Нижній-Новгородъ, изъ
онаго къ Казань, а потомъ пріѣхалъ въ С.-Петербургъ для испол-
ненія священной Вашей воли.

Ни министръ просвѣщенія, ни министръ юстиціи не приняли
подъ свое начальство Дома практическаго правовѣдѣнія, отозвав-
шись о семъ ко мнѣ письменно. Сему отзыву ихъ было осно-
ваніемъ, какъ полагать должно, правило, что Домъ практическаго
правовѣдѣнія не входитъ въ составъ министерствъ, потому что
открытое адвокатство обязано дѣйствовать законами, для защи-
щенія правой стороны противъ несправедливаго употребленія за-
коновъ, и, слѣдовательно, зависитъ отъ особеннаго начальства и
собственнаго Высочайшаго покровительства Вашего Император-
скаго Величества. Бѣдный, но правый, конечно не въ состояніи
продолжать своей тяжбы съ сильнымъ неправымъ, хотя всѣ
состоянія покровительствуются однимъ закономъ.

Домъ практическаго правовѣдѣнія и его публичные адвокаты
суть *посредники между судомъ и невинностію*, подъ своею личною
отвѣтственностію предъ закономъ и Вашимъ Императорскимъ
Величествомъ. Въ Европѣ давно учреждены публичныя адвокат-
ства, но образъ ихъ учрежденія не удовлетворяетъ благу общему.

Тамъ стѣснаена свобода защищать постороннихъ въ судахъ дѣло: сіе право перенесено на однихъ публичныхъ адвокатовъ. Но въ Россіи учрежденный Вашимъ Императорскимъ Величествомъ Домъ практическаго правовѣдѣнія имѣеть лучшее правило. Его обязанность есть: образовывать адвокатовъ и самому защищать токмо правыя дѣла, отъ неправыхъ же дѣлъ отказываться, и въ такомъ случаѣ проситель можетъ защищать ихъ или самъ, или чрезъ своего стряпчачаго. Такимъ образомъ, свобода въ гражданствѣ на защиту своего права ни для кого не стѣсняется. Но какъ во всякомъ тяжебномъ дѣлѣ есть двѣ стороны: *правая* и *неправая*, то всегда ябеда встрѣтится съ Домомъ практическаго правовѣдѣнія.

Съ благоговѣніемъ повергаю къ стопамъ Вашего Императорскаго Величества всеподданѣйшій отчетъ Дома практическаго правовѣдѣнія о занятіяхъ его 1813 года. Изъ онаго Ваше Величество усмотрѣть изволите стеченіе случайностей между подданными Вашими, въ которыхъ правая, но безсильная сторона бываетъ угнетаема и нерѣдко неблагонамѣренность скрываетъ страждущую невинность отъ высочайшаго взора Вашего Императорскаго Величества.

Всепресвѣтлѣйшіе предки Вашего Императорскаго Величества издавна имѣли попеченіе о правосудіи; Ваше же Императорское Величество къ утверженію онаго ознаменовали свое попеченіе о благѣ свыше вѣренной Вамъ Россіи соизволеніемъ на приведеніе къ окончанію законовъ. Въ откровенности моей я осмѣливаюсь представить благоусмотрѣнію Вашего Императорскаго Величества мое всеподданнѣйшее мнѣніе:

„Законы всякаго рода извлекаются изъ познанія человѣка, ибо они суть начертаніе правилъ поведенія его въ гражданствѣ. Соображеніе страстей человѣческихъ съ святостію цѣли законодательства, страсти ограничивающею, обнаруживаетъ, что человѣкъ со вѣренною ему отъ самодержца властію удобнѣе можетъ плѣняться пристрастіемъ и обращать законы къ удовлетворенію одной своей воли, болѣе склонной къ видамъ себѣ угожденія, нежели къ общему благу, и доказываетъ, что необходимо такое средство, которое бы, безъ раздраженія самыхъ страстей, отнимало у нихъ возможность располагать законами во вредъ“.

Домъ практическаго правовѣдѣнія, не имѣя никакой власти, кромѣ права открыто защищать страждущую невинность разумомъ законовъ и доводить до Высочайшаго свѣдѣнія Вашего Императорскаго Величества объ особенныхъ случаяхъ притѣсненія невин-

ности, существованіемъ своимъ произведеть вліяніе на общее мнѣніе, что всякое притѣсненіе, въ самомъ его началѣ, извѣстно будетъ Вашему Императорскому Величеству, и потому каждый въ себѣ самомъ будетъ остерегаться даже и мысли, противной обязанностямъ его служенія. Но для достиженія сей государственной цѣли потребно учрежденіе Совѣта надъ Домомъ практическаго правовѣдѣнія изъ лицъ, приверженныхъ къ Особѣ Вашей, расположенныхъ къ общей пользѣ и почтенныхъ Высочайшею довѣренностію Вашего Величества. О учрежденіи сего Совѣта съ благоговѣніемъ повергаю къ стопамъ Вашимъ всеподданнѣйшій мой проектъ.

Исторія свидѣтельствуеть, что нерѣдко сердобольные монархи чувствовали народный ропоть отъ неправосудія. Неблагонамѣренность, лицемѣріемъ прикрывающая себя, иногда похищаетъ священную довѣренность самодержца и не мыслить ни о своей обязанности, ни объ общемъ благѣ, но объ одномъ возвышеніи себя предъ правотою и своекорыстіи безъ уваженія правъ и нуждъ человѣка, въ надеждѣ, что стоишь страждущей невинности слабъ обличить его предъ самодержцемъ. Исторія же доказываетъ, что великіе по сердцу монархи скрытно сами изыскивали случаи угнетенія невинности и явно наказывали преступниковъ. Сіи черты ихъ правоты и милосердія свѣтятся въ исторіи еще и до нынѣ и никогда не померкнутъ въ самомъ позднѣйшемъ потомствѣ. Я знаю, Великій Монархъ! что слеза, выкатывающаяся изъ сердца невинно страждущаго, привлекаеть на себя Ваше всемилостивѣйшее вниманіе.

Домъ практическаго правовѣдѣнія, слѣдуя святымъ чувствованіямъ Вашего Императорскаго Величества, принялъ на себя обязанность бесплатно защищать отъ ябеды вдовъ и сиротъ, оставшихся послѣ убитыхъ на сраженіяхъ воиновъ. Ябеда тамъ и ищетъ себѣ пищи, гдѣ есть слабые и безпокровные, не трогаясь ни слезами, ни горестію несчастнаго.

Г. главнокомандующій въ Москвѣ и другіе г.г. губернаторы содѣйствуютъ уже Дому практическаго правовѣдѣнія безпристрастнымъ съ ихъ стороны участіемъ въ пользу правыхъ, но страждущихъ, какъ изволите Ваше Императорское Величество усмотрѣть изъ всеподданнѣйшаго отчета о дѣлахъ сего Дома.

Всемилоствѣйшій Государь! Исполняя священную волю Вашего Императорскаго Величества приведеніемъ въ дѣйствіе Дома практическаго правовѣдѣнія, я труды мои признаю ничтожными, ибо личная моя привязанность къ священной Особѣ Вашей всякій

трудъ дѣлаеть для меня легкимъ, только бы силы мои то мнѣ позволили; но считаю преступленіемъ умолчать предъ Вашимъ Императорскимъ Величествомъ о чиновникахъ, непрерывно трудящихся по своей доброй волѣ: титулярномъ совѣтникѣ Федорѣ Пафомовѣ и коллежскомъ регистраторѣ Никифорѣ Никифоровѣ.

Съ благоговѣніемъ предаю судьбу мою и ихъ высочайшему Вашему соизволенію.

Всемилоствѣйшій Государь!

Вашего Императорскаго Величества вѣрноподданный

Надв. сов. Иванъ Наумовъ.

9 Января 1814 г.

С.-Петербургъ.

III.

Всеподданнѣйшій проектъ о учрежденіи совѣта Дома практическаго правовѣдѣнія.

Домъ практ. прав. не представляетъ собою обыкновеннаго училища, и потому не входитъ въ училищное вѣдомство. Въ оный Домъ поступаютъ, для пріобрѣтенія права на публичное адвокатство, обучавшіеся въ университетахъ и въ другихъ высшихъ училищахъ и имѣющіе уже чины. Слѣдовательно, обращать ихъ въ прежнее ученическое званіе противно существу дѣла.

Дому практ. прав. потребно особенное Высочайшее покровительство Вашего Императорскаго Величества, для удобнѣйшаго образованія публичнаго адвокатства въ государствѣ, на истребленіе ябеды, наполняющей судебныя мѣста тяжбыми дѣлами. Ябеда есть внутренняя вражда въ гражданствѣ, разрушающая благосостояніе гражданъ. Умноженіе чиновниковъ и большіе на нихъ расходы государства не есть средство, могущее истребить ябеду. Она живетъ во мнѣніи людей неблагонамѣренныхъ: слѣдовательно, нужно обличеніе ея въ самомъ началѣ дѣлъ.

Необходимо учрежденіе въ С.-Петербургѣ Совѣта Дому практ. прав., который бы состоялъ изъ почетныхъ членовъ, председателя изъ нихъ, или попечителя, для разсмотрѣнія представленій сему Совѣту отъ онаго Дома и моихъ личныхъ о нихъ въ Совѣтѣ объясненій объ усовершенствованіи онаго. Подобные Совѣты имѣютъ уже въ Москвѣ, съ Высочайшаго утвержденія Вашего Император-

скаго Величества, коммерческое училище и практическая коммерческая академія. Первое состоитъ подъ Высочайшимъ попеченіемъ Государыни Императрицы Маріи Ѳеодоровны, а послѣдняя подъ попеченіемъ дѣйствительнаго тайнаго совѣтника Валуева.

Утвержденіе почетныхъ членовъ и попечителя должно зависѣть непосредственно отъ соизволенія Вашего Императорскаго Величества. Почетные члены и предсѣдатель не имѣютъ права на жалованье изъ государственной казны, потому что дѣло образованія публичнаго адвокатства есть дѣло чести, безъинтереснымъ пожертвованіемъ благу государства своимъ трудомъ и чистымъ усердіемъ.

Званіе предсѣдателя или попечителя и почетнаго члена не можетъ отвлекать никого изъ нихъ отъ настоящихъ должностей и собственныхъ ихъ занятій, потому что представленія отъ Дома практ. прав. входятъ будучь въ Совѣтъ случайно; отсутствующіе же члены могутъ имѣть съ Совѣтомъ о своихъ мнѣніяхъ письменныя сношенія.

Поелику образованіе публичнаго адвокатства въ государствѣ, по Высочайшему Вашему Императорскому Величеству повелѣнію, основано на томъ, чтобъ государственная казна не имѣла никакихъ своихъ на оное расходовъ, то канцеляріи Совѣта состоятъ въ Домѣ практ. прав., трудами своими себя содержащаго.

Если благоугодно будетъ Вашему Императорскому Величеству учредить Совѣтъ Дома практ. прав., то ябеда въ государствѣ умретъ и освобожденная отъ нея страждущая невинность всегда будетъ охраняема правосудіемъ и святостію законовъ во славу Царствованія Вашего Императорскаго Величества.

Управляющій Домомъ практ. прав., надворный совѣтникъ Иванъ Наумовъ.

IV.

Матеріалы для біографіи И. М. Наумова.

Наумовъ—по его словамъ ¹⁾—вступилъ въ службу въ 1784 г. ученикомъ въ чертежную пензенской межевой конторы; послѣ того былъ въ этой конторѣ первокласнымъ землемѣромъ, про-

¹⁾ Дѣло мин. юст. 1816 г. № 4800.

Жур. Мин. Юст. Декабрь 1899.

ходилъ затѣмъ разными должностями, какъ въ судебныхъ мѣстахъ, такъ и при министерствахъ внутреннихъ дѣлъ и юстиціи, получая всѣ чины по особеннымъ Высочайшимъ повелѣніямъ. Въ 1797 г., во время службы при генераль-прокурорѣ кн. Куракинѣ, пожалованъ Павломъ I золотою табакеркою за составленіе плановъ Гатчины, Павловскаго и вообще всѣхъ дачъ Высочайшей Фамиліи. Въ бытность его секретаремъ въ коломенскомъ уѣздномъ судѣ, трудами своими обратилъ на себя вниманіе ревизовавшихъ судъ сенаторовъ Трощинскаго и кн. Щербатова, что и засвидѣтельствовано министромъ юстиціи Державинымъ при производствѣ Наумова 27 января 1803 г. въ коллежскіе ассесоры. Хотя въ томъ же году онъ былъ представленъ къ ордену Св. Владимира, но не получилъ его „по одному неизбирательному въ Думѣ шару“.

Въ 1804 году, по Высочайшему повелѣнію, Наумовъ былъ отставленъ отъ должности московскаго губернскаго стряпчаго по слѣдующему поводу: въ концѣ 1803 г. Наумовъ донесъ министру юстиціи о дѣйствіяхъ своихъ по дѣламъ о порубкахъ въ дачѣ „Лосинный погонный островъ“ и по претензіи иностранца Прори къ компаніи ліонскихъ купцовъ, но получилъ въ отвѣтъ не лестное для него замѣчаніе кн. Лопухина, что относится въ министерство онъ можетъ развѣ въ такомъ только случаѣ, когда губернский прокуроръ дастъ ему противное законамъ заключеніе, или съ жалобой на прокурора, и впродъ начальство и себя самого не затруднять излишнею перепискою. Не успѣлъ еще Наумовъ получить это замѣчаніе, какъ московскій губернаторъ Аршеневскій прислалъ на него жалобу за то, что по дѣлу о Лосинномъ островѣ онъ подалъ протестъ уголовной палатѣ съ укорительными для него, губернатора, выраженіями. вмѣстѣ съ тѣмъ, „не изъ подлага мщенія, а какъ начальникъ губерніи“, Аршеневскій счелъ нужнымъ сообщить слѣдующія свѣдѣнія о Наумовѣ: переходя многія мѣста, онъ „къ несчастію“ опредѣленъ былъ въ коломенскій судъ секретаремъ, гдѣ скоро открылся безпокойный нравъ его и много разъ онъ былъ штрафованъ; когда же ревизовавшіе судъ сенаторы похвалили оный, то Наумовъ, написавъ себѣ и всѣмъ приказнымъ похвальныя листы, утвердилъ ихъ печатью суда и представилъ прокурору, который, „яко доводъ глупаго умствованія сего человѣка“, предложилъ ихъ губернскому правленію. Послѣ сего онъ нашель случай опредѣлиться въ тотъ же уѣздъ исправникомъ и „тутъ далъ полную волю своему безпокойному характеру: началъ тотчасъ дѣлать протесты на счетъ вѣры жителей,

завель о томъ непосредственно переписку съ самимъ митрополитомъ, и, не удовольствовавшись тѣмъ, началъ донесенія свои дѣлать покойному Государю Императору, и своими поступками чуть было не взбунтовалъ уѣздъ и самъ не подвергся смерти, но къ счастью дѣло кончилось по волѣ Государя перемѣщеніемъ его засѣдателемъ въ уѣздный судъ другой губерніи“.

Вслѣдствіе этого прокурору было предписано истребовать отъ Наумова всѣ бумаги по упомянутому дѣлу и подтвердить, чтобъ онъ не выходилъ изъ предѣловъ своей обязанности, подъ опасеніемъ, въ противномъ случаѣ, взысканія по законамъ; но Наумовъ не успокоился: о незаконной рубкѣ лѣса въ Лосинномъ островѣ онъ послалъ доносъ Государю, ссылаясь на то, что слѣдствіе произведено слабо и производство въ уголовной палатѣ запутано такъ, что доносители присуждены къ наказаніямъ; а въ представленномъ прокурору отзывѣ „вмѣсто того“—какъ выразился кн. Лопухинъ,—„чтобы отъ него, прокурора, получить заключеніе, отъ себя далъ таковое ему, прокурору, превратно толкуя высочайшія узаконенія и требуя отъ прокурора, дабы онъ указалъ губернскому правленію путь, какимъ образомъ слѣдуетъ изслѣдовать дѣло, хотя въ рапортѣ отъ 31 декабря 1803 г. и обѣщаль въ полномъ видѣ стараться выполнять обязанности своего званія“. Наконецъ, Наумовъ задѣлъ за живое и самого кн. Лопухина. „Я долженъ“—доносилъ онъ отъ 18 января 1804 г.—„довести до свѣдѣнія вашего обстоятельство, весьма странное. У московскаго купца Ильи Алексѣева Кавылина открытъ поличный корабельный лѣсъ. Когда частный приставъ дѣлалъ ему допросъ, то онъ, при своихъ отрицаніяхъ, помѣстилъ себѣ въ оправданіе, что ваша свѣтлость за него поручитесь. Онъ настоялъ, чтобы сіе несомнѣнное дѣлу объявленіе было непременно положено на бумагу и закрѣпилъ оное своею рукою..... Я увѣренъ, что Кавылинъ, коего я въ первый разъ увидѣлъ, много ошибся. Обязанность подчиненнаго есть—исполнить свою должность во всей мѣрѣ, и тѣмъ заслужить благоволеніе пачальника“.

Встревоженный этимъ извѣщеніемъ, кн. Лопухинъ отослалъ его въ подлинникѣ московскому военному губернатору гр. Салтыкову для производства строгаго изслѣдованія и если Кавылинъ окажется виновнымъ въ означенномъ ложномъ показаніи, то и о поступленіи съ нимъ по всей строгости законовъ, „ибо я“—писалъ кн. Лопухинъ—„не только быть по немъ порукою, но и никакого дѣла съ нимъ никогда не имѣлъ и имѣть не желаю“. Объ этомъ распоряже-

ни былъ увѣдомленъ и Наумовъ, который, какъ оказалось, не все то донесъ, что Кавылинъ помѣстилъ въ допросѣ, и именно, показаніе послѣдняго было записано такъ: „Кавылинъ объявилъ, что кн. П. В. Лопухинъ поручится, что воромъ онъ не бывалъ“, а вслѣдъ за тѣмъ кн. Лопухинъ снова пригрозилъ Наумову строгою отвѣтственностію за вмѣшательство его въ дѣло выбора лѣсниковъ Лосиннаго острова. „Я не нахожу довольно пристойныхъ выраженій“—сказано было въ предписаніи Наумову,—„чтобъ изъяснить вамъ всѣ проступки ваши по должности, и для того остается мнѣ предписать вамъ, что первый шагъ, который вы за симъ въ противность обязанности вашей и данныхъ вамъ отъ начальства предписаній учините, поставитъ меня въ необходимость принять строжайшія, въ отношеніи къ вамъ, мѣры“.

Но эта угроза послужила лишь къ проявленію еще большей дерзости со стороны Наумова. „Ваше Величество“—доносилъ онъ Государю—„удостоили своего вниманія доведенное мною до свѣдѣнія Вашего дѣло о истребленіи государственной подмосковной рощи, Лосиннымъ погоннымъ островомъ именуемой. Злоупотребленіе это существуетъ, но основанія его обширны и крѣпки. Я побуждаюсь желать даже увольненія отъ настоящей моей должности. Причина сего видна изъ всеподданнѣйше приложенныхъ здѣсь въ подлинникѣ письма и ордера ко мнѣ моего начальника. Письмо, означая приказаніе его, по своему дѣлу, предать суду купца И. А. Кавылина, ссылающагося на него въ поручительствѣ при обличаемомъ преступленіи, не можетъ быть доказательствомъ ни правосудія, ни расположенія къ откровенности подчиненнаго, а ордеръ изображаетъ одну волю, крайнюю строгость и тѣсное ограниченіе права казеннаго истца. Упоминаемое въ немъ требованіе отъ земскаго суда свѣдѣнія о лѣсникахъ, подлежащихъ допросамъ, не есть распоряженіе оными, какъ принято, но соблюденіе слѣдственнаго правила. Мой начальникъ вообще образъ защищенія сего дѣла признаетъ преступленіемъ должности моей и предваряетъ меня о бѣдственныхъ изъ того слѣдствіяхъ. Молчаніе было бы прямое мое преступленіе предъ В. И. В-мъ и предъ самимъ Богомъ . . . . Я знаю, Государь, что В. В-ву пріятно благотворить подданнымъ. Посему всеподданнѣйше прошу пожаловать мнѣ иное мѣсто. Впрочемъ, я повинуюсь высочайшей волѣ Вашей и готовъ самыми страданіями оправдать мое званіе“.

Иного мѣста Наумовъ, однако, не получилъ: по высочайшему повелѣнію 14 февраля 1804 г. онъ былъ отставленъ отъ должно-

сти стряпчаго ¹⁾, а въ 1816 году, послѣ прекращенія дѣятельности Дома практ. правов., просилъ объ увольненіи его вовсе отъ службы, но Д. П. Трошинскій объявилъ, что это отъ него не зависитъ и чтобы съ просьбою своею онъ обратился въ Сенатъ ²⁾.

Что касается до сочиненій Наумова, то судя по росписи Смирдина, кромѣ „Практическаго правовѣдѣнія“ и „Свѣдѣнія для повѣренныхъ“ имъ были изданы слѣдующія: 1) Начертаніе естественнаго права, принадлежащее къ 1-й части практическаго правовѣдѣнія, М. 1808—1809 г.; 2) О справедливости и несправедливости, СПб. 1812 г.; 3) Изложеніе юридическихъ предметовъ, для руководства къ познанію практическаго правовѣдѣнія, 1812 г.; 4) Рѣчь по случаю высочайшаго Е. И. В. соизволенія на существованіе въ Россіи Дома пр. пр. для образованія стряпчества на защиту разумомъ законовъ безсильнаго праваго противъ сильнаго неправаго и на истребленіе ябеды—внутренней вражды въ государствѣ, СПб. 1813 г.; 5) Раздѣленіе преступленій противъ права гражданскаго и противъ права уголовнаго, СПб. 1813 г., и 6) Журналь Дома пр. пр., 2 ч., СПб. 1813 г.

¹⁾ Дѣло мин. юст. 1803 г. № 3601.

²⁾ Дѣло мин. юст. 1816 г. № 4800.

ПИСЬМА ИЗЪ ПАРИЖА.

II.

Законъ 5 августа 1899 года объ измѣненіи порядка выдачи справокъ о судимости.

Справки о судимости, представляя массу безспорныхъ удобствъ, издаются уже во многихъ странахъ, хотя ихъ необходимость еще не проникла во всеобщее сознание, такъ какъ въ нѣкоторыхъ государствахъ веденіе ихъ не обусловлено требованіемъ закона.

Во Франціи веденіе справокъ о судимости установлено простымъ министерскимъ циркуляромъ отъ 6 ноября 1850 года. Система собиранія такихъ справокъ, въ главныхъ чертахъ, состоитъ въ слѣдующемъ. Всякій разъ, когда состоится окончательный обвинительный приговоръ, секретарь того судебного учрежденія, которое этотъ приговоръ постановило, отсылаетъ въ канцелярію суда того округа, гдѣ родился осужденный, особую карточку на бѣломъ картонѣ, содержащую сущность приговора. Такимъ образомъ, въ канцеляріи каждаго суда находится коллекція такихъ карточекъ, подраздѣленная на отдѣленія, соотвѣтственно каждой буквѣ алфавита.

Изъ справокъ о судимости въ каждомъ округѣ составляется вѣдомость № 1, содержащая въ себѣ: а) подробныя свѣдѣнія, имѣющія цѣлью безошибочное установленіе въ каждомъ данномъ случаѣ той личности, къ которой эта запись относится, и б) точныя указанія о сущности состоявшагося приговора. Если, напримеръ, какое-нибудь судебное установленіе нуждается въ свѣдѣніяхъ о прежней судимости обвиняемаго или какое-либо об-

щественное учрежденіе желаетъ узнать подробности о судебномъ прошломъ претендента на вакантную должность,—то имъ доставляется извлеченіе изъ справокъ о судимости, или вѣдомость № 2, составленная изъ всѣхъ вѣдомостей № 1, имѣющихся въ данномъ судѣ и относящихся къ указанному лицу.

Таковымъ представляется содержаніе вѣдомостей № 1 и № 2, заключающихъ въ себѣ свѣдѣнія о судимости и составляющихъ такъ называемое *casier judiciaire*.

Полувѣковой опытъ показалъ все выгодныя стороны собранія справокъ о судимости. Суды онѣ необходимы для установленія въ каждомъ данномъ случаѣ наличности рецидива и для назначенія подсудимому высшей или низшей мѣры наказанія. Общественныя власти нуждаются въ нихъ для того, чтобы исключать изъ списка избирателей тѣхъ гражданъ, которые лишены политическихъ правъ. Военскія установленія пользуются ими для того, чтобы при составленіи списковъ молодыхъ людей, подлежащихъ призыву къ отбыванію воинской повинности, не включать такихъ лицъ, которыя являются недостойными носить воинское званіе.

Порядокъ собранія и выдачи справокъ о судимости существовалъ въ такомъ видѣ въ теченіе многихъ лѣтъ, не вызывая ни съ чьей стороны какихъ-либо нареканій. Однако было обращено вниманіе на тотъ фактъ, что выдача такихъ справокъ, производившаяся, подобно выдачѣ актовъ гражданскаго состоянія, безъ какихъ-либо затрудненій, порождала возможность огласки выданныхъ свѣдѣній и представляла то печальное неудобство, что полученіе справокъ о судимости какого-либо лица оказывалось доступнымъ для всякаго человѣка, преслѣдовавшаго лишь цѣли корыстной спекуляціи или шантажа.

Г. Дюфоръ, хранитель печати и министръ юстиціи, хотѣлъ устранить возможность такихъ злоупотребленій, установивъ въ 1876 году особымъ циркуляромъ, что справки о судимости какого-либо лица могутъ быть выданы только этому же самому лицу, въ случаѣ его о томъ просьбы. Но это ограниченіе не измѣнило сущности прежняго порядка вещей: отдѣльныя вѣдомства, частныя предпріятія и лица продолжаютъ по прежнему требовать предъявленія справки о судимости: хотя они сами и не могутъ получить этой справки непосредственно, но они заставляютъ заинтересованное лицо затребовать ее изъ суда того округа, гдѣ находится

его родина, и предъявить имъ, а затѣмъ принятіе кого-либо на службу въ любое учрежденіе, заводъ или мастерскую происходитъ лишь въ томъ случаѣ, если графа о прежней его судимости оказывается безъ отмѣтокъ.

Такая практика обратилась въ общее правило. Въ 1874 году было затребовано лишь 4000 справокъ о судимости, а въ 1892 г. число ихъ возросло до 214.000.

Фактическая необходимость для каждаго человѣка, желающаго поступить на службу, предъявить свидѣтельство о томъ, что онъ не былъ подѣ судомъ, превращаетъ веденіе справокъ о судимости въ такое зло для осужденнаго, которое лишаетъ его возможности добывать средства къ существованію и жить своимъ трудомъ. Такимъ образомъ, оказывается на лицо увеличеніе того наказанія, къ которому приговоренъ осужденный, и это добавочное наказаніе, не предвидѣнное уголовными законами, является еще болѣе тягостнымъ, чѣмъ наказаніе главное.

Ни введеніе книжки для рабочихъ, ни предоставленная закономъ осужденному возможность его реабилитаціи не устраняютъ вышеприведенныхъ дурныхъ сторонъ безпрепятственной выдачи справокъ о судимости. На самомъ дѣлѣ реабилитація, которую многіе такъ превозносятъ, представляетъ иногда средство, приносящее больше вреда, чѣмъ пользы, такъ какъ разглашаетъ во всеобщее свѣдѣніе такія обстоятельства, которыя, благодаря тщательнымъ стараніямъ исправившагося осужденнаго, оказались скрытыми отъ всѣхъ или же давно забытыми окружающимъ его обществомъ.

Другой крупный недостатокъ системы веденія справокъ о судимости заключается въ томъ, что въ справки эти вносятся такія свѣдѣнія, которыя не имѣютъ къ нимъ никакого отношенія: таковы, напримѣръ, свѣдѣнія объ объявленіи кого-нибудь несостоятельнымъ должникомъ, каковоо, хотя и представляетъ собою фактъ, предосудительный съ точки зрѣнія общественной, но, тѣмъ не менѣе, согласно существующему взгляду, не признается позорящимъ честь и доброе имя несостоятельнаго.

Такимъ образомъ, ощущалась необходимость въ измѣненіи этого порядка.

Наиболѣе простая, послѣдовательная и согласная съ здравымъ смысломъ реформа должна была бы, повидимому, заключаться въ

возвращеніи къ старому порядку вещей, при которомъ справки о судимости, равно какъ и существовавшіе раньше ихъ списки осужденныхъ, служили источникомъ свѣдѣній исключительно для должностныхъ лицъ.

И вотъ правительство предложило новый законъ, который въ одно и то же время не долженъ представлять неудобствъ для осужденныхъ и нарушать интересы собственниковъ промышленныхъ предприятий и частныхъ лицъ.

О коренномъ преобразованіи или совершенной отмѣнѣ веденія справокъ о судимости, необходимость которыхъ всегда сознавалась, не было и рѣчи. Современная наука уголовного права стремится къ тому, чтобы самый фактъ правонарушенія не заслонялъ собою личности, его совершившей; теперь судятъ не фактъ, а человѣка. А для того, чтобы судить человѣка, необходимо знать его происхожденіе, воспитаніе, среду, порочныя наклонности, его фізіологическую природу и степень нравственнаго развитія, но, прежде всего, его прошлое. Только обладая всѣми этими свѣдѣніями въ совокупности, общество въ лицѣ своихъ представителей сумѣетъ оцѣнить степень виновности каждаго преступника и удалить его изъ своей среды на болѣе или менѣе продолжительное время. Индивидуализація наказанія все болѣе и болѣе развивается, и законы, вмѣсто того, чтобы стѣснять судью строгими опредѣленными и обязательными для него рамками, безпрестанно расширяютъ его свободу при назначеніи наказанія, избѣгая, однако, абсолютно неопредѣленныхъ санкцій.

Безъ справокъ о судимости все судебное прошлое подсудимаго оставалось бы для суда неизвѣстнымъ. Необходимо, поэтому, сохранить самое собраніе такихъ справокъ, устранивъ лишь тѣ нежелательныя послѣдствія, которыя являются результатомъ недостатковъ существующаго порядка. Институтъ справокъ о судимости, извращенный въ слѣдствіе разныхъ злоупотребленій, оказывается для лицъ, отбывшихъ наказаніе, неодолимою помѣхой къ обратному возвращенію въ социальную ихъ среду, противодействуя, такимъ образомъ, той цѣли, къ которой стремятся въ концѣ нынѣшняго вѣка всѣ усилія филантроповъ.

Уголовное право въ настоящее время не признаетъ невозстановимыхъ наказаній. Тюремное же заключеніе рѣдко имѣетъ устрашающее значеніе и еще рѣже исправляетъ преступника, не смотря на благородныя усилія тюремнаго патронатства. Въ боль-

шинствѣ случаевъ тюрьма оказывается школой преступленія, между тѣмъ какъ общество заинтересовано въ томъ, чтобы не было рецидивистовъ. Одною изъ мѣръ, предупреждающихъ появленіе уголовного рецидива, является оказаніе помощи осужденному, предоставленіе ему возможности честнаго заработка, однимъ словомъ, попеченіе о немъ.

Эти именно соображенія имѣли преобладающее значеніе при выработкѣ положеній новаго закона, касающагося справокъ о судимости. Законодатели держались того взгляда, что путь страданій, по которому проходить осужденный, уже достаточно тяжелъ самъ по себѣ, и нѣтъ основаній налагать на наказаннаго, сверхъ этого, еще какое-либо добавочное бремя. Полная реабилитация правъ осужденнаго, устанавливаемая новымъ закономъ, представляетъ собою какъ бы спасительный маякъ, указывающій конецъ этого тернистаго пути.

Въ данномъ случаѣ требованія справедливости и интересовъ общества одни и тѣ же. Человѣкъ, исполнившій свое обязательство, перестаетъ считаться должникомъ; то же самое и съ преступникомъ, отбывшимъ наказаніе. Какое право мы имѣемъ налагать на него навсегда неизгладимое клеймо позора? и на какомъ основаніи къ послѣдствіямъ постановленнаго судомъ приговора присоединяются еще другія, такъ сказать, добавочныя послѣдствія, усугубляющія карательное значеніе первыхъ и переживающія ихъ.

Необходимо было отмѣнить тѣ законы, въ силу которыхъ человѣкъ признается негоднымъ только потому, что онъ уже разъ судился и былъ подвергнутъ наказанію. Въ то время, какъ людей, не могущихъ представить свидѣтельства о томъ, что они никогда не были подъ судомъ, никуда не принимаютъ,—для человѣка, лишеннаго, напримѣръ, правъ родительской власти, или для чиновника, исключеннаго изъ службы вслѣдствіе его преступныхъ дѣйствій, доступъ открытъ повсюду.

Указываютъ на одинъ примѣръ, гдѣ человѣкъ, осужденный 35 лѣтъ тому назадъ за похищеніе разныхъ товаровъ, въ послѣдствіи два раза достигалъ почетнаго общественнаго положенія. Но оба раза недоброжелатели, добывъ справку о его прежней судимости, разглашали его прошлое, и онъ долженъ былъ бросать все и снова начать борьбу за существованіе. Въ теченіе всей своей жизни онъ не рѣшался жениться, доживъ такъ до старости; несмотря на свое желаніе усыновить воспитаннаго имъ ребенка, онъ не можетъ этого сдѣлать, такъ какъ лишень гражданскихъ правъ.

Въ другомъ случаѣ нѣкто былъ приговоренъ въ шестнадцатилѣтнемъ возрастѣ къ двухнедѣльному аресту за оскорбленіе мэра. Черезъ нѣкоторое время онъ поступилъ въ военную службу и долженъ былъ получить мѣсто подпоручика, какъ вдругъ анонимное письмо заставило его подать въ отставку. Тогда онъ уѣхалъ въ удаленный отъ этихъ мѣстъ городъ и поступилъ тамъ бухгалтеромъ въ торговое учрежденіе, но въ одинъ прекрасный день его узналъ зашедшій въ магазинъ однодеревенецъ. Онъ былъ немедленно уволенъ отъ должности, и мѣстная газета описала его, съ указаніемъ примѣтъ, какъ человѣка опаснаго, уже бывшаго подъ судомъ и подвергнутаго наказанію. Онъ дожилъ до преклоннаго возраста, не будучи въ состояніи достигнуть прочнаго положенія и пріобрѣсть довѣріе кого-либо изъ своихъ начальниковъ, а между тѣмъ этотъ человѣкъ, безусловно честный, за всю свою жизнь никого на грошъ не обидѣвшій.

Что же касается закона о реабилитаціи, то, какъ мы упоминали выше, онъ никоимъ образомъ не избавляетъ заинтересованныхъ лицъ отъ подобныхъ непріятныхъ и несправедливыхъ послѣдствій. Реабилитація осужденнаго можетъ имѣть мѣсто не иначе, какъ послѣ производства надлежащаго разслѣдованія, во время котораго неопытному чиновнику, распрашивающему окружающихъ лицъ, не удастся скрыть ни той цѣли, съ которою вопросы имъ задаются, ни того повода, благодаря которому онъ производитъ настоящее разслѣдованіе. Тайна, которую несчастный осужденный старался скрыть отъ всѣхъ, становится извѣстной по всему околотку, для каждаго оказывается яснымъ, что разслѣдованіе производится съ цѣлью реабилитаціи, и что, слѣдовательно, человѣкъ, о которомъ идетъ рѣчь, былъ когда-то осужденъ и внесенъ въ общія справки о судимости.

Такимъ образомъ, подобное лекарство хуже самой болѣзни.

Составители новаго закона стремились устранить эти недостатки такого порядка вещей.

Во всякомъ дѣлѣ, гдѣ возбуждается состраданіе общества къ меньшей братіи, мы встрѣчаемъ имя сенатора Беранже. Ему мы обязаны еще первымъ внесеніемъ проекта закона въ 1890 году, и для того, чтобы довести это дѣло до конца, необходима была вся сила того авторитета, которымъ онъ пользуется. Сторонники противоположнаго взгляда возражали, что общество рискуетъ своею безопасностью, что оно ставитъ осужденнаго преступника въ бла-

гопріятное положеніе въ ущербъ порядочнымъ людямъ и что оно напрасно выдаетъ такому лицу несоотвѣтствующій ему аттестатъ честнаго человѣка. Но всѣ эти возраженія теряютъ всякую силу, такъ какъ реформа, о которой идетъ рѣчь, главнымъ образомъ, имѣетъ въ виду осужденныхъ въ первый разъ или же лицъ, признанныхъ виновными безъ наличностиотягчающихъ вину обстоятельствъ.

Привожу важнѣйшія постановленія закона 5 августа 1899 года.

Новый законъ устанавливаетъ три нововведенія, состоящія въ слѣдующемъ: 1) въ исключеніи нѣкоторыхъ указаній изъ справокъ о судимости, выдаваемыхъ заинтересованнымъ лицамъ; 2) въ установленіи давности для внесенія въ эти справки извѣстныхъ свѣдѣній, которыя до сего времени помѣщались въ нихъ постоянно, и 3) въ предоставленіи осужденному возможности реабилитаціи всѣхъ его правъ въ нѣкоторыхъ, особо указанныхъ случаяхъ.

Со времени введенія этого закона существуютъ три различныя вѣдомости.

Въ вѣдомость № 1 по прежнему вносятся самымъ обстоятельнымъ образомъ всѣ свѣдѣнія о каждомъ состоявшемся обвинительномъ приговорѣ. Вѣдомость эта остается въ канцеляріи суда и представляетъ собою уголовную біографію даннаго лица (ст. 1 и 2).

Вѣдомость № 2 заключаетъ въ себѣ въ сокращенномъ видѣ всѣ содержащіяся въ предыдущей вѣдомости свѣдѣнія. Она будетъ сообщаться только судьямъ, судебнымъ слѣдователямъ, военнымъ и морскимъ учрежденіямъ, общественнымъ властямъ республики и, наконецъ, префектамъ или инспекторамъ академіи относительно лицъ, ходатайствующихъ о разрѣшеніи имъ открытъ частную школу (ст. 4).

Вѣдомость № 3, выдаваемая частнымъ лицамъ, содержитъ лишь неполное извлеченіе изъ предыдущихъ вѣдомостей (ст. 6). Въ ней не будутъ помѣщаться свѣдѣнія о нѣкоторыхъ обвинительныхъ приговорахъ, а именно: 1) о приговорахъ и опредѣленіяхъ, освобождающихъ отъ наказанія малолѣтнихъ, за признаніемъ ихъ дѣйствовавшими безъ разумія; 2) объ условныхъ осужденіяхъ, т. е. рѣшеніяхъ суда, состоявшихся съ примѣненіемъ закона Беранже, въ томъ случаѣ, если со времени постановленія приговора или опредѣленія прошло 5 лѣтъ, и если въ теченіе этого времени условно-осужденный не былъ приговоренъ какимъ-либо другимъ рѣшеніемъ суда за преступленіе или проступокъ въ тюремному заключенію; 3) объ уголовныхъ приговорахъ, покрытыхъ реабили-

тацією осужденнаго; 4) о приговорахъ, постановленныхъ за границею, по которымъ данное лицо признано виновнымъ въ дѣяніяхъ, не предусмотрѣнныхъ французскими уголовными законами, и 5) о большинствѣ приговоровъ по преступленіямъ печати, кромѣ диффамациі.

Нѣкоторыя же свѣдѣнія вообще не будутъ помѣщаться въ выдаваемую частнымъ лицамъ вѣдомость, за исключеніемъ лишь того случая, если затѣмъ послѣдуетъ рѣшеніе суда, которымъ данное лицо будетъ приговорено за преступленіе или проступокъ къ какому-нибудь наказанію, кромѣ денежнаго штрафа. Сюда относятся: 1) приговоры суда надъ малолѣтними, признавшіе послѣднихъ дѣйствовавшими съ разумѣніемъ и присудившіе ихъ къ тюремному заключенію не свыше трехъ мѣсяцевъ; 2) приговоры, состоявшіеся съ примѣненіемъ льготъ закона Беранже и присудившіе обвиненнаго къ мѣсячному заключенію въ тюрьмѣ съ присоединеніемъ денежнаго штрафа или безъ него; свѣдѣнія эти, въ случаѣ надобности, сообщаются даже въ теченіе періода испытанія; 3) объявленіе несостоятельнымъ должникомъ, если судомъ признано, что несостоятельность произошла не по винѣ должника, или если между нимъ и его кредиторами состоялась мировая сдѣлка, утвержденная судомъ, и 4) назначеніе судебной ликвидаціи (ст. 7).

Слѣдующая статья говоритъ о другомъ нововведеніи закона 5 августа, а именно объ установленіи опредѣленной давности для внесенія въ вѣдомость № 3 обвинительныхъ приговоровъ, при чемъ свѣдѣнія о такихъ приговорахъ помѣщаются въ этой вѣдомости въ теченіе лишь того времени, пока не истекъ указанный для каждаго даннаго случая срокъ. Такъ, не могутъ быть помѣщаемы въ вѣдомости № 3:

1) приговоръ, по которому обвиненный присужденъ къ тюремному заключенію на срокъ не болѣе 6 дней или къ денежному штрафу не свыше 25 франковъ, или къ обоимъ этимъ наказаніямъ въ совокупности (за исключеніемъ лишь тѣхъ случаевъ, когда съ этими наказаніями сопряжено ограниченіе частныхъ или политическихъ правъ осужденнаго), если со дня отбытія личнаго наказанія или уплаты денежнаго штрафа прошелъ *одинъ годъ*, и если въ теченіе этого времени означенный приговоръ является единственнымъ;

2) приговоръ, по которому обвиненный присужденъ къ заключенію въ тюрьмѣ на срокъ до 6 мѣсяцевъ, или къ какому-нибудь

денежному штрафу, или же къ обоимъ этимъ наказаніямъ, если со дня отбытія личнаго наказанія или уплаты денежнаго штрафа прошло *пять лѣтъ*, и если въ теченіе этого времени означенный приговоръ былъ единственнымъ;

3) приговоръ, по которому обвиненный присужденъ къ тюремному заключенію не свыше двухъ лѣтъ, если приговоръ этотъ въ теченіе указаннаго въ этомъ пунктѣ срока давности является единственнымъ, а также нѣсколько приговоровъ, по которымъ обвиненный присужденъ къ тюремному заключенію, въ общей сложности, на время не свыше одного года, въ томъ и другомъ случаѣ если послѣ отбытія наказаній прошло *десять лѣтъ*;

4) приговоръ, по которому обвиненный присужденъ къ тюремному заключенію на срокъ свыше двухъ лѣтъ, если со дня отбытія наказанія прошло *пятнадцать лѣтъ*, и если за это время не состоялось о томъ же лицѣ другихъ приговоровъ.

Подобныя постановленія могутъ показаться нѣкоторымъ слишкомъ рискованными, но назначаемый ими для осужденнаго искусь въ продолженіе 5, 10, 15 лѣтъ долженъ удовлетворить самыхъ требовательныхъ ригористовъ. Законъ, вѣдь, допускаетъ, чтобы давность погашала самыя важныя преступленія; почему же не подчинить дѣйствию этого закона и помѣщеніе свѣдѣній въ выдаваемыхъ частнымъ лицамъ справкахъ о судимости? И если новая реформа заходитъ черезчуръ далеко, допуская, чтобы давностью могли быть покрыты даже нѣсколько приговоровъ, присуждающихъ обвиненнаго къ заключенію въ тюрьмѣ, въ общей сложности, на время менѣе одного года, то десятилѣтній срокъ, назначенный для испытанія осужденнаго, долженъ успокоить самыхъ крайнихъ скептиковъ (ст. 8).

Наконецъ, самымъ оригинальнымъ нововведеніемъ закона 5 августа является установленіе реабилитаціи полной правоспособности осужденнаго. Выше мы указали, что рисковалъ встрѣтить осужденный, домогаясь ея по суду, а именно: долгую проволочку, крайне непріятныя сплетни, злонамѣренныя разоблаченія, появленіе вновь на свѣтъ Божій давно пережитаго прошлаго, которое встаетъ, какъ позабытое привидѣніе, являющееся мстить за себя своимъ приходомъ.

Новый законъ устранилъ эти недостатки слѣдующимъ образомъ: если десять, пятнадцать, двадцать лѣтъ, смотря по каждому данному случаю, проходятъ послѣ перваго обвинительнаго приговора такъ, что осужденный не совершаетъ новаго преступленія, то его

правоспособность реабилитируется. Самое осужденіе и всѣ его послѣдствія считаются уничтоженными, такъ какъ можно предположить съ большою вѣроятностію, что осужденный исправился, а слѣдовательно, можно и простить его, забыть его грѣхъ и возвратить ему его права и его мѣсто среди порядочныхъ людей.

Главный стимуль осужденнаго къ исправленію, цѣль, которую онъ будетъ преслѣдовать, награда за энергичныя и неуклонныя его стремленія будутъ именно заключаться въ надеждѣ на то, что когда-нибудь наступитъ полная и окончательная его реабилитация, и прежнее заблужденіе будетъ искуплено долгими годами хорошаго поведенія.

Представляетъ ли собою законъ 5 августа 1899 года опасную утопію?

Неужели преграда, отдѣляющая людей честныхъ отъ всякихъ другихъ, должна оставаться непреодолимой для тѣхъ, которые одинъ разъ согрѣшили? Не слѣдуетъ ли признать, наоборотъ, что съ каждымъ исправившимся осужденнымъ число лицъ, обреченныхъ на содержаніе въ тюрьмѣ, на единицу уменьшается?

Въ общемъ новый законъ былъ встрѣченъ хорошо, и многіе считаютъ его, въ крайнемъ случаѣ, средствомъ, обеспечивающимъ сохраненіе въ тайнѣ справокъ о судимости.

Нѣкоторые лица уже издали свои комментаріи къ этому закону и, между ними, дижонскій адвокатъ Poisot, который прежде всего ставитъ новому закону въ упрекъ то обстоятельство, что онъ, разрѣшая сообщеніе справокъ о судимости третьимъ лицамъ, если даже этими третьими лицами являются государство или административныя власти, вызываетъ увеличеніе того наказанія, которое назначается осужденному по уголовному кодексу и которое этимъ кодексомъ не предусмотрено.

По мнѣнію Poisot, учрежденіе вѣдомости № 3 представляетъ тѣ же неудобства, которыя были при старомъ порядкѣ, и въ то же время не сохраняетъ тѣхъ хорошихъ сторонъ, которыя существовали прежде и заключались въ точномъ и обстоятельномъ изложеніи всего уголовного прошлаго даннаго лица. Ничто, вѣдь, не доказываетъ, чтобы съ точки зрѣнія общественной нравственности уголовныя приговоры, сохраняемые новымъ закономъ въ вѣдомостяхъ, вѣрнѣе характеризовали данную личность, чѣмъ приговоры, которые, согласно постановленію этого закона, въ вѣдомость № 3 не заносятся.

Поэтому, какъ полагаетъ Poiset, необходимо придать справкамъ о судимости истинно присущій имъ характеръ и возвратиться къ принципу сохраненія ихъ въ абсолютной тайнѣ.

Но во всякомъ случаѣ существуетъ цѣлый рядъ такихъ приговоровъ, огласка которыхъ необходима для пользы самаго общества. Таковыми являются приговоры, влекушіе за собою лишеніе какихъ-либо правъ (напр. гражданскихъ, политическихъ, семейныхъ или исключеніе изъ арміи). Весьма важно, въ самомъ дѣлѣ, чтобы всѣ граждане могли убѣдиться въ томъ, можетъ ли быть избраннымъ данное лицо, выставляющее свою кандидатуру па выборахъ; обладаютъ ли правомъ подачи голосовъ тѣ граждане, благодаря которымъ данный кандидатъ оказался избраннымъ; можетъ ли свидѣтельствовать на судѣ человекъ, на показаніе котораго кто-нибудь ссылается. А добыть такія свѣдѣнія въ настоящее время почти невозможно или, по крайней мѣрѣ, весьма трудно.

Такимъ образомъ, въ существующихъ законахъ необходимо сдѣлать еще поправку въ томъ смыслѣ, что удостовѣренія объ обладаніи даннымъ лицомъ всѣми правами личными, гражданскими и политическими, легко выдаваемые въ настоящее время мѣрами, часто безъ надлежащаго наведенія ими справокъ о дѣйствительномъ положеніи вещей, были замѣнены свидѣтельствами, выдаваемыми секретаремъ суда, завѣренными судомъ и констатирующими либо тотъ фактъ, что о данномъ лицѣ не состоялось никакого уголовного приговора, влекущаго за собою ограниченіе его правоспособности, либо, въ противномъ случаѣ,—что лицо это лишено такихъ то правъ. При этомъ рѣшеніе суда, лишающее кого-нибудь правъ родительской власти, должно быть, конечно, отнесено къ категоріи такихъ приговоровъ.

Такъ какъ общество заинтересовано въ томъ, чтобы подобнаго рода приговоры были всѣмъ извѣстны, то право полученія такого удостовѣренія должно быть предоставлено не только заинтересованнымъ лицамъ, но и всѣмъ желающимъ. Общественныя и частныя учрежденія и даже отдѣльныя лица должны знать правоспособность каждаго гражданина.

За исключеніемъ указаннаго случая, когда огласка наказанія является до нѣкоторой степени необходимою, слѣдуетъ, согласно съ главными принципами нашего права и сообразно съ общественнымъ интересомъ, наблюдать, чтобы выдача справокъ о судимости, даже не въ полномъ видѣ, не вызывала какого-либо не-

предвидѣннаго закономъ препятствія къ принятію осужденнаго хотя бы на самыя скромныя должности, болѣе всего необходимыя людямъ средняго круга для добыванія средствъ къ жизни. Въ дѣйствительности, выдача вѣдомости № 3 причиняетъ наибольшій вредъ людямъ низшаго класса и бѣднымъ, создавая, такимъ образомъ, въ самомъ наказаніи неравенство, которое слѣдуетъ уничтожить.

Другія два изслѣдованія: гг. Doat, профессора въ Тулузѣ и de-Forgand, прокурора республики въ Алэ, также считаютъ содержаніе справокъ о судимости въ тайнѣ единственно практичнымъ и разумнымъ. По ихъ мнѣнію, такой порядокъ до настоящаго времени еще не могъ быть достигнутъ, но новый законъ насъ къ этому приближаетъ. Установивъ вѣдомость съ ложными справками, законъ 5 августа подорветъ довѣріе къ такому несовершенному источнику свѣдѣній о личности и отучитъ лицъ, теперь къ нему обращающихся, пользоваться имъ въ послѣдствіи. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что мы отвыкнемъ отъ обычая требовать представленія справокъ о судимости, и это медленно, но неминуемо приведетъ къ полной отмѣнѣ ихъ гласности, каковая реформа составляетъ теперь только вопросъ времени.

Судебный слѣдователь при Сеннскомъ судѣ de Poittevin издавъ недавно сочиненіе о состояніи дѣйствующаго законодательства и помѣстилъ въ немъ изслѣдованіе о новомъ законѣ, но безъ комментаріевъ къ нему.

Послѣдуемъ его примѣру. Для того, чтобы судить объ этомъ законѣ, подождемъ до тѣхъ поръ, когда можно будетъ видѣть послѣдствія, имъ вызванныя. Мы еще будемъ имѣть случай вернуться къ этому вопросу.

Шарль Ламбергъ.

ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

И. Я. Фойницкій—На досугъ. Сборникъ юридическихъ статей и изслѣдованій съ 1870 года. Т. II. 1900 г. Стр. IV+574.

Когда перелистываешь страницы западно-европейской юридической литературы и сравниваешь ее съ нашей, то невольно поражаешься тѣмъ, какъ мало мы пишемъ и какъ мало наши научныя силы расходятся на ознакомленіе другихъ съ тѣмъ или инымъ вопросомъ права. Правда, русская наука права еще очень молода, чѣмъ и объясняется бѣдность нашей юридической литературы, но все-таки нельзя не упрекнуть многихъ представителей нашей юриспруденціи въ безразличіе и упорномъ молчаніи.... Счастливымъ исключеніемъ изъ этого представляется проф. И. Я. Фойницкій, написавшій въ теченіе своей плодотворной почти тридцатилѣтней литературной дѣятельности не мало цѣнныхъ работъ, освѣтившихъ многіе вопросы уголовного права или способствовавшихъ дальнѣйшему движенію къ разрѣшенію ихъ.

Перечитывая эти работы и сопоставляя положенія, въ нихъ высказывавшіяся по разнымъ вопросамъ, съ современнымъ состояніемъ послѣднихъ, нерѣдко замѣчаешь, какъ много изъ этихъ положеній оказалось только мечтами, какъ рушились надежды подъ напоромъ суровой дѣйствительности. Работы эти, являясь отголоскомъ нашей общественной ответственности, передавая тотъ или другой господствовавшій въ ней взглядъ, служатъ безспорно страничкой изъ исторіи нашего правосознанія, на которую будущій историкъ права обратитъ свое вниманіе.

Вышедшій только-что II томъ сочиненій проф. Фойницкаго является продолженіемъ начатаго имъ въ прошломъ году Сбор-

ника, о первомъ томѣ котораго намъ уже приходилось давать отчетъ въ истекшемъ году ¹⁾. Онъ заключаетъ въ себѣ слѣдующія работы: 1) Русская карательная система, 2) Общегерманское законодательство печати, 3) Мировая эволюція законодательства печати, 4) Судебно-уголовные кодексы Германіи, 5) Какъ мы провели 1878 годъ? 6) Оправдательныя рѣшенія присяжныхъ заседателей и мѣры къ ихъ сокращенію, 7) Наша сибирская ссылка, 8) Управление ссылки, 9) Библиографія.

Подобно тому, какъ при разсмотрѣніи I тома мы излагали главнымъ образомъ его содержаніе, не подвергая критикѣ тѣ или другія положенія автора, какъ такіа, съ которыми, быть можетъ, самъ онъ въ настоящее время не всегда согласенъ, и теперь мы главнымъ образомъ постараемся указать читателю на содержаніе той или другой статьи Сборника и на значеніе ея въ нашей литературѣ уголовного права. Многія изъ этихъ статей представляются богатымъ вкладомъ въ нее и занимаютъ въ ней почетное мѣсто, хотя и имѣютъ только историческое значеніе; другія же не утратили и теперь значенія современности—таковы, въ особенности, статьи о ссылкѣ, интересъ къ которымъ особенно долженъ возрасти послѣ того, какъ состоялось Высочайшее повелѣніе 6 мая 1899 года.

Первая статья—„Русская карательная система“ написана по поводу трудовъ двухъ тюремныхъ комиссій 70-хъ годовъ—графа Соллогуба и сенатора Фриша. Въ конечномъ ихъ результатѣ авторъ усматриваетъ нѣкоторые промахи, которые объясняются тѣмъ, что комиссія не ознакомилась съ духомъ нашей законодательной системы и не изслѣдовали почвы, подлежащей работѣ. Между тѣмъ въ нашей карательной системѣ оказывается много такихъ положеній, которые создались при господствѣ иныхъ взглядовъ, такъ что прежде, чѣмъ указать на то, что надо вновь въ нее ввести, необходимо сдѣлать предварительную разработку готоваго матеріала. Разсматривая пережитую исторію уголовного правосостоянія, проф. Фойницкій замѣчаетъ въ ней два крайнихъ направленія; господство перваго направленія, болѣе ранняго по времени, называется имъ „царствомъ чувства“, „когда, мстя преступнику, карающій видѣлъ въ немъ только нарушителя своего интереса, не замѣчая человѣка (стр. 5)“, и господство втораго направ-

¹⁾ Жур. Мин. Юст. за 1898 г., № 7.

вленія, которое только въ послѣднее время пустило глубокіе корни въ уголовномъ законѣ народовъ—„царство соглашенія или права“, „когда человѣческая личность и ея блага стали цѣниться дороже, потребовали болѣе внимательнаго къ себѣ отношенія и достигли его“ (стр. 8). Въ эту эпоху главное вниманіе обращается на личность преступника, которая начинаетъ отдѣляться отъ преступленія. Для нашего общества поворотнымъ моментомъ для перехода отъ господства одного направленія къ другому авторъ считаетъ указъ 17 апрѣля 1863 года, не отрицая, впрочемъ, того, что сознаніе государственныхъ обязанностей передъ преступниками глубоко проникаетъ и прежнія постановленія нашего законодательства, обреченныя однако на полное безсиліе при существованіи карательной системы, главнымъ звеномъ которой были тѣлесныя наказанія. Но и теперь еще не закончено движеніе, начатое указомъ 17 апрѣля, и теперь еще представляются преграды для него; такими преградами является, съ одной стороны, то, что общеуголовное и тюремное законодательство у насъ сложились и развились совершенно независимо другъ отъ друга, такъ что между ихъ положеніями существуетъ разнь, съ другой стороны—уголовное законодательство до нашихъ дней удерживаетъ принципы и мѣры, существованіе которыхъ препятствуетъ устраненію элемента мести изъ наказанія и его рациональной постановкѣ. Мѣры эти, удержанныя послѣ указа 17 апрѣля 1863 г., обязаны своимъ существованіемъ исключительно господству тѣлесныхъ наказаній и несовмѣстимы съ началами новаго направленія. Таковы, напр., институтъ лишенія и ограниченія правъ, который, какъ мѣра пожизненная, безусловно обязательная для суда и абсолютная въ своемъ исполненіи, противорѣчитъ юридическимъ и еще болѣе уголовно-политическимъ задачамъ современнаго наказанія, и „тюремная реформа“—замѣчаетъ почтенный авторъ—„не можетъ быть ничѣмъ инымъ, какъ бесплоднымъ экспериментомъ, стоящимъ массу денегъ и не приносящимъ ничего въ результатѣ, если эта реформа не соединится съ реформой законоположеній о лишеніи правъ“ (стр. 21), такъ что реформу нашего законодательства въ этомъ отношеніи онъ считаетъ дѣломъ первостепенной важности. Таково, затѣмъ, начало неравенства наказаній по сословіямъ, которое стоитъ въ явномъ противорѣчій съ политическими началами тюремновѣдѣнія. Наконецъ, какъ на весьма существенные недостатки нашей карательной системы, онъ указываетъ на малое развитіе начала индивидуализаціи и на отсутствіе въ ней сознанія

необходимой идеи всякой рациональной системы наказаній о томъ, что тюремная дѣятельность должна быть воспитательной.

Слѣдующія двѣ статьи тѣсно связаны между собой по однородности предмета, о которомъ онѣ трактуютъ, это — „Общегерманское законодательство печати“ и „Міровая эволюція законодательства печати“. Обѣ онѣ представляютъ вмѣстѣ одинъ обширный трактатъ, занимающій въ Сборникѣ 242 страницы. Особенную важность представляетъ вторая статья, которая является цѣннымъ пособіемъ при изученіи исторіи законодательства о печати; первая же статья утратила свое современное значеніе послѣ изданія общегерманскаго закона о печати, но и она интересна тѣмъ, что переноситъ насъ въ періодъ созданія этого закона.

Въ первой статьѣ разсматриваются главнымъ образомъ два проекта закона о печати, появившіеся вслѣдъ за объединеніемъ Германіи въ 1870 г.: одинъ, шедшій отъ лица представителей науки и общества: — такъ называемый проектъ Бидермана-Виндгорста, и другой — правительственный — проектъ Бисмарка, который долженъ былъ служить противовѣсомъ первому. Оба проекта являются представителями двухъ разныхъ направленій, борющихся постоянно за господство въ области законодательства и практики. Для одного изъ этихъ направленій на первый планъ выступаетъ представленіе объ общепасности печати, сообразно съ чѣмъ указываются и мѣры, которыя должны быть примѣняемы противъ нея, другое же, наоборотъ, выставляетъ положеніе, что печать должна быть свободна и что всякое стѣсненіе ея отзывается невыгодно для всего государства. Борьбу этихъ направленій видитъ авторъ и въ германскомъ законодательствѣ о печати до 70-хъ годовъ, и разсматриваетъ постановленія объ отношеніи полиціи къ типографскому промыслу и произведеніямъ печати, а также измѣненія, дѣлаемые для печати въ общихъ положеніяхъ матеріальнаго и формальнаго уголовного права. Особенный интересъ представляетъ въ этомъ отношеніи вопросъ о юридической отвѣтственности за содержаніе произведеній типографскаго станка. Здѣсь различаются слѣдующія системы: 1) система объективной отвѣтственности, сущность которой заключается въ томъ, что при ней преслѣдуется не лицо, а сочиненіе; ей нѣтъ дѣла, что можетъ при этомъ пострадать лицо, совершенно невиновное; 2) система, неразрывно связывающая отвѣтственность съ положеніемъ лица въ области даннаго промысла; при ней тоже игнорируется вопросъ о винѣ; 3) система послѣдовательной отвѣтственности (французско-

бельгійская—ее проводилъ и проектъ Виндгорста); 4) система дисциплинарныхъ и особыхъ наказаній за неосторожность; здѣсь дѣятельность виновныхъ разсматривается или какъ дисциплинарный проступокъ, или какъ наказуемая неосторожность; 5) юридическая система отвѣтственности (англійско-американская). За эту послѣднюю высказывается авторъ, находя только въ ней достаточныя гарантіи личности. „Примѣняя къ дѣламъ печати общія начала уголовного права,“—говоритъ онъ,—„она подвергаетъ отвѣтственности за содержаніе произведеній печати всѣхъ лицъ, которыя, согласно этимъ началамъ, виновны въ совершеніи или въ участіи совершенія даннаго преступленія путемъ печати, но этими лицами и ограничивается отвѣтственность, такъ что кругъ ея не подлежитъ никакимъ искусственнымъ расширеніямъ“ (стр. 83). Но, устанавливая юридическій порядокъ по дѣламъ печати, необходимо было рѣшить вмѣстѣ съ тѣмъ вопросъ о томъ, можетъ ли быть разсматриваемо печатное слово, какъ одно изъ средствъ совершенія преступленія. Какъ провести здѣсь границу между юридически-отвѣтственнымъ и юридически-безразличнымъ? Въ этомъ отношеніи, указавъ на историческій ходъ развитія самаго взгляда на сущность печатнаго слова, какъ орудія преступленія, и на теоретическія попытки разрѣшить этотъ вопросъ, уважаемый авторъ самъ предлагаетъ въ высшей степени интересную, хотя, можетъ быть, и далеко не убѣдительную, попытку къ разрѣшенію его. Онъ исходитъ изъ слѣдующаго положенія: „Какъ гражданское, такъ и уголовное право построены на почвѣ конкретности. Все, лежащее за предѣлами конкретности, чуждо юридической сферѣ; заключенное же въ ея предѣлахъ можетъ быть предметомъ ея“ (стр. 105—106). Примѣняя это общее соображеніе къ слову, которое можетъ имѣть своимъ предметомъ какъ общее, такъ и конкретное, онъ заключаетъ, что „до тѣхъ поръ, пока слово остается въ области общаго, пока оно не касается конкретно-опредѣленнаго отношенія, оно чуждо юридической сферѣ и должно стоять внѣ всякаго государственнаго вмѣшательства. Никогда не слѣдуетъ забывать, что общее существуетъ только въ умѣ человѣческомъ, что оно не имѣетъ внѣшняго бытія и потому не можетъ быть нарушаемо внѣшними дѣйствіями. Только переходя въ сферу конкретнаго, только направляясь противъ конкретно-опредѣленныхъ отношеній, мысль становится подъ эгиду юридическихъ мѣръ, и если эти отношенія получили значенія правъ, она можетъ стать юридически-отвѣтственной“ (тамъ же). Но

едва-ли и этотъ критерій годенъ для разграниченія юридически-ответственнаго и безразличнаго. Развѣ можно считать слово небезразличнымъ юридически только тогда, когда оно направляется противъ конкретнаго отношенія? Вѣдь, направляясь и противъ абстрактныхъ положеній, оно тоже можетъ представлять большую опасность для прапорядка и въ силу этого должно быть облагаемо наказаніями. Печатно выраженное прославленіе преступленій, пропаганда анархическихъ идей и т. п. представляютъ безспорно опасность для всего общества; государство не можетъ относиться равнодушно къ подобнымъ дѣяніямъ; оно не можетъ ждать, пока такая дѣятельность выразится въ прямомъ подстрека-тельстве къ совершенію того или другаго конкретнаго преступленія. Многія современные законодательства знаютъ *delicta sui generis* такого рода, и это направленіе законодательства представляется намъ совершенно правильнымъ.

„Моменты исторіи законодательства печати“ рисуютъ картину постепеннаго развитія законодательства о печати. Авторъ указываетъ на цѣломъ рядѣ законодательныхъ положеній, какъ постепенно мысль человѣческая вырывалась изъ прежнихъ оковъ и дѣлалась свободной. Онъ различаетъ слѣдующіе моменты въ исторіи отношеній государственной власти къ человѣческой мысли: періоды теократическій, владѣльческій или вотчинный, попечительный, полицейскій и правовой. Въ первомъ, самомъ раннемъ періодѣ человѣческая мысль носила теократическую окраску; въ эту эпоху „человѣкъ возставалъ на дурное слово во имя божества, онъ боролся съ нимъ, какъ со врагомъ своего Творца“ (стр. 141). При владѣльческомъ періодѣ власть смотритъ на себя, какъ на вотчинника всего государства: „мысль становится исключительнымъ достояніемъ правительства, и къ публичному выраженію ея получаютъ доступъ только тѣ учрежденія и лица, которыя имъ специально на то уполномочиваются“ (стр. 170); эта владѣльческая струя замѣчается уже въ нѣкоторыхъ папскихъ буллахъ, но съ особенной яркостью проводится она въ свѣтскомъ законодательствѣ. Постепенно тѣ мѣры, къ которымъ обрящалось духовенство для преслѣдованія несогласныхъ съ догматами вѣры мыслей, даютъ и коронѣ свою помощь для защиты вѣры. Первоначально государственная власть ограничивалась духовной сферой мысли, затѣмъ она начинаетъ проявлять свой вотчинный характеръ и въ отношеніи мысли политической: устанавливается положеніе, что „отъ государя непосредственно зависитъ распорядиться такъ или иначе съ

лицомъ, заявляющимъ мнѣнія, несогласныя съ его интересами и взглядами“ (стр. 177). Но отвлеченная наука, чуждая практическихъ цѣлей, и литература находятся въ этомъ періодѣ въ лучшемъ положеніи. Что касается тѣхъ мѣръ, къ которымъ прибѣгло правительство для проведенія владѣльческихъ идей въ отношеніи къ мысли, то таковыми были запрещеніе извѣстныхъ сочиненій, сопровождавшееся иногда ихъ сожженіемъ, преслѣдованіе авторовъ судебнымъ порядкомъ и наказаніе ихъ, составленіе индексовъ запрещенныхъ книгъ, учрежденіе особыхъ цеховъ для занятія печатнымъ промысломъ и наконецъ учрежденіе цензуры. Авторъ очень подробно останавливается на возникновеніи института предварительной цензуры и на состояніи ея въ началѣ новыхъ вѣковъ въ западно-европейскихъ государствахъ и въ Россіи, видя начало владѣльческаго періода у насъ съ Петра Великаго и замѣчая, что вотчинное отношеніе правительства къ публичной мысли можетъ быть наблюдаемо въ мѣропріятіяхъ Екатерины II, Александра I и Николая I и отражается и на современномъ нашемъ законодательствѣ о печати (стр. 208 и сл.). Не характеризуя затѣмъ вовсе особенностей попечительнаго періода и не останавливаясь почему-то на немъ, такъ что для читателя остается неяснымъ, что разумѣть подъ этимъ періодомъ, проф. Фойницкій переходитъ дальше къ полицейской эпохѣ. Здѣсь „личность стремится къ тому же безграничному господству въ области мысли, которое принадлежитъ правительству во владѣльческую эпоху; правительство съ неменьшей искренностью строить политику на мѣрахъ, отъ которыхъ ожидалось безапелляціонное подчиненіе индивида общему интересу“ (стр. 219). Въ эту эпоху охраняется мысль господствующая въ противоположность мысли исключительной, и особенное развитіе получаетъ цензура, тогда какъ личныя репрессивныя мѣры болѣе и болѣе выходятъ изъ употребленія; государство начинаетъ бороться съ мнѣніями, а не съ лицами. Но, по словамъ автора, всѣ подобныя мѣры оказываются безсильными, даже вредными для самого правительства. При стѣсненіяхъ печати со стороны администраціи „намекъ дѣлается воззваніемъ, лишняя точка—протестомъ противъ правительственной программы, и органы цензуры становятся въ весьма критическое положеніе, теряя всякую возможность уловить границу между словомъ опаснымъ и безопаснымъ для господствующей или правительственной мысли“ (стр. 248); между тѣмъ эти мѣры „препятствовать распространенію враждебныхъ правительству идей не въ силахъ и

еще менѣе въ силахъ помочь ему сдѣлать популярными идеи, написанныя на его знамени“ (стр. 251); изъ нихъ вытекаетъ вредъ и для личности (сокращеніемъ ея правъ какъ автора и какъ читателя), и для общества (сокращеніемъ цифры экономическаго производства печати), и для самого правительства (развитіемъ сильной бюрократіи, отдѣляющей власть отъ народа; властямъ становятся неизвѣстными народныя потребности—наконецъ, поработавшая печать, правительство парализуетъ моральную мощь консервативныхъ общественныхъ силъ).

Послѣдній періодъ—правовой—характеризуется тѣмъ, что „правительство начинаетъ мало по малу признавать домогательство этой великой соціальной силы (печати) и превращать въ права предъявляемые ею интересы“ (стр. 255); тутъ государство устанавливаетъ прочныя мѣры, обезпечивающія самостоятельность и независимость мнѣній. Сущность праваго положенія печати авторъ находитъ не въ томъ, что она исключительно подчиняется судебному режиму, также не въ полной ея безответственности даже передъ судомъ, не говоря объ администраціи, а въ томъ, что при наличности его только слово, направляющееся противъ конкретно-опредѣленнаго отношенія, признается наказуемымъ. „Поэтому на юридической наукѣ“—говоритъ онъ,—„преимущественно на гражданскомъ и уголовномъ правѣ, лежитъ задача выяснить, въ какой мѣрѣ къ нему приложимы общія начала юриспруденціи и, наоборотъ, не представляются ли здѣсь необходимыми, и въ какой мѣрѣ, тѣ или иныя отступленія, вызываемыя особой природой этой силы“ (стр. 264).

Статья „Судебно-уголовные кодексы Германіи“ впервые познакомила русскую публику съ содержаніемъ новыхъ германскихъ кодексовъ уголовного судопроизводства—27 декабря 1876 г. и судоустройства 21 января 1877 г. Авторъ указываетъ, что въ основаніи этихъ кодексовъ лежитъ признакъ соглашения и уступокъ, что не могло не отразиться на цѣльности взглядовъ и логической послѣдовательности проведенія ихъ,—и въ этомъ недостатокъ кодексовъ, но за то многія детали представляютъ большія достоинства. Разобравъ ихъ, онъ все-таки находитъ, что „изъ сравненія съ ними дѣйствующее русское законодательство, появившееся 20 ноября, не только не умалется, а еще болѣе поднимается въ своемъ значеніи... Германскіе судебные уставы, правда, наводятъ на мысль о возможности частныхъ улучшеній въ системѣ нашего процессуальнаго законодательства, но общая структура и основныя положенія его послѣ такого сравненія

оказываются еще болѣе солидными и отнюдь не требующими коренныхъ измѣненій“ (стр. 309).

Статья „Какъ мы провели 1878 годъ?“, являющаяся страничкой изъ исторіи нашего новѣйшаго уголовного законодательства -- законодательной хроникой, представляетъ и современный интересъ по нѣкоторымъ взглядамъ, въ ней высказываемымъ. Такъ, по поводу движенія судебной реформы за отчетный годъ авторъ высказывается противъ мирового института, такъ какъ благодаря ему не достигаются будто-бы опытность и независимость судей, вынужденныхъ прислушиваться къ голосу избирателей; по поводу закона 28 ноября 1878 г. объ осмотрѣ и выемкѣ корреспонденціи лицъ, противъ коихъ возбуждено уголовное преслѣдованіе, онъ высказывается за умѣстность подобной дѣятельности въ интересахъ публичныхъ; наконецъ онъ критикуетъ законы 9 мая и 9 августа 1878 г., которыми устанавливались изъятія изъ общаго порядка судебного производства: онъ указываетъ на неясность въ постановленіяхъ этихъ законовъ, стоитъ въ виду этого за узкое ихъ толкованіе и пророчить имъ, какъ мѣрамъ временнымъ, недолговѣчность. Какъ извѣстно, это пророчество не оправдалось: мѣры, которыя указывались этимъ закономъ, вошли въ положеніе объ усиленной охранѣ 14 августа 1881 г. и до сихъ поръ сохраняются въ нашемъ дѣйствующемъ правѣ. При этомъ уважаемый авторъ высказываетъ попутно положеніе, что судъ -- вообще средство непригодное для борьбы съ политической агитаціей: „судъ можетъ раскрыть картину недуга, но исплѣтить самый недугъ онъ не въ силахъ“ (стр. 326) -- для достиженія послѣдней задачи слѣдуетъ обращаться не къ юстиціи, а къ вѣдомству народнаго образованія и внутреннихъ дѣлъ въ лицѣ несуществующаго пока „департаментна общественнаго благосостоянія“. Останавливаясь далѣе на работахъ тюремныхъ комиссій, между прочимъ по поводу намѣченной тюремной реформы, онъ указываетъ на всю трудность и невозможность быстраго осуществленія ея, такъ какъ у насъ нѣтъ подходящихъ дѣятелей и средствъ для этого; онъ даже находитъ нежелательнымъ немедленное и широкое преобразование, опасаясь, что излишняя торопливость приведетъ ко многимъ нежелательнымъ результатамъ. Наконецъ, здѣсь же онъ высказывается противъ института и. д. судебныхъ слѣдователей.

Въ статьѣ подъ заглавіемъ „Оправдательныя рѣшенія при сяжныхъ засѣдателяхъ и мѣры къ ихъ сокращенію“ авторъ выступаетъ въ защиту института присяжныхъ, и защита эта

въ виду не прекращающихся нападковъ на этотъ институтъ представляетъ и теперь большой интересъ. По его словамъ, „замѣчается стремленіе видѣть причину не вполнѣ нормальнаго отправленія правосудія присяжными засѣдателями исключительно и всецѣло въ самомъ институтѣ присяжныхъ засѣдателей. Существуетъ психологическій законъ, объясняющій это: на основаніи его человѣкъ склоненъ ограничиваться ближайшими, нерѣдко кажущимися причинами, пока не будутъ выяснены причины дѣйствительныя, но болѣе отдаленныя отъ разсматриваемаго событія“ (стр. 346). Онъ не отрицаетъ того, что присяжные засѣдатели слишкомъ часто выносятъ оправдательныя рѣшенія, но, по его мнѣнію, и суды, состоящіе исключительно изъ членовъ по назначенію отъ правительства, почти въ той же степени склонны къ оправданію подсудимыхъ, какъ можно въ этомъ убѣдиться на основаніи статистическихъ данныхъ. Въ дальнѣйшемъ своемъ разсужденіи авторъ критикуетъ ходившіе въ то время слухи о томъ, что нѣкоторыя дѣла будто бы будутъ изъяты изъ компетенціи суда присяжныхъ, именно тѣ дѣла, по которымъ обвиняемый сознался въ своей виновности, и дѣла о служебныхъ преступленіяхъ должностныхъ лицъ. По мнѣнію его, ни для одной изъ этихъ двухъ категорій дѣлъ институтъ присяжныхъ засѣдателей не долженъ быть исключенъ. Положимъ, въ Англіи сознание подсудимаго имѣетъ значеніе обстоятельства, благодаря которому данное дѣло выдѣляется изъ компетенціи суда присяжныхъ, но тамъ это стоитъ въ тѣсной связи со всѣми особенностями обычнаго и статутнаго права, особенно съ доказательственной системой, и примѣняется съ такою осторожностью и такими широкими ограниченіями, которыя поражаютъ континентальнаго наблюдателя. У насъ же принять не исковой, какъ въ Англіи, а слѣдственный порядокъ разбирательства уголовныхъ дѣлъ съ нѣкоторыми лишь состязательными формами, вслѣдствіе чего введеніе новаго порядка можетъ породить огромныя затрудненія для практики. Переходя затѣмъ къ другой категоріи дѣлъ, авторъ замѣчаетъ: „еще менѣе мы желаемъ вѣрить въ возможность осуществленія другаго предположенія, приписываемаго нашей законодательной власти, именно—изыятія изъ вѣдѣнія присяжныхъ засѣдателей дѣлъ о служебныхъ преступленіяхъ должностныхъ лицъ“ (стр. 376). Онъ ссылается при этомъ на опытъ западной Европы, который „долженъ бы былъ убѣдить, что не въ этихъ изыятіяхъ слѣдуетъ искать обезпеченія достоинства и твердости

юстиціи“, и говоритъ, что „если присяжные засѣдатели признаются судомъ компетентнымъ для дѣлъ о подлогахъ, преступленіяхъ противъ законовъ о состояніяхъ и пр., то нѣтъ никакого разумнаго основанія сомнѣваться въ способности ихъ постановить надлежащее рѣшеніе и по дѣламъ этого рода“ (стр. 379). Остававливаясь затѣмъ на выясненіи дѣйствительной причины чрезмѣрности оправдательныхъ приговоровъ присяжныхъ, онъ находитъ, что причиной ихъ является то, что у насъ не исполняется въ точности все то, что предписывается и предполагается закономъ, какъ необходимое для правильного хода уголовной юстиціи. Такъ, мы не имѣемъ вовсе предварительнаго слѣдствія въ смыслѣ Уставовъ 20 ноября, какъ института судебного, порвана связь слѣдователей съ судомъ присяжныхъ установленіемъ и: д. суд. слѣдователей, далѣе судебная практика возлагаетъ на обвинительную камеру обязанность предавать суду при наличности лишь внѣшняго состава преступленія, независимо отъ внутренней его стороны; обвинительный актъ представляетъ полную картину предварительнаго слѣдствія; точно также не исполняются во всей точности законы относительно судебного слѣдствія. Наконецъ, по его мнѣнію, не ничтожны причины, лежащія въ самомъ законѣ: дѣйствующее уложеніе оставляетъ суду крайне тѣсный просторъ въ выборѣ наказаній, такъ что судъ, не имѣя возможности назначить для подсудимаго то наказаніе, которое онъ заслуживаетъ, оказывается вынужденнымъ постановить оправдательный приговоръ; опредѣлительная часть въ постановленіяхъ улож. наказ. страдаетъ сбивчивостью, неясностью; наконецъ официально признано банкротство всей нашей карательной системы: судъ оправдываетъ часто преступника, не вѣря въ исправленіе его тюрьмой, „и не будетъ ли и для государства, и для общества“—вопрошаетъ авторъ—„болѣе благодѣтельно такое оправданіе подсудимаго, хотя и виновнаго, но еще не вполне испорченнаго, напримѣръ юношу, чѣмъ отправка его въ школу порока, на дальнѣйшее и безповоротное возвращеніе?“ (стр. 391). Но едва-ли съ этимъ положеніемъ можно вполне согласиться, едва-ли въ интересахъ государства, стоящаго на идеѣ законности, умѣстны подобныя оправданія; судъ не можетъ миловать, между тѣмъ оправдательный приговоръ въ такомъ видѣ представляется помилованіемъ со стороны суда. Вотъ для такихъ случаевъ и является весьма важнымъ нововведеніемъ институтъ условнаго осужденія, который не подрываетъ института помилованія, какъ прерогативы

верховой власти, и не является вмѣстѣ съ тѣмъ оправданіемъ преступника.

Свою статью авторъ заканчиваетъ словами: „Дайте намъ побольше законности въ жизни, побольше правды въ законѣ — и вы не будете имѣть повода жаловаться на слабость суда присяжныхъ засѣдателей“ (стр. 392).

Послѣднія двѣ статьи „Наша сибирская ссылка“ и „Управленіе ссылкой“ — тѣсно связаны между собой по предмету изслѣдованія. Первая статья даетъ картину современнаго состоянія нашей сибирской ссылки: здѣсь разсматривается число ссылныхъ, составъ ссылнаго населенія и движеніе его, указывается на ненормальное распредѣленіе ссылныхъ по полу, что обусловливаетъ безсемеинность ссылныхъ, которая „ведетъ за собой бездомность, отсутствіе прочныхъ нравственныхъ и матеріальныхъ связей съ краемъ, беспорядочную жизнь и поголовное вымираніе ссылныхъ“ (стр. 415), подчеркивается непригодность въ большинствѣ случаевъ ссылки для осуществленія задачъ колонизаціи при наличности въ особенности громаднаго числа дряхлыхъ, неспособныхъ ни къ какимъ работамъ, среди сибирскихъ ссылныхъ, и мрачными красками рисуется моральное состояніе ссылныхъ. Въ заключеніе авторъ останавливается на реформахъ, предлагаемыхъ относительно сибирской ссылной системы: 1) на частныхъ улучшеніяхъ въ депортаціонной системѣ, направленныхъ, съ одной стороны, на управленіе ссылными, съ другой — на улучшеніе ихъ быта, при чемъ во всѣхъ этихъ реформахъ ему представляются „паразитическимъ ихъ гадательный характеръ, полнѣйшее отсутствіе у нихъ какой бы то ни было почвы, вслѣдствіе чего вытекаетъ ихъ разногласіе и совершенная ихъ непрактичность“, 2) на предложеніяхъ ограничить примѣненіе ссылки въ Сибирь по мѣсту или по лицамъ, 3) на требованіи полной отмены ссылки въ Сибирь, чему авторъ высказываетъ свое сочувствіе, замѣчая, что „бѣдствія, причиняемая ссылкой въ Сибирь, неисчислимы...; наша сибирская ссылная система не уничтожаетъ зла, а разсѣиваетъ его на огромное пространство и съ неизбѣжной необходимостью вызываетъ дальнѣйшее его развитіе“ (стр. 447). Этихъ словъ совершенно достаточно для того, чтобы опредѣлить отношеніе автора къ ссылкѣ.

Однако во второй статьѣ „Управленіе ссылкой“ авторъ высказывается за частныя улучшенія въ ссылкѣ, именно въ отношеніи ея управленія, забывая только-что высказанное имъ замѣ-

чаніе о гадательности подобныхъ реформъ. Очевидно, это именно и было то время, когда, по собственному признанію автора (см. предисловіе, стр. III), онъ принуждалъ себя вѣрить въ возможность усовершенствованія ссылки. Прежде, чѣмъ приступить къ изложенію вопроса объ управленіи ссылкой у насъ, онъ дѣлаетъ сравненіе съ положеніемъ его на Западѣ, рассматривая ссылку англійскую и французскую. Переходя уже затѣмъ къ русской ссылкѣ, онъ выставляетъ общее положеніе, что „паша ссылка никогда не имѣла и до сихъ поръ не имѣетъ своего отдѣльнаго управленія. Судьбами нашей ссылки всегда руководили органы общаго управленія, обремененные другими заботами, дѣйствовавшіе каждый въ своей мѣстности, независимо другъ отъ друга, за весьма рѣдкими временными исключеніями лишенные единого компетентнаго руководителя“ (стр. 460), въ чемъ онъ и видитъ громадный недостатокъ сибирской ссылки и причину многихъ ея неустройствъ. Въ довольно подробномъ историческомъ очеркѣ управленія ссылкой авторъ останавливается на дѣятельности сибирскаго приказа 1595 г. и сибирскихъ комитетовъ 1822 и 1852 годовъ, характеризуетъ ее, а послѣднюю часть своей работы посвящаетъ рассмотрѣнію правительственныхъ предположеній о реформѣ управленія ссылкой, именно, цѣлаго ряда проектовъ, гр. Блудова, гр. Муравьева-Амурскаго, Валуева, Корсакова и др. Въ заключеніе авторъ высказываетъ свое предположеніе объ улучшеніи устройства управленія ссылкой. Онъ стоитъ за желательность созданія карательнаго управленія для ссыльныхъ Восточной Сибири (для Западной Сибири эта потребность въ настоящее время утратилась, такъ какъ ссылка на поселеніе отбывается въ Восточной Сибири, а случаи отбытія ссылки на житье въ Западной Сибири рѣдки). Управленіе для ссыльно-каторжныхъ слѣдуетъ организовать, по его мнѣнію, по образцу тюремному, но при этомъ должно имѣть въ виду особенности дальнѣйшей судьбы наказываемыхъ; для поселенія же (самостоятельнаго или же отбываемаго, какъ вторая часть каторги) нежелателенъ порядокъ тюремнаго быта и рѣзкое раздѣленіе поселенцевъ отъ людей свободныхъ. Задача ссыльнаго управленія должна представлять соединеніе задачъ пенитенціарныхъ съ административными, при чемъ мѣстной власти необходимо предоставить извѣстную самостоятельность. Однако, при всемъ томъ онъ не желаетъ сосредоточить мѣстное управленіе въ рукахъ одного центрального установленія, находя, что только мѣстная власть, близко стоящая къ ссыльному быту, въ

состояніи сохранить надлежащее равновѣсіе между всѣми разнообразными его сторонами. Таковы предположенія, которыя имѣютъ теперь одно историческое значеніе, послѣ того какъ,—выражаясь его же словами,—„могучимъ словомъ Царевымъ и у насъ, послѣ трехъ вѣковъ существованія, ссылка призывается къ упраздненію“ (см. предисловіе).

Наконецъ, просматривая „Библиографію“, содержащую въ себѣ критическіе отзывы на сочиненія цѣлой плеяды нашихъ криминалистовъ—Таганцева, Неклюдова, Кистяковского, Сергѣевского и Тальберга, можно замѣтить не мало мѣткихъ возраженій, дѣлаемыхъ авторомъ по поводу ихъ работъ, которыхъ нельзя обойти молчаніемъ при изученіи того или другаго вопроса, затрогиваемаго въ критикуемыхъ сочиненіяхъ.

Заканчивая нашу замѣтку, которая и безъ того черезчуръ ужъ растянулась, приходится еще обратить вниманіе на предисловіе къ Сборнику, которое имѣетъ немаловажное значеніе, такъ какъ здѣсь почтенный профессоръ впервые указываетъ на желаемый дальнѣйшій ходъ борьбы съ преступностью. По его словамъ, „ссылка отжила свой вѣкъ; тюрьма его отживаетъ; но затѣмъ остаются земледѣльческія фермы и ремесленные пріюты, въ примѣненіи сущности которыхъ къ взрослымъ преступникамъ заключается высокая и благодарная задача будущаго“. И съ этими словами нельзя не согласиться; придетъ когда-нибудь время, когда отъ существующей карательной системы не останется камня на камнѣ. Много несовершенствъ представляетъ современная тюрьма, занимающая центральное мѣсто въ карательной системѣ, и чѣмъ скорѣе будетъ замѣнена она новыми карательными мѣрами, тѣмъ лучше. Идея земледѣльческихъ фермъ и колоній, правда, не нова, но малоизвѣстна, поэтому необходимо постепенно вводить ее въ общее сознаніе, такъ какъ она можетъ сослужить безспорно важную службу дѣлу борьбы съ преступностью.

Въ заключеніе нельзя не сдѣлать замѣчанія по поводу нѣкоторыхъ внѣшнихъ сторонъ Сборника. Намъ представляется непонятнымъ, почему почтенный авторъ, перепечатывая свои статьи, иногда измѣняетъ названія ихъ. Такъ, напр., статья „Наша сибирская ссылка“ носила прежде названіе „Къ вопросу о ссылкѣ въ Сибирь“ или статья „Моменты исторіи законодательства печати“ носитъ еще на стр. I названіе „Міровая эволюція законодательства печати“. Это измѣненіе названій многихъ можетъ ввести въ заблужденіе, такъ какъ сразу не легко догадаться, что это одна и та же статья

Другое замѣчаніе то, что въ интересахъ читателя при перепечатываніи старыхъ статей слѣдовало бы хоть въ примѣчаніяхъ указать на нѣкоторыя измѣненія, происшедшія въ законодательствѣ, особенно въ иностранномъ. Приэтомъ условіи Сборникъ къ прочимъ своимъ достоинствамъ прибавилъ бы еще значеніе современности. Такъ, напр., читатель, ознакомившись съ проектами обще-имперскаго закона о печати по статьѣ „Общегерманское законодательство печати“, остается въ невѣдѣніи относительно того, какой же проектъ одержалъ верхъ и получилъ значеніе закона. Наводить справки въ этомъ отношеніи у насъ оказывается часто весьма затруднительнымъ, а между тѣмъ небольшое примѣчаніе въ текстѣ могло бы очень хорошо удовлетворить любознательности читателя.

А. Жижиленко.

Н. В. Рейнга р д т ь—Необходимая оборона.—Казань. 1898 г.

Небольшой трудъ г. Рейнга р д т а, какъ онъ самъ заявляетъ въ предисловіи, „составляетъ примѣненіе принциповъ позитивной философіи“ къ интересному вопросу необходимой обороны. „По духу и направленію онъ сходенъ съ трудами талантливыхъ представителей итальянской позитивной школы уголовного права Feggi и Fioretti, но въ детальной разработкѣ вопроса имѣетъ иной характеръ, дающій болѣе яркое освѣщеніе предмету, чѣмъ то, которое встрѣчается въ трудахъ этихъ ученыхъ“.

Въ пространномъ введеніи авторъ подробно знакомитъ читателя съ принципами позитивной философіи Огюста Конта и его послѣдователей. Вотъ, что говоритъ г. Рейнга р д т ь относительно уголовного права: „Составляя одну изъ важнѣйшихъ частей социальныхъ функций, уголовное право,—главное назначеніе котораго состоитъ въ охраненіи условій коллективности,—находится, конечно, подъ вліяніемъ господствующихъ идей, а потому оно подчиняется закону трехъ фазисовъ О. Конта, т. е. уголовное право проходитъ въ своемъ развитіи состояніе теологическое и метафизическое, чтобы перейти затѣмъ въ положительное или научное“.

„Теологическое состояніе уголовного права, согласуясь съ умственнымъ состояніемъ исторической эпохи, проявляется въ понятіи преступленія какъ нарушенія воли Божества и наказанія какъ искупленія... Критеріемъ теологическаго состоянія служитъ

фиктивность, а потому самымъ яркимъ выраженіемъ подобнаго состоянія уголовного права представляется, между прочимъ, преслѣдованіе колдовства и вѣдьмъ. Уголовное право перешло изъ состоянія теологическаго въ состояніе метафизическое не сразу, а постепенно подъ вліяніемъ философскихъ идей, постепенно овладѣвавшихъ умами и вытѣснявшихъ теологію. Метафизическое направленіе какъ въ теоріи уголовного права, такъ и въ законодательной дѣятельности проявилось по преимуществу въ господствѣ абстракціи надъ дѣйствительностью, что весьма часто вело къ непримиримымъ противорѣчіямъ между теоріей и практикой, между закономъ и жизнью. Внесеніе въ уголовное право положительнаго направленія, сущность котораго характеризуется *реальностью и соціальной пользой* (курсивъ автора), знаменуетъ появленіе третьей фазы его развитія—фазы положительной или научной.

Начало этому направленію въ уголовномъ правѣ положено было статистическими изслѣдованіями Кетле; выразилось оно затѣмъ въ изученіи самого преступника со всѣми его свойствами и качествами, путемъ наблюденія, при помощи научныхъ, естественно-историческихъ методовъ... Самое важное достоинство трудовъ ученыхъ этой школы заключается въ томъ, что они по направленію вполнѣ научны, согласуются съ духомъ положительной философіи, преслѣдующей реальность и пользу. Живымъ продуктомъ этого направленія (?) явилось, между прочимъ, *примѣненіе антропометриі къ изслѣдованію уголовныхъ преступниковъ* (курсивъ нашъ), что принесло несомнѣнную практическую пользу.

Посмотримъ, какъ разрѣшаетъ позитивистъ г. Рейнгардтъ проблему необходимой обороны, прекрасно разработанную въ трудахъ ученыхъ классическаго или, правильнѣе, юридическаго направленія. „Общество, представляя соціальную систему, состоящую изъ отдѣльныхъ взаимно-связанныхъ элементовъ, индивидуумовъ, представляетъ вмѣстѣ съ тѣмъ коллективное существо, общественный организмъ, живущій самостоятельною жизнью и обладающій, какъ всякій организмъ, инстинктомъ самосохраненія, что проявляется въ поддержаніи и развитіи своей коллективности... Преступленіе есть уклоненіе индивидуальной дѣятельности отъ общаго направленія коллективной, уклоненіе, нарушающее принципъ солидарности и вызывающее реакцію террористическаго характера... Оборона бываетъ индивидуальная и коллективная, однимъ изъ организованныхъ видовъ которой является уголовное право. Индивидуальная оборона, въ силу закона обще-

ственной реакціи, находится въ полномъ соотношеніи съ коллективной (организованной), проявляя свою энергію въ тѣхъ случаяхъ, когда коллективная оборона не функционируетъ. Недостатки закона и слабость власти противъ враждебныхъ обществу элементовъ были всегда главною причиною появленія народнаго самосуда“. Нѣсколько дальше г. Рейнгардтъ называетъ самосудъ „актомъ необходимой обороны.“... „Необходимая оборона является одною изъ формъ борьбы съ преступленіемъ, представляя актъ энергичной репрессіи, не отличающійся по своему соціальному значенію отъ уголовного наказанія. Страхъ, внушаемый грозными мѣрами обороны, останавливаетъ преступное нападеніе“.

Въ дальнѣйшемъ изложеніи почтенный авторъ суживаетъ понятіе необходимой обороны, говоря лишь о томъ, что положительное уголовное право понимаетъ подъ этимъ институтомъ и усвоивая, совершенно впрочемъ произвольно, тѣ принципы, которые выработаны писателями юридической школы уголовного права. Усвоеніе это носить, однако, чисто внѣшній характеръ. Такъ, приведя длинную цитату изъ „Kampf um's Recht“ Иеринга, въ которой доказывается, что каждая личность, защищая свои права, защищаетъ вмѣстѣ съ тѣмъ этическія условія своего существованія, г. Рейнгардтъ добавляетъ отъ себя: „Очевидно, что этическія условія своего существованія можетъ защищать только личность, исполняющая соціальное назначеніе, но не преступный элементъ, ведущій непрерывную борьбу съ обществомъ. Самое юридическое значеніе необходимой обороны заключается въ охранѣ правъ честнаго гражданина, поэтому антисоціальныя элементы не имѣютъ права обороны. У проститутки не можетъ быть права обороны чести, которая несовмѣстна съ этическими условіями ея существованія, ея соціальнымъ положеніемъ.“ Нѣсколько дальше, соглашаясь съ пр. Сергѣевскимъ, который усматриваетъ въ расширеніи въ законѣ права необходимой обороны „признакъ“ развитія и процвѣтанія гражданскихъ силъ въ обществѣ, — г. Рейнгардтъ дѣлаетъ изъ этого правильнаго замѣчанія совершенно невозможные выводы въ родѣ того, что „предѣлы обороны, ограничивая право послѣдней, тѣмъ самымъ служатъ къ охраненію правъ антисоціальнаго элемента, къ облегченію его преступной дѣятельности; ограничивая право обороны, предѣлы ограничиваютъ энергію индивидуальной репрессіи, имѣющую такое же соціальное значеніе, какъ и уголовное наказаніе; послѣдствіемъ ограниченія репрессіи является увеличеніе преступнаго элемента, усиленіе его

дерзости. Поэтому, установленіе какихъ бы то ни было предѣловъ обороны несовмѣстно съ интересами коллективности, съ идеей правомѣрности“.

На заключительныхъ страницахъ своего труда г. Рейнгардтъ снова расширяетъ понятіе необходимой обороны на случаи самосуда: „Экстралегальная форма коллективной борьбы за право, самосудъ, въ виду угрожающей опасности отъ антисоціальныхъ преступныхъ элементовъ, и при отсутствіи защиты со стороны общественной власти, составляетъ актъ необходимой обороны. Поэтому все, что было сказано о соціальномъ значеніи этого института въ качествѣ энергической репрессивной мѣры, вполне примѣнимо къ самосуду, хотя полезное дѣйствіе его, несмотря на свидѣтельство историковъ, весьма многими отрицается.“

Мы не остановились на исторіи необходимой обороны, которую также приводитъ г. Рейнгардтъ. Она не представляетъ интереса, являясь простымъ соединеніемъ отрывочныхъ свѣдѣній о правѣ необходимой обороны и частной мести (институты эти авторомъ смѣшиваются). Положительнаго права авторъ не касается вовсе.

Мы подробно изложили основные взгляды г. Рейнгардта, такъ какъ трудъ его является, насколько намъ извѣстно, первой попыткой въ русской литературѣ приложенія методовъ такъ называемой позитивной школы къ вопросу уголовной догматики.

Положеніе почтеннаго автора, что общество, представляя коллективное существо, живущее самостоятельную жизнью и обладающее, какъ всякій организмъ, инстинктомъ самосохраненія, — является совершенно произвольнымъ и, положенное въ основаніе всего изслѣдованія, направляетъ его на ложный путь. Съ точки зрѣнія „реакціи общества на индивидуума, реакціи, вызванной преступной дѣятельностью послѣдняго,“ — необходимая оборона, наказаніе и самосудъ не могутъ, дѣйствительно, не быть признаны явленіями одного порядка. Между тѣмъ *юридическая* природа ихъ глубоко различна.

Необходимая оборона является отраженіемъ непосредственно грозящаго неминуемою опасностью противозаконнаго посягательства. Карательная же дѣятельность имѣетъ дѣло съ совершившимся преступнымъ фактомъ. Взысканія, налагаемые уголовнымъ судомъ и народной массой въ формѣ самосуда, караютъ уже оконченное посягательство. Самосудъ — это самоуправство толпы, осуществляющей право наказанія, принадлежащее въ наше время только государству.

Взысканія, налагаемыя самосудомъ, имѣютъ, такимъ образомъ, много общаго съ наказаніемъ, но ничего общаго не имѣютъ съ дѣйствіями въ необходимой оборонѣ. Соціальное значеніе института необходимой обороны именно въ томъ и заключается, что лицо обороняющееся предупреждаетъ совершеніе преступнаго дѣянія, борется съ посягательствомъ до того, какъ оно окончилось. Право обороны коллидируетъ скорѣе съ предупредительной дѣятельностью государства.

Состояніе необходимой обороны даетъ посягателю на благо противозаконно нападающаго *право на безнаказанность*. Юристъ долженъ указать реквизиты этого права, указать, при какихъ условіяхъ государство отказывается отъ своего права наказать нарушителя его запретовъ. „Офицеръ“—говоритъ г. Рейнгардтъ (стр. 76—77)—„убившій человѣка, который напалъ на него съ цѣлью нанести оскорбленіе дѣйствіемъ, долженъ быть признанъ въ положеніи необходимой обороны, между тѣмъ какъ лица другаго класса, при подобныхъ же обстоятельствахъ, въ положеніи означенной обороны могутъ быть не признаны“.

Могутъ быть не признаны, но могутъ быть и признаны. Отвѣта же на то, когда они могутъ быть признаны въ положеніи необходимой обороны, и когда не могутъ,—въ работѣ г. Рейнгардта не найти. Допустимо ли приложеніе принциповъ института необходимой обороны къ дѣйствію человѣка, убившаго малаго ребенка или сумасшедшаго, при защитѣ, напр., собственности, которую онъ инымъ способомъ не могъ бы оградить. Если мы признаемъ за лицомъ, подвергшимся такому нападенію, право необходимой обороны, логически мы будемъ приведены къ необходимости признать за нимъ право соразмѣрять силу защиты съ силой нападенія и для спасенія своего имущества пожертвовать жизнью нападающаго на это имущество ребенка или безумнаго. Если же, отрицая противозаконный характеръ нападенія лицъ невмѣняемыхъ (законъ обращается съ своими требованіями и запретами къ лицамъ вмѣняемымъ, которыя поэтому только и могутъ поступать противъ закона) и отождествля ихъ нападеніе съ явленіями природы, мы скажемъ, что обороняющійся былъ въ состояніи крайней необходимости, [то ненаказуемымъ онъ будетъ лишь въ томъ случаѣ, если имѣлось требуемое закономъ соотношеніе между тѣмъ благомъ, которое защищалось, и тѣмъ, которое для защиты было у невмѣняемаго нарушено. Вопросъ этотъ, очень контраверзный въ литературѣ интересую-

щаго насъ вопроса, не остановилъ на себѣ вниманія г. Рейнгардта. Тщетно было бы искать у него разрѣшенія и другаго, также контраверзнаго, имѣющаго притомъ громадное практическое значеніе вопроса,—при какихъ условіяхъ допускается необходимая оборона противъ органовъ власти?

Между тѣмъ было бы въ высшей степени интересно, какъ разрѣшилъ бы этотъ вопросъ позитивистъ, ставящій наличность права необходимой обороны въ зависимость отъ соціального положенія лица, подвергающагося нападенію, и утверждающій, что не можетъ ссылаться на право необходимой обороны разбойникъ или конокрадъ, „преданный суду за убійство, совершенное имъ при защитѣ отъ нападенія жителей, которые рѣшились схватить его, чтобы доставить власти или *даже убить его* (курсивъ нашъ); что право обороны принадлежитъ гражданину, т. е. личности, исполняющей соціальное назначеніе, а не преступнику, воплощающему въ себѣ постоянное нападеніе“. Мы не требуемъ отъ г. Рейнгардта спеціальнаго изслѣдованія этого вопроса, но думаемъ, что онъ долженъ былъ бы дать тѣ основные принципы, съ точки зрѣнія которыхъ разрѣшается юридическій вопросъ,—когда государство отказывается отъ своего права наказывать лицъ, нарушающихъ блага его органовъ, въ виду существованія имъ же самимъ предоставленнаго права необходимой обороны?

Работы итальянскихъ позитивистовъ, учителей г. Рейнгардта, потому и лишены юридическаго характера, что игнорируютъ эти стороны вопросовъ.

Г. Евангуловъ.

Волостной судъ, преобразованный по закону 2 іюня 1898 г. Практическое руководство. Составилъ Предсѣдательствующій въ Тобольскомъ уѣздномъ съѣздѣ крестьянскихъ начальниковъ Н. Н о в о м б е р г с к і й.—Тобольскъ. 1899 г.

Книга г. Новомбергскаго, если не ошибаемся, является первымъ частнымъ изданіемъ законоположеній о Сибирскихъ волостныхъ судахъ, преобразованныхъ по закону 2 іюня 1898 г., и заключаетъ извлеченія изъ общаго положенія о крестьянахъ, временныхъ правилъ о волостномъ судѣ, временнаго положенія о крестьянскихъ начальникахъ, сенатскихъ рѣшеній и циркуляровъ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ. Какъ извѣстно, вмѣстѣ съ введеніемъ въ Тобольской, Томской, Енисейской и Иркутской губер-

ніяхъ положенія о крестьянскихъ начальникахъ въ этихъ губерніяхъ преобразованы и волостные суды, и имъ дано устройство, сходное съ волостными судами губерній, гдѣ введены земскіе начальники,—при этомъ однако изъ 42 статей временныхъ правилъ 12 іюля 1889 г. въ названномъ районѣ имѣютъ дѣйствіе лишь 12 статей, въ остальномъ же Сибирскіе волостные суды должны руководствоваться статьями общаго положенія о крестьянахъ и закономъ 2 іюня 1898 г. При такихъ условіяхъ соединеніе въ одной книгѣ различныхъ узаконеній, которыми должны руководствоваться волостные суды, изложеніе этихъ законовъ въ системѣ и дополненіе ихъ авторитетными разъясненіями, взятыми изъ циркуляровъ Министра Внутреннихъ Дѣлъ и рѣшеній Сената,—т. е. тотъ трудъ, который исполненъ г. Новомбергскимъ, является трудомъ, могущимъ принести существенную пользу всѣмъ лицамъ, которымъ приходится въ ихъ дѣятельности сталкиваться съ крестьянскими судебными учрежденіями Сибири. Но въ то же время нельзя не обратить вниманія на то, что такая книга предназначается прежде всего къ руководству волостныхъ судей, т. е. лицъ, зачастую почти незнакомыхъ съ писаннымъ закономъ, малограмотныхъ и неумѣющихъ съ достаточной осторожностью относиться къ частнымъ изданіямъ законовъ, и поэтому такого рода книги, кромѣ ясности и простоты изложенія, требуютъ и особой осмотрительности въ выборѣ и размѣщеніи матеріала. Въ виду этого, да не посѣтуетъ на насъ уважаемый авторъ, если мы, отдавая должную дань его труду, какъ составителя цитированной выше книги, вмѣстѣ съ тѣмъ, позволимъ себѣ указать на нѣкоторые недостатки его произведенія, которые конечно легко могутъ быть исправлены при новомъ изданіи.

Прежде всего мы считаемъ необходимымъ отмѣтить, что волостные суды, образованные по закону 12 іюля 1889 г., обладаютъ значительно большей компетенціей и обставлены иначе, чѣмъ Сибирскіе крестьянскіе суды, и потому едва-ли правильно распространять на послѣдніе циркуляры Министерства Внутреннихъ Дѣлъ, изданные для первыхъ и касающіеся вопросовъ о подсудности; между тѣмъ г. Новомбергскій приводитъ, въ видѣ примѣчаній подъ статьями закона, циркуляры этого рода и такимъ образомъ расширяетъ подсудность Сибирскихъ судовъ, указывая, напримѣръ, на право волостныхъ судовъ разрѣшать дѣла о правѣ участія частнаго (§ 11, стр. 21), дѣла, въ которыхъ сторонами являются сельскія общества (прим. 8, стр. 19) и т. п.

Въ книгѣ г. Новомбергскаго есть нѣсколько положеній, послѣ которыхъ не указано, откуда они взяты, и которые вслѣдствіе этого надлежитъ считать собственными мнѣніями составителя. Помѣщеніе подобныхъ мнѣній, въ видѣ занумерованныхъ примѣчаній къ статьямъ закона, на ряду съ выдержками изъ циркуляровъ и сенатскихъ рѣшеній, едва-ли умѣстно; конечно ихъ слѣдовало бы выдѣлить и отгѣнить ихъ частный характеръ—тѣмъ болѣе, что нѣкоторыя изъ нихъ представляются кромѣ того и спорными. Такъ, напр., въ примѣчаніи 10 къ ст. 23 (стр. 37) г. Новомбергскій требуетъ, чтобы представители сторонъ, не явившихся по уважительнымъ причинамъ на судъ лично, имѣли *мірскіе приговоры* или же *удостовереніе старосты* о томъ, что стороны дѣйствительно замѣняютъ себя выступающими на судъ лицами. Между тѣмъ мірскіе приговоры можно требовать только отъ представителей цѣлыхъ обществъ, а удостовѣреніе старосты, очевидно, не единственное доказательство уполномочія.

Наконецъ, въ книгѣ г. Новомбергскаго встрѣчаются и такія положенія, которыя, будучи заимствованы изъ циркуляровъ и узаконеній, относящихся къ другимъ учрежденіямъ, къ Сибирскимъ волостнымъ судамъ никакого примѣненія имѣть не могутъ.

Въ § 8 частнаго перечня гражданскихъ дѣлъ, подсудныхъ волостнымъ судамъ, сказано, что этимъ судамъ подсудны споры о правѣ на владѣніе, касающіеся недвижимости, цѣнность коей не превышаетъ 100 р., если въ подтвержденіе правъ сторонъ не представлено крѣпостнаго или явочнаго акта,—и, какъ основаніе такого положенія, въ скобкахъ сдѣлана ссылка на циркуляръ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ, № 21, 1893 г. Циркуляръ этотъ послѣдовалъ въ разъясненіе 15 ст. врем. правилъ о волостномъ судѣ и основанъ на точномъ смыслѣ этихъ правилъ; статья же 96 общ. пол. о кр., опредѣляющая подсудность Сибирскихъ волостныхъ судовъ, по своему содержанію, вовсе не соотвѣтствуетъ 15 ст. врем. прав. и прямо указываетъ на подсудность волостному суду всѣхъ споровъ и тяжбъ между крестьянами о недвижимомъ имуществѣ цѣною до 100 р., но лишь въ предѣлахъ крестьянскаго надѣла, и очевидно исключаетъ изъ подсудности этому суду не только дѣла о правѣ собственности, но и о правѣ на владѣніе недвижимостью, не входящей въ черту крестьянскаго надѣла.

Въ примѣчаніи 7 къ ст. 23 врем. пр. (распространенной и на сибирскіе волостные суды) говорится: „*волостной старшина, согласно 82 и 86 ст. общ. пол., въ правѣ подвергать наказанію*

подѣлдомственнаго ему лицъ за неявку къ разбору дѣла волостнымъ судомъ (рѣш. Прав. Сената 1878 г., № 2381, и разъясн. Министерства Внутреннихъ Дѣлъ), *за исключеніемъ неявки отвѣтчика по гражданскому дѣлу* (рѣш. Прав. Сената 1877 г., № 749). Выдержка эта, по своему изложенію, несомнѣнно вызоветъ недоумѣнія, такъ какъ, по ея буквальному смыслу, волостной старшина въ правѣ налагать штрафъ и подвергать аресту и обвиняемаго, и частнаго обвинителя, и даже истца въ случаѣ ихъ неявки въ судъ; тогда какъ и самое это право волостнаго старшины въ отношеніи лицъ, вызываемыхъ на судъ, весьма спорно и во всякомъ случаѣ можетъ имѣть примѣненіе только къ свидѣтелямъ.

Въ примѣчаніи 11 къ ст. 30 выписано рѣшеніе Сената 1882 г. № 126, по которому *непредставленіе копіи съ постановленія, при обжалованіи онаго, можетъ служить основаніемъ къ оставленію жалобы безъ разсмотрѣнія впредь до представленія той копіи, но не къ признанію жалобы поданною съ пропускомъ установленнаго по закону срока*. Не говоря уже о томъ, что самая выписка представляется неясной, нельзя не указать, что въ отношеніи порядка обжалованія на волостные суды Сибири распространено правило ст. 30 закона 12 іюля 1889 г., требующее представленія при жалобѣ лишь копія съ оной, но вовсе не съ рѣшенія.

Пунетъ 6 разд. IV врем. прав. о крест. начальникахъ, соотвѣтствующій статьѣ 31 врем. прав. о волостномъ судѣ, раздѣляетъ жалобы на рѣшенія волостныхъ судовъ по гражданскимъ дѣламъ на двѣ категоріи: по искамъ о взысканіи денегъ, предъявленнымъ *въ суммѣ, не превышающей десяти руб.*, а равно по спорамъ и тяжбамъ объ имуществѣ цѣною не выше указанной суммы,—и по искамъ о большихъ цѣнностяхъ. Между тѣмъ г. Новомбергскій въ примѣчаніи 2 къ этой статьѣ (стр. 57) говоритъ, что „... крестьянскій начальникъ препровождаетъ въ сѣздъ жалобы..., если рѣшеніемъ волостнаго суда присуждено по иску болѣе 10 р...“ и такимъ образомъ дѣлать иски не по цѣнѣ заявленнаго требованія, а по суммѣ присужденія и тѣмъ несомнѣнно можетъ ввести въ заблужденіе лицъ, пользующихся его книгой.

Согласно 32 ст. (врем. прав.) уѣздный сѣздъ, по разсмотрѣніи поступившихъ отъ крестьянскаго начальника рѣшенныхъ волостнымъ судомъ дѣлъ, отмѣняетъ рѣшенія, постановленныя съ нарушеніемъ подсудности, а по остальнымъ или оставляетъ въ силѣ рѣшеніе волостнаго суда, или постановляетъ новое рѣшеніе по существу, или же передаетъ дѣло въ другой волостной

судъ для новаго рассмотрѣнія и рѣшенія. Изъ текста этой статьи очевидно, что законъ предоставляетъ усмотрѣнію сѣзда поступить такъ или иначе и не дѣлаетъ въ этомъ отношеніи никакого различія между цѣнностью исковъ или значеніемъ рассмотрѣнныхъ проступковъ; но г. Новомбергскій въ примѣчаніяхъ 3, 4 и 5 къ этой статьѣ находитъ нужнымъ раздѣлить всѣ дѣла, рассматриваемыя уѣзднымъ сѣздомъ, на апелляціонныя и кассационныя и согласно этому дѣленію устанавливаетъ и правило, по которому уѣздный сѣздъ по рассмотрѣніи дѣла въ апелляціонномъ порядкѣ или постановляетъ новое рѣшеніе, или оставляетъ въ силѣ рѣшеніе волостнаго суда, а по дѣламъ кассационнымъ или просто отмѣняетъ рѣшеніе, или отмѣняетъ и передаетъ въ другой судъ. Очевидно, что и самое раздѣленіе дѣлъ, и вытекающія отсюда, по мнѣнію г. Новомбергскаго, послѣдствія—произвольны. Нельзя, кстати, не замѣтить, что къ числу апелляціонныхъ дѣлъ отнесены, между прочимъ, дѣла, по коимъ виновный приговоренъ къ денежному взысканію свыше 10 р., хотя по ст. 102 общ. пол. денежное взысканіе можетъ быть назначено въ размѣрѣ не свыше 3 рублей.

Ч.

Уставъ о пошлинахъ (Свод. зак. т. V) съ разъясненіями Правительствующаго Сената. Изданіе второе, исправленное и дополненное позднѣйшими узаконеніями и разъясненіями. Составилъ С.-Петербургскій нотаріусъ А н и с и м о в ъ. СПб. 1900 г.

Изданный г. Анисимовымъ уставъ о пошлинахъ, какъ и другія изданія того же автора, отличается тщательностью обработки помѣщеннаго матерьяла и умѣлымъ его распредѣленіемъ. Въ книгѣ этой помѣщены: уставы о пошлинахъ съ имуществъ, переходящихъ безмездными способами, о пошлинахъ крѣпостныхъ и актовыхъ, о пошлинахъ разныхъ наименованій, какъ то: о вычетахъ въ казну изъ окладовъ, о сборѣ при увеличеніи содержанія и т. д., о пошлинахъ съ привилегій, страхованій и др. Независимо отъ этого къ книгѣ приложены: правила о порядкѣ исчисленія пошлинъ съ наслѣдственныхъ имуществъ, табели оцѣнки земель и окладовъ жалованья и цѣлый рядъ выписокъ изъ конвенцій, торговыхъ договоровъ и трактатовъ съ иностранными государствами, опредѣляющихъ порядокъ взысканія пошлинъ съ на-

слѣдства. Къ книгѣ приложены указатели: сравнительный поста-
тейный, хронологическій и предметный, изъ которыхъ послѣдній
въ значительной мѣрѣ облегчаетъ пользованіе книгой; помѣщен-
ныя же въ соотвѣтствующихъ мѣстахъ выдержки изъ рѣшеній
Правительствующаго Сената разясняютъ многія возникающія при
толкованіи соотвѣтствующихъ статей закона затрудненія.

С.

Въ теченіе послѣднихъ мѣсяцевъ въ редакцію поступили слѣдующія книги
и брошюры:

А н н с и м о в ъ, А.—Уставъ о пошлинахъ съ разясненіями Прави-
тельствующаго Сената. Изд. 2-е, испр. и доп. позднѣйшими узаконеніями
и разясненіями.—Спб. 1900. (Стр. II+208). Ц. 1 р. 50 к.

Б а р а н ц е в и ч ъ, Е. М.—Судебно-врачебная экспертиза въ Россіи.
Судебно-врачебный и бытовой очеркъ. (Законъ и практика). Изд. М. Г.
Ліанозова. М. 98. (Стр. 73+6 ненум.). Ц. 50 к.

Б а р д з к і й, А. Э.—Законы о несостоятельности торговой и неторговой
и о личномъ задержаніи несправныхъ должниковъ.—Съ разясненіями
Гражданскаго и Уголовнаго Кассационныхъ Деп—товъ и Общаго Собранія
Деп—товъ Правительствующаго Сената за 30 лѣтъ (съ 1886 по 1898 г.
включительно).—Изд. неофициальное. Екатеринбургъ, 99. (Стр. 2 ненум.+
354+XIX). Ц. 3 р., съ перес. 3 р. 50 к.

В о л к о в ъ, А. Ф. и Ф и л и п о в ъ, Ю. Д.—Законодательный Бюллетень
за 1898 годъ. Первое полугодіе.—Спб. 99. (Стр. 376). Ц. 1 р. 50 к. съ дост.
или перес.

К а р ѣ в ъ, Н.—Исторія Западной Европы въ новое время. Т. III.
Исторія XIX вѣка. Ч. II. Просвѣщенный абсолютизмъ и французская рево-
люція. Вып. VI. Изданіе 2-е. Спб. 99. (Стр. 271+642). Ц. 2 р.

К о м а р с к і й, Ф. С.—Семейный университетъ. Собраніе популярныхъ
лекцій для самообразования. Курсъ первый. Вып. III.—Спб. 99. (Стр. 97—
192+17—32+65—80+1—64+1—16+1—32+97—192+33—64+49—80+49—
128). Ц. по подпискѣ на I курсъ безъ дост.—10 р., съ дост. и перес.—12 р.

Л е в е н с т и м ъ, А.—Профессіональное нищенство, его причины и
формы. Бытовые очерки. Спб. 1900. (Стр. III+160). Ц. 1 р.

М и х а й л о в с к і й, I. В.—Къ вопросу объ уголовномъ судѣ. По поводу
предстоящей судебной реформы.—Нѣжинъ. 99. (Стр. 92).

Н е в з о р о в ъ, А. С.—Русскія биржи. Вып. III. Сводная инструкція
о порядкѣ опредѣленія и увольненія, о правахъ и обязанностяхъ бирже-
выхъ маклеровъ, гофъ-маклеровъ, нотариусовъ, корабельныхъ маклеровъ,
аукціонистовъ, диснашеровъ и экспертовъ, а также нѣкоторыя давныя о
бракованіи и артеляхъ.—Юрьевъ. 99. (Стр. 409). Ц. 2 р.

О с а д ч і й, Т. И.—Земля и земледѣльцы въ Юго-Западномъ краѣ (на
Украинѣ, Подоли и Волынѣ).—Опытъ статистико-экономическаго изслѣ-
дованія. Съ прилож. монографическаго очерка А. А. Савостьянова по двумъ
поселеніямъ Подольской губерніи.—Кіевъ. 99. (Стр. 126). Ц. 60 к.

СВОДНОЕ ОГЛАВЛЕНИЕ

„ЖУРНАЛА МИНИСТЕРСТВА ЮСТИЦИИ“

за 1899 годъ.

Цифры въ скобкахъ означаютъ: римская—номеръ „Журнала“, арабская—страницу.

А. Отдѣлъ официальный.

Высочайшій Манифестъ 14 іюня 1899 г. (VI. 1).

Высочайшій Манифестъ 28 іюня 1899 г. (VII. 1).

Именной Высочайшій Указъ 7 іюля 1899 г. (VII. 2).

Высочайшій рескриптъ, данный на имя Министра Юстиціи, статсъ секретаря, тайнаго совѣтника Муравьева (VII. 3).

Извлеченія изъ Высочайшихъ приказовъ по гражданскому вѣдомству (во всѣхъ книгахъ).

Приказы по вѣдомству Министерства Юстиціи (во всѣхъ книгахъ).

Циркулярныя распоряженія Министра Юстиціи (III. 23, V. 57, VI. 44, VIII. 53, IX. 39).

Два циркуляра Министерства Юстиціи по управленію Межевою Частью, о возобновленіи межъ и межевыхъ знаковъ, и правила о производствѣ дѣлъ по возобновленію межевыхъ знаковъ (II. 37).

Два циркуляра Министерства Юстиціи по Управленію Межевою Частью (V. 58).

Временная инструкція межевымъ комиссіямъ по размежеванію башкирскихъ дачъ (IV. 43).

Объ увеличеніи объемовъ содержанія членамъ оброчныхъ судовъ (I. 57).

Отчетъ эмеритальной кассы вѣдомства Министерства Юстиціи за 1897 годъ (II. 58).

О судебной реформѣ въ Туркестанскомъ краѣ и Степныхъ областяхъ (II. 63).

Открытие новыхъ судебныхъ установленій въ Туркестанскомъ краѣ и Степныхъ областяхъ (V. 73).

Жур. Мин. Юст. Декабрь 1899.

Высочайше учрежденная Коммисія для пересмотра законоположеній по судебной части. Журналъ № 8 засѣданія 5 іюня 1899 г. (VI. 49).

Четвертое Главное Общее Собраніе членовъ Благотворительнаго Общества судебного вѣдомства (VI. 67).

Всеподданнѣйшій докладъ Министра Юстиціи о ходѣ работъ по улучшенію судебной части за 1894—1899 годы (VII. 116).

Подъ рубрикою „Законодательство“ печатался (во всѣхъ книгахъ) обзоръ Собранія узаконеній и распоряженій правительства и Сборника постановленій Великаго Княжества Финляндскаго.

Б. Статьи и замѣтки по различнымъ отдѣламъ юриспруденціи.

Статьи и замѣтки по общимъ вопросамъ права, по исторіи права и учреждений, а также статьи и замѣтки біографическаго характера.

І. Статьи.

„Вѣстникъ Права и юриспруденціи XIX вѣка“. В. М. Нечаева (III. 309).

Два проекта преобразованія Сената второй половины царствованія Императрицы Екатерины II (1788 и 1794 годовъ). Н. М. Коркунова (V. 139).

Происхожденіе обычнаго права. Л. И. Петрова (VI. 36).

Источники древне-русскихъ законодательныхъ памятниковъ. П. И. Бѣляева (IX. 135 и X. 79).

ІІ. Замѣтки.

И. Ѳ. Роголя-Левицкій (некрологъ) (IV. 244).

Статьи и замѣтки по вопросамъ судоустройства.

І. Статьи.

Уголовный судъ, какъ особая вѣтвь юстиціи. Г. В. Демченко (I. 105).

Волостной судъ съ точки зрѣнія современнаго законодательства. Д. В. Левандовскаго (I. 138).

О нѣкоторыхъ ненормальностяхъ въ устройствѣ народнаго суда въ Туркестанскомъ и Степномъ генераль-губернаторствахъ Н. С. Черданцева (II. 105).

Итоги суда присяжныхъ Елецкаго округа за 15 лѣтъ (1878—1892 гг.) (продолженіе и окончаніе) ¹⁾ П. Н. Костылева (II. 244 и III. 241).

Организація мусульманской юстиціи въ Алжирѣ. В. Ф. Мухина (III. 144 и IV. 117).

¹⁾ См. Жур. Мин. Юст. 1898 г., IX. 252.

Учреждение нотариата и его организация. Л. В. Мандельштама (IV. 1).

Гражданский судъ въ Англии и его особенности. А. А. Леонтьева (IX. 43).

Коронный судъ на Кавказъ и судъ присяжныхъ. П. А. Ифлянда (X. 1).

II. За мѣтки.

Судебное устройство во Франціи Е. Т. (V. 310).

Статьи и замѣтки по гражданскому праву и судопроизводству.

I. Статьи.

Проектъ вотчиннаго устава и землевладѣніе. Н. Г. Принтца (I. 1).
Наше охранительное судопроизводство (продолженіе и окончаніе)¹⁾.
В. Л. Исаченко (I. 83 и II. 26).

Отвѣтственность желѣзной дороги за просрочку въ доставкѣ груза (110 ст. Уст. Росс. жел. дор.). К. П. Змирлова (II. 56).

Объ исполненіи судебныхъ рѣшеній. А. И. Маттея (III. 1).

Расторженіе брака вслѣдствіе помѣшательства. П. Я. Розенбаха (III. 53).

Объ отвѣтственности предпринимателей за несчастія съ рабочими. А. В. Скопинскаго (IV. 100).

Дареніе и завѣщаніе (страница изъ исторіи кодификаціи). М. М. Винавера (V. 25).

Новый законопроектъ объ улучшеніи участи незаконнорожденныхъ дѣтей. А. Л. Боровиковскаго (VIII. 1).

О юридической природѣ бумагъ на предъявителя. А. Н. Гейне (X. 34).

II. За мѣтки.

По поводу законопроекта объ авторскихъ правахъ на музыкальныя произведенія. Всев. Чешихина (I. 199).

Объ основаніяхъ отвѣтственности собственника за вредъ, причиняемый его сооруженіями. А. Г. (II. 150).

Исполненіе служебныхъ обязанностей какъ причина неяви свидѣтелей къ слѣдствію и въ судъ. С. Мальцева (II. 162).

Реорганизация заочнаго производства на мировомъ судѣ. Л. Сабина (II. 167).

Нѣсколько словъ о порядкѣ утвержденія къ исполненію духовныхъ завѣщаній и о предѣлахъ обжалованія состоявшихся по сему предмету опредѣленій. А. Г. Гасмана (II. 215).

Къ „мужичьимъ“ дѣламъ. С. Громачевскаго (III. 189).

Гминные сѣды и постановленія Уст. гражд. суд. о семейныхъ совѣтахъ, объ опечатаніи остающагося послѣ умершаго имущества и о составленіи инвентарной описи. А. Дорошевскаго (III. 201).

Реформа судебно-межеваго процесса. А. Леонтьева (IV. 190).

¹⁾ См. Жур. Мин. Юст. 1898 г., VII. 114.

Какой именно актъ слѣдуетъ считать крѣпостнымъ по закону 26 октября 1884 года, изданному для Батумскаго округа и Карсской области? А. Пипинова (V. 187).

Къ вопросу о примѣненіи ст. 528 Уст. гражд. суд. Н. Архангельскаго (V. 194).

Въ дополненіе къ проекту статей объ авторскомъ правѣ на литературныя, музыкальныя и художественныя произведенія (V. 357).

Еще къ вопросу объ условіяхъ для возникновенія права на вознаграженіе по 683 ст. 1 ч. X т. К. Змирлова (VI. 143).

По вопросу о подсудности дѣлъ о сервитутахъ, принадлежащихъ православнымъ приходскимъ церквамъ въ губерніяхъ Царства Польскаго. А. Сар. (VII. 98).

Какія условія должны соблюдаться обружными судами при выдачѣ свидѣтельствъ на право бѣдности 880—887 ст. Уст. гражд. суд.? И. Никольскаго (VII. 101).

Къ вопросу о судебной публикаціи. С. Громачевскаго (IX. 244).

О производствѣ дѣлъ о несостоятельности. А. Остроградскаго (X. 149).

О преподаваніи гражданскаго права въ университетахъ. К. Г. Высоцкаго (X. 154).

Къ вопросу о реформѣ судебно-межеваго процесса. М. Дурасова (X. 159).

Статьи и замѣтки по уголовному праву и судопроизводству.

I. Статьи.

Движеніе преступности въ Западной Европѣ. Е. Н. Тарновскаго (I. 47).

Покушеніе на убійство съ негодными средствами. С. Н. Трегубова (II. 1).

Проектъ Норвежскаго уголовного уложенія. С. К. Гогеля (II. 79).

Постановка въ процессѣ лицъ, потерпѣвшихъ отъ преступленій, и оцѣнка ихъ показаній. Э. П. (III. 70).

Движеніе преступности въ Европейской Россіи за 1874—94 гг. Е. Н. Тарновскаго (III. 115).

Объ отвѣтственности предпринимателей за несчастія съ рабочими. А. В. Скопинскаго (IV. 100).

Юриспруденція и судебная психопатологія. П. И. Ковалевскаго (V. 1).

О необходимой оборонѣ и ея отношеніи къ такъ называемому „правомѣрному самоуправству“. Г. С. Фельдштейна (V. 57).

О размѣрахъ допустимости аналогіи при примѣненіи уголовного закона. Э. П. Дубровина (V. 107 и VI. 1).

Шантажъ. С. Соловьева (VI. 67).

Пьянство и преступность въ Швеціи. А. Г. Яковлева (VI. 109).

Преступность малолѣтнихъ въ Западной Европѣ. Е. Н. Тарновскаго (VII. 1).

Частное обвиненіе у насъ и на Западѣ. К. А. Шишко (VII. 43).

Предъявленіе слѣдственнаго производства обвиняемому. Я. К. Городыскаго (VII. 69).

Границы укрывательства, продажи завѣдомо-краденаго и покупки по дѣйствующему уложенію (14 и 1701 ст. Улож. и 180 ст. Уст. наказ.). М. И. Любимова (VII. 83).

Клятва по современнымъ ученіямъ. Я. А. Канторовича (VIII. 36).

Замѣтки изъ судебной практики (1. Примѣненіе 1164 ст. Уст. угол. суд. 2. Подсудность дѣлъ объ оскорбленіяхъ помощниковъ волостныхъ старшинъ въ Прибалтійскихъ губерніяхъ. 3. 62 ст. Уст. наказ., налаг. мир. суд.). И. С. Денисьева (VIII. 103).

Преступность малолѣтнихъ и несовершеннолѣтнихъ въ Россіи. Е. Н. Тарновскаго (IX. 1).

О замѣнѣ ссылки въ Сибирь другимъ наказаніемъ. С. К. Гогеля (IX. 85).

Мѣры пресѣченія способовъ уклоняться отъ слѣдствія и суда. І. Е. Павловскаго (X. 18).

Эльмирская реформаторія. М. М. Казарина (X. 61).

II. З а м ѣ т к и.

Исполненіе служебныхъ обязанностей какъ причина неявки свидѣтелей къ слѣдствію и въ судъ. С. Мальцева (II. 162).

Реорганизация заочнаго производства на мировомъ судѣ. Л. Сабина (II. 167).

О производствѣ судебными слѣдователями предварительныхъ слѣдствій о военнослужащихъ. К. Шаврова (II. 182).

Еще одно опредѣленіе преступления. Е. Давыдова (III. 180).

Объ обязанностяхъ частнаго обвинителя въ процессѣ. А. Бутовскаго (III. 197).

Экспертиза на судѣ и желательныя улучшенія въ этой области. А. Левенстима (IV. 205).

Къ вопросу о примирительномъ разбирательствѣ по дѣламъ, производящимся въ порядкѣ частнаго обвиненія. И. Гордона (IV. 211).

По поводу ст. 1266 Устава уголовного судопроизводства. И. Савицаго (IV. 216).

О жесвидѣтельствѣ въ Закавказьѣ. А. фонъ-Резона (IV. 220).

О преступности населенія Самаркандской области. П. Леонаса (IV. 226).

Преданіе суду въ мировыхъ установленіяхъ. А. Бутовскаго (V. 172).

Видоизмѣненія ненаказуемости. Е. Т. (V. 302).

Неявка частнаго обвинителя въ судъ и ея послѣдствія (ст. 593 Уст. угол. суд.). В. Волжина (VI. 137).

По вопросу о подсудности уѣздному члену дѣлъ, предусмотрѣнныхъ 1059 ст. Улож. наказ. К. Золотова (VI. 141).

Порядокъ преслѣдованія за самовольную постройку въ казенныхъ дачахъ и желательное измѣненіе его. Г. Просьяниченко (VI. 158).

Надзоръ за слѣдственными дѣйствіями полицейскихъ чиновъ. М. Лозина-Лозинскаго (VI. 172).

Замѣтка о примѣненіи на практикѣ 87 ст. Уложенія. А. Кривцова (VII. 95).

2 ч. 1483 и 1485 ст. Улож. наказ. В. Банцегова (VII. 104).

Къ вопросу о присвоеніи вѣреннаго (рѣшеніе Уголовнаго Кассационнаго Департамента Правительствующаго Сената, по дѣлу о Сорокинѣ, отъ 30 сентября 1898 г.). Г. Евангулова (VIII. 113).

О положеніи гражданскихъ отвѣтчиковъ въ уголовномъ судѣ. А. Голубцова (IX. 237).

По поводу примѣненія статей 140 и 143 улож. наказ. П. А. Ифлянда (X. 122).

Кассация оправдательныхъ приговоровъ. С. Ф. Мальцева (X. 127).

Статьи и замѣтки по торговому праву и судопроизводству:

I. Статьи.

Препоручительная надпись на вексель. Я. Ф. Браве (I. 93).

Основной предпринимательскій капиталъ съ точки зрѣнія современнаго акціонернаго законодательства. В. Е. Бѣлинскаго (VIII. 63).

II. Замѣтки.

Учредительство согласно проекту новаго положенія объ акціонерныхъ предіриятіяхъ. Вл. Бѣлинскаго (I. 186).

Статьи и замѣтки по государственному, международному и административному праву.

I. Статьи.

Методологическія основы ученія Лоренца фонъ-Штейна объ управленіи... А. В. Горбунова (I. 157).

„Печатный листъ“. А. Л. Боровиковскаго (III. 102).

Крестыанскій дворъ. А. М. Гуляева (IV. 53).

О вѣтпомъ мирѣ. В. М. Гессена (IV. 145).

О неофитахъ. С. В. Безобразова. (X. 53).

II. Замѣтки.

По поводу циркуляровъ Министерства Юстиціи по Межевому Управленію о возобновленіи межъ и межевыхъ законовъ (Жур. Мин. Юст. Февраль 1899 г.) С. Р. (IV. 200).

Объ установленныхъ закономъ ограниченіяхъ въ отношеніи отчужденія принадлежащихъ малороссійскимъ казакамъ потомственныхъ земель. М. Шафıra (IV. 257).

Новыя данныя о нищенствѣ въ Россіи. М. С-на. (V. 199).

По поводу циркуляра Управленія Межевою Частью о надзорѣ за занятіями землемѣровъ. С. Р. (VI. 133).

Межеваніе во Франціи и въ Австріи. Р. Х. (VI. 162).

Объ ограниченіяхъ въ отношеніи отчужденія однодворческихъ земель. М. Шафира (VI. 178).

Паспортныя правила въ Царствѣ Польскомъ. П. Андреева (VIII. 119).

Еще о крестьянскомъ дворѣ (по поводу статьи г. Лозина-Лозинскаго). А. Гуляева (VIII. 132).

Еще о крестьянскомъ дворѣ (отвѣтъ г. Гуляеву). М. Лозина-Лозинскаго (IX. 254).

Нѣсколько словъ объ отчужденіи крестьянскихъ усадебъ въ губерніяхъ Варшавскаго судебного округа. Д. Сташевскаго (X. 141).

Къ вопросу о сохраненіи водныхъ богатствъ. М. М. Рейнке (X. 182).

Кромѣ указанныхъ выше замѣтокъ подъ общемо рубрикою „Хроника“ напечатаны были слѣдующія замѣтки, сообщенія и извѣстія:

Первыя проявленія дѣятельности суда присяжныхъ въ Астраханской губерніи. А. Симонова (I. 185).

Опредѣленіе Правительствующаго Сената по дѣлу о безпорядкахъ на фабрикѣ товарищества мануфактуры Коншина (I. 215).

Опредѣленіе Правительствующаго Сената по дѣлу Степана и Петра Скитскихъ, обвинявшихся въ преступленіи, предусмотрѣнномъ ст. 1451 и 1453 улож. наказ. (I. 227).

Экономическое общество чиновъ С.-Петербургскихъ судебныхъ установленій (I. 229).

Къ исторіи Константиновскаго межеваго института (II. 187).

Опредѣленіе Правительствующаго Сената о примѣненіи закона 2 іюня 1897 г. по дѣламъ о малолѣтнихъ (II. 190).

О дѣятельности суда присяжныхъ въ округѣ Троицкаго окружнаго суда. Н. Волченскаго (III. 210).

Приговоръ по дѣлу ксендза Бялякевича (III. 212).

Дѣло объ исчезновеніи дѣвочки (III. 217).

О дѣятельности Общества Счетоводовъ за 1898 годъ. Г. (IV. 241).

Дѣло Колесниковыхъ (V. 221).

Открытое письмо графу Л. Н. Толстому. Стараго судьи (VIII. 140).

Дѣло по обвиненію Степана и Петра Скитскихъ въ убійствѣ Алексѣя Комарова (IX. 156).

Конкурсъ на премію. Г. Ф. (IX. 252).

Изъ дѣятельности юридическихъ обществъ (I. 232, II. 206, III. 233, IV. 245, V. 255, VIII. 146, IX. 260 и X. 163).

Подъ рубрикою „Изъ иностранной судебной практики“ напечатанъ обзоръ судебной практики (сост. I. В. Гессенъ. II. 226 и VIII. 153).

Подъ рубрикою „Историческіе матеріалы“ напечатаны слѣдующіе матеріалы:

Сообщилъ Г. К. Рѣпинскій.

1. Уніатская митрополія въ Россіи (Ш. 271).
2. Гравировальный классъ въ Сенатѣ (IV. 285).
3. Домъ практическаго правовѣдѣнія (X. 207).

Подъ рубрикою „Опредѣленія Соединеннаго Присутствія 1-го и Кассационныхъ Департаментовъ Правительствующаго Сената“ напечатаны положенія, извлеченныя изъ рѣшеній означеннаго Присутствія по надзору за судебными установленіями за 1898 г. (V. 276).

Подъ рубрикою „Кассационная Практика“ напечатаны положенія, извлеченныя изъ рѣшеній Правительствующаго Сената:

По Общему Собранію Кассационныхъ и съ участіемъ 1 и 2 Департаментовъ за 1898 годъ. Составилъ Н. Ч. Быстровъ (I. 240, Ш. 285 и VI. 209).

По Уголовному Кассационному Департаменту за 1898 и 1899 гг. Составилъ М. П. Шрамченко (II. 274 и VIII. 168).

Подъ рубрикою „Обзоръ иностраннаго законодательства“ напечатаны слѣдующіе законы, указы и законопроекты:

І. Законы и указы:

а) Австро-Венгрія:

Положеніе 5 іюня 1898 г. о промышленномъ и сельско-хозяйственномъ совѣтѣ въ Австріи (I. 265).

б) Германія:

Законъ 20 мая 1898 г. о вознагражденіи невинно-осужденныхъ (I. 261).

в) Данія:

Постановленія датскаго законодательства, касающіяся причиненія насилій, нанесенія ударовъ и пораненій. А. Гооса (VI. 226).

в) *Норвегія:*

Законъ 28 іюня 1897 г. объ оказаніи судебнаго содѣйствія въ гражданскомъ процессѣ (I. 263).

д) *Франція:*

Законъ 19 апрѣля 1898 года о наказуемости насилія, грубаго и жестокаго обращенія и преступныхъ посягательствъ противъ дѣтей. I. Г. (II. 279).

Законъ 9 апрѣля 1898 года о вознагражденіи рабочихъ, потерпѣвшихъ отъ несчастныхъ случаевъ во время работъ. I. Г. (II. 283).

Законъ о водномъ правѣ 8 апрѣля 1898 г. М. С. Маргуліеса (VI. 216).

Законъ 1 апрѣля 1898 г. объ обществахъ взаимопомощи. Г. (VII. 106).

II. Законопроекты:

Германія:

Проектъ закона объ авторскомъ правѣ на литературныя и музыкальныя произведенія (IX. 273).

Письма изъ Англіи (I. 270, III. 298, V. 286, VII. 124 и IX. 285).

Письма изъ Парижа (VIII. 178 и X. 230).

Подъ общею рубрикою „Литературное Обозрѣніе“ напечатаны отзвы о книгахъ и брошюрахъ (во всѣхъ книгахъ).

Подъ рубрикою „Библиографія“ напечатанъ Указатель Юридической Литературы на русскомъ и иностранныхъ языкахъ (въ №№ II. 302, IV. 323, VI. 261, VIII. 204 и X. 268).

Въ №№ IV, V и IX подъ рубрикою „Международный союзъ криминалистовъ. Русская группа“ напечатаны слѣдующіе матеріалы:

Протоколы засѣданій комитета группы 7 и 20 марта 1899 года (IV. 353 и 354).—Протоколъ засѣданія комитета группы 7 мая 1899 года (V. 365).—Протоколъ засѣданія комитета группы 1 октября 1899 года (IX. 313).

Въ видѣ особыхъ **Приложеній** напечатаны:

1) Международный союзъ криминалистовъ. Русская группа. I. Протоколы засѣданій комитета группы 22 ноября 1898 г. и 3 января 1899 г. II. Журналъ перваго съѣзда членовъ группы (въ № II).

- 2) Проектъ статей объ авторскомъ правѣ на литературныя, музыкальныя и художественныя произведенія съ объясненіями (къ № IV).
  - 3) Отчетъ по Благотворительному обществу судебного вѣдомства за 1898 г. (къ № V).
  - 4) Итоги русской уголовной статистики за 20 лѣтъ (1874—1894 гг.) (къ № VII).
  - 5) Отчетъ по Кассационнымъ Департаментамъ Правительствующаго Сената за 1898 годъ (къ № VIII).
-

СПбГу

СП6ГУ

ЖУРНАЛЬ МИНИСТЕРСТВА ЮСТИЦИИ

(ГОДЪ ШЕСТОЙ)

въ 1900 году будетъ выходить ежемѣсячно, за исключеніемъ Іюля и Августа, книгами около 20 листовъ. Подписной годъ начинается съ Января 1900 г.

Подписная плата 8 рублей въ годъ съ доставкою и пересылкою. За границу 10 рублей. Отдѣльныя книги продаются: безъ приложений по 1 рублю, съ приложениями—по 2 руб.

Должностныя лица при подпискѣ черезъ казначеесвъ пользуются разсрочкою до 1 рубля въ мѣсяць съ тѣмъ, чтобы вся уплата была произведена въ теченіе первыхъ 8 мѣсяцевъ каждаго года.

Всѣ прочіе подписчики, при подпискѣ исключительно въ Главной конторѣ, пользуются разсрочкою до 2 рублей въ мѣсяць съ тѣмъ, чтобы вся уплата была произведена въ теченіе первыхъ четырехъ мѣсяцевъ каждаго года.

Кандидаты на должности по судебному вѣдомству, лица, оставленныя при Университетахъ для приготовления къ профессорскому званію, а также студенты Императорскихъ Университетовъ и Демидовскаго Юридическаго Лицея, воспитанники Императорскихъ: Училища Правовѣдѣнія и Александровскаго Лицея и слушатели Военно-Юридической Академіи платятъ,—при подпискѣ въ Главной конторѣ,—по 5 рублей въ годъ.

За перемѣну адреса уплачивается 1 рубль.

главная контора: Книжный складъ М. М. Стасюлевича, СПбургъ, Васильевскій островъ, 5 линія, д. 28.

Отдѣленія конторы въ влиятельныхъ магазинахъ:

Въ СПбургѣ: 1) Н. К. Мартынова, Невскій пр. угол. Б. Садовой № 50—15. 2) И. П. Анисимова, рядомъ съ Публичной Библіотекой; 3) «Новое Время» А. С. Суворина, Невскій 38; 4) Общество французской книжной торговли, бывш. Мелье, преемникъ А. Ф. Цинзерлингъ, Невскій пр. 20; 5) Магазины Юридической Литературы Д. В. Чичинадзе, Невскій пр. 59; 6) Книжный магазинъ «Издатель» Невскій 68/40; 7) Книжный магазинъ Н. П. Карбасникова, Литейный пр. 46.

Въ Москвѣ: Книжный магазинъ Русской Мысли, Б. Никитская.

Въ Киевѣ: 1) Н. Я. Оглоблина, Крещатикъ 33; 2) И. А. Розова, Крещатикъ, домъ Марръ.

Въ Варшавѣ: 1) Н. П. Карбасникова, Новый Свѣтъ, 67; 2) въ „С.-Петербургскомъ Книжномъ складѣ“, Новый Свѣтъ, 24.

Въ Одессѣ: 1) П. А. Розова, Дерибасовская, противъ сада; 2) Е. П. Роснопова, Дерибасовская, домъ Веде.

Въ Харьковѣ: Ф. А. Югансона, Месковская, домъ Коптьева.

Въ Казани: 1) Бр. Башмаковыхъ, Городской Пассажъ; 2) А. А. Дубровина, Гостиный дворъ № 1.

Въ Перми: О. П. Петровской, Сибирская, домъ Евреиновой.

Въ Тифлисѣ: Центральная книжная торговля.

Въ Томскѣ и Иркутскѣ: Сибирскій книжный магазинъ Макушина.

Объявленія для напечатанія въ „Журналѣ“ принимаются въ Главной Конторѣ по разсчету 30 коп. за строчку и 8 руб. за страницу.

Редакція Журнала Министерства Юстиціи находится въ С. Петербургѣ, по Екатерининской ул., въ зданіи Министерства Юстиціи. Рукописи должны быть направляемы въ редакцію.

Редакторъ В. Дерюжинскій.

СТБ 67

СП6ГУ

СПбГУ

00083823

ЮФ СПбГУ

